

А. ИМЕРМАНИС

**ПРИЗРАКИ
ОТЕЛЯ
'ГОЛЛИВУД'**

АНАТОЛЬ ИМЕРМАНИС

**ПРИЗРАКИ
ОТЕЛЯ
„ГОЛЛИВУД“**

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1971**

Оформление художников
И. КОЛЛИ и А. ЧУРАКОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

ПРИВИДЕНИЕ МИНЕРВЫ ЗИНГЕР

Двадцатого марта к дому номер сорок два по улице Независимости подъехал потрепанный черный «форд». Водитель поставил машину на место только что отъехавшего «мустанга» цвета слоновой кости, но не торопился выходить. Это был старый человек в поношенном черном пальто. Из-под надвинутой на лоб черной фетровой шляпы выглядывало морщинистое лицо и черные очки. Руки были в черных перчатках. «Мустанг», оглашая улицу звуками электронной музыки, исчез в снежной пелене, а человек все еще сидел и настороженно всматривался во вспышки автомобильных фар. Прошло минут пять. Ни одна машина не остановилась. Кажется, все в порядке.

Человек заставил себя выйти. Весь черный, слившийся с черной машиной, он стоял неподвижно. На сгорбленных плечах оседали мокрые хлопья, а он все стоял и пытался увидеть небо. Неба не было — был свет уличных фонарей, и освещенные фасады небоскребов, и где-то над невидимыми крышами — кроваво-красные и ядовито-зеленые зарницы, а еще выше — запорошенная снегом темнота, сквозь которую пробивалось тусклое сияние — отблеск залитого электричеством большого города.

Идиотская привычка глядеть в небо. Но с тех пор, как его старший сын стал летчиком, он неоднократно ловил себя на том, что постоянно глядит на небо, такое далекое и неприступное, несмотря на сверхзвуковые самолеты и космические ракеты.

Человек в черном пальто мотнул головой, усталым шагом, волоча словно налитые свинцом ноги, направился к автомату стоянки и бросил сразу полдюжины монет. Еще неизвестно, как долго придется дожидаться. Потом, стараясь остаться незамеченным, скользнул в дом.

Пройдя мимо скоростного лифта, останавливающегося на восьмом этаже специально для удобства клиентов мисс Минервы Зингер, он выбрал обычный. Ради предосторожности поднялся до самого верха и только после этого спустился на восьмой этаж.

Дверь открыл представительный мужчина в строгом темно-сером костюме, с внешностью ученого.

— Ваше имя? — спросил он, сопровождая вопрос корректным поклоном, каким уважающий себя дипломат обменивается с министром дружественной державы.

— Панотарос! — пробормотал человек в черном пальто и нервно передернул плечами. У него было намерение назвать первую попавшуюся фамилию, например Смит или Джонс. И вот тебе на! Сказал именно то слово, что могло его выдать.

— Мистер Панотарос, прекрасно! — представительный мужчина занес фамилию в книгу с черным кожаным переплетом. — Прошу пройти в зал. Секретарь мисс Минервы Зингер сообщит вам, сумеет ли она вас принять... Гардероб находится налево, туалетная комната направо...

Зал был слишком просторен для полутора десятка людей, терпеливо ожидавших своей очереди. Он должен был впечатлять и подавлять, как подавляют высокие своды церкви коленопреклоненных верующих. Однако сама Минерва начисто отвергала всякую мистику. Оформление зала доказывало, что она считает свою пророческую деятельность научно обоснованной. На стенах висели не только полученные телепатическим путем изображения диковинных марсианских сооружений и еще более причудливых венерианских кос-

мических кораблей, но и фотографии, демонстрировавшие блестящие успехи современной астрономии.

Стараясь не обращать на себя внимание, человек в черном пальто сел в глубокое кресло. Он оставался в тени. Только вцепившиеся в подлокотники руки в черных перчатках и ноги в черных потрепанных брюках попадали в полосу струившегося со стен света. Освещение зала вопреки полунаучному оформлению должно было давать ощущение потусторонней таинственности. Люди сидели в полумраке. Матовый свет заливал одни только стены. Но и они казались темными по сравнению с пылающей нестерпимым белым сиянием дверью, за которой находилось святилище мисс Минервы Зингер.

Дверь бесшумно отодвинулась и сразу же закрылась. Ступая на бесшумных подошвах, к человеку в черном пальто подошел секретарь. Он был одет в такой же темно-серый костюм, как и привратник. Вид у него был еще более ученый, поклон еще более корректный.

— Мистер Панотарос, вы желаете заглянуть в свое будущее?

Человек в черном пальто глухо вскрикнул. Он успел забыть, что назвался этим именем.

— Не бойтесь! Ничего страшного! — успокоил секретарь, превратно истолковавший вскрик. — Если сомневаетесь, можете прочесть авторитетное свидетельство профессора Гудмена, — секретарь кивком показал на покрытый брошюрами и журналами столик. — Этот феномен имеет чисто научное обоснование... Между прочим, во время сеанса вы увидите некое парящее в воздухе туманообразное существо. — Секретарь говорил абсолютно деловым тоном. — Не пугайтесь! Это просто оптический эффект, помогающий мисс Зингер быстрее погружаться в спиритический транс. Транс иногда вызывает сильнейший обморок, поэтому врач измеряет пульс и кровяное давление... Если он будет вынужден прекратить сеанс, безвозмездно сможете прийти вторично... вот и все, что вы должны знать. Гонорар вам известен? — секретарь назвал сумму, на которую можно было купить весь гардероб старика да его машину в придачу.

— Чеком или наличными? — секретарь деликатным жестом протянул руку. — При оплате наличными скидка в пять процентов.

Старик засунул руку в верхний карман пиджака, потом, словно опомнившись, отдернул ее и вытащил из кармана пальто несколько банкнотов. Платил он наличными не для того, чтобы сэкономить пять процентов. Сумма не играла для него никакой роли. Но подпись под чеком выдавала бы его настоящее имя, а между тем о его визите никто, даже персонал ясновидящей, не должен был знать.

— Все в порядке! — секретарь пересчитал деньги. — Ждите, пока вас вызовут.

Посетители один за другим скрывались за ослепительно сияющей дверью. В зал никто не возвращался. Видимо, для выхода служила другая дверь. В помещении, казавшемся теперь еще более огромным и пустынным, оставались только старик и молоденькая девушка, нервно ерзавшая в своем кресле. Время от времени она украдкой вынимала из сумочки плоскую фляжку и отпивала несколько глотков. Наконец настала и ее очередь.

Старик остался один. Теперь он чувствовал себя более уверенно. Даже осмелился снять черные очки. Дрожащими пальцами он принялся перелистывать лежащие на столе журналы. Цветовая симфония известных миллионам кинозрителей ног, грудей, лиц. Но старик не видел ни ослепительных улыбок, ни соблазнительных бедер, ни манящего прищура глаз. Он видел черные траурные рамки и зияющую пустоту между ними. Это было как наваждение... Вдруг пелена словно спала с глаз. Фотография приобрела краски и очертания. Это был снимок, изображавший кинозвезду Эвелин Роджер на фоне скалистого острова. Она выходила из моря, с берега ей протягивал руку мускулистый молодой человек с черными усами. Так фотография выглядела в журнале. Но старик видел иное. Расплывчатое тело в воде. Расплывчатое тело на берегу. И четкое изображение немолодой, но по-прежнему красивой женщины с большими выразительными глазами.

— Мистер Панотарос! Ваша очередь!

Старик, заслонив лицо журналом, быстро надел черные очки. Скомкав журнал, сунул его в карман и тяжелой поступью, еще более сгорбленный, еще более морщинистый, прошел мимо вспышки сверхновой, мимо марсианской пирамиды, мимо спиральной галакти-

ки к ослепительно сияющей двери, за которой его ждала самая знаменитая ясновидящая космического века.

— Мистер Панотарос! — объявил секретарь и тут же исчез.

Минерва вздрогнула. У нее не было времени просматривать список посетителей. Поэтому фамилия так поразила ее. Вчера телевидение и газеты сообщили о трагедии, разыгравшейся над Панотаросом. Бомбардировщик столкнулся с самолетом-заправщиком, из команды обоих самолетов остались в живых только четверо. И вот является человек, весь в черном, носящий имя места катастрофы!

Однако Минерва быстро спохватилась. Ясновидящей не подобает выказывать удивления.

— Пройдите, пожалуйста! Садитесь! Чувствуйте себя как дома.

Старик сел. И почти полный мрак, и сама Минерва Зингер, затаенная в длинное черное платье, с призрачно белым лицом под тяжелой короной черных волос, и еле видневшаяся где-то в глубине неподвижная человеческая фигура — все это создавало эффект, способный довести слабонервных до любых галлюцинаций. Минерва сделала еле уловимое движение. Потолок вспыхнул. Старик, столько раз глядевший на небо, узнал знакомые созвездия. Они не стояли на месте, а медленно передвигались, как в планетарии.

Минерва села. Это было что-то наподобие зубодробительного кресла. По мере того как она погружалась в спиритический транс, оно откидывалось, пока не принимало горизонтальное положение. Но до транса еще оставалось пять минут. Пять минут для беседы, во время которой посетитель излагал свою просьбу, Минерва давала краткую информацию о Пульсомониде, а врач присоединял к ее обнаженным рукам измерительные приборы.

— Мистер Панотарос, прошу не считать сверхъестественным то, что произойдет. Мне удалось установить связь с единственным, наделенным исключительными способностями обитателем отдаленной планеты в звездной системе 13217. 1—13. Пульсомонида видит все, что происходит на Земле. Суть этого явления мне самой не совсем ясна. Некоторые видные ученые, например профессор Гудмен, считают, что это просто те-

лепатическая способность вселенского масштаба. Должна вас предупредить, что вода и земная кора являются препятствием даже для всевидящего ока Пульсомониды. Как вы, возможно, слышали, именно из-за этого Пульсомонида не может отыскать зарытые в землю или спрятанные на дне моря клады... Итак, в чем заключается ваша просьба?

Старик поднял голову. Репутация Минервы не нуждалась в уловках, к каким обычно прибегают гадалки. Однако многолетний опыт научил ее не пренебрегать ничем. Весьма часто угаданная деталь впечатляла больше, чем само предсказание.

— Мистер Панотарос, вас угнетает тяжелая утрата, — профессия Минервы научила ее почти безошибочно читать в лицах посетителей причины, побудившие обратиться к ней.

— Да, да, — старик горестно закивал головой. На мгновение он забыл, где находится. Вместо Минервы Зингер он видел расплывчатое женское тело в купальном костюме. Вместо врача в белом халате, который выплыл из темноты и приблизился к Минерве, расплывчатое очертание мужчины с черными усиками. А позади их, там, где мрак комнаты освещался только призрачным отражением звездного потолка, стояла немолодая женщина и пятнадцатилетний мальчик. Они казались абсолютно живыми. Старик застонал и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, видение исчезло. Существовала только реальность. Сама Минерва Зингер, врач, ловким движением оплетавший ее руку резиновыми жгутами, и колыхавшееся туманообразное подобие человека, на которое ясновидящая устремила свой неподвижный взгляд. Старик не сразу понял, что это такое. Потом вспомнил объяснение секретаря.

— Мисс Минерва Зингер начинает впадать в транс, — зашептал врач. — Но она еще слышит вас. Излагайте свою просьбу тихим и внятным голосом.

— Просьбу?.. Да, да... Доктор, вы не скажете, который час? Мои, кажется, отстают...

— Ровно восемь... Излагайте свою просьбу... Быстрее... Через несколько минут мисс Минерва Зингер уже не будет слышать вас.

— Значит, мои часы правильны?.. Странно...

Глаза Минервы закрылись. Поддаваясь тяжести тела, кресло медленно опускалось.

— Говорите!.. Говорите!.. Пульсомонида слышит вас! — она еле шевелила губами, словно пробивалась с неимоверным усилием сквозь глухую стену, отделившую ее от людей.

— Излагайте свою просьбу! — прошепел врач.

— Доктор, прошу вас выйти! — резко сказал старик. Казалось, он сам все это время находился в состоянии транса и только сейчас очнулся.

— Ну, раз вы не доверяете мне... — зашептал врач. — Пожалуйста, в виде исключения... Если по истечении тридцати минут мисс Минерва Зингер не придет в себя, позовите меня!

— Не беспокойтесь, она придет в себя. Даже скорее, чем вы думаете! — на лице старика появилось подобие улыбки.

— Говорите, говорите!.. Пульсомонида слышит вас! — донеслось из кресла.

Убедившись, что дверь плотно закрылась, старик рывком повернулся к Минерве:

— Слышит нас? В таком случае спросите у него, почему не пришел ваш муж?

— Мой муж? — Минерва по инерции продолжала говорить тем же замогильным шепотом.

— Да. Мистер Дейли из сыскного агентства «Мун и Дейли». Мы договорились встретиться у вас ровно в восемь.

В ту же минуту дверь распахнулась. В комнату вошли двое мужчин.

— Ну и накурено! — Мун, впервые присутствовавший при сеансе спиритическо-телепатической связи, принял колыхающийся световой туман за дым.

— Вы, как всегда, все опешляете, — Дейли засмеялся. — Разве не видите, что это дух? Минни, уберите эту пакость! — он повернулся к жене.

Мгновенно забыв, что находится в состоянии транса, Минерва проворно вскочила с кресла и повернула рычажок. Однако туманообразное существо не думало исчезать. Напрасно Минерва судорожно дергала рычаг.

— Опять заело! — жалобно заявила она. — Придется вызвать монтера.

— Ладно, пусть остается, — Дейли махнул рукой. — Зажги свет!

Резкий поток электричества наполовину уничтожил привидение, но полупрозрачный, подвешенный к потолку экран, на который поставленный проекционный аппарат направил светящееся изображение, продолжал исполнять ставшие уже ненужными мистические функции.

— Извините! — старик встал. — Я не собирался вторгаться в ваши тайны. Меня принудили к этому обстоятельства. У меня все основания опасаться, что убийцы моей жены и сына следят за мной. Поэтому я назначил встречу с мистером Муном и мистером Дейли не в их конторе, а у вас...

— Что же ты не предупредил меня, Крист? — Минерва с упреком обратилась к мужу.

— Я ведь сказал тебе, что мистер Шривер придет...

— Мистер Шривер? — Минерва удивленно взглянула на бедно одетого старика. — Тот самый Шривер?

— Да, — старик снял черные очки. — Я побоялся назвать свое настоящее имя.

Теперь Минерва узнала его. Это лицо, правда не такое морщинистое, эту фигуру, правда не такую согбенную, она видела не раз на страницах газет. Это был Джошуа Шривер, миллионер, король универсальных магазинов, совладелец многочисленных промышленных предприятий.

— Надеюсь, вы не выдадите моей профессиональной тайны? — с улыбкой спросила Минерва. — Вас кормят ваши магазины и акции, а меня... — Минерва извиняющимся жестом показала на светящийся экран.

— Само собой разумеется, — старик кивнул, — это в наших взаимных интересах.

— Ну теперь, когда твое женское любопытство удовлетворено... — Дейли обратился к жене.

— До свидания, мистер Шривер! — Минерва поняла с полуслова. — Желаю вам удачи!

Стройная фигура Минервы на миг заслонила слабо светящееся привидение, дверь бесшумно скользнула в сторону и так же бесшумно закрылась.

Шривер сел. Теперь он опять казался бесконечно усталым.

— Вы уверены, что за вами не было слежки? — спросил Мун.

— Не знаю... Я принял все меры предосторожности. Это облачение я одолжил у своего слуги, машину я намеренно выбрал самую старую — взял напрокат в гараже, где меня никто не знает.

— Рассказывайте, мистер Шривер! — поторопил Дейли.

— Мне очень трудно говорить об этом... Слишком тяжелый удар... Но я постараюсь взять себя в руки... — Шривер выпрямился, расстегнул черное пальто и судорожно глотнул воздух. — Это началось год тому назад. В некоторых моих универсальных магазинах кто-то стал выбивать стекла в витринах, в других взрывались бомбы со слезоточивым газом, в третьих происходили дерзкие кражи. Потом явился некий мистер Челмз. Он отрекомендовал себя представителем Рода Гаэтано... Вам это имя, должно быть, хорошо знакомо?

Мун кивнул головой. Родриго лет десять тому назад прибыл из Испании по призыву своего старшего брата, Счастливого Гаэтано. После насильственной смерти брата от рук его соперников Родриго быстро расправился с ними и стал полновластным хозяином мощной преступной организации. Члены этого синдиката занимались торговлей наркотиками, содержанием игорных притонов и публичных домов, но основным источником их баснословных доходов было организованное вымогательство — рэкет.

— Я должен был выплачивать Роду ежемесячно десятую часть своих доходов, — продолжал Шривер. — Взамен мне обещали полную неприкосновенность магазинов и защиту против других банд. Я отказался, считая, что лучше израсходовать часть требуемой суммы на охрану, чем уступить. Челмз предупредил, что мне следует ожидать крупных неприятностей. Однако эта угроза осталась без последствий. Мои универмаги охранялись целым штатом детективов. Инциденты прекратились. Я уже думал, что Род Гаэтано махнул на меня рукой, пока не была принята попытка похитить моего младшего сына Ролла. Тогда я решил отправить семью в Панотарос. Это небольшое местечко на берегу Средиземного моря.

В свое время, когда мы с женой путешествовали по Испании, ей там очень понравилось... Чудесная природа, никаких туристов, одни местные жители... Моя жена вообще с причудами, никогда не любила шумного общества... Место пребывания семьи держалось в полном секрете от слуг и даже от родственников. Для предосторожности вся корреспонденция шла через детективное агентство в Париже. Все было хорошо... А сегодня я получил телеграмму... Из Панотароса. От начальника полиции. Он сообщает мне... — Шривер закрыл лицо руками.

Мун и Дейли смущенно отвернулись. Было тяжело глядеть, как Шривер пытается скрыть от них свое горе. Наконец его осунувшееся лицо с мокрыми от слез глазами и багровыми отпечатками пальцев на лбу словно вынырнуло из-под бессильно упавших рук.

— Умерли... Оба... Уна и мальчик. В телеграмме сказано, что они отравились консервами. Но я уверен, что их убили.

— Простите, мистер Шривер, — прервал Мун. — Насколько понимаю, у вас нет никаких прямых доказательств. Это мог быть несчастный случай.

— Разве я вам не сказал? — Шривер удивленно взглянул на него. — Простите, смерть — такое страшное событие, что забываешь о других несчастьях, — Шривер вынул из кармана телеграмму. — Начальник полиции сообщает, что одновременно исчезла моя дочь Гвендолин. Нет никакого сомнения, что это месть Рода Гаэтано. Я надеюсь, что она еще жива. Но они могут и ее прикончить, — Шривер протянул руку к Муну. — Надо спешить! Завтра вы должны вылететь в Панотарос.

— Я?

— Да. Я не слишком доверяю испанской полиции. Если даже наши не в состоянии защитить меня от Рода Гаэтано, то там, на своей родине, он может подкупить кого угодно.

— Вы забыли про заграничный паспорт, — напомнил Мун.

— Уже заказан.

— Все равно это отнимет много времени, — Мун покачал головой.

— Вы его получите завтра.

Мун удивленно взглянул на Шривера. Миллионер впервые улыбнулся.

— Никаких чудес! Просто мой личный друг, помощник государственного секретаря, имеет возможность — в исключительных случаях — ускорить процедуру. Я сказал ему, что вы мой коммерческий представитель. Начальник сбыта на днях действительно должен был выехать для переговоров с испанцами... Остается только решить вопрос о гонораре... Назначайте сами! Это будет самое разумное.

— Ваше предложение очень заманчиво, однако...

— Соглашайтесь! — Дейли подмигнул. — Я уже давно мечтал попасть в Испанию. Говорят, там самые темпераментные женщины в мире.

— Ваше счастье, что Минерва не слышит, — Мун пригрозил ему пальцем. — Хорошо, принимаю предложение. Хотя бы для того, чтобы дать вам возможность убедиться, что ваша жена ничем не хуже испанок. Если бы она не тратила столько темперамента на внебрачные связи с мистером Пульсомонида.

— Значит, вы едете оба? Это осложняет дело. Вторично обращаться к моему другу из госдепартамента, к сожалению, бесполезно.

Жесткий тон показывал, что даже в час беды Шривер остается человеком, чья случайно оброненная фраза стала знаменитой: «Эмоции я могу позволить себе тогда, когда мои дела идут хорошо».

На секунду он опять ушел в себя, но так же мгновенно взял в руки. Когда он раскрыл портсигар, пальцы если и дрожали, то почти незаметно. Дейли с почтением уставился на обыкновенные с виду сигареты, если не считать золотые инициалы на мундштуке «Дж. Ш.». Газетчики не раз восхищались этой невидимой короной мультимиллионерской власти — Шривер был одним из немногих людей на свете, куривших изготовленную по их личному заказу и только для них марку.

— Пожалуйста! — Шривер терпеливо ждал, пока угостятся другие.

— Спасибо, курю только сигары, — Мун поблагодарил кивком. — Ну, а Дейли и вовсе не курит, только коллекционирует запахи в профессиональных целях. Это его конек.

— Не понял, — Шривер неглубоко затынулся, видно, по совету своих личных врачей щадил легкие.

— У него исключительная память на табачные дымы. И три дня спустя безошибочно установит, какую сигарету курили в закрытом помещении. И не один уже преступник жестоко поплатился за свое пристрастие к никотину.

— Мун, как всегда, подтрунивает. Но иногда, когда нет никакого другого следа, это может помочь, особенно если курили редкую марку. Вашей, мистер Шривер, в мсей коллекции еще не было. Так что, если вы намереваетесь нарушить закон, это было весьма неосмотрительно с вашей стороны, — Дейли не мог удержаться от шутки, хотя и без укоризненного взгляда Муна понял ее неуместность.

Шривер даже не усмехнулся. Его цепкий взгляд, словно прицениваясь, скользил по лицу Дейли.

— У меня есть идея! — вымолвил он наконец. — Пожалуй, сойдет...

— О чем это вы?

— Прикидываю, как ускорить получение паспорта для мистера Дейли. Мы об этом еще поговорим. Так или иначе вам, мистер Мун, пока придется лететь одному!

— Хорошо! — быстро решил Мун. — Дело действительно не терпит промедления. Сумму гонорара я назову вам после. Все зависит от того, каких результатов мне удастся достичь. Пока вы дадите мне только на расходы. Ну, скажем...

Шривер махнул рукой.

— Я уже обо всем позаботился. В Малаге вы обратитесь к Педро Хименесу. Это самый крупный тамошний банкир. На ваше имя открыт текущий счет. Лимит — полмиллиона песет.

— Вот это да! — Дейли свистнул. — С такими миллионерами приятно иметь дело!

— Это доверенность на ведение расследования! — отрывистый жесткий тон Шривера доказывал, что даже в этот час он остается знаменитым Шривером, человеком дела. — Вот фотографии, они могут вам пригодиться. Мои детективы следили за Челмзом и несколько раз сфотографировали при встречах с другими людьми Гаэтано. Может быть, кто-то из них побывал

в Панотаросе. — Шривер придвинул Муну пачку, потом дрожащей рукой извлек из бумажника другую. — Моя дочь Гвендолин Шривер.

Дейли перегнулся через плечо Муна. На его лице отразилось приятное удивление. Гвендолин Шривер оказалась хорошенькой девушкой, вполне соответствовавшей эталону, который журналы, телевидение и кино усиленно рекламируют в качестве национального идеала. Единственным отклонением от стандарта были иссиня-черные волосы, придававшие ей некоторую оригинальность.

— Это моя жена Уна. Сын Рол. Ему на днях минуло пятнадцать лет... А вот все вместе... — голос Шривера опять задрожал. — Последний снимок... Они прислали его месяц тому назад... — Шривер тяжело опустил голову и уронил фотографию. Мун подхватил снимок. Гвендолин с матерью и братом сидели в глассере. Штурвалом управлял низенький пожилой господин в элегантной форме яхтсмена. Бросался в глаза резкий контраст между счастливым выражением его лица и полупрезрительной гримасой Гвендолин.

— Каким образом Род Гаэтано узнал, где они находятся? — спросил Дейли.

— Вот единственное правдоподобное объяснение, — Шривер вынул из кармана скомканный журнал. — Они попали случайно в объектив вместе с Эвелин Роджер. Если бы проклятый репортер знал, какие страшные последствия это будет иметь!

После ухода Шривера Дейли поднял лежащий на полу журнал. Это была «Золотая сцена», еженедельник, специализировавшийся на любовных аферах популярных артистов. Репортаж, посвященный Эвелин Роджер, прозванной ее поклонниками Куколкой, занимал шесть страниц.

«Куколка Роджер сбежала от мужа! Ее новый любовник Рамирос Вилья, обворожительный официант мексиканского ресторана «Кукарача»! Тайный медовый месяц на райском пляже Панотароса!» — захлебываясь, сообщали заголовки.

Вначале репортер вкратце напоминал основные этапы карьеры Эвелин Роджер. Ее первые небольшие роли прошли почти незамеченными, но после участия в комедии «Смертельный поцелуй», где Эвелин играла

роль Мэрилин Монро, некоторые критики открыли в ней поразительное сходство с покончившей самоубийством звездой номер один. Журналисты впервые стали интересоваться ею. И тут для них открылась настоящая золотая россыпь. Многочисленные любовные похождения, ревнивый муж — джазовый певец Сидней Мострел, бурные скандалы в общественных местах — все это давало неисчерпаемую пищу для пикантных статей. Когда полгода назад потребовалось послать киноактрису для поддержки морального духа сражавшихся в Южном Вьетнаме солдат, выбор командования пал именно на нее. Эвелин блестяще справилась с возложенной на нее задачей, раздав во время двухнедельного турне пять или шесть тысяч автографов и десятки тысяч поцелуев. За этим последовал новый триумф — главная роль в суперкартине «Костюм Евы». И новая сенсация! Не дождавшись последних съемок, она бежит с мексиканским официантом. Кинофирма великодушно отказывается от неустойки. Директор рекламного отдела заявляет, что фирма не понесла ущерба, так как дублерша, заменившая звезду для финальной свадебной сцены, в одетом виде является точной копией Эвелин Роджер. Зато муж покупает револьвер и, размахивая им, клянется журналистам, что убьет обоих. После этого полмиллиона экземпляров напетой им песенки «Танцуй, моя любимая!» расходятся в рекордный срок. Репортеры рыщут по всему свету. Кто-то сообщает, будто мексиканец продал ее за баснословную сумму в гарем короля Сауда. Некий только что вернувшийся из Вьетнама генерал требует, если слухи подтвердятся, предъявить Саудовской Аравии ультиматум и послать в Красное море шестой средиземноморский флот. Слухи оказываются ложными. И вот после месяца безуспешных поисков мадридскому журналисту удается первому напасть на след Куколки Роджер.

«Я люблю Рамироса! Он настоящий мужчина! Я с ним беспредельно счастлива!» — этими словами начинался напечатанный в «Золотой сцене» репортаж. Двадцать два снимка наглядно демонстрировали беспредельное счастье на фоне лазурного моря, зеленых пальм и колоритных испанских крестьян в черных беретах. На двух, кроме самой Куколки и мексиканца,

был виден скромно державшийся на заднем плане пожилой мужчина в белой рубашке, белых шортах и совершенно не гармонирующих с ними черных сандалиях. А на одной фотографии — той самой, что сыграла такую трагическую роль, — объектив случайно запечатлел жену и сына Шривера. Подпись под снимком гласила: «На острове Блаженного уединения Куколку Роджер ожидает ее любимый Рамирос».

Дейли закрыл журнал. На обложке стояла дата «15 февраля».

— Прошел целый месяц. — Мун нахмурился. — Не понимаю, почему Род Гаэтано так долго медлил. Это непохоже на него.

— Очень просто. Очевидно, его люди не интересуются любовными аферами кинозвезд. Шривер тоже только сегодня увидел журнал. К тому же Род все это время, может быть, еще надеялся, что ему согласятся платить.

— Странно, — пробормотал Мун.

— Что странно?

— Все! Панотарос! Это ведь тот самый поселок, где вчера произошла воздушная катастрофа. Погибло два самолета. Там должна быть масса полиции и солдат, разыскивающих летчиков и обломки. Выходит, что парни Гаэтано как будто нарочно выбрали самое рискованное время для своей операции... Жалею, что впутался в эту историю. Тут что-то не так.

— Бойтесь? — насмешливо спросил Дейли.

Мун вместо ответа посмотрел на кресло, в котором недавно сидел Шривер. Почудилось, что оно сгорбилось и сморщилось, впитав в себя все несчастья старика. Спасаясь от ненужных эмоций, он торопливо рассовал по карманам фотографии и бумаги. Дейли потушил свет. Прежде чем дверь бесшумно затворилась, Мун еще раз окинул взглядом темную комнату. Светящееся привидение одиноко покачивалось в воздухе.

ПРИБЫТИЕ В ПАНОТАРОС

Голубой автобус с надписью «Малага—Панотарос» резко затормозил перед опустившимся шлагбаумом. Прикрепленные к крыше корзины и чемоданы подпрыгнули и, погромыхав, снова застыли. Почти все пассажиры вышли. Крестьяне вынули из кожаных мешочков табак и скрутили сигаретки.

— Прошу вас! — к Муну подошел священник в черной сутане. У него было загорелое, сравнительно молодое лицо. Темные глаза из-под лохматых, тронутых сединой бровей со скрытой пытливостью вглядывались в собеседника.

Два часа тому назад они встретились в банке Педро Хименеса, где падре Антонио с готовностью взял на себя роль переводчика. В автобусе священник не навязывал своего общества. Но время от времени, когда Мун отрывался от окна, он ловил на себе его взгляд. Взгляд, похожий на рентгеновский луч. Казалось, падре Антонио видит человека насквозь и каким-то седьмым чувством угадывает его слабости.

— Благодарю вас! — Мун взял протянутый портсигар, украшенный крестом и вплетенными в вензель латинскими буквами O. D. Мун механическим движением перевернул его. На обратной стороне были наца-

рапаны крестики. Двадцать или тридцать. Их значение Мун узнал значительно позже.

— Ах, совсем забыл! Этот портсигар имеет маленький секрет, — священник нажал потайную пружину. В левом отделении лежали светлые табачные листья, в правом темные.

— Один только? — пошутил Мун.

— Вы намекаете на O. D.? — падре Антонио улыбнулся. — Это первые буквы латинских слов «Opus dei» в переводе «Дело господне». Так называется духовный орден, членом которого я состою. Как видите, ничего таинственного.

— А крестики, по-видимому, отметки о членских взносах?

— Почти... Помочь вам? — и падре Антонио, явно уклоняясь от разговора, ловко свернул выбранный Муном черный лист. Пальцы были длинные и тонкие, коротко стриженные ногти без единого следа никотина.

Мун затаился и выпустил двойное кольцо. Табак был превосходный, куда лучше дешевых сигар, которые он обычно покупал.

Из-за поворота вынырнул товарный состав с грязным от копоти, неимоверно старым паровозом. Грузенные овцами платформы, громяхая на стыках, проносились мимо. Пассажиры автобуса не обращали на них внимания. Но вот показались деревянные просторные клетки с быками.

— Везут для корриды, — пояснил падре Антонио.

Пассажиры обменивались оживленными замечаниями, по-видимому, обсуждали достоинства и недостатки завтрашних противников знаменитых и неизвестных тореадоров. Быки казались смирными, даже немножко испуганными. Один из них тоскливо мычал, словно жалуясь на дорожные неудобства. Но по их могучим шеям, крупным рогам, одетым для безопасности в мягкие наконечники, можно было судить, что они дадут себя убить только после упорного сопротивления.

Последний вагон мелькнул за шлагбаумом. Проводники, стоявшие на площадке для обозрения, дружелюбно помахали рукой. Пора было возвращаться в машину. Мун бросил недокуренную сигарку и не-

охотно последовал за священником. После холодной и мокрой мартовской погоды, с которой он расстался только вчера, стоять под теплым, почти горячим южным солнцем было просто благодатью. Мун был приятно удивлен такой резкой переменой климата. Его коричневый, в крапинку, грубошерстный костюм явно не годился для этих краев.

Войдя в автобус, Мун взглянул на свой брошенный в кресло пиджак. Он совершенно забыл, что во внутреннем кармане осталось несколько тысяч песет. Судя по убогой одежде спутников, для них такая сумма представляла большой соблазн.

— Не бойтесь, — падре Антонио перехватил его взгляд, — мы в Испании. Тут бедность и честность являются синонимами, — добавил он с чуть иронической улыбкой.

Разговор пошел о бое быков. Священник не одобрял его, но и не порицал.

— Всем людям, а в особенности южанам, нужны хлеб и развлечения. Это поняли еще древние римляне. Хлеба у нас маловато, приходится возмещать зрелищами. Бой быков все же безобиднее, чем революции. Что же касается гуманности, то я лично считаю, что ваша биржа ни в чем не уступает корриде.

— Вы были у нас? — спросил Мун. — То-то вы так прекрасно говорите по-английски.

— Никогда не был и не собираюсь. Ваша машинная цивилизация мне глубоко чужда. Что касается языка, то я учился в колледже монсеньера де Шеризи...

— Никогда не слышал, — пробурчал Мун. — Это для лингвистов?

— Нет. Самый лучший иезуитский университет. Находится в Париже. Каждый студент, кроме латыни, древнегреческого и древнееврейского, обязан в совершенстве знать три европейских языка. Кроме того, он по собственному выбору изучает какое-нибудь азиатское или африканское наречие. Я, например, владею английским, французским, шведским и языком племени банту.

Священник продолжал говорить. Мимо проносились сливковые роции, буро-лиловые склоны невысоких гор, сложенные из необтесанных камней ограды крестьян.

яских владений. Уморенный царившей в автобусе духотой и усталостью (во время перелета через океан ему почти не удалось уснуть), Мун незаметно для себя задремал. Разбудили его возбужденные голоса пассажиров.

— Что такое? — спросил Мун.

— Проверка документов, — объяснил священник. — В поездах и на крупных автомагистралях это обычное дело. Но в Панотаросе впервые.

Мун выглянул. Автобус стоял на горном перевале, через который вела единственная дорога в Панотарос. На горизонте синело море. Снизу, из прибрежной долины, карабкалась вереница груженных корзинами осликов. Один из них остановился, чтобы сорвать растущий на обочине мак. С цветком во рту, он словно шаржировал плакаты бюро путешествий, на которых обычно изображается жгучая испанская красавица с кастаньетами в плавно изогнутых смуглых руках и алой розой в зубах.

Таковыми же атрибутами туристской рекламы казались стоявшие возле автобуса полицейские из корпуса гражданской гвардии в черных мундирах, с ярко-желтыми широкими портупоями крест-накрест. Диковинные, загнутые кверху треуголки выглядели еще более архаичными рядом с белой каской сержанта американской военной полиции. Увидев их, погонщик осликов остановился без приказа. Американский сержант заглянул в корзины. Содержимое — оранжево-багряные помидоры — ему почему-то не понравилось. Выразительным жестом он приказал крестьянину поворачивать обратно.

— Что они ищут? — удивился Мун.

— Понятия не имею, — падре Антонио пожал плечами. — В сегодняшнем номере «Пуэбло» пишут, будто американцы потеряли при воздушной катастрофе какие-то секретные устройства.

— Неужели эти секреты можно спрятать в помидоре? — Мун рассмеялся.

— Ваш паспорт, сеньор! — к нему обратился гражданский гвардеец. Увидев герб, передал паспорт американскому солдату. Тот бегло посмотрел на фамилию и, кивнув головой, отдал обратно. Это был единственный раз, когда американец принял участие в провер-

ке. Все остальное время он безучастно стоял в тени автобуса и лениво разглядывал дымок своей сигареты. Одетый в ладно пригнанный комбинезон цвета хаки, рослый, широкоплечий, упитанный, он казался не человеком, а живым форпостом Америки. Точно таких же парней, стандартных, как бензоколонки «Эссо», можно встретить сегодня в Африке, Азии, Арктике, а завтра, если американцам удастся добраться туда, — на Марсе или Венере. По выражению лица было видно, что сержанту решительно все равно, где находится, лишь бы поблизости имелись кино и выпивка.

— Все в порядке! — старший чином гражданский гвардеец отдал честь. — Можете ехать!

Автобус покатиł вниз. Высунувшийся в окно Мун встретился со взглядом сержанта военной полиции. Сержант выразительно сплюнул и, отвернувшись, подошел к рации, установленной на обломке древнеримской колонны.

Еще несколько витков развертывающейся по спирали дороги — и в окно ворвался целый хаос красок, в котором преобладали лазурь моря, зелень пальм, белые и розовые тона домов и хижин. Мун ожидал увидеть сравнительно пустынный поселок. Правда, уже в Малаге ему сообщили, что нахлынувшие в течение последнего месяца туристы увеличили население Панотароса почти вдвое. Но то, что Мун увидел, все же явилось сюрпризом.

Панотарос казался стихийно возникшей и беспорядочно разросшейся ярмаркой. Склоны гор с завешанными циновками входами в пещеры, перед которыми сушилось белье. Рядом с древнеримской крепостной стеной обнесенный проволочной оградой палаточный городок, где мелькали зеленые, голубые и желтые комбинезоны американских солдат. Несколько белых зданий покрупнее в самом центре, среди них церковь и пятиэтажный дом, увенчанный непомерно большой надписью «Отель «Голливуд». Беспорядочно разбросанные вдоль пляжа розовые дома, домишки и просто хибарки, пальмы, рыбацьи лодки, вывешенные для просушки сети. А кругом, террасами карабкаясь к небу, крестьянские поля и виноградники. У Муна не было времени взглянуть, да и расстояние было слишком большим, однако ему показалось, что весь обращен-

ный к востоку склон почернел от пожара. Чуть выше, наполовину закрытые скалами, виднелись серая башня и зубчатая стена какого-то замка.

На улицах, по которым катился автобус, царила такая же пестрота. Строгие крестьянские одежды и легкомысленные бикини иностранок, военные мундиры и замысловато вырезанные, тесно облегающие тело платья, хмурые лица местных жителей и зазывающие профессиональные улыбки женщин, прибывших изда- лека ради американских военных. В воздухе пахло морским йодом, апельсинами, приторными духами, пстными телами, бензином и легкой гарью.

Автобус остановился на центральной площади. К нему немедленно устремилось несколько подростков. С присущим им чутьем распознав в Муне иностранца, они наперебой предлагали свои услуги.

— Пансион «Эскориал»!

— Пансион «Прадо»! Очаровательное женское общество!

— Пансион «Альгамбра»! Все удобства! Собственный пляж!

— «Голливуд»! Самый лучший отель! Свободные комнаты с ванной и прекрасным видом на море! — в чемодан Муна отчаянно вцепился похожий на цыгана мальчуган в американской военной кепке, красном жилете и черных, многократно заплатанных штанах, ниспадающих бахромой на босые ноги.

Остальные угрожающе надвинулись на него, пытаясь отнять добычу.

— Они говорят, что он лжет, — падре Антонио сказал это без осуждения. — В «Голливуде» нет свободных номеров.

— А в другой гостинице? — спросил Мун. Он не очень доверял этим пансионам с пышными испанскими названиями. Гостиница гарантировала хотя бы отсутствие насекомых и наличие душа.

— У нас только одна-единственная гостиница, — падре Антонио улыбнулся. — Может быть, вы пока остановитесь у меня?

— Можете занять мой номер! — рядом с Муном стоял плотный человек с саквояжем из свиной кожи. — То есть если вы не суеверны. Тринадцатая комната, прекрасный вид на море! Чтоб его черт подрал!

Только сомневаюсь, захочется ли вам остаться. Вас, конечно, интересует, в чем дело? Ну нет, я не такой простак, чтобы сказать вам. А то меня, чего доброго, еще не выпустят из этого проклятого Панотароса. Ха! А я собирался вкладывать свой капитал! Чувствуете? — человек выразительно втянул в ноздри пахнувший гарью воздух. — У нас в Кёльне в таких случаях говорят: «В датском королевстве пахнет гнилью». Это из Гёте... Знаете, Гёте, великий немецкий поэт?

— Это цитата из Шекспира, — с улыбкой поправил падре Антонио.

— Разве? Спасибо за уточнение. Хотя это не меняет сути. Важно, что пахнет гнилью, а кто сказал, Гёте или Шекспир... — Человек выразительно пожал плечами и, разразившись изысканным немецким ругательством, прыгнул в автобус.

Похожий на цыгана мальчуган с радостным воплем выхватил у Муна чемодан и помчался через площадь. Мун повернулся, чтобы побежать за ним, но улыбка священника остановила его.

— Ваш чемодан никуда не денется. Я уже сказал — и у нас и у вас имеются грабители, зато у вас нет поговорки «горд и честен, как нищий». Заходите, всегда буду вам рад. Адрес спросите у первого встречного, тут меня все знают.

Минуту Мун постоял под тентом, натянутым у входа в гостиницу. Священник удалялся упругим энергичным шагом, никак не вязавшимся с длиннополой сутаной, опоясанной шнуром, на котором висел портфель. Откуда-то черной тенью вынырнул одетый в красные плавки негр с бусами на шее и браслетами на руках и ногах. Падре Антонио отдал ему портфель. Потом они исчезли из виду.

Мун толкнул дверь. С зеркальных стен на него надвинулись полуобнаженные женские тела. Холл выглядел как старинный мавританский дворец, купленный вместе со всем калифским гаремом и приспособленный под современный бар. Мраморный пол, пальмы, внушительные колонны, покрытые резьбой по кости, представляли мавританский стиль; зеркала, широкие поролоновые кресла и дюралюминиевые плевательницы — современный западный.

— Прошу вас, сеньор! — Муна с низким поклоном приветствовал портье. — Меня зовут дон Бенитес. Всегда к вашим услугам.

— Где мой чемодан? — Мун оглянулся.

— Я сижу на нем, — из-за спины портье выглянула вихрастая голова. — А зовут меня Педро! «Дон» необязателен.

— Педро говорит глупости, — с чувством достоинства одернул его портье. Изъясняясь он на ломаном английском языке, с забавным кастильским акцентом. — Пожалуйста, ваш ключ, сеньор! Тринадцатая комната.

— С прекрасным видом на море! — усмехнулся Мун, вспомнив слова кельнского коммерсанта.

— У нас все лучшие номера выходят на море. Стсишь на балконе, как будто прямо в Средиземное море окунаешься. А закаты какие! Зато и цены вдвое больше, — добавил портье уже другим тоном. — Хозяин гостиницы сеньор Девилье правильно рассчитал: разве захочет состоятельный человек иметь перед глазами площадь, где вечно толкуются люди?

— Ладно, ладно, — оборвал его Мун. — Какие комнаты занимали Шриверы?

— Сеньорита Гвендолин Шривер живет в четырнадцатой, — начал портье, но Педро не дал ему закончить:

— А в тринадцатой жил Рол Шривер с матерью!

— В моей комнате? Разве ее не опечатали? — удивился Мун.

— Зачем? Обычный несчастный случай, — портье пожал плечами. — Они отравились консервами.

— Американской колбасой. На этикетке такие аппетитные ломтики. — Педро облизнулся. — Рол часто меня угощал... Хороший парень, не такой, как все иностранцы. Он учил меня английскому, я его испанскому...

— Андалузийскому диалекту, — поправил портье. — По-испански ты сам говоришь, как американец!

— Почему немец поселился в тринадцатой? Разве не было других свободных номеров? — спросил Мун.

— Ваш номер один из лучших. Рядом живет знаменитая Эвелин Роджер. Один ее бюст застрахован на четверть миллиона! — портье согнулся в полупоклоне. — С тех пор как она приехала, мест для туристов не хватает, многие сдали свои дома иностранцам, а сами переселились в пещеры.

— Я тоже живу в пещере, даже родился в ней, — с гордостью объявил Педро.

— В наших краях их много, — подтвердил портье. — С незапамятных времен. Бедняки даже специально переселяются сюда из-за пещер. Дешевле, чем возводить лачуги из всякой дряни, по-нашему они называются «чаболас». Моя дочка тоже живет в такой фанерной трущобе. В Мадриде их полным-полно. — Сообразив, что тема не очень подходит для беседы с иностранцем, портье проворно перешел на другую. — Вы, должно быть, видели по дороге замок? Вот, вот, родовой дом маркиза Кастельмаре. Сеньор Шмидт собирался перестроить его в шикарный отель.

— И подвести фуникулер прямо к пляжу, — подхватил Педро. — Эх, так и не удастся показаться!

— Они уже почти договорились с маркизом. А сегодня сеньор Шмидт вдруг уехал! — портье озадаченно посмотрел на гостя.

— Вы не знаете, почему?

— Разве нам кто-нибудь что-нибудь говорит? — портье пожал плечами. — Мы всё узнаем только под занавес.

— Может быть, на него так подействовала эта трагедия?

— Какая трагедия?

— Ну, воздушная катастрофа.

— Трагедий кругом сколько влезет. Даже перестаешь замечать. Не будь Шриверы богатыми людьми, а погибшие летчики американцами, никто бы и в ус не дул. На днях у нас теми же колбасными консервами отравились двое местных, дон Матосиньос и донья Матосиньос, так о них давно уже никто больше не говорит, — портье вздохнул, потом, вспомнив про свои обязанности, оживился: — Так что останетесь довольны... Разрешите, я провожу вас!

Портье намеревался взять чемодан, но мальчуган выхватил его и помчался по лестнице. Очевидно, надеялся на добавочные чаевые.

— Да, совсем забыл, заполните, пожалуйста, графы в гостевой книге!

Мун перелистал объемистый том... Шмидт, предприниматель, приехал пятнадцатого марта, выбыл двадцать первого. Его поспешный отъезд очень заинтересовал Муна.

— Может быть, его переговоры с маркизом зашли в тупик? — задумчиво спросил Мун.

— Да нет, маркиз в таком положении, что не отказался бы даже от... — портье осекся и внимательно посмотрел на гостя. — Простите, сеньор, вы не сеньор Мун?

— Я! А откуда вам вообще известно, что я должен был приехать?

— О, Панотарос — маленькое местечко! Как только начальник полиции получил телеграмму от сеньора Шривера, так все уже знали о вашем приезде.

— Чувствую себя польщенным. А как вы узнали меня?

— По вопросам! — портье улыбнулся. — Для обычного человека вы задаете слишком много вопросов!

СВИДЕТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

Мун не стал подниматься в свой номер. Забыв про Педро, который дожидался наверху чаевых, он вышел на площадь. Солнце слепило глаза. Между домами сверкало море. Покачиваясь в бедрах, к Муну подошла красивая брюнетка с ярко-синими веками и потускневшими глазами. Одета она была в вызывающе пунцовое платье с длинными разрезами по бокам. Черные волосы украшал прикрепленный черепаховым гребнем ярко-красный цветок. Таким образом она пыталась создать национальный колорит, соответствующий спросу своих американских клиентов.

— Не пожелает ли иностранный сеньор посмотреть, как я живу? Это недалеко, пансион «Прадо».

Фраза состояла из наскоро заученных английских слов. Поэтому Мун понадеялся, что его поймут.

— Где тут полиция?

Женщина испуганно метнулась в сторону. Проституция была недавно официально запрещена, хотя процветала по-прежнему.

— Полицейский комиссариат? С удовольствием провожу вас. Если не ошибаюсь, мой соотечественник? Может быть, журналист? В таком случае могу снаб-

дить вас интересной информацией. Я в близких отношениях с Куколкой Роджер.

Говоривший был пожилым мужчиной, в белой, не особенно чистой безрукавке и таких же шортах. Запыленные ноги были обуты в потрескавшиеся черные сандалии. Говорил он с наигранной веселостью, держался самоуверенно, но было в нем какое-то неуловимое подспудное сходство с предложившей свои услуги женщиной.

— Я вас где-то видел, — Мун пытался вспомнить.

Глубокие морщины под тоскливыми бледно-голубыми глазами разгладились в радостной улыбке.

— Неужели? Помните, какой успех имел «Дом с привидениями»? Зрители покатывались со смеху. А «Прыжок с сорок третьего этажа»? Некоторые критики писали, что я могу рассмешить даже мертвого. Билль Ритчи — король смеха! — Ритчи взглянул на Муна. Улыбка погасла и превратилась в подобие гримасы. Он сокрушенно покачал головой. — Нет, я вижу, вы не помните. Сейчас уже никто не помнит этих картин. «Великий немой», что от него осталось? Один Чаплин...

— Я все-таки где-то вас видел.

На старообразном лице актера снова появился проблеск надежды. Чувствовалось, как ему важно говорить не просто с человеком, а с человеком, видевшим его на экране.

— В таком случае в фильме «Ночь Хирόсимы». Моя единственная роль почти за двадцать лет! Если бы вы знали, как трудно было ее получить. Я должен был играть пленного американца, случайно попавшего под атомную бомбежку. На мое место была дюжина кандидатов. Некоторые совсем лысые. Но я их всех перехитрил. Есть такое средство, от которого сразу выпадают волосы. На расческе оставались целые клочья. Режиссер был в диком восторге... А теперь отросли как ни в чем не бывало. — Ритчи дрожащей рукой провел по своим крашенным в натуральный цвет волосам. — Но сейчас у меня снова надежда. Знаете, Куколка Роджер ошещаля, что в следующем фильме...

— Ага, правильно! Я вас видел в «Золотой сцене» вместе с Эвелин Роджер и ее мексиканцем. Вы стояли на заднем плане, ваше лицо почти не видно.

— Да, да, — Ритчи радостно закивал. — Куколка просила, чтобы я встал рядом, но у меня в тот день сломался зуб. Как-то неудобно... — Ритчи врал убежденно, но чуть переигрывал.

— Вот мы и пришли! — Ритчи указал на небольшой розовый домик. — У них теперь новый начальник, полковник Бароха-и-Пинос. Его на днях прислали из Малаги. Все удивляются — такое маленькое местечко, и вдруг полковник!.. Но я-то знаю... — Ритчи прищурил глаза и перешел на шепот: — Генерал Дэблдей по секрету рассказал Куколке — это вроде ссылки. Брат полковника, один из вожаков молодых фалангистов, в прошлом году публично называл генералиссимуса Франко идейным ренегатом. Его засадили, а полковника перевели в Панотарос...

Помещение, в котором очутился Мун, имело специфический вид и даже запах, присущий всем полицейским участкам. Побеленные глиняные стены покрывал налет дыма и пыли. На одной висело распятие, на другой портрет человека, чей приход к власти стоил жизни миллиону людей. Большая часть погибла не при военных действиях, а в результате репрессий. Мун как-то читал, что все войны Американского континента со времен Кортеса и Пизарро потребовали меньше человеческих жертв. Живописец, как и все портретисты диктаторов, знал свое дело. Низенький, старый, с крючковатым носом, каудильо Франко на картине выглядел стройным мужественным испанским рыцарем в генеральской форме. Даже нос приобрел что-то импозантное, орлиное. Жирные блестящие мухи носились по комнате, присаживались на портрет и снова продолжали свой хоровод. За деревянным барьером стоял заляпанный чернилами стол с какими-то папками, бутылкой из-под кока-колы и огромным старомодным телефоном. Дежурный полицейский в расстегнутом мундире, удобно устроившись в деревянном, с высокой спинкой кресле, правой рукой перелистывал книжку, а левой отмахивался от мух.

— Я к полковнику Бароха-и-Пиносу! — сказал Мун.

Полицейский ответил что-то по-испански.

— Бароха-и-Пинос! — выговаривая каждое слово, повторил Мун.

Полицейский понял. Сделал отрицательный жест и показал на скамейку. Это означало, что Муну следует подождать. Полицейский вернулся к прерванному занятию. По мере того как он перелистывал странички, Мун имел возможность следить за сюжетом. Это был графикос — испанское издание американского комикса, посвященного приключениям Супермена. Инопланетные монстры, с которыми сражался герой, на этих картинках не потерпели изменения, но сам Супермен из типичного американца превратился в не менее типичного испанца. Муну даже показалось, что он немного смахивает на приукрашенного генералиссимуса Франко. Одна книжка кончилась. Полицейский, вынув из ящика бутылку кока-колы, открыл зубами, отпил глоток и принялся за следующий выпуск серии. На страничках комиксов опять замелькали выстрелы электронных пистолетов и взрывы атомных бомб карманного формата.

Мун повернулся спиной к Супермену и от скуки стал прислушиваться к голосам, доносившимся из-за двери в соседнюю комнату. Кто-то заговорил по-английски. Мун пересел поближе к двери. Теперь говорил уже другой человек, причем по-испански. Дребезжащий голос, по всей вероятности, принадлежал старику. Маленькая пауза. Потом молодой женский голос снова заговорил по-английски. Мун догадался, что это переводчица.

— Я услышал какой-то не то рев, не то грохот. Думал, землетрясение... Кричу жене и детям, чтобы вставали, а сам в одних кальсонах бегу в сарай освободить ослика. И тут я вижу — прямо передо мной низвергается с неба огненная стена... Все кругом горит... я решил, что началась атомная война... Только потом я узнал, что это был горящий бензин из самолета-заправщика... Помидоры тлели до самого утра... Никогда не поверил бы, что овощи могут пылать, как солома.

— Получите компенсацию. Покажите на фотографии место, где находится ваш дом... Отмечайте, майор, — эти слова были сказаны на английском языке. Голос сразу запоминался — он был густым, приятным, вкрадчивым и повелительным одновременно. Обождав, пока переведут его слова, говорящий любезно сказал:

— Кто у нас следующий, полковник Бароха?

— Донья Алиситина Села, владелица магазина табачных изделий и сувениров.

Значит, полковник находится рядом. Мун вскочил со скамейки. Почти в ту же минуту вскочил полицейский. Но Мун опередил его. Бесцеремонно толкнув дверь, он шагнул в соседнюю комнату и изумленно остановился. Перед ним был миниатюрный Панотарос. Великолепная, снятая с вертолета фотография, на которой можно было различить каждый дом, даже людей. Аэрофотоснимок занимал всю стену. За столом сидел грузный мужчина в полицейском мундире с погонами полковника и несколько военных в американской форме. У карты с красным табельным карандашом в руке застыл майор с кирпичным обветренным лицом и гладкими, разделенными прямым пробором черными волосами. У окна стояла переводчица в форме лейтенанта военно-морского флота. Белый, накрахмаленный до блеска китель выгодно оттенял ее смуглое лицо и пушистые, покрашенные в серебряный тон волосы. Все остальное помещение занимали рассевшиеся на скамейках и стульях местные жители.

Увидев Муна, полковник Бароха-и-Пинос встал. На его тучном лице обозначились жесткие складки.

— Сюда нельзя!

— Мистер Шривер поручил мне заняться расследованием...

— Так вы знаменитый мистер Мун? Рад познакомиться! — полковник заулыбался. — Я получил от мистера Шривера телеграмму. Зайду за вами, как только освобожусь, а пока извините... Важное совещание.

— Я живу в «Голливуде».

— Знаю, знаю, тринадцатая... До скорой встречи!

— Не вижу никаких причин для ухода мистера Муна. У нас тут нет секретов, — произнес приятный

голос. — Познакомимся... Дэблдей! Ваш сосед по гостинице. Я живу в восемнадцатой.

Навстречу Муну встал худощавый мужчина. На прикрепленном поверх нагрудного кармана целлюлоидном личном знаке Мун прочел: «Бригадный генерал Джереми Дэблдей». Седые, коротко остриженные волосы. Золотое пенсне. Интеллектуальное лицо. Такое изредка бывает у очень умных юристов или дельцов.

— А это мои сотрудники, — генерал представил сидевших за столом офицеров. — Майор Мэлбрич! — Стоявший у фотографии офицер в знак приветствия помахал карандашом. — Это лейтенант Розита Байрд, самая очаровательная девушка американской армии! — Молодая женщина сдержанно улыбнулась. — Вам при ваших розысках будет необходим переводчик. Фирма «Эмерикен электроникс», президентом которой я состоял до недавнего времени, была связана с мистером Шривером. Так что с удовольствием окажу любую помощь... Присаживайтесь! А теперь, полковник, можете продолжать.

Донья Села говорила еле внятно. В ее испуганных глазах словно навеки застыл ужас той ночи.

— Я живу в заднем помещении магазинчика. Сплю очень крепко. Воров мне нечего бояться, весь мой товар не стоит и тысячи песет... Меня разбудило что-то непонятное. Окно залито красным заревом... Я выскочила на улицу... Вижу, что-то падает прямо с неба. Еле успела отскочить в сторону. Это был летчик... Верхняя часть туловища с головой и руками упала прямо у моих ног, нижняя чуть поодаль... Я закричала и бросилась бежать.

— Ваш магазин пострадал? — спросил Дэблдей с любезной деловитостью.

— Нет.

— Все равно психическая травма и так далее... Получите компенсацию... Покажите, где находится ваш дом!

Женщина подошла к фотографии. Ее начало трясти. Майору Мэлбричу пришлось взять ее руку в свою и вести ею по фотографии. Место, где стоял магазин, он отметил красным кружочком. Такие же кружочки

были рассыпаны по всей восточной части Панотароса — от гор до побережья.

— Следующий! Дон Хуан Брито, землевладелец!

Со скамейки поднялся пожилой крестьянин с одутловатым лицом и водянистыми глазами. Монотонным голосом он рассказал, что живет один. Жена умерла, оба сына уехали на заработки в Швейцарию. В ту ночь он как раз вышел по нужде. Только это спасло его. Весивший несколько тонн реактивный мотор, проломив крышу, разнес в щепки жилую комнату и придавил находившихся за перегородкой овец.

— Я как раз шел домой. В тот вечер я сильно выпил, праздновал именины приятеля, — рассказал следующий свидетель. — Когда небо запылало, я вначале подумал, что у меня началась белая горячка, — свидетель нервно рассмеялся. — И тут что-то падает на меня. Горящий парашют. Весь хмель сразу выскочил из головы... На мне стала тлеть одежда... Я катался по земле, чтобы сбить искры... Когда я встал, то увидел похожую на манекен, затянутую в кожу фигуру, протягивающую ко мне руки... Я не сразу понял, что это человек. Когда я подошел, летчик был уже мертв. Это было так страшно, что я даже не испугался...

Последним допрашивали рыбака Камило.

— Это было недалеко от острова Блаженного уединения. Я ловил рыбу. Всплеска я не слышал. После гражданской войны, вернее после тюрьмы, в которую меня засадили за то, что я сражался против франкистов...

— Без политики, дон Камило! — резко оборвал его полковник.

— Разве я чего-нибудь сказал, полковник? Я ведь не говорю, что меня били... Просто после тюрьмы я стал полуглухим. Так вот, чувствую, с сетью что-то неладно... Я уже испугался, думал, большой кальмар. Тут один американец утверждал, будто видел такое чудовище. У меня сеть-то единственная, если кальмар прорвет, беда... Вытаскиваю, а в сети человек в спасательном жилете... Он был жив, даже говорил... Сказал, что началась война, сразу видать, рехнулся от страха... Я ведь немного понимаю по-английски, работал проводником у Шриверов...

— Довольно! Ваша биография нас не интересует, — прервал генерал. — Получите компенсацию. Майор Мэлбрич, отметьте место... Кто там у нас еще остался, полковник?

— Доктор Энкарно! — полковник заглянул в список. — Он не пришел.

— Обойдемся без него, — генерал встал и повернулся к свидетелям. — Благодарю вас!

— Можно идти? — спросил рыбак. — А то мне пора выходить в море.

— Пока да, — майор почему-то взглянул на Муна. — Всех живущих в этом районе, — майор обвел карандашом круг, заключавший в основном восточную часть Панотароса, — прошу явиться через час.

— Не вижу необходимости, — умные глаза генерала Дэблдея блеснули за стеклами пенсне. — Мистер Мун наш соотечественник, нам нечего скрывать от него... Так вот, друзья, — он обращался к местным жителям. — Одна из бомб упала в восточном районе. Ничего страшного, даже если бы взорвалась. Это учебные бомбы. Но они защищены от коррозии особым засекреченным составом. При высокой температуре, возникшей в результате сгорания ста пятидесяти тысяч литров бензина, выделились содержащиеся в составе ядовитые химические вещества... Овощи и виноград нельзя собирать. Всем, кто притрагивался к такому осколку, — генерал вынул из кармана и показал кусочек рваного сплавленного металла, — следует сжечь одежду... Само собой разумеется, вы получите компенсацию... Кроме того, советую всем жителям этого района принимать горячий душ до тех пор, пока все осколки не будут обнаружены и обезврежены.

Панотаросцы удивленно переглянулись, кто-то даже засмеялся.

— Почему они смеются? — резко спросил майор Мэлбрич.

— Во всем Панотаросе горячая вода имеется только в гостинице, — извиняющимся тоном сказал полковник.

— Извините, я не знал, — генерал Дэблдей покачал головой. — Конечно, море самая лучшая ванна, но в данном случае... Майор Мэлбрич выдаст вам тало-

ны. Будете ходить мыться в наш лагерь. Благодарю! Все свободны! Желаю вам удачи!

— Никогда не думал, что придется заниматься такими делами, — генерал обвел смеющимся взглядом опустевшее помещение. Вместе с жителями ушла также переводчица. Остались только офицеры и Мун. — Генерал банных войск! Звучит неплохо... Ну что ж, майор, давайте уточнять радиус разброса.

— А какой род войск вы представляете в действительности? — спросил Мун.

— Как вы сами думаете?

— Службу химической безопасности, — подмигнул Мун.

— Довольно остроумно, — генерал засмеялся. — Рад, что вы догадались, о какой безопасности идет речь. Я — разведчик, вернее, контрразведчик.

— Ищите секретные устройства?

— Ну конечно. Ядовитые вещества — это только между прочим. Пятьсот человек уже ищут как проклятые, завтра прибывает столько же, да еще подводные лодки из Роты. Возможно, он упал в море.

— Разве ваш секрет мужского рода?

— Собственно говоря, это военная тайна, — генерал улыбнулся. — Но если обещаете не продавать ее русским... — генерал лукаво сощурил глаза. — Мы ищем код для расшифровки приказа о начале атомной войны. Наши летчики называют его крестом на шее, командир не имеет права снимать его ни на минуту... — генерал повернулся к майору. — Ну, что у вас там получилось?

— Минуточку! — прислушавшийся к разговору майор Мэлбрич вернулся к своим обязанностям. Несколько штрихов — и разрозненные красные кружочки соединены в сплошное кольцо.

Генерал критическим взглядом осмотрел предложенный майором сектор поисков.

— По-моему, радиус не мешало бы расширить. Давайте включим в него на всякий случай остров Блаженного уединения!

— Ни в коем случае! — майор запротестовал. — Крайняя точка там, где был подобран подполковник Хогерт. — Майор ткнул пальцем в указанное рыбаком.

место. — И то он упал так далеко лишь потому, что катапультировался... Видите, до острова порядочное расстояние. Мы не имеем права терять времени на бесплодные поиски. Чем дольше они будут длиться, тем меньше шансов обеспечить секретность.

— Согласен! — генерал повернулся к начальнику полиции. — Спасибо, полковник Бароха, вы свободны. До свидания!.. Ну, а с вами, — генерал улыбнулся Муну, — я не прощаюсь. Непременно заходите! Угощу вас таким коктейлем, что после этого даже атомная война покажется детской забавой!

ТЕЛЕГРАММА О КРЕМАЦИИ

Полковник проводил гостей до двери. Потом, повернувшись к Муну, с наигранным возмущением сказал:

— Меня-то он не пригласил на коктейль! Мы, испанцы, очень обидчивый народ. Я ему при случае еще припомню!.. Все равно люблю американцев, завидую им. Один мистер Хемингуэй чего стоит! Всем своим подчиненным приказываю читать американскую литературу... Вы знакомы с «Фиестой»? Даже наш Бласко Ибаньес не описал так красочно великолепное ремесло тореро! Знаете, я ведь сам когда-то хотел стать матадором. У нас это мечта почти каждого подростка!

Вынужденный молчать в присутствии американских офицеров, полковник теперь вознаграждал себя словесным фейерверком.

— Простите, о ваших юношеских мечтах поговорим в другой раз, — довольно грубо оборвал Мун.

— Понял и не обижаюсь... — полковник вынул из сейфа несколько папок. — Вы специально прилетели сюда за тысячу километров, вам кажется, что любая упущенная минута является чуть ли не преступлением, а я разглагольствую тут о литературе.

Итак! — он раскрыл папку. — Акт о смерти Шриверов...

— Начнем лучше с живых, — предложил Мун.

— С живых? — не понял полковник. — А, вы имеете в виду мисс Гвендолин Шривер! Мы разослали ее фотографию, описание и номер машины по всей стране, опросили окрестных жителей, жандармерия наводила справки во всех гостиницах и на всех дорогах в радиусе двухсот километров. Даже справлялись у наших секретных осведомителей, связанных с уголовным миром. Делалось решительно все... и это, имейте в виду, несмотря на то, что в связи с воздушной катастрофой я не смыкаю глаз уже третий день, — полковник устало откинулся в кресле.

— Чем вы объясняете ее исчезновение? — не спросив разрешения, Мун закурил сигару.

— Может быть, похитили? — полковник довольно равнодушно пожал плечами.

— Гангстеры? — подсказал Мун. — Ваша точка зрения полностью совпадает с мнением мистера Шривера.

— Гангстеры? — начальник полиции совершенно неожиданно рассмеялся.

— Вам это кажется смешным? — Мун сердито выпустил густую струю дыма.

— Боюсь, что уедете, так и не поняв до конца души испанского народа, — полковник досадливо отмахнулся от сигарного дыма. — Украсть среди бела дня машину, остановиться на людном перекрестке, на виду у сотни прохожих, насильно втащить в нее человека — такое в наше время, пожалуй, возможно лишь в двух местах: отсталой Сицилии и передовой Америке. Недаром самые выдающиеся организаторы вашего преступного мира родом из Сицилии. Надеюсь, я этим не задел ваших национальных чувств, мистер Мун?

— Вы намереваетесь прочесть мне популярную лекцию?

— Простите, немного увлекся, — примирительным тоном сказал полковник. — Я только хотел сказать, что испанцы — наполовину дети. Серенады, рыцарские традиции прошлого, старые шляпы и драгоценные дамские браслеты, которыми осыпают тореадора, —

все это делает нас немного смешными и непонятными в глазах иностранцев. Что касается похищений — у нас это обычно любовная афера, мотивы которой следует искать в упрямстве родителей или эксцентричном романтизме влюбленных.

— Хм, — Мун крикнул.

— Вы что-то хотели сказать? — вежливо спросил полковник.

— Мисс Гвендолин Шривер, насколько я знаю, не испанка, — сухо заметил Мун.

— О да! Но в этом смысле она, пожалуй, хуже любой испанки. О ней рассказывают совершенно невероятные истории!

Внешность полковника не слишком импонировала: мясистый нос, крутой подбородок, тучное лицо. И все-таки он не был тем, чем поначалу показался Муну, — таким испанским вариантом лихого шерифа из американского вестерна, предпочитающего седло своего скакуна, шпоры и кольт письменному столу. За неказистой внешностью полковника угадывался цепкий ум службиста, который не упустит малейшей возможности для продвижения. Но едва ли такой станет себя особенно утруждать из-за взбалмошной девочки, о которой действительно неизвестно, похищена ли она или сама сбежала с каким-нибудь любовником.

— Мне хотелось бы осмотреть комнату Гвендолин, — сказал Мун. Знакомство с обстановкой, в которой живет человек, будь это всего лишь номер гостиницы, почти всегда дает довольно правильное представление о характере и привычках — в этом Мун убеждался неоднократно.

— В любое время! — полковник кивнул. — Один ключ она взяла с собой, но запасной находится у портье дона Бенитеса. Вы, должно быть, уже знакомы с ним.

— Немного. Меня удивляет, почему вы не храните запасной ключ в своем сейфе. На вашем месте я бы не слишком доверял ему. — Мун выпустил двойное кольцо.

— Что вы! — На миг дым повис над головой начальника полиции, отчего тот приобрел отдаленное сходство с неким испанским святым. — Дон

Бенитес так глуп, извините, я хотел сказать, так чистен, что... — полковник Бароха-и-Пинос энергично покачал головой и сразу же лишился своего ореола. — Вы еще не знаете, что это за человек! Хозяин гостиницы мосье Девилье отличный психолог. На этом он экономит зарплату нескольких администраторов. Раз в месяц дон Бенитес посылает ему в Марсель выручку и отчетность. Весь Панотарос знает, что он скорее добавит из собственного жалованья, чем утаит от хозяина хоть одну песету.

Мун выразил желание ознакомиться с предметами, найденными в комнате матери и сына после их смерти.

— Сожалею, все вещи сразу же отправлены мистеру Шриверу воздушной почтой. Но вы можете познакомиться с описью.

Папка, которую раскрыл начальник полиции, была довольно тощей. Кроме описи вещей, она содержала лишь квитанцию об их отправке, что-то вроде рапорта и официальное свидетельство о смерти. Все документы были предусмотрительно снабжены английским переводом. Рапорт являлся, собственно говоря, подписанной доктором Энкарно краткой историей болезни. Но так уж заведено в полицейских участках, что любое происшествие, будь то мелкая кража или загадочная встреча с марсианами, должно быть изложено в виде рапорта, протокольный язык которого наводит на одних вежливую скуку, а на других — тихий ужас.

Мун принадлежал к числу последних. Он попросил полковника изложить события своими словами.

— Как вам угодно! — довольный возможностью поговорить, начальник полиции заулыбался. — Между прочим, не стесняйтесь, курите! Меня это ничуть не раздражает. Итак, начнем с самого начала. Восемнадцатого марта, примерно в полдень, мисс Гвендолин Шривер уехала на своем «кадиллаке».

— Куда?

— Матери она сказала, что едет на несколько дней в Малагу и остановится в отеле «Мирамар». Но туда она не прибыла. Узнал я это совершенно случайно. Дело в том, что до перевода в Панотарос я заведовал в Малаге отделом по надзору за ино-

странцами. Каждый вечер мне приносили список всех новоприбывших. Мисс Гвендолин Шривер в нем не числилась.

— Может быть, она зарегистрировалась под другим именем?

— Что вы! — полковник Бароха-и-Пинос усмехнулся. — Мы живем в Испании. Это только у вас некий мистер Икс может преспокойно выдать себя за мистера Муна, а женщину, с которой только что познакомился в баре, за свою законную супругу. Они снимают в отеле общий номер, и, пока на горизонте не появится настоящий мистер Мун, который по поручению настоящей жены мистера Икса ведет слежку за ее неверным мужем, никому и в голову не придет мешать их супружеским забавам. А Испания — благоустроенное государство. Здесь каждый человек обязан предъявить документы. Уж будьте уверены, если они фальшивые, то он вместо комфортабельного отеля мигом очутится за решеткой.

— Отличная организация, — Мун закурил. — Прошу вас, продолжайте.

— После отъезда мисс Гвендолин ее мать, пожаловавшись на мигрень, почти весь день оставалась в гостинице. Что касается сына мистера Шривера Ролла, то он куда-то ходил с одним местным мальчиком. Зовут его Педро, фамилию не помню. Круглый сирота, живет с какими-то отдаленными родственниками.

— В пещере! Знаю. — Мун кивнул.

— Ничего не поделаешь, — полковник поморщился. — Мы небогатая страна. Но не забывайте, что жить в пещере — это тоже в своем роде романтика, и в каждом испанце есть что-то от цыгана. Впрочем, мы уклонились от темы. Под вечер Рол Шривер вернулся в гостиницу с каким-то свертком. Кстати, это был как раз день его рождения. Миссис Шривер заблаговременно заказала в Малаге торт. На семейном торжестве присутствовал тот самый Педро... Американцы, при всем моем уважении к ним, странные люди. Генерал Дэйлдей, например, даже меня не пригласил на коктейльную партию, а Шриверы не гнушались обществом оборванца... Вечером, часам к одиннадцати, Педро ушел, а миссис Шривер попросила портье разбудить ее пораньше. Все это я знаю со слов

дона Бенитеса. Сам я прибыл в Панотарос только на следующее утро.

— То есть сразу же после воздушной катастрофы, — уточнил Мун.

— Да. Но эта чистая случайность. Мой перевод намечался уже давно.

— Что же было дальше?

— Миссис Шривер и ее сын вернулись в гостиницу к обеду и немедленно вызвали доктора Энкарно. Они жаловались на общее недомогание, слабость, понос, тошноту, головокружение. Доктор сразу же заподозрил отравление. Из продуктов, которыми они питались в этот день, его внимание привлекла американская консервированная колбаса. Дело в том, что незадолго до этого той же колбасой отравились двое местных жителей. Доктор Энкарно, не колеблясь, поставил диагноз, даже догадался попросить банку, из которой они ели, на предмет анализа. Он сделал им промывание желудка, предписал полную диету, а спустя несколько часов, убедившись, что их состояние не улучшилось, испугался ответственности. По его просьбе их вечером перевезли в американский военный лагерь, где была медчасть с современным медицинским оборудованием. К сожалению, американские врачи уже ничем не могли помочь. Ночью Шриверы скончались. Вот акт о смерти, подписанный доктором Энкарно. Как видите, диагноз предельно ясен: смерть наступила в результате отравления естественным органическим ядом ботулином... Вот и вся история! Так что боюсь, что вы напрасно приехали сюда. Разве только ради мисс Гвендолин Шривер, но я думаю, как только весть о смерти родственников дойдет до ее любовного гнездышка, она сама объявится. Кстати, я недоумеваю, почему американское радио хранит молчание? Как-никак мистер Джошуа Шривер очень видная персона в вашей стране.

— У него есть на то причины.

— Какие?

— Мистер Шривер, должно быть, желает обождать с некрологом, пока мне не удастся выяснить личность преступников.

— Преступников? Ну, знаете, такое мне даже в голову не приходило, — полковник пожал плечами. —

Получив телеграмму о вашем выезде, я был уверен, что речь идет только о поисках пропавшей мисс Гвендолин Шривер.

— А разве мистер Шривер не телеграфировал, что просит отложить вскрытие трупов до моего прибытия?

— Да, но я не придавал этому никакого значения. К тому же...

— Простите, — прервал его Мун. — У меня к вам несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— Почему сообщение о смерти Шриверов не появилось в испанской печати?

— За кого вы меня принимаете? Представьте себе: мир узнает, что в Панотаросе произошла воздушная катастрофа, в результате которой погибло свыше десяти человек. Одновременно в том же Панотаросе умирают от яда жена и сын известного американского миллионера! Какой же турист после этого захочет приехать в такое заклятое богом и людьми место? Я лично даже рад, что мистер Шривер все равно по каким мотивам предпочел отсрочить некролог.

— Понятно! Второй вопрос: сделан ли уже анализ содержимого консервной банки, на котором настаивал доктор Энкарно?

— Банки? В том-то и дело, что конкретной банки не существует. Консервы у Шриверов были с собой. Одну банку они выбросили — где, не помнили. Вторую, с остатками колбасы, донесли до дома. Рол Шривер собирался доесть ее, он просто обожал эту колбасу, но его стошнило, и миссис Шривер еще до прихода врача выбросила банку в мусоропровод.

— Значит, вы отказались от лабораторного анализа! А если этот ваш доктор Энкарно все-таки ошибся диагнозом? А если — допустим даже фантастическую гипотезу — он под видом лечения сам отравил их? Упустить такую важную вещественную улику?! — от возмущения Мун даже привскочил со стула.

— Успокойтесь! — полковник Бароха-и-Пинос сделал паузу, потом с полуулыбкой продолжал: — Почему-то у иностранцев бытует представление об Испа-

нии как о самой отсталой стране западного мира. Но будьте уверены, наша полиция работает не хуже вашей... Мы подобрали из мусорного контейнера все банки с этой проклятой колбасой и послали на анализ в Малагу. Установить точно, из какой ели Шриверы, разумеется, невозможно. Но поскольку в гостинице, кроме них, никто не отравился, то обнаружение в лубой из них ботулина полностью подтвердило бы диагноз.

— Извините, — Мун с облегчением вздохнул. — Я действительно недооценил вас.

— Результаты анализа пока еще нет. У нас в отличие от американцев работают медленно, но зато точно. В смысле научного оснащения мы, конечно, немного отстаем, но наше управление в Мадриде совсем недавно получило изумительную технику, кстати, из Америки... В общем, как только Малага даст ответ, я немедленно сообщу вам.

— Спасибо! Скажите, вам не показалось странным: доктор Энкарно был единственным из свидетелей воздушной катастрофы, который не явился в полицейский комиссариат?

— Должно быть, он с горя просто напился. Как-никак два первых смертных случая за всю его практику.

— А супруги Матосиньос, отравившиеся теми же консервами? Они обращались к другому врачу?

— Да нет, он у нас единственный. Но сами понимаете, одно дело — полунищие крестьяне, которых даже некому оплакивать, совсем другое — постояльцы отеля, к тому же родственники американского богача. Репутация человека любой профессии — и вы это знаете не хуже меня, — к сожалению, определяется общественным и материальным весом его клиентов. К примеру, если я упущу мелкого карманного воришку, меня за это только слегка пожурят, а если по моей вине от руки правосудия ускользнет какой-нибудь выдающийся преступник, мне самому, пожалуй, не миновать тюрьмы.

Мун чувствовал, как его постепенно клонит ко сну. Болтовня полковника положительно утомляла, к тому же сквозь зарешеченное окно проникало горячее южное солнце и слепило глаза.

— Большое спасибо! Больше вопросов у меня нет... Кстати, насчет телеграммы, которую вы послали мистеру Шриверу. Насколько мне известно, его семья жила тут инкогнито.

— О, никакой сверхъестественной прозорливости я в данном случае не проявил, — отмахнулся полковник. — Во-первых, мисс Гвендолин не делала никакой тайны из того, кто ее отец. Дело в том, что мама ее не слишком баловала, и мисс Гвендолин весьма часто приходилось прибегать к кредиту. Например, ее знаменитый красный спортивный «кадиллак». Поехала в Малагу, зашла в магазин, сказала, кто она такая, а уж расплачиваться пришлось потом папаше через малагский банк. Что касается адреса, то его я узнал от генерала Дэблдея. Фирма, которую он возглавлял до своего недавнего назначения, имела какие-то там деловые связи с мистером Шривером.

— Прекрасно! Когда можно приступить к вскрытию? — И Мун решительно встал.

— Вы, к сожалению, опоздали, мистер Мун!

— Что это значит? По-моему, телеграмма мистера Шривера содержала категорическую просьбу дождаться меня.

— Вскрытия вообще не было.

— Еще лучше! Вы их похоронили!

— Вам это не нравится, мистер Мун?

— Вы прекрасно знаете, что в случае отравления вскрытие обязательно. У нас этому не в состоянии воспрепятствовать ни единодушный диагноз светил медицины, ни мольбы религиозных родственников, ни даже приказ самого президента. Я требую немедленной эксгумации!

— То есть вы хотите, чтобы на глазах у жителей Панотароса, которые уже и так в предостаточной мере взбудоражены воздушной катастрофой и гибелью урожая овощей, мы стали бы вытаскивать из гроба два полуразложившихся трупа? Чтобы с быстротой молнии родилась молва, что тут пахнет преступлением, что супруги Матосиньос, без сомнения, тоже умерли неестественной смертью, что в Панотаросе орудует целая шайка отравителей? Готов поспорить, что на следующий день во всей округе не останется ни одного туриста.

— Можно подумать, что вы не начальник полиции, а директор туристического бюро.

— Увы! — полковник Бароха-и-Пинос развел руками. — Я, как принято выражаться, карающий меч правосудия. Поэтому даже угроза папы римского предать анафеме не удержала бы меня. Но для эксгумации, кроме могильщиков, нужны могилы, не говоря уже о трупах. На панотаросском кладбище вы не найдете ни того, ни другого.

— То есть как это? — Мун изумленно посмотрел на полковника. Тот невозмутимо молчал. Мун провел рукой по лбу. Хмурые складки исчезли.

— Ну и манера у вас подшучивать над человеком! — Мун усмехнулся. — Где-нибудь в Далласе вас за такую шутку наградили бы пулей в живот. Скажите спасибо, что у меня хорошие нервы. Насколько я понимаю, тела отправлены в Малагу?

— Совершенно правильно. У нас нет ни морга с морозильной установкой, ни, тем паче, крематория.

— При чем тут крематорий? — Мун резко потрянул головой. Манера начальника полиции ошарашивала, он напоминал бандерильеро, ложными выпадами отвлекающего разъяренного быка от утомленного матадора. Фрейд, пожалуй, назвал бы полковника типичным примером комплекса декомпенсации. Свои несбывшиеся юношеские грезы тот реализовал в несколько ином плане, за счет своих собеседников.

— Крематорий? — повторил полковник. Вместо ответа он порылся в папке и достал конверт, из которого вынул грузовую квитанцию, оформленную на фирменном бланке «Панамерикен эруэйс», и какую-то машинописную бумажку с испанским текстом и гербовой печатью.

— Вот акт о кремации, заверенный соответствующими свидетелями, — как ни в чем не бывало объяснил начальник полиции. — А вот документ об отправке урн с прахом на рейсовом самолете № 12579. Так что мистер Шривер получит их в ближайшее время. Как видите, мое утверждение, что вы, к сожалению, опоздали, соответствует голым фактам! — и полковник с наигранным сочувствием взглянул на внезапно осунувшегося Муна.

С полминуты Мун молчал. Потом, чуть не опрокинув стул, яростно вскочил:

— Это преступление! Вы не имели права! Вы что-то скрываете!

— Преступление? Не потрудитесь ли вы объяснить свои слова?

— Тут нечего объяснять! В кремации заинтересован только тот, кому необходимо скрыть следы!

— Надо признаться, мистер Мун, ваша вспыльчивость мне даже нравится. Мы, испанцы, не любим равнодушных исполнителей, все равно, пользуются ли они шпагой тореро или острым скальпелем детективных догадок... Вам не нравится кремация? Я был вынужден считаться с волей мистера Шривера... Вот! — полковник Бароха-и-Пинос вынул из сейфа и положил на стол телеграмму.

«Тела жены и сына предать кремации урны выслать ближайшим самолетом Джошуа Шривер», — гласил текст.

— Эта телеграмма получена примерно через два часа после той, в которой мистер Шривер извещал о вашем приезде. Очевидно, вы в это время уже находились в пути, поэтому он не смог предупредить вас. Если пожелаете взглянуть на обе телеграммы — пожалуйста!

Мун с трудом заставил себя встать. Чувствовал он себя отвратительно. Если вторая телеграмма была подлинной — он превращался в комическую марионетку, которую дергают при помощи невидимой веревочки. Еще хуже, если приказ о кремации — фальшивка. Это означало бы нокаут еще до того, как начался матч.

На полпути к двери Мун вернулся.

— Кстати, покажите мне еще раз рапорт доктора Энкарно.

— Перевод?

— Перевод и оригинал.

— Пожалуйста, — Муну показалось, что начальник полиции настороженно следит за ним.

— Спасибо. Вот и все, — уже через секунду Мун отдал оба документа.

— Вы искали что-то определенное? — спросил озадаченный полковник.

— Да. Марку колбасных консервов.

— И для этого вам был нужен испанский текст?

— С чего-то надо ведь начинать изучение языка. Сейчас я уже знаю, как по-испански будет «колбаса», — пошутил Мун.

Однако в действительности он, повинуясь подсознательной интуиции, заинтересовался маркой консервированной колбасы, которой якобы отравились Шриверы. Колбаса называлась «Экстра» и пользовалась довольно широкой популярностью. Почти каждый американец, проводящий уикенд на лоне природы, знал, что она производится фирмой «Все для туристов», так же как его бульонные кубики, спиннинг и надувная лодка.

КУКОЛКА

— Надеюсь, вы получили приятные известия? — вынырнувший из-за пальмы Билль Ритчи делал вид, будто случайно встретился с Муном. — Панотарос — такое маленькое местечко, всюду натыкаешься на знакомых. Чем могу быть полезен?

— Где тут почта? — хмуро спросил Мун.

— Рядом... Нет, нет, сами не найдете! С удовольствием провожу вас.

— Вы были знакомы со Шриверами? — Мун пристально посмотрел на актера.

— Конечно! Я ведь здесь, можно сказать, первооткрыватель... Все эти туристы приехали уже позже. Некоторые из-за Куколки Роджер, некоторые просто потому, что Панотарос с тех пор стал модным курортом. Когда я приехал, отеля еще не было. Шриверы жили в замке маркиза. Сначала появились пансионаты, потом из Марсея примчался этот ловкач Девилье и буквально за пару недель построил отель. А кому они обязаны своим благополучием? Мне! Я ведь первый узнал, где скрывается Куколка. Журналист, которому я продал информацию, наобещал мне золотые горы. А вместо этого прислал номер «Золотой сцены» со своим репортажем, — блеклые голу-

бые глаза заслезились. — Ну конечно, угощал он по-королевски. И вообще я не остался внакладе... Если получу роль в новом фильме Куколки...

— А как вы, собственно говоря, попали в Испанию? — прервал Мун.

— Благодаря Стенли Хьюзу. Он ставил здесь картину по мотивам Шекспира. Вспомнил обо мне, не то что другие. Когда он прислал в Лос-Анджелес деньги на дорогу, я чуть не умер от радости, — старый актер, заново переживая эту минуту, схватился за сердце. — Представляете себе, почти двадцать лет без работы, и вдруг мне предлагают роль Фальстафа! Так и застрял.

— Ну и как вам нравится Испания?

— Очень! Доллар тут равен шестидесяти песетам, так что для иностранцев жизнь в три раза дешевле, чем дома. Живу я в палатке, доктор Энкарно говорит, что для меня самое главное свежий воздух, у меня ведь больное сердце. А когда становится холодно, ночью в замке маркиза Кастельмаре. Между нами говоря, там нет никаких удобств, даже настоящего туалета. Но вот Шриверы миллионеры и то не хотели уходить оттуда, пока Гвендолин не устроила скандала. В его поместье есть такая большая пещера, так миссис Шривер и мальчик целыми днями пропадали в ней, охотились за несуществующим кладом...

— Как вы сказали, картина Хьюза? — только теперь вспомнил Мун. — Я, кажется, видел ее.

— Да, да, но вы... — торопливо заговорил Ритчи и осекся на полуслове. Тоскливое лицо внезапно преобразилось. Сейчас он выглядел как старый негр на аукционе рабов, старающийся произвести хорошее впечатление на покупателя, — ведь если его не купят, жестокий работорговец выбросит негодный товар в море, на съедение акулам.

Причиной этого преобразования была яркая блондинка, только что вышедшая из гостиницы «Голливуд». Мун сразу понял, что это Эвелин Роджер. Первое, что бросилось в глаза, — шоколадного цвета тело с красивыми длинными ногами. Только потом Мун разглядел несколько пестрых лоскутков: коротенькую красную юбочку, пронзительно синий платок, заменявший бюстгальтер, и золотые сандалии, из которых выглядывали золотые ногти. Мексиканец — это,

несомненно, был он — подал ей накидку, второй спутник — солнечный зонт. Эффектным движением Роджер набросила на себя прозрачную, переливающуюся золотом ткань и раскрыла зонтик. Над ее густыми светлыми волосами мгновенно вспыхнула огромная радуга, повторившая цвета пляжного костюма.

Куколка двинулась вперед, щедро отвечая улыбками на любопытствующие взгляды туристов и бесцеремонные возгласы американских солдат. Для туристов она была такой же достопримечательностью, как Эйфелева башня в Париже или знаменитый мавританский дворец в Гренаде. Для солдат — воплощением того чисто американского секса, который после второй мировой войны брал штурмом все континенты. Эскортируемая своими спутниками, Эвелин направилась к месту, где остановились Мун и Ритчи.

— Видите, она заметила меня! — Ритчи разразился счастливым, почти детским смехом. — Алло, Куколка, как поживаешь? — крикнул он издали.

Даже не повернувшись в его сторону, она небрежно кивнула. Ее откровенная вульгарность немного смягчалась еле уловимой отчужденностью в широко раскрытых голубых глазах.

В мексиканце самым выразительным были черные усики и мощные мускулы, для демонстрации которых весьма подходил спортивный полотняный пиджак без рукавов. Второй спутник... Мун не сразу понял, где видел эти пристальные темные глаза под тронутыми сединой бровями. И все же это был падре Антонио, походивший в светлом фланелевом костюме скорее на спортсмена, чем на священника. Голова была не прикрыта. Почти лишенная растительности, она тем не менее не вызывала представления о лысине. Такими выглядят на античных скульптурах бронзовые головы борцов. Узнав Муна, падре Антонио приветственно поднял руку.

— Мой друг жаждет познакомиться с тобой! — Ритчи загородил киноактрисе дорогу.

— Автографы даю в холле гостиницы в пять часов! — Эвелин одарила Муна таким же небрежным кивком.

— Он журналист... Хочет написать о тебе, — Ритчи врал с отчаянной убежденностью.

— А, журналист! — заворковала Эвелин. — Это другое дело! — На ее лице засветилась интенсивная улыбка. Иллюзорная высота, на которую ее вознесла прихоть кинопродюсеров и публики, всецело зависела от благосклонности журналистов. Сегодня добровольные рекламные агенты, они завтра же могли ее превратить в ничтожество.

— Это недоразумение, — вмешался падре Антонио, с интересом наблюдавший за этой сценкой. — Сеньор Мун известный детектив.

— Терпеть не могу детективов! — Эвелин скорчила гримасу. — Может быть, вас прислал мой ревнивый муж Сидней Мострел? С поручением следить за моей нравственностью? — Эвелин разразилась смехом, показавшимся Муну не слишком искренним.

— Я прибыл сюда по просьбе мистера Шривера.

— Ну конечно, полиция устроила этой маленькой Шривер грандиозную бесплатную рекламу! Я уверена, что она все это нарочно инсценировала.

— Не думаю, — Мун покачал головой.

— Можете положиться на меня. Я ее раскусила с первого взгляда. Однажды она со свойственной ей наглостью заявила, что могла бы стать лучшей киноактрисой, чем я... Очевидно, она в ту ночь полезла к Рамиросу, чтобы доказать это. — Эвелин стрельнула в мексиканца полунасмешливым взглядом. — Спутала съемочную площадку со спальней! — и киноактриса резко засмеялась.

— Никакой женщины! Клянусь тебе, дорогая! — Мексиканец клятвенно прижал руку к сердцу.

— Вы можете верить Рамиросу! — сказал падре Антонио внушительным голосом. — Он любит только вас!

— Откуда вы это знаете? — бросила Эвелин.

— Не забудьте, я его исповедник.

Киноактриса и ее спутники попрощались с Мун. С Ритчи никто не прощался. С минуту он стоял с таким видом, словно его оглушили, потом, приосанившись, бросил вдогонку воздушный поцелуй.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Почта представляла собой розовый домик, размером чуть поменьше полицейского комиссариата. По бамбуковым жалюзи на некоторых окнах и доносившемуся за ними детскому смеху Мун догадался, что здание служит одновременно и квартирой.

— Не забудьте называть его начальником! — напомнил Билль Ритчи.

— Судя по размерам заведения, подчиненных у этого начальника не слишком много, — улыбнулся Мун.

— Ни одного, сам разносит почту. Но так в Испании и принято. Гордецы! Чем беднее человек, тем большего гордеца из себя строит, — и актер уселся на стоявшей перед почтой скамейке.

— Вы разве не пойдете со мной? — удивился Мун.

— Зачем?

— Хотя бы в качестве переводчика.

— Он говорит по-английски. А мне полезнее подышать свежим воздухом, — Билль Ритчи протер морщинистое лицо большим носовым платком. Платок был не слишком чистым. Но, может быть, это была не грязь, а следы театрального грима, невольно стертого со щек заодно с потом?

Начальник почты оказался таким же речеобильным, как те испанцы, с которыми Муну до сих пор довелось столкнуться. Намереваясь расположить его к себе, Мун предложил сигару. Начальник с благодарностью принял, но, затянувшись, чуть заметно поморщился.

— Не нравится? — с улыбкой спросил Мун.

— Приходилось курить и получше. Я ведь бывший матрос. Когда докторá списали на берег, сначала рыбачил. На паях с доном Камило.

— Отчего на паях?

— У меня нет собственного баркаса... А потом на мое счастье нахлынули иностранцы, и меня благодаря знанию английского языка назначили на этот пост.

За стеной слышалась отчаянная возня, смех, визг. Начальник почты приоткрыл дверь и, прикрикнув на детей, снова захлопнул.

— Покоя не дают! Разве им объяснишь, что здесь служебное помещение?

Он продолжал жаловаться на свою судьбу, а Мун тем временем набросал текст трех срочных телеграмм.

Первая, адресованная Шриверу, была самой краткой:

«Подтвердите распоряжение о кремации заверенной телеграммой или лично по телефону Панотарос 8».

Вторая была более длинной. Мун специальным кодом запрашивал у информационного агентства Дональда Кинга подробные сведения по нескольким пунктам:

1. В каких предприятиях Джошуа Шривер владеет контрольным пакетом или значительной долей акций?
2. Кто является владельцем фирмы «Все для туристов», производящей консервированную колбасу «Экстра»? 3. Кто исполняет роль Фальстафа в фильме Стенли Хьюза?

Все эти сведения Мун мог бы раздобыть официальным путем, но предпочитал Дональда Кинга. Этот лысый человек с профессорскими очками, чей адрес и телефон нельзя было найти ни в одном справочнике, знал больше, чем полиция. К тому же подкупить его было чрезвычайно трудно. Глава могущественного детективного бюро, занимавшегося в основном промышленным шпионажем, содержал целую армию высоко-

оплачиваемых осведомителей. Его заработкам позавидовал бы иной процветающий делец.

За сравнительно простую информацию, в которой нуждался Мун, другому пришлось бы платить изрядную сумму. Их же отношения основывались на системе взаимных услуг. Может быть, в прошлом веке и существовали частные сыщики, действовавшие на собственный риск и страх. Мун жил в этом и отлично знал, что без поддержки полиции или других частных агентств он ничто.

Третья телеграмма была адресована: «Сыскное агентство Мун и Дейли, мистеру Дейли», и содержала следующий текст:

«Срочно телеграфируйте, что узнали о связях Рода Гаэтано с Испанией за последние годы. Очень нуждаюсь в вашей помощи. Постарайтесь ускорить получение заграничного паспорта. Мой адрес Панотарос отель Голливуд комната 13. Мун».

Заполняя бланк, Мун невольно усмехнулся. Дело в том, что, не будучи пророком, он все же заранее знал ответ.

— Вы ведь приехали сюда из-за Шриверов? — начальник почты, прочтя подпись Муна, задумался. — Мне только что пришла на ум одна деталь. Возможно, это пустяк, но не исключено, что вам, как детективу, что-то даст.

— Это относится к смерти Шриверов?

— Да нет! — отмахнулся начальник почты. — Тут дело ясное — недоброкачественная колбаса. Я вспомнил про одно письмо. Так вот, на днях...

— А точнее...

— Восемнадцатого марта. Шриверы переписывались только с одним парижским родственником. Зовут его мосье Арну.

Мун кивнул. Это совпадало с информацией Шривера, что вся корреспонденция шла окольным путем — через французское детективное агентство.

— Письма посылались раз в месяц, иногда несколько, изредка целая пачка. Это уже само по себе довольно странно, но я видел на своем веку достаточно чудаков. Восемнадцатого марта прибежал дон Бенитес с письмом. Сказал, что миссис Шривер просила отправить его как можно скорее.

— Кому оно было адресовано?

— Тому же мосье Арну. Минут через десять после дон Бенитеса пришла мисс Гвендолин. Она взяла письмо обратно под предлогом, что мать забыла что-то приписать.

— И больше вы письма не видели? — догадался Мун.

— В том-то и дело! Мисс Гвендолин с письмом в руках села в машину. Потом оказалось, что она больше не возвращалась в гостиницу, а сразу же уехала. К тому же дон Бенитес рассказывал, что миссис Шривер, когда заболела, очень волновалась, отправлено ли письмо.

— Ну что ж, спасибо за информацию. Не знаю, пригодится она или нет, но, во всяком случае, ваша наблюдательность делает вам честь.

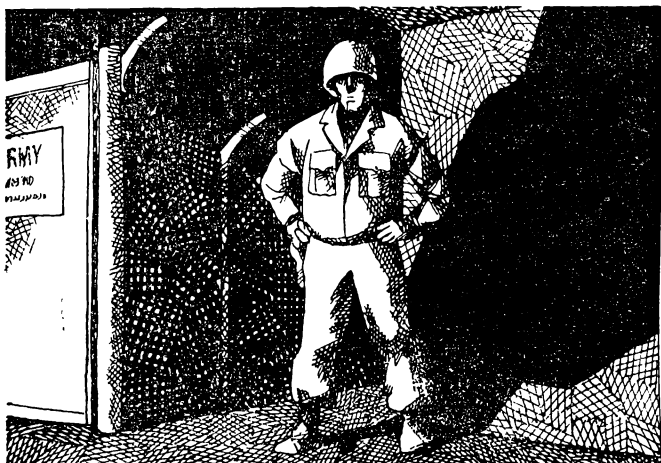
Билль Ритчи по-прежнему сидел на скамейке.

— Что-то больно долго вы пробыли на почте, — сказал он, позевывая. — Куда теперь?

— К доктору Энкарно. Вы меня проводите?

— С удовольствием! — актер проворно вскочил со скамейки, но внезапно, словно передумав, пробормотал: — Вот память! Совершенно забыл справиться, нет ли для меня писем... Видите вон тот домик? Да, да, это резиденция доктора Энкарно. Я только заскочу на почту и мигом вас догоню!

Мун проводил взглядом исчезнувшего в дверях актера и, покачивая головой, двинулся в путь. Всю дорогу он представлял себе, как Билль Ритчи пытается выведать содержание посланных им депеш. Игра продолжалась. Игра, где козырным тузом была телеграмма младшему компаньону агентства «Мун и Дейли».

ГДЕ ДОКТОР ЭНКАРНО!

Доктор Энкарно жил в маленьком домике у самого склона горы. Чтобы пройти к нему, пришлось долго объяснять лейтенанту саперного взвода, в чем дело. Мун перешагнул через прикрепленную к кольям веревку и подошел к дому. Дверь была заперта. На стук никто не отозвался. Мун пододвинул валявшийся поблизости пустой ящик с надписью «Собственность американской армии» и заглянул в окно. В комнате доктора царил строгий порядок. Но Мун заметил тонкий налет пыли на предметах, остановившиеся стенные часы и календарь со вчерашней датой. Календарь и часы могли быть случайностью, но пыль не вязалась со строгим порядком. Она явно не соответствовала характеру хозяина.

Мун направился к соседнему дому. Это был почти кукольный домик, состоявший из небольшой лавочки и чулана. Владелицей оказалась донья Села — та самая, на которую упал разрезанный пополам летчик. Услышав дверной колокольчик, она вышла из чулана. У нее был такой же испуганный вид, как в полицейском комиссариате.

— Что сеньор желает купить? — она спросила это по-испански, но красноречивый жест в сторону по-

лок, на которых попеременно с сигаретами были разложены имитирующие шпагу тореадора ножи для разрезания бумаги, статуэтки знаменитых матадоров, позолоченные медальоны с изображением святых и прочие дешевые сувениры, вполне заменял перевод.

Мун пробормотал что-то по-английски и беспомощно оглянулся. Он забыл, что для разговоров с местными жителями нужен переводчик. Но донья Села вывела его из затруднения, вынув из-под прилавка новенький испано-английский разговорник, приобретенный по случаю нашествия туристов. Разговорник не мог заменить переводчика, но Муну все же удалось понять, что донья Села видела, как доктор вчера выходил из дома с чемоданом в руке.

Мун поблагодарил донью Селу и купил пачку сигар. Стоила она семьдесят пять песет. Мун удивился, но, вспомнив, что ему-то сигары обошлись только в один доллар с центами, дал сто песет. Выражение испуга в глазах владелицы магазина на миг сменилось радостью. Но когда Мун выходил, донья Села уже снова смотрела на него так, словно ожидала увидеть вместо живого человека раздвоенный труп.

Выходя из лавочки сувениров, Мун оглянулся. Билль Ритчи как в воду канул. Причины, заставившие актера задержаться, были довольно ясны. Муна это вполне устраивало. Он не собирался утаивать содержание некоторых своих запросов от кого бы то ни было, скорее наоборот. Существуют разные методы проводить расследование. На этот раз Мун сознательно вел его (точнее говоря, существенную часть) в открытую.

Следующим пунктом намеченной программы было посещение американской медчасти. Найти военный лагерь удалось без труда. Следуя по пятам шагающих в строю солдат, направлявшихся после смены на отдых, Мун добрался до берега.

Невдалеке стояло на якоре несколько военных судов. Из причаливших катеров высаживались группы военных моряков. Очевидно, это и было пополнение, о котором говорил генерал Дэблдей.

Такое же оживление царило у входа в военный лагерь. Один за другим в ворота въезжали накрытые брезентом «студебеккеры».

Часовой задержал Муна.

— Талон есть?

— Какой талон?

— На душ.

— Мне надо в медчасть.

— Ничего не знаю. Мне приказано пускать только с талонами.

— Вызовите дежурного офицера.

К счастью, за проволочной оградой показался майор Мэлбрич.

— Впустить! — приказал он. — Хотите посмотреть, как живем? Или, может быть, нашли шифр и пришли за вознаграждением? — майор усмехнулся.

— Я хотел бы побеседовать с начальником медчасти.

— Ну что же, пройдемте! — предложил майор. Внезапно он обернулся.

Из остановившейся рядом машины выскочили солдаты. У всех были такие же целлулоидные личные значки, какой носил майор.

— Подъезжайте к складу и ждите! — приказал майор. — Без меня не выгружать!

— Собираетесь нырять за шифром на дно морское? — спросил Мун, заметивший в кузове что-то вроде водолазных костюмов.

— Я лично считаю, что это бесполезно. Но генерал хочет на всякий случай прочесать участок от пляжа до того места, где упал командир самолета...

Они прошли мимо выстроенных тут же под открытым небом походных душей. В двадцати одинаковых полукрытых кабинах мылись двадцать человек. Большинство были солдатами, среди них двое негров.

На зарубежных базах американской армии негры попадались куда чаще, чем дома. Удачный пропагандистский прием, подкрепленный легендой, что прохождение военной службы доставляет им одно удовольствие. Мун в этом сомневался. Едва ли расовые беспорядки на родине способствовали воспитанию патриотизма в чернокожих представителях американской демократии.

Внимание Муна привлекли двое посетителей душевых кабин. Солдаты были все упитанные — кормят в армии неплохо. Эти же двое, несомненно, питатские.

Одного Мун узнал без труда, по одутловатому лицу и глазам навывкате. Это был дон Брито, пожилой крестьянин, на дом которого обрушился реактивный мотор. Лицо второго казалось знакомым, но вспомнить, кто он, никак не удавалось. Среди свидетелей его наверняка не было, и вообще едва ли Мун видел этого человека в Панотаросе. Худощавый, очень высокий, весь облепленный клочьями мыльной пены, он стоял вполоборота к Муну. В отличие от остальных кабин полиэтиленовая полупрозрачная занавесь была плотно задернута. Но оставалась узкая щель. Натренированному глазу Муна было достаточно мимолетного взгляда, чтобы отметить и показавшиеся знакомыми морщинистые щеки, и ожесточенную тщательность, с которой знакомый незнакомец водил намыленной щеточкой по коротко остриженным ногтям.

— Идемте! У меня и так мало времени, — нетерпеливо пробубнил майор Мэлбрич.

Только теперь до Муна дошло, что, пытаясь вспомнить, где видел этого человека, он невольно остановился. Пробормотав что-то насчет проклятого ревматизма, Мун, слегка прихрамывая, двинулся вперед. Какой-то инстинкт подсказывал ему, что до тех пор, пока смутное воспоминание не примет конкретные очертания, лучше хранить этот факт про себя.

Медчасть размещалась отчасти в палатках, отчасти в автобусах. Один из них стоял несколько в стороне. Без единого окна, кроме кабины водителя, весь молочно-белый, без красного креста или иных обозначений, он производил неизъяснимо злое впечатление.

— Подполковник Брилтен! — громко позвал майор Мэлбрич и тут же откланялся: — Извините, мне некогда.

Из какого-то автобуса вышел сравнительно молодой человек в белом халате. Прежде чем дверь захлопнулась, Мун успел заглянуть. Увидел он не передвижной лазарет, не операционную, не спальню для личного состава (почему-то воинская медчасть ассоциировалась с такого рода помещениями), а лабораторию.

— Вы ко мне? — спросил подполковник.

— Мне нужен начальник медчасти.

— Это я! А вы кто будете?

Мун представился.

— Мистер Мун? Слышал о вас, даже читал. Не могу себе представить, что вас привело ко мне.

— Хотел узнать подробности о кончине Шриверов, — сказал Мун.

— Вы обратились не по адресу.

— То есть как это не по адресу? Начальник полиции утверждает, что Шриверы умерли после того, как их доставили в американскую медчасть.

— Правильно. Но не в нашу. Мы прибыли в Панотарос прошлой ночью, сменили медчасть шестьдесят седьмой моторизованной бригады. А насчет Шриверов слышал. Говорят, они отравились колбасными консервами.

— А может быть... — Мун в задумчивости запнулся. Только сейчас он понял, почему в автобусе размещена именно лаборатория. Это означало, что версия с химически отравленными осколками не маскировка. Мозг был настолько занят разгадкой смерти Шриверов и исчезновения Гвендолин, что фон этих событий — воздушная катастрофа — временами начисто забывался. А хорошему детективу не следует забывать ни о чем.

— Вы что-то собирались сказать, — напомнил начальник медчасти.

— Мне просто пришла в голову одна гипотеза. Допустим, Шриверы действительно нечаянно отравились. Но причиной тому не консервы, а... — Мун, сделав паузу, испытующе посмотрел на подполковника.

— А?.. — нетерпеливо повторил тот.

— Осколки! — выпалил Мун.

— Ни в коем случае! — начальник медчасти рассмеялся.

— Почему?

— Это долгий рассказ. Вы ведь все равно ничего не понимаете в медицине.

— Я догадываюсь, — заметил Мун, размышляя вслух. — Генерал Дэблдей намекал, что осколки не опаснее боя быков.

— Кто это говорил? Генерал Дэблдей! Ну, разумеется, он должен знать! — подполковник усмехнулся. — Речь не об этом. При любом отравлении могут быть несчастные случаи. Но Шриверы умерли

в тот же день. А для медика этим сказано все. К нашим осколкам их смерть не имеет никакого отношения.

В автобусе затрезвонил телефон. Начальник медчасти, кивнув Муну на прощание, повернулся.

— Извините, вы случайно не знаете, куда передислоцировали ваших предшественников? — задержал его Мун.

— Понятия не имею. Когда мы прибыли, их и след простыл. Обратитесь к майору Мэлбричу, он заведует кадрами.

Майора Мун нашел у склада — полутемного барака, где солдаты возились с каким-то снаряжением. Майор Мэлбрич стоял в полуоткрытых дверях спиной к Муну и отдавал распоряжения.

— Майор! — Мун кашлянул, чтобы привлечь внимание.

Майор Мэлбрич, захлопнув дверь, резко обернулся.

— Пожалуйста! — всем своим тоном он давал понять, что торопится.

— Меня интересует медчасть шестьдесят седьмой историзованной бригады.

— В каком смысле?

— Вы не скажете, куда их перебросили?

— Ах вот что! — майор снял фуражку и, поправив и так безукоризненно прямой пробор, снова надел. — Туда же, откуда прибыли. В Картагену!

— Придется мне, по-видимому, съездить туда, — заметил Мун.

— Их там уже давно нет. Они сейчас в пути — не то в Сеул, не то на Окинаву... Точно не помню.

— А куда именно? Постарайтесь вспомнить! — Мун пристально посмотрел на своего собеседника. Человек с таким прямым пробором обычно может похвастаться не только аккуратностью и исполнительностью, но и хорошей памятью. Однако, если учесть воздушную катастрофу и особенно пропажу секретных устройств... В таких случаях не мудрено потерять голову.

— В данном случае совершенно неважно, — майор Мэлбрич прищурился. — И я и они сами отлично знали, куда направляют. Во Вьетнаме санитарный персонал нужен до зарезу!

— Был официальный приказ? — осведомился Мун.

— Им об этом скажут, когда транспортный самолет возьмет курс на вьетнамский аэродром. В принципе это правильно. Зачем преждевременно подрывать моральный дух? Но наши мудрецы не учитывают, что у людей имеются уши. Сержант Смит, у которого в штабе есть знакомый сержант Джонс, часто осведомлен лучше любого генерала.

На обратной дороге Муну пришлось снова пройти мимо душевых кабинок. Мылась уже другая смена. Та кабина, в которой он давеча видел высокого худощавого человека со странно знакомым лицом, была вообще пуста.

КАБАЧОК ДОНА ХЕРНАНДО

Задумавшись, Мун вышел из ворот мимо часового и рывком остановился. Море било прямо в глаза. Солнце успело подняться в зенит, вода превратилась в отражатель. Море надвинулось на него, огромное, наполненное ослепительным солнцем. Впечатление было настолько сильным, что с полминуты Мун не видел ничего, кроме воды и солнца.

Постепенно он стал различать детали. Одна из деталей пейзажа поднялась, стряхнула песчинки с шорт и с угодливой улыбкой шагнула к Муну.

— Опять вы? — Муну не удалось скрыть раздражения.

— Извините, что задержался. — Билль Ритчи притворился, будто ничего не заметил. — Я только собирался осведомиться, не пришла ли на мое имя корреспонденция, но эти испанцы так болтливы! — старый актер театрально вздохнул.

— Каким образом вы вообще узнали, где я?

— О, это проще простого. Расспрашивал прохожих. За несколько часов вы успели стать знаменитостью. Вы не учитываете, мистер Мун, что означает прибытие знаменитого детектива для такого местечка, как Панотарос.

— А для вас? — иронически спросил Мун.

— Для меня? О, по отношению к вам у меня нет никаких корыстолюбивых замыслов. Я только подумал, что могу быть полезен хотя бы как переводчик. Конечно, согласись вы написать детективный сценарий, вы могли бы потребовать, чтобы на главную роль пригласили меня. — Билль Ритчи замолчал и, оставившись, помахал кому-то рукой.

Мун обернулся и увидел одного из свидетелей — дона Камило. Рыбак стоял на борту изрядно потрепанного баркаса, который выходил в море. У Муна сложилось впечатление, будто суденышко состоит в основном из многочисленных зашпаклеванных дыр. Помахав в ответ, дон Камило быстро спустился в каюту — очевидно, причиной тому был внезапно заглушивший мотор.

Несколько минут Мун и его спутник молча шагали вдоль почти безлюдного берега.

— Вы говорили с доном Энкарно? — наконец осведомился актер, глядя на собеседника своими наивными мутно-голубыми глазами. — Говорите, уехал? Не может этого быть! — глаза Билля Ритчи стали совсем круглыми.

— Почему не может?

— Насколько я помню, доктор Энкарно ни разу не выезжал из Панотароса. Даже в Малагу за медикаментами посылал кого-нибудь другого.

— Ну и что ж? На этот раз решил поехать сам.

— А если с кем-нибудь что-нибудь случится? Он ведь единственный врач в поселке! В последнее время в основном лечил туристов. Местные крестьяне не очень любят врачей. Считают, что панихида обходится дешевле. С меня он никогда не брал денег.

— Доктор Энкарно хорошо знал языки?

— Только английский. Несколько лет прожил в Америке. Я пытался его как-то расспросить, но он все отмалчивался. А в тот раз, когда заговорил, был так пьян, что я толком ничего не понял... Какие-то наркотики. Его не то арестовали, не то собирались...

— Он много пил?

— Наоборот, очень мало. Но иногда на него находило. Как будто изнутри грызет. Вы, слава богу, не знаете, что это за чувство... — Билль Ритчи замолк,

потом принялся причитать: — Уехал? Странно! А если у меня вдруг будет сердечный приступ?

— Кто-нибудь приходил к Шриверам, после того как их перевели в медчасть? — довольно грубо прервал Мун.

Билль Ритчи не ответил. Остановился, словно переживая какую-то мысль. Мутные глаза прояснились, морщины разгладились.

— Ну да, медчасть! Я ведь совсем забыл о ней. — Он говорил громко и радостно. — Там хорошие врачи! И они наверняка не откажутся помочь своему соотечественнику... Вы уже пообедали?

Вопрос был настолько лишен связи с предыдущим, что Мун опешил.

— Даже не завтракал. Может быть, пообедаем вместе? — предложил он.

— Нет, спасибо. Я не голоден. Но с удовольствием провожу вас. Это совсем недалеко. Бodega дона Хернандо. Очень милый кабачок, оригинальные блюда, вам понравится.

Кабачок дона Хернандо представлял собой похожий на подземный ход вытянутый в длину прохладный погреб. По одну сторону стояли винные бочки, по другую — стойка. Между ними оставалось достаточно места для высоких табуреток, на которых сидели посетители.

Здесь присутствовали почти все местные жители, встреченные Муном в полицейском комиссариате. Не было никакого сомнения, что они пьют в счет обещанной американцами компенсации.

Усевшись на табуретку, Ритчи повеселел.

— Вы должны всё попробовать... Всё! Не бойтесь, тут нет таких громоздких блюд, как у нас. Только легкие закуски.

Мун улыбнулся.

— С удовольствием! Но только если вы согласитесь разделить со мной этот обед.

Ритчи для вежливости сначала отказывался, потом, решив, что приличия достаточно соблюдены, сразу заказал множество блюд. Тут были бандерилас — деревянные палочки с нанизанными тонкими ломтиками ветчины, хлеба, колбасы и четвертью яйца поверх всего. Турецкий горох. Какие-то тарелочки с жа-

реной рыбой. Миниатюрный вертел с мясом. И множество других поданных в крошечных порциях блюд, названия которых Ритчи объявлял по мере их появления. Последним он заказал паэлью. Хозяин кабачка поморщился, но все же принял заказ. Судя по его гримасе, Мун ожидал увидеть по меньшей мере маринованную лягушку. Но это оказался обычный цыпленок с рисом и моллюсками.

Ритчи ел нарочито медленно, стараясь показать, что такой пир для него является обычным. Запив кусочек манчегского сыра глотком вина, представлявшего собой изобретенную самим хозяином смесь андалузийских сортов, он внезапно устался на Муна.

— Вы спрашивали, посетил ли кто-нибудь Шриверов? Я ходил, но меня не впустили. Даже этого попа не пустили. Должно быть, собирался перед смертью сделать из них католиков.

— Католиков? — удивился Мун.

— А как же! Вы разве не поняли, зачем он вертится вокруг Куколки? Небось меня не станет обращаться в веру истинную! Ему нужны люди богатые, влиятельные. Я ему как-то высказал без обиняков свое мнение, с тех пор Куколка и разозлилась на меня.

— Судя по этому, падре Антонио имеет на руках довольно хорошие карты, — заметил Мун.

— О, он-то знает свое дело! — сердито кивнул Ритчи. — Добивается, чтобы Куколка развелась с Мострелом и вышла замуж за своего официанта. Рамирос — католик. Поп надеется, что из любви к нему Куколка бросится в объятия римской церкви.

— А она? — спросил Мун, думая о чем-то своем.

— Сначала только посмеивалась, но внезапно присмирела. Даже четки купила, носит их иногда вместо ожерелья...

— По-моему, амплуа верующей не очень подходит для Куколки?

— Почему перемены ради не влюбиться в папу римского? Ей все надоело, ей подавай чего-нибудь свеженького — нового любовника или новую веру! — выпитое на голодный желудок вино начало оказывать свое действие. — Разве она еще способна во что-нибудь верить? Пять лет Голливуда превратят даже самого Христа в богохульника.

— А у нее здесь, в Панотаросе, были мужчины, кроме Рамираса?

В общем, похождения киноактрис ничуть не занимали Муна. Но почему Билль Ритчи так много и упорно говорил о ней? Может быть, за этим что-то кроется?

— Как вы думаете, она меня даром допускала в свое изысканное общество? Я был ее придворным поставщиком! Недавно здесь появился один американский журналист, так она и его захотела заполучить. Но ничего не вышло. Он меня все расспрашивал про эту сумасбродную Гвендолин. С кем проводит время, часто ли бывает одна, куда уезжает на своем «кадиллаке»?

— Из какой газеты он был? — Мун насторожился.

— Судя по физиономии, из какой-то бандитской. Вы ведь знаете, что представляет собой большинство наших журналистов — гангстеры, убивающие автоматической ручкой! — Ритчи все больше хмелел. — Вы думаете, я сам сошел на нет? Это они меня уничтожили. Сначала восхваляли до небес, а потом, когда я выступил в звуковом фильме, писали, что у меня дикция как у недорезанного поросенка...

— Этот журналист еще не уехал?

— Не знаю... Не видел его уже несколько дней. Он живет у маркиза. Вот и он сам! Легок, черт, на помине!

Мун обернулся. В кабачок вошел высокий седой человек. Он не походил ни на журналиста, ни на американца, ни на гангстера. Скорее на Дон-Кихота, втиснутого вместо доспехов в узкий клетчатый пиджак и потертые коричневые брюки.

Заметив Муна и Ритчи, человек направился прямо к ним. Прежде чем Мун успел что-нибудь сообразить, он увидел наведенное на себя дуло пистолета.

— Руки вверх! — произнес повелительный голос.

МАРКИЗ КАСТЕЛЬМАРЕ

Мун вскочил.

— Маркиз, когда вы бросите эти шутки?! — раздраженно проворчал Ритчи. — Вы ведь знаете, что у меня большое сердце... Чуть не напугали меня...

— Игрушечным пистолетом! — маркиз довольно рассмеялся. — Это приложение к американскому детективному роману «Панихида по епископу». Точная копия оружия, из которого епископ Дедлок убивает своих противников. Сеньор Ритчи, представьте меня.

— По-моему, вы уже сами прекрасно представились, — усмехнулся Мун.

— Вы считаете? Но этикетом тоже нельзя пренебрегать. Ритчи, прошу вас!

— Маркиз Кастельмаре-и-Энусанче-и-Казалакуна-и... Как там дальше было? — Ритчи, мстя за свой испуг, подтрунивал над маркизом.

— Хватит, все равно напутаете, — маркиз отмахнулся иронически великодушным жестом. — В общем, моя фамилия состоит из пятидесяти двух слогов и представляет собой полный реестр всех принадлежавших нашему роду владений. Очень печальная фамилия.

— Печальная?

— Каждый раз, когда ее произносят полностью, я вспоминаю, что мне могло бы принадлежать. Последние остатки былой роскоши франкисты конфисковали у отца. Он был республиканцем, даже анархо-синдикалистом. Остался только замок. Хорошо, что в нем почти нет мебели. Все равно крысы бы съели. Они у меня ходят такие голодные, что пришлось обить стены библиотеки жестью.

— У маркиза самая большая коллекция бандитских книжек в мире, — заметил Ритчи. — И разные приложения. Например, точная копия пушки, из которой архиепископ Чертбыего побрал застрелил инспектора полиции Болванопулоса.

— Сеньор Ритчи, вам вредно есть! — маркиз притворился рассерженным. — Слава богу, это не часто бывает! — и он заглянул в тарелку актера. — Ба! Цыпленок паэлья! А сейчас только двенадцать часов. Вы, сеньор Ритчи, достаточно долго живете у нас, чтобы знать, что для каждого настоящего испанца это почти святотатство, — маркиз поморщился точно так же, как хозяин кабачка.

— Тут принято есть паэлью только после девяти вечера, — пояснил Ритчи. — Идиотская традиция. У них, когда выбирают блюдо, смотрят не в меню, а на будильник.

— Не слушайте его! Традиция — прекрасная вещь. Почему в полицейских романах сыщик разоблачает преступника на последней странице, даже если ему все ясно с первой? Традиция. Например, глядя на вас, сеньор Мун, сразу чувствуется, что вы уже все разгадали.

— Вы знаете меня? — немного удивился Мун.

— Разумеется. Иначе не позволил бы себе сказать вам «руки вверх!» вместо «здравствуйте!». Вы мой любимый детектив.

— Как вижу, испанцы не скупятся на комплименты.

— Да нет, какой я испанец. Космополит. Знаю все основные языки, на которых выходит детективная литература.

— Подтверждаю, — сытым голосом отозвался Ритчи. Игнорируя лежавшего перед ним цыпленка, он теперь налегал на вино. — На днях маркиз присту-

пает к освоению китайского. Там, говорят, вышла потрясающая детективная книжка «Глубокое изучение изречений председателя Мао помогает установить личность преступника».

— Пить вам еще более вредно, сеньор Ритчи, — отмахнувшись от него, маркиз повернулся к Муну. — Честное слово! Я уже давно слежу за вашей блестящей деятельностью. В моей библиотеке целая куча газетных вырезок... Специально из-за вас пришел сюда.

— Как вы меня нашли?

— А как детектив находит преступника? При помощи логики. Вас видели с сеньором Ритчи. Этого мне было совершенно достаточно, чтобы догадаться, куда он вас в конце концов приведет.

— Маркиз, вы начинаете хамить, — чем больше Ритчи пил, тем больше свирепел.

— Я еще недостаточно поел и выпил, чтобы отвечать вам в том же духе, — примирительно пошутил маркиз. — Сейчас наверстаю упущенное. Эй, дон Хернандо!

Между ним и хозяином кабачка завязалась оживленная перепалка. Не понимая ни слова, Мун все же почти уловил суть. Сначала маркиз говорил повелительно, потом мимика и жесты приняли просительный характер. У хозяина же все было наоборот. Начал он спокойно, извиняющимся голосом, а под конец угрожающе размахивал руками.

— Кончилось мое райское житье! — ничуть не обескураженный маркиз повернулся к собеседникам. — Какое несчастье жить в таком маленьком местечке! Я-то надеялся, что, кроме меня, еще никто не пронюхал про отъезд сеньора Шмидта.

— Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Для меня — колоссальное! Дон Хернандо не только отказался кормить меня, но и возымел наглость потребовать от меня уплаты. Говорит, что за те деньги, которые я проел в счет будущей гостиницы «Маркиз Кастельмаре», он мог бы сам выстроить небоскреб. Типично испанская склонность к преувеличению.

— Может быть, я сумею поправить положение? — Мун улыбнулся.

— Не трудитесь! Это пустяки! — разговаривая, маркиз незаметно придвинул к себе тарелку Ритчи и начал жадно обгладывать цыпленка.

— Маркиз, вы забываетесь! — Ритчи осовело уставился на него.

— Я? Ах да! Это ведь ваш цыпленок, — небрежно бросил маркиз, продолжая спокойно есть.

— Мой! Но не в этом дело. Я хотел вам напомнить, что сейчас только двенадцать часов.

— Вполне возможно. Но поскольку в Панотаросе сейчас так много американцев, я решил жить по нью-йоркскому времени, — и маркиз, расправившись с цыпленком, пододвинул к себе сразу две тарелки со съедобными ракушками.

Пока он поедал их, Мун присматривался к нему. Клетчатый пиджак Шерлока Холмса, почти пародийное увлечение детективной литературой и ее героями, подтрунивание над собственной бедностью, гротескная манера разговора — было ли все это подлинным?

— Мистер Ритчи сказал мне, что в вашем замке проживает американский журналист, — Мун первым прервал молчание.

— Сеньор Краунен? О да! Поселился сразу же после переезда Шриверов в отель «Голливуд»... Подождите! — маркиз, прищурившись, перевел взгляд с Муна на актера. — Сеньор Ритчи вам, вероятно, сообщил, что мой гость интересовался сеньоритой Гвендолин. Так вот, мне достаточно посмотреть на вас, чтобы знать, что вы думаете о деле Шриверов. Мать и сына отравили, а дочку похитили. И сделал это не кто иной, как сеньор Краунен. Я жду! — маркиз перестал есть. — Только очень прошу, если вы намерены арестовать меня как его сообщника, не делайте этого здесь. Я навсегда потеряю кредит у дона Хернандо.

— Скажите, он действительно был журналистом? — Мун не реагировал на явное издевательство.

— Журналистом? Сеньор Краунен утверждал, что занимается океанологией. Меня он, между прочим, тоже расспрашивал о сеньорите Гвендолин. Я ему посоветовал держаться подальше. За исключением этого пункта, он мне показался довольно сообразительным парнем.

— Из чего вы сделали это заключение?

— Хотя бы из того, что он не клонул на знаменитый клад маркизов Кастельмаре. Я, знаете, каждому предлагаю за известное вознаграждение искать этот клад. Шриверы, например, облазили всю Черную пещеру. Даже сеньор Ритчи не устоял перед соблазном.

— Маркиз, это не по-джентльменски! — зарычал Ритчи.

— Почему же, я ведь с вас не брал денег.

— Вы мне напоминаете генерала Дэблдея, — заметил Мун.

— По-моему, между нами большая разница. Генерал Дэблдей считает детективов идиотами, а я наоборот, — двусмысленно отрезал маркиз.

— Я имел в виду ваш несуществующий клад. Генерал, например, выдумал тоже неплохую сказку. Ищет секретные устройства, а притворяется, будто дело только в химически отравленных осколках. Для правдоподобия даже выплачивает компенсации.

— Что? Компенсации? — маркиз от удивления даже перестал есть. — То-то я недоумевал, откуда они берут деньги на выпивку!

Мун вынул из кармана полученные от Шривера снимки сообщников Рода Гаэтано.

— Среди них нет случайно вашего квартиранта? — Мун пристально следил за маркизом.

— Нет! — рассеянно бросил маркиз. Он имел или делал вид человека, думающего о чем-то другом. — Сеньор Краунен выглядит совсем иначе. Светлые волосы, очки, темно-карие глаза. Таким я себе всегда представлял моего любимого героя Эллери Квина.

— Маркиз, вы лжете, — засыпавший было Ритчи вскинул голову.

— Я?

— Да, вы! У него серые глаза!

— Вы просто пьяны, сеньор Ритчи. У него темные глаза, почти как у испанца.

— Не спорьте! — бросил Мун. — Когда я увижу мистера Краунена, я скажу, кто из вас ошибался и почему.

Ритчи ничего не сказал. Он уже успел уснуть. Зато маркиз с явным вызовом спросил:

— Продолжаете развивать свою гипотезу? Могу заранее сказать, что она ошибочна. И затем, еще неизвестно, дождетесь ли вы сеньора Краунена. Дело в том, что он уехал.

— Когда и куда?

— За день перед воздушной катастрофой. Что касается «куда», то я не так любопытен, как вы. Спросите сами, если хватит терпенья дожидаться.

— Он вам сказал, что вернется?

— Я сам догадался.

— При помощи логики? — Мун начал уже выходить из себя. В словесной дуэли с маркизом он явно терял преимущество.

— На основании вещей, которые он оставил.

— Прекрасно! Вы не имеете ничего против, если я осматрю их?

— Надеетесь найти какую-нибудь нить? Случайно забытое письмо, в котором преступник раскрывает свои злодейские замыслы? Пожалуйста! Но только завтра. Сегодня я буду очень занят.

— Чем? — ехидно спросил Мун.

— Догадайтесь сами. Может быть, уничтожением улики, а может быть, наоборот. Впрочем, если это объяснение вас не удовлетворяет, потребуйте у начальника полиции ордер на обыск. Ворота моего замка всегда открыты представителям законной власти. До скорой встречи! — отойдя несколько шагов, маркиз нерешительно остановился, потом вернулся.

— Вы, надеюсь, читали знаменитое произведение Брента Фримена «Яд для избранных гостей»?

— У вас что-то общее с полковником Бароха-и-Пиносом, — усмехнулся Мун. — Он тоже любитель поговорить о литературе.

— Вы ошибаетесь. Я говорю о смерти Шриверов. Мне кажется, в данном случае кто-то действовал точно, как в этой книге.

— Кто именно? — рассеянно спросил Мун, глядя на не доеденные маркизом ракушки. С той минуты, как разговор зашел о Краунене, тот больше не прилагивался к еде. Случайное совпадение? Маловероятно.

— Гвендолин! Отравила свою мать и брата, а сама скрылась! — выпалил маркиз.

— Интересная гипотеза, — Мун кивнул. — Хотелось бы знать...

— Что? — прервал маркиз.

— ...из какого пальца вы ее высосали, — Мун невозмутимо закончил фразу.

— Из того же, что и вы свою.

Маркиз направился к группе местных жителей, уже заметно раскачивающихся на табуретах. Сзади он больше не походил на Дон-Кихота. Шагал уверенно и прямо — человек, хорошо знающий, к чему стремится. Отозвав в сторону одного из крестьян, он уселся с ним в самом отдаленном уголке, рядом с дверью, и стал о чем-то шептаться. Кто-то вошел в кабачок. В открытую дверь ворвался поток света. Только теперь Мун узнал дона Брито — земледельца, на дом которого свалился реактивный мотор. Что общего между ним и маркизом?

Мун уже расплатился, но не торопился уходить. Ритчи, уронив голову на стойку, потихоньку похрапывал. Даже в спящем состоянии он старался сохранить внешнюю благопристойность. Муну с трудом удалось растолкать его.

— Что такое? Как я сюда попал? — Ритчи не сразу узнал Муна. — Ах, это вы, мистер Мун! Чем могу служить?

— Спросите хозяина, что ему известно о человеке, с которым разговаривает маркиз.

Полученная информация удовлетворила ожидания Муна. Ходили упорные слухи, что дон Брито незаконнорожденный сын старого маркиза. В таком случае он приходится маркизу сводным братом.

Увидев, что оба встали, Мун тоже решил уходить. Маркиз Кастельмаре, направившийся было к двери, неожиданно повернулся и заступил Муну дорогу.

— Вы говорили, я высосал свою гипотезу из пальца... Так вот! Примерно неделю тому назад сеньорита Гвендолин брала у меня именно эту книжку.

— «Яд для избранных гостей»? Вы считаете, что она воспользовалась ею как руководством? — Мун откровенно издевался.

— К этой книжке есть приложение — точная копия флакончика с синильной кислотой, которой ге-

роиня отравила своих родственников. В нем была невинная миндальная эссенция.

— Ну и что?

— Эти реквизиты я для пущей важности держу в потаенном шкафчике, в библиотеке. Когда Гвендолин брала книжку, я оставил ее одну. А на следующий день заметил, что флакончик исчез.

— Но ведь в нем была миндальная эссенция.

— Да! Но я, будучи детективом-любителем, спрашивал себя: «Почему она в таком случае украла флакон?» У меня есть ответ: «Потому что не знала истинного содержимого». Не забывайте, что синильная кислота и миндальная эссенция имеют одинаковый запах!

МИНДАЛЬНЫЙ ЗАПАХ

Центральная площадь, столь оживленная утром, была совершенно пуста. Время полуденной традиционной испанской сиесты. Судя по цыпленку, которого полагалось есть только вечером, она беспрекословно соблюдалась местными жителями. Что касается иностранцев, то они не признавали традиций. Отсюда Муну был виден далекий склон горы, на котором по-прежнему копошились солдаты.

Добравшись до гостиницы, Мун обошел ее кругом. Нижний этаж вообще не имел окон. Начиная со второго этажа отель «Голливуд» представлял собой сплошное стекло с гирляндами балконов, нависшими прямо над морем. Чуть в стороне стоял большой одноэтажный гараж машин на двадцать.

В холле гостиницы не было никого, кроме портье. Он как раз кончал скромную трапезу, состоявшую из полбутылки самого дешевого вина и приправленного соевым маслом гороха с луком.

Заметив, что Мун принюхивается, дон Бенитес сказал извиняющимся тоном:

— Раньше жарили на оливковом. Теперь нам больше не по карману. Продаем за границу, а сами покупаем американское, соевое. Слава богу, что они

вино не додумались делать из сои... Ах, простите, сеньор! Не хотел вас обидеть. Есть очень славные американцы. Вот Шриверы, например. Всегда давали мне на чай. Я, конечно, отказывался, неудобно, что они подумают о нас, испанцах.

— В этом нет ничего оскорбительного, у нас все берут.

— У вас может быть. Но мы очень бедный, очень честный и очень гордый народ. Такой мальчишка, как Педро, конечно, может себе позволить. Собственно говоря, это его единственный заработок. Но если я буду брать, меня перестанут уважать. У вас все иначе. Вот, например, сеньорита Гвендолин частенько кричала на свою мать. В приличной испанской семье такое невозможно.

— Из-за чего она кричала?

— Да так, по всяким пустякам. Очень капризная барышня. Больше всего из-за того, что сеньора не давала столько денег, сколько та требовала на свои причуды. Представьте себе, как-то она хотела купить через подставных лиц эту гостиницу!

— Зачем?

— Чтобы выкинуть сеньору Роджер со всеми чемоданами и Рамиросом в придачу на улицу. Она ее ненавидела. Однажды специально пробралась ночью в его комнату. Через балкон.

— Я слышал об этом случае.

— Сеньор Рамирос утверждает, что она просто хотела его напугать. Сеньора Роджер подозревает любовную интрижку. Но я-то знаю правду. Она сделала это, чтобы вызвать ревность и насолить ей.

— А как Эвелин Роджер относилась к ней?

— Платила тем же. Иногда мне казалось, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы... Вот вернется сеньорита Гвендолин, и вы сами увидите, что это за чертенок.

— Вернется? — Мун нахмурил брови.

— Я в этом не сомневаюсь. Она и раньше пропадала подолгу. Кстати, не уверен, что сеньорита Гвендолин действительно поехала в Малагу. Она кому-то говорила, что поедет совсем в другое место.

— В какое?

— Педро точно не помнит.

— Тот самый Педро, что принес мой чемодан?

— Да. Рассказывал, будто подслушал какой-то разговор. Иногда он, правда, привирает. Не со злым умыслом, просто так, для важности.

— Все равно! — Муна начало лихорадить. — Мне надо немедленно поговорить с ним. Вы случайно не знаете, где можно его найти?

— Вы говорите о Педро? — почему-то изумился дон Бенитес. — Так он ведь в вашем номере! Все это время никуда не тронулся!

Так оно действительно и было. Открыв дверь тринадцатого номера, Мун увидел стоящий посреди комнаты чемодан. А на нем сидел Педро и, судя по свесившейся лохматой голове, спал.

Но не это заставило Муна как вкопанного остановиться. В комнате ощущался слабый, но все же достаточно явный запах миндаля. Запах, свойственный и синильной кислоте, и безобидной миндальной эссенции. Мун, должно быть, вскрикнул, во всяком случае Педро мигом проснулся.

— Что с вами, сеньор? — вскочивший с протянутой рукой мальчуган растерянно посмотрел на позеленевшее лицо гостя. — Если вам нездоровится, я могу сбежать за доктором Энкарно.

Педро проворно метнулся к двери. Очевидно, уже в уме подсчитал, сколько чаевых получит за эту услугу.

— Не надо, — Мун остановил его. — К тому же доктор уехал.

— Знаю, сам вчера помогал ему отнести чемодан до автобуса. Но, может быть, он уже вернулся?

— Ты разговаривал с ним?

— Ну конечно! Спросил, куда это он. Доктор ведь обычно никуда не ездит, даже в Малагу.

— И что же он тебе сказал?

— Чтобы я лучше не совал свой нос в дела, которые меня не касаются.

— Интересно! Слушай, Педро, хочешь быть моим помощником?

— А кто вы такой?

— Разве портье тебе не еказал? Я детектив, человек, который ловит преступников.

— Полицейский? У нас в полиции служат одни фашисты.

— Я частный сыщик.

— Вроде Шерлока Холмса?

— Ты читал про него?

— Читать я не умею, — Педро мотнул головой. — Мне рассказывал маркиз Кастельмаре. Он хороший, даже позволяет поиграть пистолетом.

— Игрушечным?

— Зачем мне игрушечный? — с презрением отмахнулся Педро. — Настоящим! Даже позволил зарядить его.

Мун внимательно посмотрел на мальчика. Дон Бенитес предупреждал, что он иногда любит приврать. Но даже в этом случае от него можно получить ценную информацию. На детей обычно не обращают внимания, их не опасаются, зато сами дети временами подмечают то, что ускользает от взрослых.

— Значит, ты согласен стать моим помощником? — Мун потрепал вихрастую голову.

— А что я должен делать?

— Отвечать на вопросы. Портье сказал мне...

— Дон Бенитес? Между прочим, он мой дядя. Он тоже хороший.

— Тем лучше. Он говорит, ты слышал, будто Гвендолин Шривер поехала не в Малагу.

— Это правда. Я как раз вышел из нашей пещеры. Вижу, на дороге стоит автомобиль сеньориты. Такой красивый, красный. Я уже хотел забраться в него и нажать на гудок. И тут я услышал ее голос. Она стояла за скалой и с кем-то разговаривала.

— Что она сказала?

— Точно не помню. Я понял, что она собирается ехать в... Все время вертится на языке, но никак не могу вспомнить. Да, а до этого она отдавала мужчине деньги. Я слышал, как он пересчитывает, а потом он спросил: «Это все?» Она ответила: «Больше у меня нет».

— Было ли у тебя впечатление, что она их отдает не по собственному желанию?

— Ну конечно! У меня под ногами зашуршал камень. Тут он высунулся из-за скалы. У него в руке был револьвер. Но он не успел заметить меня.

— А ты не выдумываешь?

— Спросите дядю Бенитеса, я никогда не выдумываю!

— Ты испугался?

— Ни чуточки! Только быстро заскочил в пещеру и больше не высовывался. А потом услышал, как заводят мотор. Когда я выглянул, машины уже не было.

— Мужчину ты не успел разглядеть?

— Нет. Но я узнал голос. По-моему, это был сеньор Краунен, тот, что живет у маркиза.

— Почему ты никому не рассказал об этом?

— Кому? — Педро презрительно поморщился. — Дядя Бенитес не поверил бы, остальные тоже. А в полицию я не пошел, потому что там служат одни фашисты.

— Понятно.

— Больше не будет вопросов? — Педро привычным движением протянул руку.

— Сколькo с меня причитается? — с улыбкой спросил Мун.

— Во-первых, я тащил ваш чемодан до гостиницы, во-вторых, принес его в номер, в-третьих, сторожил несколько часов. — Педро загнул три пальца и, немного подумав, добавил: — В-четвертых, бегал за доктором.

— Но я не посылал тебя за ним.

— Да, но я собрался, уже добежал до двери... Если бы вы меня не остановили...

— Ладно, допустим, что я не остановил тебя. Сколько же всего получается?

— Ну, скажем, десять песет!

Мун порылся в бумажнике.

— Нет, нет, вы меня не так поняли. Это я бы с другого взял, но я ведь ваш помощник. Дайте сколько не жалко. Я сегодня еще ничего не ел.

— Если бы ты вспомнил, куда собиралась ехать Гвендолин Шривер, то получил бы сто песет.

— Целую сотню? Вы не обманываете меня? — недоверчиво спросил мальчуган.

— Нет. — Мун одобряюще взглянул на Педро. — Если случайно вспомнишь, забеги.

— Сто песет! — Педро присел на чемодан и задумался. — Знаете, я лучше постараюсь сразу вспомнить... Куда она могла поехать? В Бобадилу? Нет! Во Флорадо? Нет, совсем не то!

Загибая при каждом названии палец, Педро принялся перечислять все известные ему города и поселки. Похоже было, что он в состоянии просидеть на чемодане до следующего утра или, по крайней мере, так долго, пока не иссякнет запас его географических сведений.

— Сходи поешь сначала, — предложил Мун. — Вот тебе аванс.

— Ничего, потерплю, — рассеянно ответил мальчуган. Внезапно он вскочил с чемодана. — Вспомнил! Какое-то съедобное название. Сейчас, сейчас... — И Педро принялся цитировать все известные ему лично или понаслышке блюда. Процесс был трудоемким, ничто не предвещало близкий конец.

Мун открыл дверь на балкон и вышел. Почти у самых ног лежало море, испещренное парусами рыбацких лодок и дымками стоявших на причале военных судов. Из комнаты доносилось монотонное бормотание Педро, сопровождаемое при упоминании особых деликатесов прищелкиванием, чмоканьем и вздохами.

Пляж был почти безлюден. Только у пансиона «Прадо» стояло несколько смеющихся и жестикулирующих молодых женщин, окруженных американскими моряками. Под руку со своими кавалерами они исчезли в дверях. Белые блузы и круглые шапочки моряков на миг мелькнули в окнах и скрылись за опущенными жалюзи. Зеленоватая, обрызганная солнцем водная гладь переливалась тысячью оттенков — от прозрачного малахитового цвета вдоль берега до черно-зеленого у острова Блаженного уединения. Мун вспомнил слова Шмидта: «Прекрасный вид на море! Чтоб его черт подрал!» Что означала эта таинственная фраза? Чем вызвано поспешное бегство кельнского предпринимателя?

Открытый в сторону моря балкон по бокам был обтянут тентом. Мун окинул взглядом расстояние до соседнего. Ловкому, не боящемуся головокружения человеку ничего не стоило забраться к соседу. Мун заглянул в прорезь развевающейся по ветру полосатой материи. Эвелин Роджер принимала солнечную ванну. Ее шоколадное тело покрывал густой слой витаминизированного масла. Судя по аромату, это было оливковое — то самое, что из кухни испанцев перекечевало в лаборатории заграничных парфюмеров.

МИНДАЛЬНЫЙ ТОРТ

Когда Мун спустился вниз, в холле уже царило некоторое оживление.

— Я хотел бы осмотреть комнату Гвендолин Шривер, — обратился он к портье.

— Минуточку, — дон Бенитес дал кому-то ключ, кому-то расписание самолетов, третьему обещал заказать на завтра место в автобусе. Делал он все это проворно и быстро. — Знаю, мне звонил полковник Бароха-и-Пинос. Вы не возражаете, если я пойду с вами? Не то чтобы я вам не доверял. Но хозяин, сеньор Девилье, будет сердиться, если узнает, что я впустил вас в пустую комнату.

— Вы забыли ключ, — напомнил Мун, увидев, что портье направляется к лестнице.

— Не беспокойтесь. Он у меня тут, — дон Бенитес хлопнул себя по карману.

— Не понимаю, — Мун пожал плечами. — Могли спокойно оставить на доске. Вы ведь уверены, что за ее исчезновением ничего не кроется.

— Я-то да. Но не другие. Первые два дня он висел на доске, пока я не поймал маркиза Кастельмаре при попытке тайком стащить ключ.

— Когда это было?

— Вчера утром.

— То есть сразу после смерти Шриверов... Гм...
А как он пытался объяснить свой поступок?

— Никак. Я его и спрашивать не стал. Дело ясное — маркиз воображает себя детективом. Ему, совсем как вам, повсюду мерещатся преступления.

Дон Бенитес отпер комнату и впустил Муна. Запахло еле уловимыми, уже выветрившимися духами и ароматом свежих цветов.

— Тут кто-то недавно был. — Мун остановился перед металлической подставкой для вазы. Ваза была миниатюрная, похожие на красные ромашки цветы выглядели по сравнению с ней непомерно большими.

— Ах это? — дон Бенитес улыбнулся. — Это поставила горничная. Сеньорита Гвендолин может вернуться в любую минуту, и если не будет убрано, мне влетит от хозяина. Вы не знаете, какая она капризная.

— Вы всем гостям ставите цветы?

— Только в номерах, где соединительная дверь. Для полной иллюзии. Мосье Девилье считает...

— Соединительная дверь? — прервал Мун, разглядывая покрытые абстрактным узором обои стены, за которой находилась его собственная комната. Он не нашел ни малейшего намека на отверстие, пока портье не указал на вбитые в пол шляпки декоративных гвоздей.

— Это двойной апартамент, точно такой же у сеньоры Роджер и сеньора Рамироса. Вот задвижка! — дон Бенитес, притронувшись к подставке для вазы, передвинул ее влево. — Не будь гвоздей, вы могли бы сейчас пройти в свой номер.

— К чему это хитроумное приспособление? Простая ручка сослужила бы ту же службу.

— Вы не знаете наших гостей, — дон Бенитес грустно покачал головой. — В наше время люди, даже если они молодожены, не говоря уже о прочих родственниках, ценят не только комфорт, но и уединение. Поэтому мосье Девилье и придумал эти подставки для цветов. Запираешься, и никакая дверная ручка не напоминает тебе, что рядом твой ближний.

Мун принялся осматривать комнату. По мебелировке она ничем не отличалась от его собственной. Раз-

бросанные по столам, кровати и креслам киножурналы и книжки в пестрых обложках, по которым можно было безошибочно угадать, что привлекало Гвендолин: сенсация, насилие, секс. На стенах — вырезанные из журналов фотографии знаменитых гангстеров и киноактрис, преимущественно исполнительниц главных ролей в вестернах и тому подобных американских боевиках.

Не было никакого сомнения, что в глазах Гвендолин эти револьверные полубоги олицетворяли романтику. Муну приходилось сталкиваться с такой романтикой каждый день — чисто профессионально. Одних она приводила к наркотикам, других — на скамью подсудимых. Тех, которым удалось избежать худшего, заставляла бешено мчаться на мотоциклах неизвестно зачем, неизвестно куда или ломать стулья и опрокидывать машины после концерта их любимцев.

— Начальник почты рассказывал мне, что вы принесли письмо миссис Шривер, — только сейчас вспомнил Мун. — Она не делала никаких намеков на его содержание?

— Никаких. Но письмо было очень важное — для нее.

— Почему вы так полагаете? — спросил Мун, продолжая тщательно обшаривать комнату. Ему было самому не очень ясно, чего он ищет.

— Сеньора казалась очень взволнованной. К тому же это было сразу после ссоры с сеньоритой Гвендолин.

— Они часто ссорились?

— Я вам уже рассказывал. Большей частью из-за пустяков. Но на этот раз дело было посерьезнее.

— Вы подслушивали? — догадался Мун.

— Что вы? Просто проходил по коридору и случайно уловил несколько фраз... По-моему, речь шла о каком-то мужчине, с которым сеньорита Гвендолин встречалась. Мать пригрозила, что напишет отцу, чтобы тот лишил ее наследства.

— А что на это ответила Гвендолин?

— Закричала, что мать об этом еще пожалеет.

— Значит, вы все-таки иногда подслушиваете? — Мун улыбнулся.

— С умыслом никогда! — портье тоже улыбнулся, полувиновато-полулукаво. — Я тогда просто еще раз прошелся по коридору.

— Получается, что миссис Шривер реализовала свою угрозу, — задумчиво пробормотал Мун, протягивая дону Бенитесу десять песет.

— Нет, нет, не беру чаевых, — отмахнулся тот.

— Жаль. Я хотел отблагодарить вас за информацию.

— Вы можете купить у меня какого-нибудь святого, — портье проворно вытащил из кармана целый набор пестрых открыток. — Шриверы всегда так делали. Вот вам святой Хулиан! Покорнейше благодарю, — портье с поклоном взял деньги.

Минут пять Мун еще продолжал обыск, но ничего любопытного так и не нашел.

Услышав рядом радостный крик, Мун кинулся к себе. Педро стоял посреди комнаты и счастливо улыбался.

— Вспомнил! Вспомнил! — смеялся он, хлопая в ладоши. — У Рола в субботу был день рождения, меня тоже пригласили. Сеньорита Гвендолин специально привезла из Малаги огромный миндальный торт. Вкусный до черта, я ведь тогда еще не знал, что завтра Рола уже не будет в живых.

— Ты говоришь, миндальный торт? — взволнованно переспросил Мун.

— Да! Но дело не в этом...

Мун усмехнулся. Откуда мальчику знать, что миндальный торт — самая идеальная возможность добавить в еду синильную кислоту — так, чтобы едок не почувствовал ее горечи.

— Когда ты уходил, от торта еще что-нибудь оставалось?

— Почти половина! — Педро с сожалением облизнулся. — Я ведь говорил, он был громадный. Но вишни и ананасные дольки мы с Ролом уже съели. Они лежали сверху, для украшения.

— При чем тут вишни? — кулинарная болтовня Педро с трудом доходила до сознания Муна.

— Благодаря им я наконец вспомнил. Вишня по-испански называется «череза». А место, куда поехала сеньорита Гвендолин, — Пуэнте Алчерезилло! Звучит

очень похоже, не правда ли? Это в сторону Малаги, примерно на полдороге.

— Спасибо. Ты первоклассный помощник. — Мун вынул из бумажника деньги.

Педро схватил банкнот без всяких церемоний и мгновенно убежал. Видно, не терпелось утолить голод, растравленный получасовым перечислением яств.

Мун остался один на один с вьедливым запахом. Вопреки сомнениям дона Бенитеса в правдолюбии Педро, у Муна создалось впечатление, что на этот раз мальчик не слишком привирал. Не исключено, что утверждение, будто он узнал проживающего в замке Краунена, зиждется на довольно простительном для подростка желании щегольнуть своей осведомленностью. Однако вся остальная описанная им сцена звучала вполне правдоподобно. Особенно занимали Муна деньги, которые Гвендолин передала своему спутнику.

Узнав у дона Бенитеса, что миссис Шривер хранила свои деньги в местном отделении Малагского банка Педро Хименеса, между прочим единственным финансовом заведении Панотароса, Мун направился туда.

Клерк в нейлоновой рубашке с черным галстуком и темно-синими нарукавниками поверх белоснежного пиджака разменивал пожилой даме американские путевые чеки на песеты. Выпроводив клиентку, он с деловитой любезностью обратился к Муну:

— Прошу!.. Банк Педро Хименеса совершает любые операции во всех крупных городах мира, включая покупку акций, игру на бирже и тотализаторные ставки, — угадав с безошибочным профессиональным чутьем национальность Муна, он заговорил с ним по-английски.

— Меня интересует, сколько денег осталось на счету у миссис Уны Шривер.

— Странно! — клерк подозрительно покосился на Муна. — Совсем недавно с таким же вопросом ко мне обратился маркиз Кастельмаре. Но при всем уважении к нему, а также к вам я не имею права нарушить оказанное нам доверие.

Мун показал выданное Джошуа Шривером полномочие.

— Это не меняет положения. Абсолютная тайна вкладов — основной принцип нашего банка, — упрямо повторил клерк.

— Позвоните начальнику полиции, — потребовал Мун.

Клерк неохотно послушался. После короткого телефонного разговора с еще меньшей охотой дал нужную справку.

— Восемнадцатого марта на счету было 16 747 пест.

— Вклад довольно скромный для миллионеров.

— Это только в местном отделении. У сеньоры Шривер неограниченный кредит в нашем банке. Деньги по мере надобности переводились из Малаги.

— Мисс Гвендолин имела доверенность?

— Да.

— Она в последнее время снимала со счета крупную сумму?

— Как раз восемнадцатого марта.

— По доверенности?

— Нет. — Клерк замаялся. — Дело в том, что за день до этого сеньора Шривер аннулировала ее. Сеньорита Гвендолин предъявила подписанный матерью чек. Она взяла...

— Не трудитесь. Всю сумму, не так ли?

— Действительно. Но откуда это вам известно? — недоумевал клерк.

— Покажите мне чек, — попросил Мун.

— Чеки я отсылаю в Малагу. А что такое? — встревожился клерк.

— Только то, что чек скорее всего поддельный. Позвоните мистеру Хименесу, пусть даст подпись на графологическую экспертизу.

Клерк побледнел. Кинулся было к телефону, но сдержался, вспомнив о своих обязанностях.

— До свидания, сеньор! Наш банк всегда к вашим услугам. Любые денежные операции во всех... — конец фразы наполовину заглушила захлопнувшаяся дверь.

На улице Мун замешкался, чтобы закурить сигару и поразмыслить над этим новым поворотом событий. Изнутри донесся взволнованный голос клерка, кричащего в телефонную трубку: «Падре Антонио!» Потом

голос стал невнятным, испанские фразы превратились в глухое бормотание. Но у Муна не осталось ни малейшего сомнения, что речь шла о его визите.

Потом Мун долго сидел в своей комнате, не зажигая света, обволакиваемый горьковато-сладким запахом миндаля, густым дымом купленных в лавочке сувениров испанских сигар и целым роем навязчивых идей, которые весьмагодились бы издательству «Ящик Пандоры». В свое время, когда Муна выгнали из полиции, правда с почетной пенсией, он чуть было не поступил на работу в это издательство, поэтому хорошо знал, по какому рецепту там фабрикуют детективы.

Так прошло более получаса.

Мун посмотрел на светящийся циферблат и только тогда вспомнил приглашение генерала Дэблдея. Генерал обладал в Панотаросе всей полнотой власти и мог бы существенно помочь в расследовании. Завязать с ним хорошие отношения особенно важно потому, что в начальнике местной полиции Мун инстинктивно чувствовал скорее недоброжелателя, нежели союзника. Но стоит ему получить соответствующее приказание от генерала, как он, усердный служака, расшибется в лепешку, чтобы угодить тому.

Мун принял душ и переоделся. Пока он застегивал сорочку, его преследовало какое-то неотвязное смутное воспоминание, выплывшее из подсознания, когда он стоял под ледящей струей. Оно было как-то связано с посещением военного лагеря и казалось очень важным, как любое зашифрованное послание, к которому потерял ключ. Но вспомнить так и не удалось. Помешал майор Мэлбрич, пришедший сообщить, что генерал Дэблдей ждет его.

СЕКРЕТЫ ГЕНЕРАЛА

Коктейль назывался «Манхэттенский проект». Уже после первой рюмки Мун убедился, что название весьма подходящее. По своему воздействию напиток даже превосходил первую атомную бомбу, над которой трудились выдающиеся ядерные физики, собранные в Лос-Аламосе для осуществления Манхэттенского проекта.

Майор Мэлбрич, на которого было возложено приготовление коктейля, сам ничего не пил. Розита Байрд делала вид, что пьет, а генерал Дэблдей больше закусывал. Один Мун занимался тем, чем положено заниматься на коктейльной партии.

В открытое окно доносился говор шумной толпы, заполнившей всю центральную площадь. Испанские фразы попеременно с английскими. Изредка в это двое-речье вплетались отдельные французские и немецкие слова. Как и во всей Испании, Панотарос начинал жить по-настоящему по вечерам. У Муна слегка гудело в ушах. То ли это был шум прибоя, то ли воздействие напитка.

Майор Мэлбрич поставил перед ним третью рюмку. Мун опрокинул ее и чуть не поперхнулся.

— Ну, как вам нравится? — спросил генерал Дэблдей.

— Отлично! Такое ощущение, будто я проглотил настоящий на спирте кайеннский перец.

— В данном случае я имел в виду Розиту, — генерал улыбнулся. — Посмотрите на нее! Серебряное облако над белым утесом! Нечего краснеть, лейтенант! Если бы не мое официальное положение, обязывающее оказывать внимание Эвелин Роджер... Конечно, незамужней она остается только для рекламных афиш. В самом деле она миссис Мострел. Мисс — это, если так можно сказать, ее воинское звание. Куколка в некотором роде тоже генерал. У нее тоже есть секреты, только косметические, есть адъютант, правда, не такой надежный, как мой.

Майор Мэлбрич отвернулся. Шутка генерала, видно, пришлась ему не по вкусу.

— Ну что, лейтенант, может быть, мне все-таки плюнуть на свое положение и влюбиться в вас? — генерал подмигнул.

— Вы слишком много выпили, генерал, — Розита сдержанно улыбнулась. — Мисс Роджер не простила бы мне этого.

— Не преувеличивайте. Во-первых, я выпил всего полторы рюмки, во-вторых, очаровательной Эвелин мои ухаживания нужны только для популярности. Она без ума от своего Рамироса, а он, в свою очередь, обожает ее.

Черные глаза Розиты блеснули подобно вспышке магния.

— Вы так полагаете? — ее голос был странно бесцветен.

— Разумеется. Я бы на его месте делал то же самое. Как-никак более приятное занятие, чем работать в ресторане. И чаевые покрупнее...

Муну показалось, что губы Розиты дрогнули, но она ничего не сказала. Только нервно оправила невзвешенно белый китель и подошла к окну.

— Высматриваете своих кавалеров? — генерал добродушно улыбнулся и, повернувшись к Муну, пояснил: — Лейтенант служит на военно-морской базе в Роте. Я, признаться, не сразу понял, почему такая красивая девушка так охотно согласилась перебраться

в эту дыру. Думал, что покори́л ее своими хорошими манерами.

— А теперь понимаете? — Розита спросила полукокетливым тоном, за которым, как показалось Муну, скрывалась тревога.

— Разумеется! Женский инстинкт подсказал вам, что все ваши поклонники будут передислоцированы в Панотарос. За один сегодняшний день прибыло пятьсот моряков. Готов поспорить, что из-за Розиты они не заметят даже Куколку Роджер.

— И водолазы тоже? Я полагал, что у них бывают романы только с русалками, — пошутил Мун.

— Водолазы? — Розита удивилась. — Почему вы думаете, что с нашей базы прибыли водолазы? Ничего подобного...

— Вы просто не в курсе, лейтенант, — поправил майор Мэлбрич. — Мистер Мун видел снаряжение, оно прибыло сегодня, а люди завтра.

— Да, да! — быстро подтвердил генерал. — Это идея майора — искать шифр в морских пучинах.

— Извините, генерал, это была ваша идея, — вежливо поправил майор. — Вы просто забыли.

— Возможно, — генерал Дэблдей поморщился. — Но с вашей стороны, майор, не очень воспитанно напоминать мне о моем старческом склерозе, — генерал рассмеялся и, словно желая перевести все в шутку, добавил: — Между прочим, я даже забыл, какие гости еще должны прийти.

— Мисс Эвелин Роджер, мистер Рамирос Вилья, полковник Бароха-и-Пинос! — по-военному четко доложил майор.

— Я начинаю верить, что забывчивость стала характерной чертой для руководящих офицеров. — Мун насмешливо улыбнулся. — Сначала майор Мэлбрич поразил меня, а теперь и вы, генерал...

— Я? Ах да, насчет водолазов. Это простительно. Операцией по поиску шифра непосредственно руководит майор.

— Но этикетом вы. Полковник мне сегодня жаловался, что его забыли пригласить.

— Не понимаю... Лейтенант встретила полковника на улице. Он ей сказал, что придет. — Генерал обратился за подтверждением к Розите. — Вы ведь

именно поэтому пришли? Полковник, правда, считает, что говорит по-английски не хуже оксфордского профессора, но, когда он начинает беседовать об искусстве, я даже с переводчиком не всегда его понимаю.

Смуглое лицо Розиты зарделось. Казалось, что сквозь бронзовые тонкие стенки просвечивает пламя.

— Может быть, я его не так поняла, — она быстро отвернулась.

— Ничего, даже если это только недоразумение, я от него все равно в выигрыше... За вашу красоту! — генерал протянул рюмку.

Розита взяла свою, чтобы чокнуться. Лицо, с которого сошел багрянец, было спокойным, улыбка, как всегда, сдержанной. Но Мун уловил скользнувший по нему, словно невзначай, испытующий взгляд. Переводчица как будто старалась понять, какое значение Мун придал ее выдумке о встрече с полковником. Он не сомневался, что это намеренная ложь. Но ради чего, вернее, ради кого Розита Байрд пожелала присутствовать на этой коктейльной партии?

Столь же загадочны были отношения между генералом и его адъютантом. Одетый в замшевые туфли, бежевые фланелевые брюки и малиновую нейлоновую рубашку с распахнутым воротником, сыпавший комплиментами, с завидным аппетитом уплетавший закуску, генерал Дэблдей походил в эту минуту на дипломата, отдыхающего от официальных речей в обществе обаятельной женщины и умного собеседника. Затянутый в мундир майор Мэлбрич выглядел его полной противоположностью. Даже коктейли он смешивал по-всеенному четко. Рука, встряхивающая в эту минуту посеребренный шейкер, казалась созданной для стрельбы по мертвым и живым мишеням, для отдачи чести, для наведения полевого бинокля. Судя по всему, это был идеально вымуштрованный подчиненный для оперативного и точного исполнения приказов. И все же Мун не мог отделаться от чувства, что генерал его немного побаивается. Вот и сейчас между ними разыгралась сценка, дающая богатый материал для размышлений.

Генерал попросил майора закрыть окно. Становилось прохладно. Резкий, свойственный этим местам переход от щедрого дневного тепла к ночному похоло-

данию вызывал озноб... Майор поставил шейкер на передвижной бар и тремя размеренными шагами подошел к окну. Генерал о чем-то зашущукался с переводчицей. Майор закрыл окно и, направившись к генералу, встал за его спиной. Шепот сразу прекратился.

— Не бойтесь, майор, никаких военных секретов я не раскрывал, — генерал засмеялся. — Только предложил лейтенанту сопровождать меня в Мадрид.

Майор улыбнулся. Улыбка чем-то походила на его прямой пробор — она была точно отмеренной и, как в этом Мун после убедился, одинаковой на все случаи жизни.

— Именно это вы не должны делать, генерал, — майор почему-то взглянул на Муна. — Вы же знаете, ваша жена просила меня присматривать за вами.

— Моя жена! Ха, ха! — генерал расхохотался. Пенсне на его крупном, с горбинкой носу подпрыгивало от хохота. — Жаль, что мистер Мун не в состоянии оценить ваш юмор. Нет, нет, мистер Мун, это вам никогда не удастся... Надо знать мою уважаемую супругу! Слава богу, что майор доложил ей о моем безукоризненном поведении.

Генерал умолк, потом, словно вспомнил, что обязан разъяснить Муну ситуацию, добавил:

— Она не менее ревнива, чем Куколка Роджер.

— А разве она имеет основания для ревности?

— Моя жена? — генерал возмущенно закачал головой. — Ну что вы, я образец супружеской верности.

— Я имел в виду Эвелин Роджер.

Генерал не успел ответить. В дверь постучали. Майор отпер, приоткрыл ее немного, потом, убедившись, что это ожидаемые гости, широко распахнул дверь.

Куколка Роджер словно решила поменяться ролями с генералом. Вместо вечернего туалета она щеголяла в форме рядового воздушнодесантных войск. Это был тот самый запечатленный неоднократно на кинокадрах и фотоснимках наряд, которым она в прошлом году покорила сердца сражавшихся в Южном Вьетнаме солдат. Державшийся на расстоянии Рамирос был одет в белый смокинг. Он был до того элегантен, что будь на месте номера гостиницы зал шикарного ресторана, его можно было принять за метрдотеля.

— Мы только что говорили о вас, Эвелин, — генерал говорил тем фамильярным тоном, который принят между хорошими друзьями.

— С кем? — Куколка взяла протянутую майором рюмку.

— С мистером Муном.

— А, с детективом! — Куколка поморщилась и, выпив одним залпом рюмку, улыбнулась. — Не представляю себе, о чем вы разговаривали. Детективы ведь не интересуются сексом?

— Это ваше поверхностное наблюдение, — генерал улыбнулся. — Мистер Мун, например, только что спрашивал, имеете ли вы основания ревновать Рамироса к другим женщинам?

— Я? — Куколка хрипло рассмеялась и тряхнула тяжелой светлой копной. Волосы ее были перевязаны парашютным шнуром.

— Именно вы! — несмотря на галантную улыбку генерала, интонация была явно провокационная.

— К женщинам? К каким женщинам? Для Рамироса существует только одна женщина, остальные для него мужчины! — Куколка сопровождала каждую фразу хрипловатым смешком. — Скорее я могу ревновать его к алкоголю. — Куколка повернулась к своему спутнику. — Не пей, тебе это вредно! — она выхватила у него рюмку с коктейлем и выпила единым духом.

По ее слегка дрожащим пальцам Мун понял, что она уже пьяна.

Куколка с недовольной гримасой отставила рюмку.

— Что это такое?

— «Манхэттенский проект», мисс Роджер, — откликнулся майор.

— Неужели? Что-то непохоже. Может быть, военное ведомство для экономии рекомендует заменять виски дистиллированной водой? Ну что ж, в качестве атомного запала годится. Рамирос, принеси из моей комнаты водку. Мы сейчас сотворим водородную бомбу.

— Абсолютно чистую! — Мун улыбнулся.

— Ну, конечно, никакой радиации. Ни головных болей, ни сентиментального желания бросить эту со-

бачью жизнь и начать новую. Новая все равно будет такой же собачьей!

— Хорошо, что вы не проповедовали это убеждение нашим солдатам во Вьетнаме. — генерал засмеялся. — У моего коллеги Уэстморленда глаза бы выкатились из орбит.

— Ваш коллега — идиот! И вообще, все генералы... Нет, не хочу портить отношения с армией... Дайте мне лучше еще один запальчик!

Опрокинув рюмку, Куколка оглянулась. Заметила переводчицу и бесцеремонно спросила:

— А это кто такая?

— Извините, я не успел представить. Моя переводчица лейтенант Розита Байрд!

Розита встала. Она стояла навытяжку, всем своим видом подчеркивая, что является военнослужащей, а не женщиной.

— Хорошенькая. — Куколка осмотрела ее с ног до головы. — Будь я режиссером, я бы немедленно пригласила вас на роль... танцовщицы ревю! Вы не выступали в мюзик-холлах?

— Нет.

— Ну, конечно, фигура не та. — Куколка изобразила на лице сочувствие и повернулась к только что вошедшему Рамиросу. — Присмотрись к этой крошке. Может быть, у тебя возникнет желание позабавиться с ней, она, кажется, не прочь.

Рамирос небрежно кивнул Розите и немедленно повернулся к ней спиной. Своим поведением он как бы подтверждал заявление Эвелин, что, кроме обожаемой Куколки, для него женщины не существуют. Поставив на стол литровую бутылку с польской водкой, он улыбнулся.

— Надеюсь, на сегодняшний вечер хватит? — потом, повернувшись к Муну, гордо сказал: — Может быть, вы возьметесь выяснить эту загадку. Первый раз вижу такую женщину! Сколько бы ни выпила, всегда трезва, как холодильник!

— Тренировка! — небрежно бросила Куколка и, усевшись на стол, принялась за составление «водородной бомбы». По сияющему лицу было видно, что комплимент ей явно льстил. Рамирос взглядом, выражающим снисходительное восхищение, следил за

ловкими движениями ее рук. Сначала в стакан выплескивался коктейль. Оболочкой для атомного заряда служила долитая по самый край водка. Наполнив этой горючей смесью шесть стаканов, Куколка весело соскочила со стола.

— Прощу! Превентивный массированный удар по вражескому тылу! Нет, нет! — она отняла стакан у Рамироса. — За тебя я выпью сама. Ты — санитарный отряд, будешь подбирать павших!

Из массированного удара ничего не получилось. Все отказались. Один Мун решил на этот рискованный эксперимент. Заметив, что он отпивает маленькими глоточками, заполняя паузы между ними отчаянными гримасами, Куколка возмутилась:

— Боже мой! Какое позорное зрелище! Разве вы когда-нибудь видели, чтобы водородную бомбу сбрасывали по частям? Залпом! Смотрите на меня! — она высоко подняла стакан и без видимого усилия влила в себя содержимое.

Мун последовал ее примеру. Сознание сразу же затуманилось. Незаметно для себя он остался лишь с генералом и Куколкой. Остальные исчезли в непроглядном тумане.

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

Напротив себя Мун видел генерала Дэблдея и свешивающиеся со спинки генеральского кресла длинные ноги Куколки. Они качались, как маятник, временами почти касаясь выстроенных на низком столике пока еще полных стаканов. В ушах Муна звучал вкрадчивый голос генерала.

— С вами я бы с удовольствием сыграл шахматную партию.

— В шахматы не играю, — пробурчал Мун. — Можно в двадцать одно. На что играем? Давайте разыграем вашу переводчицу. В ней есть что-то таинственное...

— Таинственное? — Куколка резко засмеялась. — Лучше играйте на меня.

— Я говорил в переносном смысле, — генерал совершенно игнорировал Куколку. — Ваша профессия разгадывать тайны, моя — скрывать их. Жаль, что нам не придется сразиться за одним столом. Умные противники встречаются не так часто. Хотя однажды мы уже встречались. К сожалению, за меня сыграл другой.

— Дублер? — Куколка хихикнула. — Я думала, что только у кинозвезд бывают дублеры.

— Не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, — Мун покачал головой.

— Помните дело Спитуэлла?

— Еще бы! Из-за него меня выгнали из полиции.

— Это можно еще поправить. У меня хорошие связи. Вы были инспектором, сейчас вы могли бы стать старшим инспектором.

— К черту.

— Браво! — Куколка зааплодировала. — Это единственно разумная философия!

— Заткнись! — грубо оборвал генерал. — Вы помните, мистер Мун, убийство Спитуэлла хотели приписать русским агентам? Чтобы убедить вас в этом, некий полковник Мервин подсунул вам одного человека.

— Помню, — Мун кивнул. — Этот тип довольно ловко выдавал себя за русского. Но, как только он почти признался в убийстве Спитуэлла, я его сразу раскусил.

— Да, грубейшая ошибка со стороны полковника... К сожалению, я об этом узнал значительно позже.

— Вы?

— Да. Он был моим прямым подчиненным. Вмешаться я уже больше не смог. Я находился тогда в секретной командировке. Настолько секретной, что о ней не знал даже президент, только мой непосредственный начальник.

Из окружавшего Муна тумана внезапно возник майор.

— Генерал! — он предостерегающе кашлянул.

— А вы не подслушивайте! Лучше выпейте! — Куколка протянула ему стакан. — Генерал Дэблдей, по-моему, ваш майор никакой не адъютант, а китайский шпион. Посмотрите, как он косит.

— Я сказал тебе, заткнись! — бросил генерал и, повернувшись к адъютанту, иронически улыбнулся. — Ложная тревога, майор. Можете передать это моей жене.

— Не будете пить? Ну конечно, шпионы всегда должны сохранять трезвый рассудок. — Куколка взяла отставленный майором стакан.

— Убрать ее? — тихо спросил майор.

— Ладно! Пусть остается, — генерал повернулся к Муну. — Я не успел вам рассказать, чем кончилось дело Спитуэлла.

— Для меня? Пинком в деликатное место.

— Нет, для меня. Мервин — круглый идиот! К сожалению, я понял это слишком поздно. Его грубая ошибка могла иметь последствием крупный скандал. А в нашем деле важнее всего престиж. Наши действия должны казаться непогрешимыми, иначе могут усомниться во всей системе. Поэтому я демонстративно взял всю вину на себя.

— Как президент Кеннеди после провала высадки в Плайя-Хирон?

— Да. Но ему это не помогло. Все равно убили. Это железный закон! Если не умеешь или не желаешь убрать с дороги других, тебя самого убьют. Ну, как вы смотрите на мое предложение?

— Никак! Я смотрю на Куколку! — буркнул Мун. Вот уже пять минут, как она пила из пустого стакана. После каждой проглоченной залпом воображаемой водородной бомбы ее глаза стекленели все больше и больше.

Генерал брезгливо отодвинул белокурую голову, бессильно упавшую на его плечо, и снова повернулся к Муну.

— Я имел в виду работу в полиции, — объяснил он и добавил: — С повышением! Возможно, значительным!

— Вы давно занимаетесь филантропией? — ехидно спросил Мун.

— Такой? Всегда! Во-первых, вам место на государственной службе. Дураков у нас предостаточно, а вот умных не умеют ценить. Во-вторых, полковник Мервин как-никак был моим подчиненным. Хотя я не несу прямой ответственности за его тогдашние действия, тем не менее чувствую какую-то вину перед вами. В-третьих, мистер Шривер один из самых влиятельных деловых партнеров моей бывшей фирмы. Если я сделаю ему приятное, он при случае оплатит тем же.

— Всё? — спросил Мун.

— Почти. Ну, а главное — иметь своего человека в полиции никогда не мешает, — и генерал подмигнул.

Подмигнул, разумеется, одним глазом. Все же Муну почудились два прищуренных левых и два правых глаза, пристально наблюдавших за ним.

— Так что филантропией тут и не пахнет, — продолжал генерал Дэблдей. — Трезвый расчет плюс капля совести.

— Извините, но сейчас я до того пьян, что могу сказать не то, что полагается в приличном обществе. — Мун искоса взглянул на Куколку. Она спала, умудряясь при этом не выпускать из руки пустого стакана.

— Как угодно. Я скоро уеду, так что пользуйтесь возможностью.

— Благодарю. — Мун с трудом оторвался от кресла. После нескольких неуверенных шагов ему удалось выловить из тумана сифон с содовой. Забрызгав сорочку, он не без труда наполнил стакан и выпил. Звон в ушах унялся, голова немного прояснилась.

— Кстати, вы не могли бы одолжить мне Розиту Байрд? — вспомнил он.

— На ночь? Об этом вы должны договориться сами.

— Я предпочитаю спать в одиночку.

— В одиночку? — Куколка проснулась. — Пить в одиночку еще можно, но спать... — она поежилась. — Для этого нужна тренировка. Я пробовала, но у меня ничего не получается.

— Просто несчастье с этими звездами! — генерал вздохнул. — Пожалуйста, на какое время?

— На завтра. Хочу поехать в Пуэнте Алчерезилло.

— Вы попали на след Гвендолин Шривер?

— Возможно... С вашего позволения я скажу ей, чтобы приготовилась.

Мун оглянулся. Туман постепенно рассеивался. Оказалось, что кто-то снова успел открыть окно. Розита стаяла, наполовину высунувшись наружу, рядом с ней Рамирос. По еле уловимому движению рук и плеч Мун понял, что они разговаривают. Профессиональный взгляд, на зоркости которого опьянение почти не отражалось, подсказал, что разговаривают, по-видимому, о чем-то важном.

Звон разбитого стекла заставил Муна повернуть голову. Из руки Куколки выпал пустой стакан. От-

швырнув ногой осколки, она схватила последний еще полный и выкрикнула:

— Эй вы, генералы, майоры, лейтенанты и прочие идиоты! Слушайте меня! Превентивный массированный удар по коммуникациям противника! Телефонная связь прервана! Все разговоры прекращаются!

Стоявший на столе телефон пронзительно затрезвонил. Это было настолько неожиданно, что даже Куколка перестала пить.

Майор не спеша направился к телефону. Сняв трубку, он заметно изменился в лице. Потом быстро подошел к генералу.

— Вас вызывает... — он шепнул что-то непонятное.

— Сейчас! — генерал проворно вскочил и, наступая на осколки, кинулся к телефону. Майор властно заступил ему дорогу.

— Одну минуту! — Он повернулся к гостям: — Леди и джентльмены, секретный разговор! Прошу всех выйти из комнаты!

ВХОД В ЧЕРНУЮ ПЕЩЕРУ

— К вам это тоже относится, мисс Роджер, — майор Мэлбрич подтолкнул ее к двери.

— Ко мне? — Куколка истерически рассмеялась. — Вы ведь сказали «леди». А я не леди... Я... — Рамирос пытался зажать ей рот, но неудачно. — Каждый, кто заплатит полдоллара за вход в кино, может меня иметь. Я обязана раздеваться перед ним и еще улыбаться при этом. Тут, кажется, кто-то сказал — секреты? Все, что сегодня делается в моей кровати, завтра уже будут знать миллионы. Разве это жизнь! Замочная скважина! Любому почему-то дано право заглядывать в нее!

— Ты пьяна! — Рамирос размахнулся и дал ей звонкую оплеуху.

— Кажется, я действительно перепила. — Куколка внезапно расплакалась. — Уведи меня отсюда! Какие противные рожи! — и, дрожа всем телом, она прижалась к Рамиросу.

Мун и Розита вышли вслед за ними. Прежде чем дверь номера захлопнулась, Мун успел заметить взгляд, которым обменялись Рамирос и Розита. Розита тотчас же отвернулась. Но как она ни старалась выглядеть безучастной, ее лицо еще короткое мгнове-

ние хранило странное выражение. Так выглядит человек, владеющий каким-то секретом, но не выдающий его до поры до времени.

— Прошу вас! — майор Мэлбрич распахнул перед ними дверь.

Генерал подошел к Розите.

— Завтра вы поступаете в распоряжение мистера Муна, — он уселся в кресло и, налив себе водки, медленно выпил рюмку. — Майор, ей-богу, вы мне надоели со своей конспирацией! Напоминаете человека из анекдота, который до того боялся шпионов, что даже мыслил не словами, а цифрами. Мистер Мун может еще подумать бог знает что. Просто небольшая неприятность...

— Хорошо, генерал, раз так, давайте говорить начистоту, — майор тоже налил себе и в отличие от генерала выпил залпом. — Я беру на себя ответственность. Большая неприятность! В двадцати километрах от Малаги разбился самолет... Налетел в тумане на горы. В нем находилась аппаратура, детекторы сложной конструкции для обнаружения отравленных...

— Осколков! — ввернул генерал Дэблдей. — Мистер Мун и без вас все знает. Лучше приготовьте коктейли!

— Я, пожалуй, пойду, — Мун покачал головой. — Вы расстроены, я пьян, так что никакого веселья все равно не будет.

— Нет, нет! Оставайтесь! — генерал Дэблдей почти насильно усадил его. — Выпьем как следует! Погибших мы все равно не воскресим.

— Генерал, разрешите мне пойти. — Розита надела форменный берет. Серебряные волосы исчезли, лицо сразу стало другим. Только сейчас Мун понял, что Розита по-настоящему красива. Она, несомненно, была мексиканкой с примесью древней ацтекской крови. Такие чуть раскосые, загадочно черные глаза он видел на фресках Диего Риверы.

— Пожалуйста, — генерал кивнул. — Видеть трех вдребезги пьяных мужчин — зрелище мало привлекательное. А для более приятного времяпрепровождения мы тоже не годимся. Мистер Мун объявил, что предпочитает спать один, у меня есть жена,

а майор занят тем, что беспрерывно напоминает мне об этом.

— Вы шокируете мисс Байрд, — пробормотал Мун.

— Ничуть! — Розита улыбнулась с обычной сдержанностью. — Я достаточно умна, чтобы отличить милый комплимент в чисто армейском духе от назойливости некоторых мужчин.

— Кого вы имеете в виду? — резко спросил майор.

— Этого самого господинчика, будущего мужа мисс Роджер. Пока мы стояли у окна, он нашептывал мне такие бесстыжие вещи, что даже повторять не хочется. — Розита взглянула на Муна и тут же, потупив глаза, покраснела. — Когда мне зайти к вам, мистер Мун?

— К десяти часам... Пожалуй, лучше позже. — И, глядя Розите прямо в глаза, Мун соврал: — В это время ко мне обещал зайти Рамирос, а вам, наверное, будет неприятно его общество.

— Нет, почему же. — Розита равнодушно пожала плечами. — Я и таких мужчин умею держать на расстоянии. Значит, в десять?

— Да. — Мун мотнул головой. — И переоденьтесь, пожалуйста, в штатское. Мундир обычно плохо влияет на искренность опрашиваемого.

— Извините, я ничего не взяла с собой. — Розита явно смутилась и, пытаясь скрыть свое смущение за шуткой, добавила в несвойственном ей легкомысленном тоне: — Если мой белый китель стесняет вас, выдавайте меня за стюардессу. До свидания!

Мун молча выпил приготовленный майором коктейль и задумался. Странно, что такая красивая женщина не привезла с собой ни одного платья.

Стук в дверь прервал его размышления. Он походил на барабанную дробь, какой в армии выбивают сигнал тревоги.

— Куколка! — простонал генерал. — Майор, спрячьте поскорее бутылку. Может быть, это заставит ее уйти.

Когда майор открыл дверь, Мун вместо Куколки увидел маркиза. Если бы не характерная борода

клином и загнутые кверху усы Дон-Кихота, он бы ни за что его не узнал. На маркизе не было ничего, кроме деревянных крестьянских башмаков и коротенького демисезонного пальто, из-под которого выглядывала волосатая грудь и худые длинные ноги.

— Что такое? — генерал остолбенел.

— Я маркиз Кастьельмаре. Где у вас ванная комната?

Генерал так опешил, что машинально показал на ведущую в ванную дверь. Только после этого раздраженно бросил майору:

— Зачем вы его впустили? Разве не видите, что это сумасшедший?

— Печальное недоразумение, — маркиз гордо выпрямился. — Я не сумасшедший, я маркиз. Сеньор Мун может это подтвердить. А ворваться к вам в такое позднее время побудило меня только то плачевное обстоятельство, что в моем замке нет горячей воды. Тысячу извинений!.. Надеюсь, у вас найдется кусок мыла? Не беспокойтесь. Как только получу компенсацию, я заплачу за него.

— Какая компенсация? По-моему, он все-таки сошел с ума! — генерал отодвинулся.

— Не волнуйтесь, генерал, я не опасен.

Генерал отошел еще на два шага. Майор решительно встал между ним и маркизом.

— Я поговорю с ним, — шепнул он, — а вы тем временем позвоните. Пусть немедленно вышлют военный патруль.

— С этим можно не спешить, — маркиз хитро подмигнул. — Я принял все меры предосторожности. Точно по инструкции. Всю одежду — свою, моего садовника и его жены — сжег, и все, что было в огороде — помидоры, турнепсы, бататы, — облил керосином и тоже сжег. Осталось только принять душ и получить компенсацию.

— Вы обнаружили осколки? — майор насупился. Появившееся на лице недоверие мгновенно сменилось выражением удовлетворения.

— Вот именно! — маркиз гордо кивнул, словно нашел легендарный клад Кастьельмаре. Потом опомнившись, печально вздохнул. — Надо сказать, что такого гигантского ущерба нашим фамильным вла-

дениям не причинило даже нашествие мавров... Если сложить вместе урон...

— Вы получите компенсацию! — резко оборвал его майор. — Покажите, в каком месте упали осколки, — он отдернул портьеру.

На стене висела схематическая карта Панотароса.

— Примерно тут, — палец маркиза остановился вблизи черточки с обозначением «Вход в Черную пещеру».

— Если сложить вместе урон от Великой инквизиции при короле Фердинанде и конфискацию имущества при генерале Франко... — маркиз, видимо, боялся, что американцы без этих экскурсов не поймут всю величину постигшей его катастрофы.

— Не трудитесь, маркиз, — генерал отмахнулся. — Компенсацию вам выдадут без всяких исторических справок. Даже если бы от вашего замка осталось одно название, мы и то возместили бы вам все до последнего цента. Наша страна достаточно богата.

— Ничего другого я от вас не ожидал! — маркиз церемонно поклонился. — Американцы — джентльмены! Если бы вам, генерал, пришлось сжечь моего прапрадеда, вы бы выплатили наследникам приличную компенсацию. — Разговаривая, маркиз подошел к столу. Его внимание привлекли закуски. Ловким движением отправив в рот большой кусок сыра, он продолжал: — Вместо того чтобы проклинать вас, они на следующий день притащили бы вам мою прапрабабушку. — Маркиз уселся и придвинул к себе поближе тарелку. — К сожалению, инквизиторы не были такими мудрыми политиками, как вы...

— В какую сумму вы оцениваете свои убытки? — генерал вынул чековую книжку.

— Я должен подумать, — маркиз дожевывал кусок окорока, запил его коктейлем, потом сказал: — Ну овощи — это мелочь, хотя учтите, что в связи с их почти поголовным уничтожением рыночная цена сильно возросла. А вот с гардеробом дело посложнее... Я его шил у лучшего мадридского портного из самого дорогого материала... — объявил маркиз с полным ртом и, усевшись поудобнее, расстегнул пальто.

Мун захохотал. Генерал и майор изумленно уставились на маркиза.

— Ну это уже слишком! — фыркнул генерал.

— Вы имеете в виду, что я без приглашения сел к столу? — невозмутимо спросил маркиз. — Забыл вам сказать, что на всякий случай уничтожил имеющиеся в моем замке запасы продовольствия.

— Судя по вашему аппетиту, они были не очень велики, — генерал улыбнулся.

Маркиз с оскорбленным видом отодвинул тарелку.

— Нет, нет! Продолжайте! А насчет компенсации мы, кажется, договоримся. Завтра вы получите две тысячи песет! А пока... — генерал вынул из шкафа нейлоновые трусы и протянул их маркизу.

Маркиз посмотрел на трусы, потом на себя. Быстро запахнул пальто и пробормотал:

— Совершенно забыл, что сжег свои единственные кальсоны. Садовник напомнил мне об этом, но было уже слишком поздно. Как вы сказали? Две тысячи? — маркиз недовольно поморщился.

— Вас это не устраивает? Три тысячи!

— Нет, что вы! — маркиз возмутился. — Испанский аристократ никогда не торгуется... Десять тысяч, и по рукам!

— Десять! Я не ослышался? — генерал посмотрел на пальто, которое снова расплзлось.

— Нет, все правильно, — вызывающе ответил маркиз. — Пять тысяч за психическую травму. Вы ведь первый заметили, что я сошел с ума? А пять — за моральную. Из-за ваших дурацких инструкций мне, маркизу Кастельмаре-и-Энусанче-и-Казалакуна (свои прочие титулы я опускаю), пришлось показываться в таком виде на улице. Позор!

Генерал выписал чек и подошел к карте. Так же, как на висевшей в кабинете полковника фотографии, вся восточная часть Панотароса, от замка до пансиона «Прадо», была обведена красным кольцом. Но на карте кольцо дополнялось пунктирной линией, включавшей остров Блаженного уединения.

— Теперь вы убедились, генерал? — спросил майор.

— Да. Вы были правы. Можете стирать. Там нам искать нечего.

Майор вынул из нагрудного кармана резинку и размеренным движением стер пунктирную линию. Мун заметил, что его бесстрастное лицо заметно оживилось.

— Вот и все! — майор Мэлбрич подкинул резинку и схватил на лету. В его темных, обычно непроницаемых глазах вспыхнуло торжество.

ЗАМОК С ПРИВИДЕНИЯМИ

Пламя костра вырвало из мрака серые замшелые стены замка и фигуры людей. Судя по тому, что огонь все еще не собирался потухать, маркиз бросил в костер не только скудную одежду, но и добавил для пущего эффекта изрядное количество горючего.

В тридцати шагах от костра виднелось забаррикадированное отверстие, перед которым стояли двое часовых. Это был вход в Черную пещеру. Сразу же за ним начинался поросший высоким непроходимым кустарником хаос нагроможденных друг на друга, прорезанных глубокими трещинами скал.

Такой же кустарник рос на месте, где маркиз обнаружил осколки бомбы. Майор Мэлбрич жестом остановил саперов, прибывших на «джипе» под командованием капитана.

— Стоп! — он осветил карманным фонарем кустарник. Кусты были вышиной в человеческий рост, похожие на терновник. Ветки с продолговатыми негнущимися листьями тесно переплетались, образуя непроходимую миниатюрную чащу. Вырубить их, очевидно, стоило бы немалого труда. Только этим объяснялось, почему этот дикий островок, окруженный возделанной землей, остался нетронутым. Маркиз по-

работал на славу. На месте бывших грядок теперь виднелись груды пепла. В воздухе носился едкий запах гари. Легкий ветер подхватывал хлопья и разносил вокруг.

Садовник маркиза и его жена стояли в стороне. Это были старые люди. По их поношенной, но еще вполне приличной одежде Мун догадался, что маркиз сильно преувеличивал количество брошенной в огонь одежды из его гардероба.

Майор Мэлбрич шагнул к кустарнику.

— Не подходите! — зловеще прошипел маркиз.

В коротком пальтишке он сейчас походил на задрапированного в львиную шкуру дрессировщика, с гордостью показывающего зрителям своего опасного питомца.

— Обо мне можете не беспокоиться, — буркнул майор. — Но вы-то, надеюсь, не подходили близко?

— Что вы! Я не сумасшедший! — маркиз энергично мотнул головой и быстро добавил: — Это, конечно, только образное выражение. В результате полученной психической травмы я действительно немного того, — маркиз стукнул себя по лбу. — Но не настолько, чтобы рисковать жизнью.

— А как же вы в таком случае обнаружили осколки? — недоверчиво спросил Мун.

Майор недружелюбно посмотрел на него. Его взгляд, казалось, говорил: «Нечего вам совать свой нос в дела, в которых вы ровно ничего не понимаете». С самого начала он довольно недвусмысленно намекал Муну, что тому лучше оставаться в гостинице. Но маркиз галантно заявил, что приглашает знаменитого детектива к себе в гости. Дело кончилось тем, что генерал Дэблдей усадил Муна в машину рядом с собой, предоставив сидевшему позади майору выслушивать подробное повествование маркиза о фамильном кладе. Генерал и сейчас поддержал Муна.

— Действительно, почему вы их только сегодня заметили? — генерал повернулся к маркизу.

— Сегодня? Если бы я раньше знал про... — маркиз замаялся. — Мне в голову не приходило, что моим владениям грозит такая катастрофа. Я в огород никогда не заглядываю, а мой садовник подслеповат.

Однажды, когда мы с ним отправились на базар продавать овощи, он даже спутал сеньору Роджер с сеньоритой Гвендолин... Сегодня вечером я случайно заглянул сюда. Собирался угостить своего гостя артишоками...

— Какого гостя? — быстро спросил Мун.

— Неважно, вы его не знаете, — маркиз усмехнулся. — Вижу, в кустарнике что-то подозрительно блестит. Я сразу отпрыгнул в сторону и приказал садовнику бежать к дону Ларинко.

— При чем тут какой-то дон Ларинко? — не выдержал майор.

— Как при чем? Он торгует керосином. Генерал на сегодняшнем инструктаже в полицейском комиссариате ведь говорил, что надо сжечь абсолютно все.

— Как это вы еще не подпалили свой замок? — спросил майор. Видно, в некоторых случаях и он был способен на шутку.

— Я об этом подумывал. Но замок плохо горит, да и денег не хватало. А в кредит дон Ларинко не отпускает керосина, — маркиз с видимым удовольствием разыгрывал из себя простака. — Мавры однажды собирались поджечь его, но, как видите, к моему прискорбию...

— Замолчите! — генерал остановил его. — Откуда вы знаете, что это осколок бомбы, а не бутылки?

— Скажите, когда вы ходили за артишоками? — вмешался Мун.

— Совсем недавно. Может быть, прошло полтора часа, не больше.

— Значит, было уже темно, — удовлетворенно констатировал Мун.

— Хоть глаза выколи! — согласился маркиз, не подозревая ловушки.

— Так какого черта вы можете знать, что там блестит в кустарнике? Вы сами сказали, что близко не подходили.

— Мистер Мун, не лезьте со своими сыщицкими заковыками! — грубо оборвал майор Мэлбрич. — Здесь допрашиваю только я! — повернувшись спиной к Муну, он обратился к генералу: — Никакого сомнения! Помните, что я утверждал? Сейчас убедитесь!

Майор шагнул вперед. Луч мощного фонаря шарил по кустарнику. Когда он приблизился к нему примерно на тридцать шагов, в чаще что-то вспыхнуло. Мун заметил, что одновременно на его френче засветилась надпись «Майор Райф Мэлбрич». Очевидно, отблеск догорающего костра упал на личный значок. Майор быстро отскочил. Свечение сразу же погасло. Именно в эту минуту огонь окончательно потух.

— Вы были правы. — В почти полной темноте голос генерала Дэблдея казался необычно глухим.

На фоне черного неба рельефно проступал еще более черный силуэт замка, прорезанный светлыми квадратами нескольких освещенных окон. Потом вспыхнули фонари саперов. Они принялись огораживать территорию, минимум в десять раз превосходящую занимаемую кустарником. Майор и генерал, попрощавшись, направились к машине. По долетевшим до него обрывкам разговора Мун понял, что говорят они о Черной пещере. Речь шла о возобновлении каких-то поисков.

— Прошу в мой замок! — маркиз сделал величественный жест. — Даже не верится, что такой именитый гость переступит порог моей скромной обители. Но, увы, вас ждет горькое разочарование!

— Вы полагаете, что отсутствие мебели оставит удручающее впечатление?

— Не будем хитрить. Вы ведь пришли сюда, чтобы осмотреть вещи моего квартиранта.

— Вы что, уничтожили их?

— Ваша догадливость поражает меня, — маркиз перешел на шепот. — Боялся, что подозрительному майору Мэлбричу придет в голову рыться в костре. Хлопчатая бумага плохо горит, так что уличить меня во лжи было бы нетрудно. Помните роман «Убийца пьет только светлое пиво»? По одной полуобгоревшей хлопчатобумажной нитке детектив определяет размер, цвет, фасон пиджака и даже в каком магазине куплен. Так что мне пришлось для правдоподобия подбросить костюм сеньора Краунена. Он, по крайней мере, из чистой шерсти.

— Мне начинает казаться, что всю историю с осколками вы затеяли специально для того, чтобы сжечь его вещи.

— Очень проникательно! — восхищенно воскликнул маркиз. И тут же предупредил: — Осторожно! Не вывихните ногу!

Когда-то стены замка окружал ров. Сейчас он был засыпан землей, на которой садовник выращивал овощи, но полусгнивший подъемный мост со ржавыми цепями и висевшим вниз головой родовым гербом еще сохранился.

— Святая мадонна! — маркиз пронзительно вскрикнул. Мун повернулся, впиваясь взглядом в непроницаемую темноту.

— Вы провалились? Помочь вам?

— Я ведь сказал, у меня кошачье зрение! Вспомнил чрезвычайно важную деталь. Прежде чем сжечь костюм сеньора Краунена, я тщательно осмотрел его при помощи увеличительного стекла. Ничего подозрительного. Тогда я с не меньшей тщательностью обнюхал его. И представьте себе, — маркиз сделал значительную паузу. — От него несло черным котом!

— Откуда вы знаете, что он был черным? По приставшей к воротнику шерстинке? — Мун пытался шутить.

— Вы меня не поняли. Так называются духи сеньориты Гвендолин «Ша нуар», в переводе на английский «Черный кот».

Когда тяжелые двери, скрипя ржавыми петлями, закрылись, Мун увидел тускло освещенное помещение, которому полное отсутствие какого-либо намека на мебель придавало вид гробницы.

— Сколько лет вашему замку? — спросил Мун.

— Этой развалине? — маркиз усмехнулся. — Около девяти веков. Его несколько раз перестраивали, по-моему, это была роковая ошибка. Прощу следовать за мной!

Как только они двинулись по выщербленным временем каменным плитам, Мун почувствовал себя как бы внутри органа. Мощная акустика превращала шаги в гулкие фуги, которым под самыми сводами отзывалось похожее на каменные вздохи эхо. Кожаная подошва Муна и деревянные башмаки маркиза имели свой особый отличительный регистр. А где-то над головой Мун слышал еще какие-то звуки. Это не мог быть ни садовник, ни его жена. Шаги были

быстрые, проворные и в то же время настороженные. Мун невольно поднял голову. Так и казалось, что сквозь невидимый глазок в стрельчатом своде за ним кто-то наблюдает.

Маркиз прислушался. На его лице появилось озабоченное выражение.

— Пойдемте скорей! — предложил он. — Как бы не случилось несчастья!

— Убийство? — хмуро пошутил Мун. Маркиз действовал ему на нервы.

— Нет, сеньор Браун в этом отношении совершенно безобиден. Но я слышу по шагам, что он пошел в библиотеку. Если он не закроет дверь, туда проникнут крысы.

По пустому замку, подобно пушечному выстрелу, прокатился звук захлопнувшейся двери.

— Слава богу! Все в порядке. — Маркиз облегченно вздохнул и перешел на интонацию гида, знакомящего туриста с историческим местом. — Здесь живет садовник со своей женой, — он показал на дверь, из-под которой пробивалась полоска света. — Вы, должно быть, удивляетесь, почему я держу прислугу? В данном случае это не роскошь, а средство к существованию. Если бы он меня не подкармливал, я бы не имел сейчас возможности беседовать с моим любимым детективом. Одно время меня еще кормили предки.

Они проходили через огромный зал, в котором стоял большой дубовый стол. Когда-то здесь пировали многочисленные гости. Сейчас от бывшего величия оставалось только два стула с обломанными спинками да светлые четырехугольники вместо фамильных портретов.

— Вот эти! — маркиз кивком показал на голые стены. В темном углу висела одна-единственная картина. — В этом зале когда-то были представлены почти все старые мастера, начиная с Делло и кончая Хозе де Модразом. Но увы! Уже моему отцу достались только ближайшие предки. На мою долю пришелся один дед и двое двоюродных дядей. Отец их бы сам с удовольствием продал, но они могли обидеться.

— В аллегорическом смысле?

— Нет, в прямом. Они тогда еще были живы.

— А это? — Мун указал на уцелевший портрет.

— Это моя бабушка, урожденная герцогиня Вилья-эмоса-и-Овалодола-и...

— Что же вы не продали ее? Ждете, пока умрет?

— Что вы? — маркиз возмущился. — У меня не такой характер. Я бы ее немедленно сбыл с рук. Но, к сожалению, это дилетантский автопортрет, поэтому ему грош цена. Покойница была эгоисткой, совершенно не заботилась о своем внуке.

— Зато внук сам умеет о себе позаботиться, — отпарировал Мун.

— Я бы не сказал. Иначе я уже давно поджег бы это архитектурное недоразумение, в котором даже крысы живут на диете. Я приношу себя в жертву дочери.

— Разве с вами здесь дочь?

— Она живет в Мадриде, в приличной меблированной комнате. Когда я приехал в гости, у меня даже закружилась голова. Представьте себе, полдюжины стульев, секретер, трюмо и бог знает что еще. А ей, бедняжке, приходится делать вид, будто она презирает эту роскошную обстановку. Ее жених — секретарь министра информации.

— Значит, замок существует, чтобы пускать ему пыль в глаза?

— Ну конечно. Если бы вы знали, какие меня мучают кошмары! Не дай бог, ему взбредет в голову приехать! Разве он поверит, что его укусила не крыса, а привидение моего казненного инквизицией прапрадеда?

Они поднялись по широкой каменной лестнице. Когда-то ее украшали скульптуры, теперь от них остались только один цоколи. Шаги отзывались еще более гулко. Казалось, по ступеням поднимается целое войско. Вся громада лестничной анфилады освещалась одной-единственной тусклой лампочкой. Она нелепо торчала в центре массивного бронзового канделябра, вмещавшего в лучшие времена сотни свечей. Длинные тени Муна и маркиза вползали на потолок и терялись в черном провале высокого свода.

— Тут живу я! — маркиз распахнул дверь и зажег электричество. В комнате не было ничего, кроме накрытого одеялом матраса, служившей вместо стола

табуретки, древнего шкафа с наполовину отлупившимися инкрустациями и старомодного приемника. На одной стене Мун увидел деревянное распятие, на другой — позолоченную рамку. Из-за плохого освещения Мун сначала подумал, что это какой-нибудь родственник маркиза. Присмотревшись, понял, что в рамку вставлена вырезанная из журнала фотография. Подойдя ближе, Мун узнал себя.

Маркиз молча наслаждался эффектом. Потом с улыбкой спросил:

— Вы несколько удивлены?

— Только тем, что у вас даже нет кровати, — Мун пожал плечами.

— Закон гостеприимства, — пояснил маркиз. — Свою единственную кровать я предоставил сеньору Краунену. На этом наша экскурсия закончена. Осталась одна только библиотека.

— Вы показали мне только треть замка.

— Лучшую треть. В остальных комнатах вы не увидите ничего примечательного, кроме пыли.

— Если пыль со времен мавританского нашествия, то это все же историческая ценность.

— Собираетесь заняться раскопками?

— Возможно.

— Не стоит, я уже до вас постарался. Несколько лет тому назад я нашел там любопытный тайник. С тех пор туда никто не заходил, если не считать привидения, о котором рассказывал садовник.

— Может быть, это был мистер Краунен?

— Это идея! — радостно отозвался маркиз. — Как только он вернется, спрошу у него. Если вы достаточно насладились видом этой исторической комнаты, предлагаю двигаться дальше.

ЗАВЕЩАНИЕ ГРАФА КАСТЕЛЬМАРЕ

В библиотеке Мун убедился, что маркиз изредка говорит правду. Стены действительно были обиты жестью. При первой встрече маркиз объяснил, что это защита против вторжения крыс. Муну до сих пор не посчастливилось увидеть ни одной. Оставалось только предполагать, что они умерли голодной смертью или маркиз придумал их для отпугивания квартирантов. Расчетливый человек обзавелся бы кое-какой мебелью, чтобы зарабатывать на жильцах. Старинный замок, несмотря на отсутствие удобств, привлекал бы некоторых падких до экзотики туристов. То, что маркиз делал исключение для Шриверов и Краунена, можно было при желании объяснить определенной целью.

В отличие от остального здания библиотека была ярко освещена. Свет падал на корешки детективных романов, заполнявших несколько больших стеллажей. Здесь были книги на английском, испанском, французском, немецком. Кроме беллетристики, немало научных трудов. Мун провел пальцем по толстому тому с названием «Пещеры Южной Испании». На нем не было ни пылинки, как, впрочем, и во всем помещении. В нише под сводчатым окном, в котором сверкали огни Панотароса, стоял удобный кожаный диван. Мар-

киз, несомненно, спал здесь, в библиотеке, убогий матрац был только живописным экспонатом.

Рассеянно перелистывая лежащую на столе стопку журналов, Мун напряженно пытался разобраться в этом странном человеке. Журнал был английским изданием «Детективного альманаха Эллери Квина». На страницах мелькали интригующие названия: «Загадка греческой вазы», «Тайна исчезнувшего кассира», «Загадка голубой шкатулки». Все эти загадки имели разрешение если не в этом, то в следующем номере журнала. А ставшая на пути Муна живая загадка никак не поддавалась раскрытию.

Маркиз, упершись спиной в подоконник, развалился на диване. Казалось, его ничуть не смущало неприличное одеяние, как не смущает профессионального актера римская тога. Он блаженствовал.

— Ну, как вам нравится моя коллекция?

— Впечатление было бы сильнее, если бы вы снабдили книги фальшивыми автографами авторов... Где же ваш таинственный шкафчик?

— Прямо перед вами.

Перед Муном была голая, обитая жестью стена.

Маркиз сделал движение фокусника, вытягивающего из ноздрей пятифутовую бумажную ленту: Между пальцами показался крошечный ключик. Вставив его в невидимое отверстие, он отпер дверь потайного шкафа.

— Этот тайник тоже со времен мавров или инквизиции?

— Совершенно правильно. Семейная легенда, что в одном из них спрятано указание, где искать клад. Я его действительно нашел.

— Клад? — Мун резко повернулся.

— Что вы! Разве мне в таком случае пришлось бы сжечь костюм сеньора Краунена? Увы! Я нашел лишь весьма туманное указание — в том, другом тайнике, что обнаружил в нежилой части замка. — Маркиз открыл казавшийся очень тяжелым железный ящичек с тремя пулевыми отверстиями и вынул свиток из дубленой кожи. — Может быть, вам удастся расшифровать.

— Сомневаюсь. Тем более что автором древней рукописи, должно быть, являетесь вы.

— Это печальное недоразумение, — маркиз вздохнул. — Посмотрите, какая кожа! Одиннадцатый век! До этого графы Кастельмаре ухитрились сохранить известную независимость. Один из них даже был придворным поставщиком гренадского эмира Мухамеда Ибн-Саида.

— А что он ему поставлял?

— Дочерей для гарема. Оптом. По преданию, у него их было одиннадцать... Это завещание его внука графа Санчо. Искали больше десяти поколений. Найти удалось только мне. Как это часто бывает, меня ожидало горькое разочарование: крысы съели половину слов, причем самую важную, — Маркиз тяжело вздохнул.

Мун развернул свиток. Он действительно походил на решето. Некоторые слова сохранились целиком, от других остались отдельные буквы, от третьих — только красноречивые дыры.

— Это старокастильский язык. Я вам сейчас переведу, — предложил маркиз.

— Не стоит, — отмахнулся Мун.

— Как знать... — маркиз читал текст почти наизусть: — «Я, граф Санчо, вынужденный бежать от диких африканских полчищ Абу Юсуфа... боясь, что сокровище, которому позавидовали бы даже кастильские короли, попадет в руки неверных... выйди из замка через потайную дверь... иди по прямой на юг... клад в Черной пещере...» — Маркиз остановился, чтобы пояснить. — Собственно говоря, название пещеры не дано полностью. Но на юге расположена одна Черная пещера. Дальше мой предусмотрительный предок рассказывает, что устроил ловушку для непрошенных гостей. К кладу можно попасть только через глубокую шахту, в которую каждый, незнакомый с тайной светящейся надписи, обязательно провалится.

— Становится интересно, — улыбнулся Мун. — Насколько я понимаю, вся беда в том, что эта тайна показалась крысам особенно вкусной.

— Нет, — маркиз покачал головой, — могу вам прочесть. «...не испугайся, когда увидишь во тьме светящийся скелет... служащий на устрашение врагам, тебе он да будет путеводителем... отмерь десять шагов... перекинь через колодец-ловушку доску длиной в...

перейди и сверни налево... отодвинь глыбу, на которой высечен крест... ты найдешь...» — маркиз бросил свиток обратно в ящик. — Дальше все съедено! Что вы на это скажете?

— Ну что ж, приходится признать, что крысы сделали из завешания классический детектив. Обрывается в самом интригующем месте. Но, по-моему, и этого вполне достаточно, чтобы найти клад. Пещеру вы определили, а ваш предок позаботился о световом указателе...

— Увы, неон, очевидно, давно погас. Насколько я понимаю, скелет был выложен из кварца. В своде пещеры имелись отверстия. Проникавшие через них разреженные солнечные лучи вызывали в темноте свечение, поскольку кварц обладает свойством накапливать свет.

— Я не слишком сведущ в физике, но, насколько понимаю, кварц не теряет этого свойства.

— Вы правы. В окрестностях Кадикса палеонтологи нашли в старых римских рудниках надписи тысячетней давности. Но дело в том, что в Панотаросе было несколько землетрясений, последнее в прошлом веке. Отверстия давно засыпаны. Такая же участь, возможно, постигла и сокровище. Но даже если бы этого не случилось, найти его все равно почти невозможно. Пещера занимает территорию в несколько квадратных километров, в ней такое количество ходов, ответвлений, что даже американцы пока прекратили поиски.

— А что они там ищут?

— Полагаю, что часть бомбы пробила свод... Работами руководит сам майор Мэлбрич. Даже брал у меня книгу «Пещеры Южной Испании», в ней есть относящаяся к шестнадцатому веку схема Черной пещеры. Сегодня привезли водолазные костюмы. Правда, не уверен, что именно водолазные, видел только из окна. Если так, то майор Мэлбрич, видимо, намеревается обследовать дно озера.

— Которое служило вашим предкам в качестве ванны?

— Сомневаюсь. Они предпочитали очищаться молитвами. Во время осады оттуда набирали питьевую воду. До большого землетрясения в тысяча пятьсот шестьдесят третьем году под Панотаросом могла

укрыться целая армия. Все пещеры были соединены подземными ходами.

— А скажите, пещера находится в вашем владении? — спросил Мун.

— Только вход и ближний берег озера. Остальная территория была конфискована у отца и принадлежит государству.

— Значит, если кто-нибудь разыскал клад, вам от этого не было бы никакой пользы?

— Увы! — маркиз сокрушенно развел руками. — Именно поэтому я так настойчиво пытался сам найти его. Все-таки куда приятнее получить сокровище из рук своего предка, чем подачку от американского дядюшки... Подождите, подождите! Я, кажется, понял, почему вы задали мне этот вопрос... Допустим, пробившая свод пещеры бомба обнажает засыпанный давнишним землетрясением подземный тайник. Шриверы находят клад, на радостях сообщают мне о своем открытии, и я, чтобы завладеть им, отправляю их на тот свет. Прекрасная идея!

Заметив, что Мун изучает содержимое тайника, маркиз замолчал. Все свободное пространство занимали бутылочки с ядом, петли, кинжалы. Выбрав наугад малайский крис, Мун задумчиво провел пальцем по блестящему лезвию. Оно было совершенно тупое, да и сам кинжал не из металла, а скорее из картона.

— Что вы хотите? Приложения к книгам! — маркиз усмехнулся. — Что касается Шриверов, то они не могли найти клад хотя бы потому, что в день своей смерти не приходили сюда. Это могут засвидетельствовать мой садовник и его жена — в отличие от меня вполне респектабельные люди. Еще один свидетель — рыбацк дон Камило. В тот день он куда-то отвозил Шриверов на своем баркасе. Так что советую переключиться на сеньориту Гвендолин. Между прочим, роковой флакон с миндальной эссенцией находился на том самом месте, которое вы так пристально разглядываете.

— Чтобы похитить его, надо, во-первых, знать о тайнике, во-вторых, иметь ключ от него, — сухо заметил Мун.

— Разве я вам не говорил? — маркиз заволновался. — Сеньорита Гвендолин попросила меня в тот день

показать завещание графа Санчо. Пока она читала его, меня позвал сеньор Краунен. Уходя, я оставил ключ в замке. Когда я вернулся в библиотеку, сеньорита Гвендолин успела уже уйти. Положив свиток на место, я запер тайник. Мне даже в голову не приходило подозревать сеньориту Гвендолин. Лишь потом, связав внезапную смерть Шриверов с ее столь же внезапным отъездом, я проверил содержимое тайника, и, обнаружив пропажу...

Маркиз осекся на полуслове. Перехватив взгляд Муна, он попытался задвинуть поглубже массивный ящичек, в котором хранилось завещание. Но Мун предупредил его. Подняв ящик, оказавшийся не железным, а пластмассовым, с искусно имитированными пулевыми отверстиями, он схватил лежавший за ним револьвер. И тотчас же выронил. Смертоносное оружие представляло собой сделанную из прессованных опилок бутафорию и весило не больше пачки сигарет.

— Сожалею, что доставил вам огорчение,— маркиз развел руками. — Надеялись увидеть подлинник.

— Да, тот, что вы показывали Педро.

— Разве дон Бенитес не предупредил вас, что этому пройдохе следует верить еще меньше, чем мне?

— Без этой аттестации вы вполне могли бы обойтись. Я ваш любимый детектив, не правда ли? Что-то не вижу вырезок, по которым вы изучали мои подвиги.

— Святая мадонна! — маркиз притворился изумленным. — Неужели я на вас произвел такое плохое впечатление? Сейчас докажу, что вы ошибаетесь! — Он подошел к полке, отодвинул в сторону книги, пошарил рукой, потом повернулся к Муну. — Тысяча извинений!

— Исчезли? Я так и предполагал.

— Да! Боже мой! — он схватился за голову. — Неужели мой садовник?.. Я побежал к генералу, а ему приказал бросить в огонь всю ненужную бумагу.

— Сочувствую вам...

В эту минуту дверь отворилась. В библиотеку шагнул высокий, еще сравнительно молодой человек, одетый в роскошную спальную пижаму. В руке он держал папку. Маркиз кинулся к нему и, выхватив папку, с бурным восторгом воскликнул:

— Ну, что я вам говорил?! Вот они, целы!.. — потом, вспомнив о своих обязанностях, церемонно представил: — Сеньор Мун... Сеньор Браун... Только, ради бога, не думайте, что это сеньор Краунен, вынужденный из-за вас скрываться под псевдонимом. Тот носит очки, да и глаза темные.

Браун действительно не носил очков. У него были светлые волосы и серые глаза. Кроме того, свойственная многим американцам бесцеремонная манера, которой Мун обычно не выносил.

— Какой сеньор Краунен? Что вы там мелете, мистер Кастельмаре? Вам самому не мешало бы надеть очки, чтобы увидеть, на кого вы похожи! Что означает этот стриптиз? — Браун показал на голые ноги маркиза.

— Это означает, что я пал жертвой американской бомбежки! — огрызнулся маркиз.

— Эти кретины промахнулись. Надо было разбомбить ваш доисторический крысовник.

— Вы давно живете в этом крысовнике? — осведомился Мун.

— Когда я тут поселился, никого не касается, кроме меня самого. Я Хью Браун! А вы случайно не тот Мун, про которого тут наворочено бог знает что? — Браун агрессивно хлопнул увесистым кулаком по папке.

— Тот самый.

— В таком случае должен вам сказать, что эти писаки вас напрасно так расхваливают. Например, дело Спитуэлла. Каждый идиот сразу заметил бы, что русский пистолет был подсунут нарочно. А вы догадались об этом только через месяц.

— Вы интересовались делом Спитуэлла? — спросил Мун.

— А вам какое дело? — Браун собирался еще раз ударить по папке, но маркиз, предвидев это, быстро спрятал ее под пальто. — Считаю, что всякие уголовные истории годятся только для детей... И вообще, сыщики... — Браун презрительно поморщился. — Моего папашу охраняют двое таких остолопов...

— Кто ваш отец?

— Как, вы даже этого не знаете! Пуговицы Брауна! Каждый день мы продаем три миллиона двести

тысяч пуговиц! Колоссальное предприятие! Весь Панотарос не стоит столько, сколько папаша зарабатывает на своих пуговицах за час.

— Весьма возможно, — Мун улыбнулся. — И все же не советую так презрительно отзываться о детективной литературе.

— Пойдемте в мою комнату, я вам покажу единственную литературу, которую признаю, — Браун фыркнул.

— Пожалуйста, — Мун пожал плечами.

Они вышли втроем. У двери занимаемого Брауном помещения маркиз остановился.

— Я лучше подожду вас тут, сеньор Мун.

— Не стесняйтесь, мистер Кастельмаре! — буркнул Браун. — Не стесняйтесь! Будьте как дома!

— Спасибо, но ваша комната на меня плохо действует. Я становлюсь женоненавистником.

Переступив через порог, Мун понял загадочные слова маркиза. Все стены были оклеены снимками Эвелин Роджер. Тут были многократно увеличенные фотографии из «Золотой сцены». Обложки и вырезки из всевозможных журналов на всех языках мира, имеющие касательство к Куколке. Кадры из кинофильмов. Просто портреты, один из них почти в натуральную величину. Но главным образом сцены из картины «Новый костюм Евы», давшие возможность изучить во всех подробностях телосложение Куколки.

Браун грохнулся на покрытую клетчатым пледом кровать семнадцатого столетия, покоившуюся на четырех искусно вырезанных головах негров. Бесцеремонно перекинув ноги через спинку, он указал на пол:

— Вот! Здесь все, что необходимо культурному человеку!

На полу валялось великое множество журналов. Почти все они были раскрыты на статьях о Куколке. Изредка попадались рецензии на ее роли, но в основном это были снабженные богатым фотоматериалом описания ее интимной жизни.

Браун закурил отвратительную с точки зрения Муна, пахнувшую медовой патокой сигарету и, стряхнув пепел прямо на пол, продолжал:

— Не понимаю дегенератов, находящихся что-то волнующее в раскрытии какого-нибудь случайного пре-

ступления. Другое дело — женщина! Сколько головокружительных секретов! А потом, когда она их начинает постепенно открывать! Когда интригующим движением сбрасывает одну тайну за другой! Дыхание перехватывает...

У Муна тоже перехватило дыхание. В одном из раскрытых журналов он увидел отпечатанный в пяти цветах большой снимок. Подпись гласила: «Самые знаменитые гости купального сезона в Санта-Монике!» Одной знаменитостью была Куколка Роджер, второй — Гаэтано. Изобразив на своем лице самодовольного гориллы подобие любезной улыбки, Род подавал киноактрисе зонтик. В его золотых зубах торчала сигара. За ним стояло несколько молодых людей с напряженными лицами и приклеенными к уголку губ сигаретами — скорее всего, телохранители.

— А если говорить о Куколке Роджер, то это даже не женщина, а массовое убийство! — и Браун, иллюстрируя свою глубокую мысль, ловким пинком сшиб со спинки кровати курчавую голову негритенка. Голова покатилась по полу. Браун с интересом следил за ней, как игрок за подкатывающимся к лузе бильярдным шаром.

Тем временем Мун проворно спрятал в карман журнал с заинтересовавшим его снимком.

Уходя, он бесшумно приоткрыл дверь. Мун был почти уверен, что маркиз подслушивает. Но в коридоре никого не было.

Спустившись вниз, Мун инстинктивно обернулся. Маркиз стоял на широкой каменной ступени, еле освещенный тусклым мерцанием единственной лампочки. Он походил на нелепое призрачное существо, надевшее по недоразумению вместо савана короткое клетчатое пальто. Внезапно он бросился вниз по лестнице.

— Подождите, я забыл вам сказать что-то очень важное!

Мун остановился. Добежав до него, маркиз наклонился к его уху и зашептал:

— Этот Браун... Вы не заметили ничего подозрительного в его комнате?

— Нет.

— Там нет ни одной крысы. Они боятся его! — отраженный каменным эхом злобный шепот маркиза

был похож на шелест крыльев целой стаи летучих мышей. — Советую вам от души делать то же самое... Человек не интересуется детективной литературой, зачем ему в таком случае нужны были вырезки? Вам грозит опасность! От одной этой мысли меня бросает в жар! — И маркиз, наглядно демонстрируя обуревающие его чувства, распахнул пальто. Папка, про которую он совершенно забыл, упала, из нее вывалились вырезки.

— Тысячи извинений! — маркиз торопливо стал подбирать статьи.

Взгляд Муна случайно остановился на хорошо знакомых ему строчках из старого репортажа его друга Свена Крагера:

«Знаменитые детективы Мун и Дейли живут в постоянной опасности. Случайный прохожий, портье гостиницы, даже любимая девушка — каждый из них может оказаться Невидимой Смертью».

БЕССОННИЦА МИСТЕРА МУНА

Мун долго не мог заснуть. Он пытался разобраться в пестром калейдоскопе впечатлений и мыслей, но они мелькали суматошным хороводом. Фантастическая фигура маркиза Кастельмаре с его запустелым замком и коллекцией детективных приложений. Бывший король смеха с его воспоминаниями о прежнем величии — полупризрак, который тем не менее проявляет к Муну весьма реальный подозрительный интерес. Священник с его испещренным таинственными крестиками портсигаром и неправдоподобным слугой-негром. Опереточный герой Рамирос и слишком красивая для переводчицы Розита, которые таинственно шушукуются у раскрытого окна. Майор Мэлбрич с его прямым до тошноты пробором, имеющий слишком большую для адъютанта власть над генералом. Сам генерал Дэблдей, неизвестно почему выказывающий такую заботу о служебной карьере Муна. Начальник полиции с его неискренней любовью к Хемингуэю и столь же неискренней готовностью оказать поддержку. Портье отеля, прикидывающийся этаким болтливym простаком. И наконец, два персонажа, знакомые Муну только по чужим рассказам. Возможно, именно поэтому они больше всего занимали его мысли. Постоялец мар-

киза Краунен, выдающий себя то за журналиста, то за океанолога, уезжающий из Панотароса в тот же день, что и Гвендолин (если верить маркизу). И сама Гвендолин, коллекционирующая фотографии гангстеров, ссорящаяся с матерью из-за денег и каких-то мужчин, привозящая из Малаги миндальный торт, крадущая из тайника флакон с миндальной эссенцией (опять же если верить маркизу).

Мун прислушался. В отеле было тихо, но ему чудились крадущиеся шаги, глухие стоны, вздохи. На миг у него появилось ощущение, будто гостиницу, да и весь Панотарос населяют призраки. И единственными существами из крови и плоти является Педро с его вполне реальным аппетитом и американские солдаты, разыскивающие не то химически отравленные осколки, не то секретные устройства.

Но, вероятно, во всеядной подозрительности, обычно вовсе не свойственной ему, виноваты вовсе не люди, пусть с некоторыми странностями, но отнюдь не заслуживающие быть зачисленными в преступники.

Скорее всего виноват сам воздух Панотароса, пропитанный какими-то непонятными зловерными испарениями. Может быть, виной воздушная катастрофа, страшные рассказы очевидцев? К счастью, кроме экипажа обоих самолетов, никто не пострадал. Но не исключено, что почти все, с которыми приходилось разговаривать, носили в подсознании картину того, что могло бы случиться.

Что произошло бы, если сто пятьдесят тысяч литров горящего бензина и пылающие части самолетов упали бы не на окраины, а на центральную площадь? В этой самой гостинице, где сегодня ночью спокойно спала добрая сотня людей, спасательные команды еще сейчас бы, наверное, разыскивали задавленных обломками, сгоревших людей. А что, будь бомбы не учебными, а настоящими?

Внезапно Мун рывком поднялся с постели. Неясное воспоминание, возникшее, пока он мылся под душем, перед тем, как переодеться к коктейльной партии, снова ожило. Заглушенное алкоголем, оно тем не менее теплилось в подсознании и сейчас обрело реальные контуры. В памяти Муна отчетливо возникло нестерпимо сверкающее море, расположенный на его берегу

военный лагерь, разговор с майором Мэлбричем. И двадцать голых мужчин за прозрачными занавесями импровизированных душевых кабин. В одной из них мылся дон Брито, местный житель, дом которого был разрушен реактивным мотором бомбардировщика. Владелец кабачка дон Хернандо сообщил, что согласно местной молве дон Брито является побочным братом маркиза Кастельмаре. Мун не сомневался, что это соответствует истине. Однако занимал его в эту минуту не сам дон Брито, а мывшийся в соседней кабине художавый пожилой мужчина с морщинистыми щеками и коротко стриженными волосами. Муну не удалось разглядеть его по-настоящему из-за занавеси. В отличие от остальных кабин она была не прозрачной, а матовой и лишь слегка просвечивающей, и именно этим привлекла внимание Муна. Этот человек показался ему удивительно знакомым. Сейчас это ощущение усилилось, на мгновение Муну даже показалось, что стоит ему вспомнить имя этого человека, как что-то сразу прояснится. Но сосредоточиться никак не удалось, мешал вездесущий миндальный запах, так навязчиво ассоциировавшийся с синильной кислотой и убийством.

Памятуя сравнительную легкость, с которой возможно было перебираться с одного балкона на другой, Мун, прежде чем лечь спать, тщательно запер балконную дверь. А теперь раскаивался в этом. Запах с каждой минутой становился все въедливее. Казалось, он исходил из пола, потолка, пропитывал стены, забирался под одеяло, удушьем подкрадывался к горлу.

Мун решительно соскочил с кровати, приоткрыл балконную дверь, на всякий случай загородил ее массивным креслом и, положив пистолет под подушку, опять улегся. В комнату ворвался шум моря вместе с его свежим дыханием. Стало сразу легче, мысли прояснились, все предстало в ином освещении, включая мужчину в душевой кабине. Разве мало бывает похожих лиц, случайных совпадений?

Если трезво посмотреть на вещи, единственный результат сегодняшних расспросов — отрицательный. Пока не удалось найти ни малейшего следа людей Рода Газтано. А если отбросить разные сумасбродные гипотезы, они были единственными лицами, по-настоя-

щему заинтересованными в убийстве матери и сына и похищении дочери.

Не будь внезапного, совершенно непонятого приказа Шривера о кремации, Мун, пожалуй, был бы в эту минуту склонен стать на точку зрения полковника Бароха-и-Пиноса. Но к чему гадать? Ответ Шривера на его запрос сразу же решит все.

Следовало бы потушить ночник, но Мун почему-то не решался. Голубоватый, ровно мерцающий свет немного успокаивал. И вместе с тем беспрестанно приказывал усталым глазам возвращаться к дивану, где еще не так давно спал Рол Шривер.

Чтобы заснуть, Мун представил себе, как они тут жили — миссис Шривер с сыном в одной комнате, Гвендолин в другой. Соединительная дверь разделяла два разных мира. Насколько Мун мог судить по отрывочным рассказам Джошуа Шривера и местных жителей, миссис Шривер была полной противоположностью дочери. Если она не давала Гвендолин денег, то это объяснялось не расчетливостью, а тщетным желанием привить ей собственные взгляды на жизнь. Если ограничивалась двумя комнатами, хотя могла себе позволить снять целый этаж, то это делалось не только из боязни привлечь внимание людей Рода Гэтано. И клад она тоже искала не из-за материальных ценностей. Наоборот, петляние по подземным лабиринтам было для Уны Шривер способом уйти из мира чековых книжек и многочисленных слуг, превративших большой дом Шриверов в комфортабельную тюрьму. И, как ни странно, именно это бегство от действительности показывало, что она расходится с Гвендолин не в сути, а только в путях. Одна находила романтику в старинных кладах, другая — в современных гангстерах.

Мун принял таблетку снотворного. Стараясь ни о чем не думать, вслушивался в наполняющие гостиницу тихие шорохи и в конце концов заснул. Его разбудил стук. Сначала тихий, он становился все настойчивее. Мун не сразу понял, что стучат в его дверь. Готовый к любому сюрпризу, он вытащил пистолет и, щелкнув предохранителем, отпер. В освещенном коридоре стоял начальник почты.

— Извините, что разбудил вас, — сказал он.

— Входите. В чем дело?

— Телеграмма. Я решил, что это срочно... Разрешите сигару? — начальник почты увидел на столе раскрытую коробку.

— Берите, — пробурчал Мун, нетерпеливо вскрывая депешу. Она была подписана секретарем Джошуа Шривера и гласила:

«Мистер Шривер в шоковом состоянии. Врачи запретили информировать его о вашем запросе. Мне лично о его распоряжении кремировать тела ничего не известно».

КОЛБАСА «ЭКСТРА»

Муну снилось что-то ужасное... Грохот, взрывы... Весь в поту он проснулся и прислушался. Где-то внизу грохотали ударные инструменты. К этому шуму присоединились гроыхание мебели и чертыхание постояльцев.

Мун вышел на балкон. Было еще очень рано. Многократно отраженное в воде солнце медленно вставало на горизонте. Блики разлетались во все стороны как мячи. Вчерашний африканский ветер сменился приятной плохладой. Табло с метеосводкой показывало шестнадцать градусов. пляж был пустынным, за исключением нескольких рыбацек, занятых починкой сетей.

Мун перегнулся через перила и увидел внизу Хью Брауна, окруженного ореолом серебряных саксофонов. Взмах руки — дробь барабанов и грохот ударных тарелок смолк. Двадцать глоток принялись исступленно скандировать хором:

— Куколка! Куколка! Куколка!

На соседнем балконе слышались легкие шаги. Мун заглянул в прорезь тента. Киноактриса была в довольно прозрачном пеньюаре. Хью Браун снова взмахнул рукой. От строя музыкантов отделился певец в по-

золоченной куртке тореадора, на которую ниспадали длинные волосы. Театрально прижав руку к сердцу, он сначала широко раскрыл рот, чтобы набрать в легкие побольше воздуха, потом запел ритмизованную под рок-н-ролл андалузийскую любовную песню. Сын пуговичного короля по обычаю испанских студентов начал знакомство с утренней серенады. Но в отличие от них предпочитал выражать свои чувства при помощи наемных музыкантов.

Куколка заплодировала. Потом Мун увидел, как полетела вниз прозрачная ткань, сквозь которую просвечивало зеленоватое море. За неимением цветов, которыми испанки осыпают стоящих под их балконом поклонников, Куколка пожертвовала своим пеньюаром. Хью Браун высоко поднял его и, наколов на трость, взмахнул как штандартом. Оркестр заиграл модернизированный марш тореадоров из «Кармен». На соседнем балконе прозвучало что-то наподобие львиного рыка, возвещавшего появление Рамироса.

Мун залез обратно в кровать, накрылся с головой одеялом и под аккомпанемент семейной ссоры опять уснул. Его разбудил стук в дверь.

— Одну минуту! — решив, что это Розита, Мун накинул халат и пошел открывать. Его слегка пошатывало. Выпитый вчера алкоголь, две таблетки снотворного, ранний концерт и последовавший за ним скандал стывались в голове тупой болью. Распахнув дверь, Мун удивленно протер сонные глаза. На пороге стоял американский солдат.

— Машина в вашем распоряжении! — отрапортовал он.

— Машина? — оторопело пробормотал Мун. — Кто вы такой?

— Сержант Милс! Шофер машины, предоставленной в ваше распоряжение.

— Генералом? — догадался Мун. — Слишком любезно с его стороны!

Выпроводив посетителя, Мун принял холодный душ. Машина никак не выходила из головы. Чем он заслужил такое внимание со стороны генерала Дэблдея?

Холл был пуст. Постояльцы наверстывали вызванный утренней серенадой перерыв во сне. На фоне мра-

морного и пальмового великолепия дон Бенитес одиноко торчал в своем закутке.

— Доброе утро, сеньор! — он проворно вскочил, чтобы приветствовать гостя.

Только тогда до сознания Муна дошло, что в холле есть еще кто-то, кроме их двоих. Внимательно приглядевшись, он заметил рядом со стеклянной входной дверью глубокое кресло, в котором с головой утонул Милс. Сидевший совершенно неподвижно, он казался скорее частью гостиничной обстановки, нежели живым человеком.

— Надеюсь, хорошо спали? — с заученной любезностью осведомился портье. — Или вам тоже помешал концерт? Это лучший оркестр Малаги! Откуда у людей берутся такие деньги? Идут слухи, что в море появилась неизвестная подводная лодка, — дон Бенитес считал своим долгом выложить все новости. — Чего только не придумают!

— Педро заходил?

— Уже с шести часов ожидает вас. Я ему сказал, что вы едва ли так рано встанете, вот и побежал встречать утренний автобус.

В эту минуту в дверях появился Педро. Дожевав бутерброд, вытер жирную руку о штаны и протянул Муну.

— Я вам сегодня нужен? — деловито осведомился он.

— Уже истратил деньги и хочешь опять подработать? — улыбнулся Мун.

— Я ведь теперь ваш помощник, — возмутился Педро. — А ваши сто песет отданы на хранение дону Бенитесу.

— Точно! — подтвердил портье. — Педро боится их сразу проесть. Ну как, много людей прибыло сегодня?

— Только в пансион «Прадо».

— Ах эти! — дон Бенитес пренебрежительно кивнул и с грустью добавил: — Вы не думайте, сеньор, они неплохие женщины. Многие из них бывшие батрачки. Вы знаете, сколько у нас платят в деревне? Так что выходит, ты напрасно ходил, — посочувствовал он мальчику. — У них ведь весь багаж умещается в сумочке.

— Я не из-за заработка! — вспыхнул Педро и, повернувшись к Муну, объяснил: — Теперь я обеспеченный человек. Пошел посмотреть, не вернулся ли доктор Энкарно. Вам ведь очень важно поговорить с ним.

— Спасибо, Педро! Как вижу, он не приехал.

— Откуда вы все знаете? — с детской наивностью спросил Педро.

— На то я и детектив, — отшутился Мун.

— Тогда я тоже хочу стать детективом! — серьезно объявил Педро. — Что я должен сегодня делать, сеньор Мун?

— Поедешь со мной в Пуэнте Алчерезилло. Подожди меня в моей комнате.

Первое, что Мун увидел, выйдя на улицу, был окрашенный в маскировочный цвет «джип» с заведенным мотором. А за баранкой сидел Милс, которого Мун за секунду до этого еще видел в холле. Как и когда он успел выйти, было совершенно непостижимо.

— Куда везти? — спросил сержант тоном автомата.

— Спасибо, это недалеко, — отмахнулся Мун.

Милс ничего не сказал. Но, перейдя площадь и углубившись в узенькую улочку с лавками и мастерскими, Мун убедился, что машина следует по пятам. Очевидно, водитель имел редкостное обыкновение говорить только самое необходимое и исполнять приказы начальства буквально.

— Ладно, — покорился Мун, отметив про себя, что любезность генерала Дэблдея немного навязчива. — Везите на почту.

Начальник почты встретил Муна как старого знакомого.

— Доброе утро, мистер Мун. Все утро трудился, принимая ваши телеграммы. А если учесть доставку нынешней ночью, то мне следовало бы получать второе жалованье от вас.

Поняв намек, Мун взамен полученной пачки вручил начальнику почты двадцать песет. Тот принял их как должное, только счел нужным объяснить:

— Я, конечно, тоже мог бы, подобно дону Бените-су, сохранять благородный вид, торгуя грошовыми открытками святых. Мне это претит. Если мы бедны,

то в этом виноват не испанский народ, а... — начальник почты красноречиво показал глазами на портрет Франко. — Слава богу, в последнее время еще спасает туризм, иначе мы бы совсем пропали... Тихо! Это учреждение, а не цирк! — последнее относилось к отчаянной детской потасовке за тонкой перегородкой.

Начальник почты кинулся наводить порядок, а Мун, бесчувственный к шуму, лихорадочно просматривал огромное, в двести с лишним слов, послание Дональда Кинга.

Полученная ночью телеграмма личного секретаря Джошуа Шривера допускала два совершенно противоположных толкования. Первое — миллионер не давал приказа кремировать тела жены и сына. Узнав об отправленной за его подписью фальшивке, он, естественно, счел это подтверждением своих предположений насчет Рода Гаэтано как виновника смерти родных. В таком случае у него оставалось мало надежды на спасение Гвендолин. Именно это полное отчаяние и могло быть причиной нервного шока.

Но, с другой стороны, Мун не отвергал и вторую возможность — приказ о кремации действительно исходил от Шривера. На это у него могли быть веские причины, они же заставили его отправить телеграмму лично, без ведома секретаря.

Ответ на запрос Дональду Кингу, кому принадлежит фирма «Всё для туристов», способен был внести некоторую ясность, однако именно его Мун не обнаружил.

Большую часть телеграммы занимал огромный перечень фирм, принадлежавших юридически или фактически Джошуа Шриверу. Кроме универсальных магазинов, капиталы Шривера были вложены в международный кредитный банк, исследовательские институты, фирмы с замысловатыми названиями. Шествие замыкал длинный список предприятий, которые контролировала «Эмерикен девелопмент компани» — основанное Шривером акционерное общество по кооперации производства и надзору за прибылью. Изучение этого утомительного списка Мун отложил на после.

«Сведения о фильме Стенли Хьюза запросил у своего голливудского информатора. Надеюсь при-

слать сегодня вечером», — сообщал Дональд Кинг напоследок.

Вторая телеграмма была от Дейли:

«В Нью-Йорке отвратительная погода. Выдача заграничного паспорта задерживается. Обещают не раньше чем через неделю. Передайте испанским красоткам — пусть потерпят еще немного».

Мун приказал Милсу отвезти его в гостиницу, но по дороге, просматривая телеграмму Дональда Кинга, неожиданно переменял решение.

В полицейском комиссариате кружились все те же мухи. Дежурный, на этот раз уже другой, в деревянной позе сидел на скамейке. Не будь в его руке испанского издания «Фиесты», можно было бы думать, что он сидя отдает честь. Место за разукрашенным чернилами столом занимал полковник Бароха-и-Пинос. Он говорил по телефону. Судя по официальному лицу и подтянутому виду, он докладывал начальству. Увидев Муна, полковник, поспешно кончив разговор, обратился к нему с любезной улыбкой:

— Ну, как ваши успехи? Напали на какой-нибудь след? Извините! — полковник на цыпочках подошел к полицейскому и отнял книгу. Полицейский спал.

— Вот свинья! — полковник повернулся к Муну. — Им дают возможность в служебное время знакомиться с произведением прекрасного писателя, великого друга испанского народа, а они саботируют! Можете себе представить, если генералу Дэблдею взбредет в голову спросить эту скотину, читал ли он «Фиесту»? Знаете, культура — это наш больной вопрос, — полковник любовно погладил томик Хемингуэя и изо всей силы ударил им полицейского по голове.

Очевидно, эта процедура происходила не в первый раз. Дежурный виновато вскочил, поднял отлетевшую в сторону книгу и застыл в прежней деревянной позе. Его лицо выражало напряженное внимание. Но Мун успел заметить, что он держит прославленную «Фиесту» вверх ногами.

— Пройдемте в кабинет! — пригласил полковник.

— Следы? — вспомнил Мун, рассеянно рассматривая покрывавший всю стену аэрофотоснимок Панотароса. — Их столько, что с избытком хватило бы на

подлюжину преступлений. Практически это значит, что следов никаких.

— А у меня кое-что есть. Из Малаги наконец получены анализы. В одной из банок обнаружены остатки колбасы с большим наличием естественного яда ботулина, образующегося в результате органического распада, — и начальник полиции протянул официальный бланк с тремя подписями и печатью управления малагской полиции.

Мун не взял ее. Он погрузился в тяжелые раздумья. Наконец спросил:

— Вы посылали мистеру Шриверу только одну телеграмму?

— Разумеется, нет. На следующий день послал другую, в которой подробно информировал обо всем.

— В том числе и о марке консервированной колбасы, которой отравились Шриверы и Матосиньосы? — спросил Мун, уже заранее зная ответ.

— Марка упомянута в медицинском заключении доктора Энкарно. Я счел нужным депешировать мистеру Шриверу его полный текст.

Мун вышел из полицейского комиссариата совершенно разбитый. Досадливо отмахнувшись от сержанта Милса, он медленно побрел в гостиницу.

Просматривая в «джипе» список фирм, контролируемых акционерным обществом «Эмерикен деволопмент компани», Мун снова наткнулся на фирму «Всё для туристов». Фирма занималась страхованием на случай испорченного плохой погоды отпуска, прокатом автомашин и домиков-прицепов, производством палаток, надувных лодок, портативных газовых плиток, снаряжения для подводной охоты, а также небольшого ассортимента консервов. Колбаса «Экстра» являлась изделием этой фирмы, а ее фактическим владельцем — Джошуа Шривер. Узнав из второй, подробной телеграммы начальника панотаросской полиции, что его родные умерли от консервов собственного производства, Шривер испугался скандала и поспешно приказал кремировать тела. Муна он не известил потому, что в таком случае пришлось бы объяснить причину. А может быть, просто не успел известить — нервное потрясение вызвало тяжелый шок.

СНИМОК В ЖУРНАЛЕ

В гостиницу Мун вошел в чемоданном настроении. Если его что-нибудь и удерживало немедленно потребовать счет, то только намеченная поездка в Пуэнте Алчерезилло. Возможно, ему удастся выполнить вторую часть поручения Шривера — выяснить судьбу Гвендолин. Хотя едва ли эта сумасбродка стоила потраченных на нее трудов. В ее похищение Мун больше не верил. Скорее всего после ссоры с матерью она подделала чек, чтобы смыться со своим любовником Крауненом. Ладно, съездит в Пуэнте Алчерезилло, а там видно будет.

— Привет, мистер Мун! — по лестнице спускался генерал Дэблдей. Несмотря на полученное вчера вечером дурное известие, он выглядел бодрым. Стекла пенсне приветливо поблескивали, от него так и веяло утренней свежестью и одеколоном высшего качества.

— Спасибо за машину! Правда, мне не совсем ясно, как вы отчитаетесь за потраченный на меня бензин, — пошутил Мун.

— Впишем в графу «Секретные расходы», — генерал Дэблдей рассмеялся. — В этом наше преимущество над любым другим ведомством. Эта мистическая графа покрывает все — от покупки целой

страны до эротических потребностей наших сотрудников...

— И все же ваша любезность ставит меня в затруднительное положение. Вчера вы представили в мое распоряжение лейтенанта Розиту Байрд, сегодня Милса...

— Я делаю это ради мистера Шривера, — подчеркнул генерал. — Так что вы мне ничего не должны.

— Боюсь, что мистер Шривер останется мною недоволен. У меня такое впечатление, что мне здесь делать нечего, разве только если вы в качестве компенсации за потраченный бензин попросите меня разыскать секретные устройства.

— Означает ли это, что вы отказываетесь от исследования? — поинтересовался генерал.

— Как вам сказать? Мой единственный реальный шанс — Пуэнте Алчерезилло. Если эта поездка ничего не даст, я еще побуду тут несколько деньков, так, для очистки совести.

— Мистер Шривер будет огорчен.

— Я не виноват. Не ожидал, что дело окажется столь же туманным, как слухи о русской подводной лодке, — невесело пошутил Мун.

— К сожалению, это не совсем слухи, — в голосе генерала чувствовалась озабоченность.

— Неужели?

Генерал доверительно взял Муна под руку и перешел на шепот:

— Так и быть, пока поблизости нет майора Мэлбрича, расскажу... Только это строго секретно. Мы перехватили передачу, шифрованную, понимаете? Точный пеленг не удалось установить, но передатчик находится в море и меняет месторасположение. Сначала мы предполагали, что это военное судно испанцев, но командующий флотом заверил меня, что в этом районе нет ни одного боевого корабля.

— Вы действительно предполагаете, что это русские охотятся за важными секретными устройствами? — усмехнулся Мун.

— Мы живем в такие времена, когда секреты приходится в одинаковой мере хранить от врагов и союзников. Генерал де Голль, например, был бы вовсе не прочь заполучить бесплатно парочку усовершенст-

ний, кад которыми наши лучшие ученые трудились годами. Приходится держать ухо востро. Майор Мэлбрич уже распорядился вызвать из Роты противолодочные катера со специальной аппаратурой для обнаружения субмарин.

— Майор? Я-то думал, что он в качестве адъютанта всего-навсего исполняет ваши приказы.

— В нашем таинственном ведомстве иной сержант имеет больший вес, чем полковник, — рассмеялся генерал, потом разъяснил: — Мой принцип: «Не делай сам того, что могут сделать за тебя другие». По моему предложению ответственность за безопасность района возложена на майора Мэлбрича — пусть принимает меры, какие считает нужными... Я лично больше надеюсь на дешифровку. На этот раз наш радиооператор поймал только самый конец передачи. Если в следующий удастся записать на пленку всю передачу целиком, мы наверняка узнаем, с кем имеем дело. У нас в Пентагоне есть мощнейший электронный мозг — дешифратор, его обслуживают блестящие аналитики.

— Скажите мне, как только установите, чья это передача, — попросил Мун, которого заинтересовала таинственная радиостанция.

— Постараюсь. Если вы, в свою очередь, обещаете держать меня в курсе вашего расследования. Как старый знакомый мистера Шривера, я в этом заинтересован не менее вас самого. И еще одно — в случае надобности можете пользоваться моим прямым проводом.

Откуда-то вынырнул майор Мэлбрич. Хмуро поздравившись с Муном, он испытующе посмотрел на генерала.

— Не волнуйтесь, майор, своей супруге я не изменял, — заверил его со смехом генерал Дэблдей.

— Но, может быть, она изменяла вам, пока вы доверяли мистеру Муну семейные тайны? — в тон ему пошутил майор.

Потом они, разговаривая о чем-то вполголоса, направились к огромной, сверкающей черным лаком генеральской машине, над радиатором которой поднималась высоченная антенна.

Мун задумчиво направился к закутку, в котором восседал дон Бенитес. В зеркалах мелькали отражения

туристов. Большинство направлялись на пляж, другие исчезали за одной из четырех внутренних дверей. Оттуда доносилось звяканье монет, бульканье наполняющей стаканы жидкости, стук бильярдных шаров, шуршание толстой журнальной бумаги, исступленный рев толпы. В отеле «Голливуд» имелось все, без чего цивилизованный человек не мыслит себе отдыха, — телевизоры, автоматы для утоления жажды и голода, настольные игры, свежие газеты на пяти языках.

— Мисс Байрд еще не приходила? — осведомился Мун.

— Давно пришла. Сначала мы поболтали, а потом она пошла наверх.

— О чем же вы болтали?

— О сеньоре Рамиросе. Он сегодня остался с носом. И падре Антонио тоже. Обычно они оба провожают сеньору Роджер на купанье. А сегодня она, даже не дождавшись падре Антонио, ушла с этим американским богачом, что разбудил весь отель. Падре Антонио так разозлился, что чуть не назвал ее шлюхой. А сеньор Рамирос с досады заперся у себя в комнате и велел никого к нему не впускать.

Мун поднялся наверх. Взявшись по лестнице, он услышал, как на втором этаже захлопнулась дверь, а поравнявшись с коридором, увидел шагающую по нему Розиту Байрд.

— Доброе утро! — она приветствовала его с улыбкой. — Надеюсь, я не запоздала? Задержалась у генерала.

Мун не стал ее уличать во лжи. Вместо этого спросил:

— Вы давно знакомы с Рамиросом?

— С каким Рамиросом?

— С будущим мужем Куколки.

— Ах с этим! Вчера видела его в первый и, надеюсь, последний раз в жизни. Такие назойливые самцы не в моем вкусе.

— Вот как? — Мун окинул ее быстрым пронизывающим взглядом. Она выдержала его, не отведя глаз. Застывшее смуглое лицо с раскосыми прорезями глаз казалось потемневшей от древности золотой ацтекской маской, со вставленными в глазницы черными блестящими камнями.

«Какая красивая женщина! — подумал Мун. — И должно быть, с незаурядным темпераментом. А между тем как холоднокровно лжет!»

Судя по услышанному на лестнице звуку, захлопнулась вовсе не дверь генеральской комнаты, а та, что находилась напротив. Та, за которой заперся Рамирос, велевший дону Бенитесу никого к нему не пускать.

Мун пригласил Розиту в свою комнату. Педро, о котором он, как и вчера, совершенно забыл, чувствовал себя как дома. Забравшись с ногами в кресло, мальчик перелистывал иллюстрированный журнал, изъятый Муном у Брауна.

— К вам заходил новый постоялец маркиза Капельмаре, — объявил он, продолжая перелистывать страницы.

— Чего он хотел?

— Не знаю. Я ему сказал, что вы сегодня поедете в Пуэнте Алчерезилло и вернетесь поздно. Кстати, в этом городке есть неплохой кабачок, где мы могли бы вкусно поесть. Там нет туристов, поэтому все значительно дешевле.

Внезапно он вскрикнул. Указательный палец скользнул по журнальному снимку, изображавшему Эвелин Роджер в обществе Родриго Гаэтано на пляже Санта-Моники.

— Это ведь... — начал было мальчуган, но, покосившись на Розиту, быстро сказал: — Это сеньора Роджер, не правда ли?

— Конечно, она, — улыбаясь, подтвердил Мун, потом любезно обратился к переводчице: — Мисс Байрд, спуститесь, пожалуйста, в холл, скажите Милсу, пусть приготовит машину к отъезду.

— Я не знаю его.

— О, узнать его не составляет труда. Сначала вы увидите кресло, а потом человека, составляющего с ним одно целое. Не волнуйтесь, приставать к вам с сомнительными комплиментами он не станет.

Мун сам не понимал, откуда у него вдруг такое шутливое настроение. Очевидно, потому, что при помощи Педро удалось наконец напасть на конкретный след.

Обождая, пока дверь закрылась, он потрепал великого конспиратора по вихрастой голове.

— Молодец!.. Кто же из них Краунен?

— Все детективы умеют читать чужие мысли? —
Педро восхищенно взглянул на него.

— Только когда они сходятся с собственными.

— Вот этот, — палец мальчика прирос к одному из телохранителей Родриго Гаэтано.

Мун склонился, чтобы рассмотреть, какого цвета глаза. Слишком поздно! Как раз на этом месте уже красовалось жирное пятно. Впрочем, это не имело особого значения. Журнальные фотографии не всегда передают естественный цвет.

— Это тот самый, что жил у маркиза. Это он прятался за скалами, когда сеньорита Шривер давала ему деньги, — гордо сообщил Педро. Заметив пятно, виновато плюнул на палец и тщательно вытер о дряхлый красный жилет.

Мун взволнованно зашагал по комнате. В эту минуту легкость, с которой он согласился с версией начальника полиции, казалась совершенно непонятной. Вспомнив врученные Шривером снимки, на которых были запечатлены Челмз и другие люди Рода Гаэтано, Мун показал их мальчику.

Педро никого не опознал, но посоветовал поговорить с рыбаком доном Камило. Насколько помнится, тот видел катер, на котором какие-то американцы приезжали в Панотарос для встречи с Крауненом.

Мун задумался. Не находилась ли именно на этом катере таинственная рация, доставлявшая такую заботу майору Мэлбричу?

Синдикат Рода Гаэтано был не просто шайкой бандитов, а отлично организованным предприятием с неограниченными средствами, на котором работали не только головорезы, но и вооруженные самой современной техникой специалисты. Совсем не удивительно, что для связи они предпочитают шифрованные радиопередачи телефонным разговорам, которые легко подслушать.

Это предположение возникло у Муна уже во время разговора с генералом, сейчас оно превратилось в уверенность.

СПУТНИЦА ГАНГСТЕРА

Оставив справа дорогу, что вела в Малагу, «джип» взял крутой подъем. Их обступили горы с опаленной солнцем желтоватой растительностью. Здесь было заметно жарче, чем внизу, на побережье. Пыльные камни, чахлые кусты, потрескавшаяся, сухая земля. Унылое бление овец, чьи белые смутные тени виднелись высоко наверху, наводило тоску. Они проехали мимо исчервленного временем столба с обрывками ржавой цепи. К нему перед тем, как ксстер инквизиции превращал их в обгорелые кости и кучку пепла, привязывали, должно быть, ведьм и еретиков.

В эту минуту Муну показалось, что в хитроумный лабиринт подозрений и загадок, в котором он окончательно запутался, завел его не обычно трезвый и рассудительный ум, а эта страна, ее мрачная история. Фанатизм и изуверство, помешанные короли, делившие свое время между исступленным кровопролитием и столь же исступленным покаянием, конкистадоры в железных панцирях и заговорщики в монашеских рясах, полный крадущихся шагов и приглушенных стонов сумеречный мир, отраженный с такой силой в полотнах Эль Греко.

Чудилось, этот мир вовсе не исчез, а только видоизменился, великолепно уживаясь с современными бомбардировщиками, с которых падает дождь горящего бензина, отравленных осколков и секретных устройств. Все это словно давило на Муна, мешая видеть людей в обыденном свете. Будь он у себя дома, где даже божественное чудо немедленно превратилось бы в удачную рекламу для чудо-сосисок, от всей этой кошмарной фантазмагории, превращающей любого встречного в возможного убийцу, не осталось бы ни следа.

Они въехали в узкое отвесное ущелье. Внизу грохотала горная река. Белые фонтаны пены взмывали вверх, обдавая лицо тончайшей водной пылью. На противоположном берегу поблескивали рельсы. Издали донесся протяжный свисток паровоза, эхо чутко ударилось в нависшую над головами скалистую стену. Впереди виднелся изогнувшийся как бы в прыжке металлической остов моста.

— «Пуэнте» по-испански означает «мост», — пояснил Педро. — Отсюда название городка. Видите, вон он.

За уступом взметнулся и тут же исчез остроконечный шпиль церкви. Дорога расширилась, образуя нечто вроде площадки. Прорубленные в скале ступени вели к городку. Машину пришлось оставить внизу. Педро с проворством обезьяны карабкался по крутой лестнице. За ним следовали Мун и Розита. Шествие замыкал изъяснившийся желание поразмять ноги Милс, безучастный ко всему, со словно приклеенной к губам неизменной сигаретой.

Городок казался совершенно обезлюдевшим. Единственными живыми существами были поросенок, сладко спавший посреди улицы, да продавец лотерейных билетов, неподвижно сидевший на складном стульчике в скудной тени платана. В спадавших с исхудавшего тела обносках и огромной, почти совершенно обветшавшей соломенной шляпе он походил на огородное чучело. Услышав шаги, продавец билетов ожил, прикрытые черными очками глаза молниеносно повернулись к Муну.

— Купите билетики! Билетики, сеньоры! В прошлом году я продал билет, на который пал большой

выигрыш. Я, слепой старый человек, не стану вас обманывать! Не проходите мимо, красавица! Не проходите мимо своего счастья!

— Что он такое сказал? — спросил Мун, обращаясь к Розите. Вместо нее ответил Педро:

— Да ничего особенного, — мальчуган скорчил гримасу. — Врет. Они всегда врут. Большой выигрыш! Так я ему и поверил... С кого мы начнем расспросы? — закончил он деловито. — Давайте зайдем сперва в кабак! — предложил он, очевидно, не без задней мысли. — У нас все новости узнают именно там.

Они прошли мимо парикмахерской с запыленным окном и засовом на дверях, мимо лавки съестных припасов. Педро шагнул к невзрачному зданию, на сером фасаде которого выделялись кричащие красные буквы: «Пейте кока-колу!» Эта рекламная надпись бесплатно поставлялась американской фирмой и повсеместно заменяла владельцам дорогостоящую собственную вывеску.

В кабачке царил полумрак. В ноздри ударил кисловатый винный перегар и прогорклый запах подгоревшего масла. Хозяйка крепко спала, положив голову на стойку. Над ее головой тускло поблескивал позолоченный образок Мадонны со святым младенцем. Педро стукнул кулаком о пустой бочонок. Хозяйка проснулась. Поправляя на ходу передник и сонно потягиваясь, она подошла к гостям.

Мун заказал обед и по совету Педро пригласил хозяйку распить с ними стаканчик. Хозяйка исчезла за перегородкой и почти мгновенно вернулась с подносом, уставленным бутылками и большой тарелкой с маслинами и солеными орехами. Напиток оправдывал свое название «Кровь спасителя». Густое вино горело в зеленых граненых стаканах кровавыми отблесками. Оно было прохладным, только что из погреба, немного терпким на вкус.

Хозяйка оказалась на редкость молчаливой, под стать Милсу. Приготовив обед, состоявший из вареной форели с приправой, она уселась на самый край каменной скамейки и неторопливо потягивала вино. Мун до того проголодался, что не спешил с расспросами. Молчание затягивалось. Временами на улице слышались шаги, следом за ними приглушенные расстоянием

выкрики продавца лотерейных билетов. Наконец хозяйка, в достаточной мере доказав, что болтливость отнюдь не является национальной чертой испанцев, соизволила спросить:

— Вы туристы? Вообще-то мы на отшибе, к нам редко кто заглядывает.

Она говорила нараспев, растягивая слова, так что Розита успевала переводить почти синхронно.

— Отлично! — обрадовался Мун. — В таком случае вы должны помнить иностранцев, которые бывали у вас за последние дни.

— Иностранцы? — хозяйка отрицательно покачала головой.

— Я ищу родственницу. Несколько дней назад она бесследно исчезла. — Мун сказал это, чтобы расшевелить хозяйку. — Постарайтесь вспомнить, это очень важно. Она собиралась ехать в Пуэнте Алчерезилло.

— Исчезла? — хозяйка действительно оживилась. — А вы обращались в полицию?

— Разумеется. Как видите, безрезультатно...

— Ну да, — хозяйка вздохнула. — У нас полиция только на то и годится, чтобы арестовывать за политику. Видели парикмахерскую? Так вот, дона Себастьяна Новатуро тоже увезли на днях. Какой это был изумительный мастер! Он ведь раньше работал в барселонском театре «Одеон»... Ах да, вы спрашивали про свою родственницу! Какова она из себя?

— Потрудись вы посмотреть на фотографию, что вот уже несколько минут лежит перед вами, не пришлось бы тратить столько слов, — проворчал Мун, уже предельно убежденный, что молчаливого испанца можно разыскать только на кладбище.

Хозяйка зажгла свет, чтобы лучше рассмотреть снимок.

— Какая красивая девушка! Совсем как испанка! Ваша дочь? Нет? Может быть, племянница? Тоже нет? Ах какая я недогадливая! Вы разыскиваете свою жену! Она сбежала, да? С любовником, да? А вы простите ее, если найдете?

— Повешу! И вас заодно тоже! За язык! — закричал Мун. — Переводить не надо, мисс Байрд, — добавил он торопливо. — Это только для служебного пользования... Спросите ее, видела ли она Гвендолин.

Пусть скажет «да» или «нет», а все остальное оставит для своих мемуаров.

— Что-то не припоминаю, — хозяйка повертела фотографию и со вздохом положила обратно. — Может быть, и видела, но я ее, наверно, приняла за испанку, поэтому не заприметила. А давно это было?

— Восемнадцатого марта.

— Что вы говорите? Как раз в этот день забрали дона Себастьяна! В полдень он еще приходил ко мне звонить по телефону в Малагу, а через несколько часов его арестовали.

— Зачем вы переводите мне эту болтовню? — набросился Мун на Розиту.

— Как хотите! — переводчица пожала плечами, одновременно прислушиваясь к продолжавшей болтать хозяйке. — Мистер Мун, это вас, кажется, интересует. Она только что вспомнила, что поисками Гвендолин уже занималась полиция.

— Полиция? Когда? — Мун насторожился.

— Ну да, — хозяйка кивнула. — В тот же день, когда был арестован дон Себастьян, ко мне заходил полицейский офицер. Важный такой, заказал не вино, а виски.

— И он вас расспрашивал про эту девушку? — с иронией спросил Мун.

— Меня нет. Но, может быть, старика, что продает лотерейные билеты? Я видела, как он с ним разговаривал.

— Только не о Гвендолин! Восемнадцатого марта ее никто и не думал разыскивать, все были убеждены, что она уехала в Малагу. — Мун на мгновение забыл присутствующих. — Ну что ж, придется продолжать расспросы. А хозяйку поблагодарите за содержательную беседу и объясните, что важный полицейский, очевидно, приезжал в связи с ее обожаемым парикмахером и к моей сбежавшей с любовником супруге не имеет никакого отношения. — Мун щедро расплатился и встал. — Педро, ты что, заснул?

Мальчик виновато вскочил:

— Я думал.

— То-то тебя не было слышно. Какую же историю с бандитами, пистолетами и деньгами ты на этот раз придумал?

— Ей-богу, я не врал! Сейчас точно вспомнил — она спросила сеньора Краунена, сколько километров до Пуэнте Алчерезилло.

— Может быть, ты напутал?

— Да нет! — Педро задумался. — Знаете что? Давайте расспросим продавца лотерейных билетов, он ведь всегда на улице, значит, видит всех.

— В первый раз слышу, что слепые видят, — рассмеялся Мун.

Педро обождал, пока они вышли, потом, словно экзаменуя, лукаво спросил:

— Почему же он, обращаясь к Розите, назвал ее красавицей?

— Я считаю, что для того, чтобы заметить, насколько мисс Байрд красива, не обязательно быть зрячим, — пошутил Мун. — К тому же у вас принято величать всех женщин красавицами.

— Вот я вас и поймал! — торжествовал Педро. — Когда мы шли мимо, сеньорита не проронила ни слова. Как же он узнал, что среди нас женщина? У него профессия такая, приходится притворяться. Народ считает, что слепой нищий сам до того несчастен, что должен приносить счастье другим.

— Чертовская наблюдательность! — похвалил Мун. — Оказывается, слепым-то был я.

— Купите билетики! Купите у слепого старика билетики! — продавец уже издали заметил их.

— Давайте сюда! Мисс Байрд, переведите ему! — Мун подошел вплотную и помахал перед его глазами банкнотом.

— О! Сто песет! — продавец вскочил со стульчика. — У меня, к сожалению, не будет сдачи.

— Для слепого у вас совсем неплохое зрение, — заметил Мун. — Ну так вот, эти деньги ваши, если сумеете вспомнить, когда и при каких обстоятельствах вы видели эту девушку. — Мун протянул старику снимок.

Продавец осмотрелся. Убедившись, что вблизи нет никого из местных жителей, он снял черные очки и принялся за изучение фотографии. Эта процедура длилась довольно долго, так как взгляд старика ежесекундно перескакивал с фотографии на банкнот.

— Спрячьте деньги, — шепнул Педро. — А то я боюсь, что он и в самом деле ослепнет.

Старик повертел снимок в руках, потом неохотно вернул и снова водрузил очки на нос.

— Ну что? — Мун поторапливал его с ответом.

— Нет. Никогда не видел... Поверьте, сеньор, мне нелегко признаться в этом. — Он тяжело опустил на стульчик и, потеряв всякий интерес к Муну, принялся голосить: — Купите билетки у слепого бедного старика!

Мун собирался уйти, но внезапно возникшая мысль заставила его вернуться.

— А ну-ка, Педро, опиши ему человека, которому Гвендолин Шривер передавала деньги.

— Сеньора Краунена?

— Ну да, если это был он.

По мере того как мальчик, стараясь не пропустить ни одной подробности, описывал внешность, костюм и манеры Краунена, старик все более оживлялся.

— Вам повезло, сеньор. Его я действительно видел. Пусть я ослепну на месте, если вру! Костюм на нем был другой, а все остальное соответствует описанию. Молодой американец, с ним была прелестная молодая девушка.

— Так это, должно быть, та самая! — воскликнул Мун. — Посмотрите еще раз.

— Нет, нет. — Старик на этот раз только мельком взглянул на фотографию. — Лицо как будто похоже, но та была яркая блондинка. Я видел, как она выходила из парикмахерской, а молодой американец поджидал ее.

— Это было в тот день, когда арестовали вашего парикмахера? — строго спросил Педро, стараясь показать свои детективные способности.

— Да, восемнадцатого марта. Но дона Себастьяна увели только несколько часов спустя, это я точно знаю...

— А что они делали до этого?

— Не знаю. День был жаркий, я задремал на своем стульчике, а когда проснулся, он вышел из почты, а она некоторое время спустя из парикмахерской. Он ей что-то сказал на английском языке, потом направился в продуктовую лавку, а она быстро прошла ми-

мо меня и спустилась по лестнице, что ведет на дорогу. Такая красавица, прямо пальчики оближешь. Спустя некоторое время американец вышел из лавки с полным рюкзаком. Жаль, что дона Себастьяна арестовали, он мог бы подтвердить. Я видел, как он наблюдал за ним из окна парикмахерской, а потом пошел кому-то позвонить от доньи Эрмины...

Владелец съестной лавки частично подтвердил рассказ продавца лотерейных билетов. Какой-то иностранец, внешность которого он помнил только смутно, купил у него в тот день большое количество продуктов, главным образом консервы и спиртные напитки. Блондинку он не видел.

Не видела ее также работавшая на почте пожилая женщина. Что касается молодого человека, то такой действительно заходил, но по какому поводу, она не помнила. Зато охотно согласилась показать Муну реестр заказных писем. В тот день было сдано одно-единственное письмо. На копии квитанции значилось: «Панотарос, Голливуд». Очевидно, она сочла название отеля фамилией адресата. В знак благодарности за ненароком полученную информацию Мун закупил огромную коллекцию открыток с видами, на которых Испания выглядела райским уголком в классическом опереточном стиле. Женщина проводила их до дверей и даже сама открыла, чтобы выказать свое почтение столь уважаемым клиентам. Внезапно ее лежавшие на дверной ручке пальцы судорожно сжались, из горла вырвался сдавленный крик:

— Святая мадонна! Что же это такое! — дрожащей рукой она указала на улицу, по которой во всю прыть неся слепой продавец лотерейных билетов. Добежав до почты, старик с опозданием вспомнил свою роль и слезливым голосом заголосил:

— Помогите бедному слепому старику! Я ищу иностранцев. Они не проходили мимо?

— Вы, должно быть, нас искали? — с улыбкой подыграл Мун.

— Да, да. Я узнаю вас по голосу. Пойдемте со мной.

Отойдя на безопасное расстояние от почты, старик шепнул:

— Я ее только что видел. Сначала услышал ма-

шину, а потом они прошли мимо. Она с каким-то господином. Но не с тем, с которым была первый раз. Прическа тоже другая, но я сразу же узнал ее...

— Кого, черт побери?!

— Блондинку... Ту самую... Они зашли в кабачок!

Мун свистнул. Приказав остальным оставаться на месте, он направился к кабачку и заглянул в наполовину закрытое виноградными лозами окно. В полутьме мерцал позолоченный образок божьей матери, прямо перед собой он видел тяжелую копну светлых волос. Блондинка была Куколкой. Рядом с ней сидел Хью Браун.

— Спуститесь в погреб и разыщите что-нибудь поприличнее этой дряни, — донесся через приоткрытое окно капризный голос киноактрисы. — А то у меня такое ощущение, будто я выпила лужу со всеми лягушками.

— То-то мне показалось, в животе кто-то квакает, — отозвался насмешливый голос Хью Брауна. Заказав хозяйке на ломаном испанском языке самое дорогое вино, он добавил на английском: — Только не вздумайте разбавить его, миссис как-вас-там! За вами наблюдает гениальный детектив мистер Мун! Такому достаточно посмотреть на водопроводный кран, чтобы вывести вас на чистую воду!

— Ты пьян? — спросила Куколка. — Хозяйка не понимает по-английски, а мне твои шутки действуют на нервы.

— Хороши шутки! Погляди в окно!

Мун быстро отошел.

КУДА ДЕЛОСЬ ПИСЬМО!

Всю дорогу в Панотарос Мун отчаянно отбивался от Педро, пытавшегося выведать, кого он видел в кабачке. Это мешало сосредоточиться. Открытие, что Краунена сопровождала 18 марта Куколка, было в некотором роде сюрпризом. С другой стороны, фото в журнале «Пэсифик ревю», на котором оба они красуются в обществе Рода Газтано, позволяло предполагать нечто подобное. Связь известных актеров с крупной фигурой гангстерского мира не являлась такой уж редкостью, особенно если эта внешне респектабельная темная фигура пользовалась лестным вниманием прессы. В свое время много писали об интимном знакомстве популярнейшего джазового певца Фрэнка Синатры с одним из боссов «Коза ностры». Но прямое участие в двойном убийстве и похищении как-то не вязалось с представлением, какое сложилось у Муна о Куколке. Может быть, ее появление в Пуэнте Алчезилло все же случайно? Если же нет, существует ли какая-нибудь связь между ее посещением парикмахерской и последовавшим вслед за этим арестом парикмахера Себастьяна Новатуро? Но больше всего занимало Муна отправленное Крауненом заказное письмо. Кому оно адресовалось? Если соучастнику, то куда

проще и безопаснее встретиться лично, поговорить по телефону или передать письмо через Куколку.

Чем больше размышлял Мун, тем более запутывался. Какое-то предчувствие подсказывало ему, что дело Шриверов окажется значительно сложнее, чем представлялось раньше. Настораживало решительно все. И постоянное молчаливое присутствие сержанта Милса, который под предложением моциона не отставал в Пуэнте Алчерезилло ни на шаг. И подозрительное безразличие Розиты Байрд. Хотя бы из чисто женского любопытства она должна была поинтересоваться, кого Мун видел в кабачке. Устав от бесплодных размышлений, Мун задремал. Его разбудил ликующий голос Педро:

— Помните, внизу у лестницы стояла белая спортивная машина? Она принадлежит сеньоре Роджер! Сеньор Рамирос тоже пользуется ею, когда ездит в Малагу, поэтому я сначала подумал, что это он приехал с какой-то дамой. Но сейчас я точно вспомнил, что возле белой «мазератти» валялся окурок. Когда сеньор Хью Браун заходил к вам в номер, он курил такую же сигарету — с золотым мундштуком. Значит, в кабачке вы видели его и сеньору Роджер!

Все это Педро выпалил прежде, чем Мун успел его предупредить. Розита никак не реагировала. Но когда Мун велел Милсу остановиться у почты, она выпрыгнула из «джипа» и, даже не осведомившись, когда ему опять понадобится, быстрыми шагами направилась в сторону гостиницы. Мун не сомневался, что эта явная спешка не имеет ничего общего ни с генералом Дэблдеем, ни со служебным рвением.

— Рад вас видеть! — выбираясь из машины, он очутился лицом к лицу с Биллем Ритчи. — А я уже соскучился по вашему обществу, мистер Мун! Как продвигается расследование?

Педро раскрыл уже было рот — видно, не терпелось похвастаться своими детективными успехами. Мун вовремя подмигнул ему. Потом, отведя в сторону, ласково потрепал по схожим с колючим кустарником волосам:

— Педро, я тобою очень доволен. Успех сегодняшней операции, в сущности, решил ты, разгадав мнимого слепца в продавце лотерейных билетов. Но настоя-

щий детектив должен уметь не только разгадывать тайны, но и хранить их.

Педро покраснел по самые уши.

— Да, сеньор Мун, сейчас я сам осознал, что поступил глупо. При сеньорите Розите мне не следовало объяснять, кого вы видели в кабачке. Я постараюсь исправиться, клянусь святым Иеронимом. Очевидно, с моей стороны было такой же ошибкой сообщить сеньору Брауну, куда вы поедете. Сейчас я уверен, что он приходил к вам с целью выведать ваши намерения. А в Пуэнте Алчерезилло ездил вместе с сеньорой Роджер, чтобы запутать следы. По-моему, он самый главный бандит.

— Буду иметь в виду! А теперь можешь идти. Сегодня ты больше не нужен.

Мальчишеское лицо сморщилось от обиды.

— Если появится потребность, пошлю за тобой дона Бенитеса, — утешил его Мун. — И никому ни слова о том, что сегодня видел и слышал! Не забывай, ты мой помощник!

Мальчуган сразу же повеселел. Заговорщически подмигнув Муну и высокомерно кивнув Биллю Ритчи, вприпрыжку удалился в сторону кабачка дона Хернандо.

Мун вернулся к машине. Да, поездка в Пуэнте Алчерезилло являлась первой крупной удачей. Так и хотелось крикнуть Биллю Ритчи: «Расследование продвигается великолепно!»

— Вы только что проезжали мимо меня, я помахал вам рукой, но вы не остановились... — Билль Ритчи, видимо, счел нужным объяснить свое появление возле почты. Игнорируя его, Мун обратился к водителю, обтиравшему нейлоновой губкой пыльный капот:

— Сержант Милс!

— Слушаю, сэр! — равнодушные глаза выражали подчеркнутое безразличие ко всему, кроме прямых приказаний начальства.

— Можете уезжать, машина мне сегодня больше не понадобится.

— Ваше дело, но согласно полученной от генерала инструкции я в вашем распоряжении до ноль-ноль часов.

— Поздравляю, мистер Мун! Я бы тоже не отка-

зался стать любимчиком генерала Дэблдея. Могущественный человек! — и Ритчи, как будто ненароком, услужливо толкнул дверь, чтобы пропустить Муна.

Услышав шаги, начальник почты выбежал из своей квартиры. В руке он все еще держал скрученное в жгут полотенце, за стеной слышался отчаянный детский рев.

— Эти несносные дети! — он чертыхнулся. — Для вас две телеграммы, мистер Мун.

— А для меня? — унылым голосом спросил Ритчи.

— Как всегда. Контракт из Голливуда! — съязвил начальник почты.

Мун отошел в сторону и просмотрел телеграммы. Дейли сообщал, что не сумеет приехать, так как в выдаче заграничного паспорта ему отказано. Мун усмехнулся и, подойдя к пюпитру, написал:

«Ваше присутствие крайне необходимо. Приложите все силы».

Он нарочно встал так, чтобы Билль Ритчи мог прочесть, и с удовлетворением констатировал, что тот не преминул воспользоваться этим.

— За неимением собственной, интересуетесь чужой корреспонденцией? — сухо осведомился Мун. Говорить приходилось довольно громко: к реву за стеной присоединились плачущие подголоски. Начальник почты, беспомощно пожав плечами, вставил в уши затычки.

— Не столь интересуюсь, сколько завидую, — старый актер тяжело вздохнул. — Получить весточку от знакомых и родных — это ведь такое счастье!

— В таком случае вас должна заинтересовать эта весточка, — Мун протянул ему телеграмму Дональда Кинга. — Она касается вас.

— Меня? — Билль Ритчи отступил на полшага.

— Да, вас. В этом списке все, кто принимал участие в съемках фильма Стенли Хьюза. Роль Фальстафа играл итальянский комик Тинто Лоретти!

— Я не обманывал вас, — Билль Ритчи съежился. — Стенли Хьюз мне действительно обещал эту роль, но...

— Но поскольку у вас был хронический насморк голосовых связок, вам предложили сыграть глухонемого, — усмехнулся Мун. — Я сначала действительно

думал, что вы просто стесняетесь признаться, что из короля смеха на старости лет пришлось превратиться в живую декорацию, которую режиссер ставит на самый задний план. — Мун сделал паузу для заключительного удара. — Но вас в этом списке вообще нет!

Билль Ритчи собирался что-то сказать, но под убийственным взглядом Муна попятился к двери. Выйдя на улицу, он с видом побитой собаки опустился на скамейку.

— Есть возможность заработать, — обратился Мун к начальнику почты.

— Что? — переспросил тот, осторожно вынув затычку из правого уха.

— Заработать! — крикнул Мун.

Начальник почты напряженно вслушался. За стеной раздался последний всхлип, потом наступила блаженная тишина.

— Наконец! — он глубоко вздохнул. — Сил нет терпеть! Никак не дождусь доктора Энкарно, может, он пропишет успокоительное.

— Вам?

— Зачем мне? Ребятишкам. Вы не думайте, что они у меня родились такими буйными. Это у них на нервной почве, с той ночи, когда столкнулись самолеты. Все небо полыхало, вот-вот дом сгорит. А я с перепуга еще крикнул: «Началась атомная война!» У жены было нервное потрясение, пришлось отправить ее к матери в деревню... Так что же вас интересует, мистер Мун?

— Хью Браун получал за это время корреспонденцию?

— Тот господин, что живет у маркиза? Нет, не получал. Но зато активно интересовался вашей. Между прочим, это он мне посоветовал, — начальник почты указал на затычки.

— Ну, а вы, будучи гордым испанцем, решительно показали ему на дверь? — усмехнулся Мун.

— Должен признаться, мистер Мун, не устоял против соблазна. Как-никак для человека, получающего от государства гроши, сто песет — большие деньги.

— А ваш священник падре Антонио утверждал, будто в Испании честность прямо пропорциональна бедности.

— Вы ошибаетесь, мистер Мун. Падре Антонио не наш, живет в Малаге, а в Панотаросе находится исключительно ради спасения души сеньоры Роджер, хотя, по-моему, у нее едва ли есть душа. А если и имелась когда-то, то давно ушла в бюст... Что касается тайны вашей корреспонденции, то, мне кажется, к ста песетам мистера Брауна кое-кому следовало бы добавить столько же.

— Кому?

— Вам! — начальник почты лукаво улыбнулся. — Раз вы не воспользовались почтой в любом соседнем городке, значит, не имели ничего против огласки своей корреспонденции, скорее наоборот. Достаточно было поглядеть, с каким усердием вы только что старались посвятить мистера Ритчи в свои телеграфные секреты.

— А вы, оказывается, наблюдательны! — усмехнулся Мун. К чувству уважения к этому скромному почтовому служащему примешивалась досада. С самого начала он избрал тактику «стеклянного дома». Наблюдатели должны быть уверены, что могут уследить за каждым его шагом. Именно этот не совсем обычный метод полной прозрачности должен был служить отличной дымовой завесой для второй, наиболее важной части общего расследования. Порывшись в бумажнике, Мун достал двухсотенный банкнот.

— Это вам, начальник.

— Мне? За что? — вопреки ожиданиям Муна начальник почты не спешил спрятать его в карман.

— За то, чтобы вы оставили свою наблюдательность при себе.

— Вы меня, очевидно, не поняли, — немного грустно сказал начальник почты, сопровождая фразу отстраняющим жестом. — Не будь я уверен, что это соответствует вашим подспудным желаниям, мистер Браун ни за какие деньги не получил бы от меня информацию. Мисс Гвендолин, откровенно говоря, не стоит ваших забот, но ее мать и брата мы все любили, хотя они и были американцами. Так что и я, и остальные панотаросцы вам всячески помогут, и ни нашу помощь, ни наше молчание вам не надо покупать, — с достоинством закончил он.

— Простите меня. — Мун примирительно протянул ему руку.

— Вот так лучше. И вообще... Я понимаю, у вас такая профессия, но считать всех без исключения недодаями тоже не слишком мудро. Мне кажется, вы напрасно обидели мистера Ритчи. Если он для вас и сочинил главную роль в шекспировском фильме, то лишь потому, что стыдился выглядеть в глазах соотечественника неудачником. Ведь у вас в Америке бедность считается самым большим позором.

Мун чуть виновато поглядел в окно. Билль Ритчи вытирал лицо своим грязным платком, сквозь наполовину стертый грим явственно проступала немощная старость.

— А теперь к делу! — Мун взял себя в руки. — Двести песет вы все же можете заработать. Не бойтесь, это не будет взятка.

— В таком случае ничего не имею против, — улыбнулся начальник почты. — Что требуется от меня?

— Восемнадцатого числа в Пуэнте Алчерезилло сдано заказное письмо. Адресат проживает в «Голливуде». Фамилия неизвестна, вместо нее в корешке по ошибке записано название гостиницы. Вот за эту фамилию я и даю двести песет.

— Ценная фамилия! Сейчас посмотрим. Правда, я не уверен, прибыло ли уже письмо.

— Прошло три дня.

— Это ничего не значит. Почта идет окружным путем, через Малагу. Там, так, по крайней мере, рассказывают сведущие люди, некоторые письма проверяются тайной цензурой. Так было всегда, задолго до воздушной катастрофы. В таком случае они приходят к нам с большим опозданием.

Пока начальник почты просматривал реестр заказных писем, он успел рассказать несколько анекдотов, в том числе про Франко и Джонсона. Мун слышал его уже лет двадцать назад, но тогда вместо Джонсона фигурировал Гитлер.

— Вам повезло! — начальник почты на полуслове оборвал очередной анекдот. — Вот оно! Фамилия адресата — Шривер!

— Шривер? — Мун ожидал что угодно, только не это. — Не может этого быть! Вы ошиблись.

— Посмотрите сами! Единственное письмо из Пуэнте Алчерезилло за последние дни.

— Вы не помните, для кого оно предназначалось — для миссис Шривер или для Гвендолин?

— Мы записываем только фамилию. Может быть, и запомнил бы, но в тот день в связи с воздушной катастрофой у меня была необычно большая нагрузка. Даже доставку корреспонденции пришлось перепоручить старшему сынишке.

— Спросите его, может быть, он запомнил?

— Он? — начальник почты рассмеялся. — Да Хуанито и читать еще не научился.

— А если посмотреть, кто расписался за получение?

— Тоже не поможет. Расписывается за заказную корреспонденцию дон Бенитес.

— А когда пришло письмо? — только теперь догадался Мун спросить.

Начальник почты заглянул в книгу:

— Девятнадцатого марта.

Девятнадцатого! В этот день Шриверы были еще живы. Значит, не все потеряно. Даже в том случае, если оно было адресовано Гвендолин, его, возможно, забрали миссис Шривер или Рол.

Весь во власти этой мысли Мун, даже не попрощавшись как следует, выбежал из почты. Не замечая скамейки, на которой все еще сидел Билль Ритчи, ни его самого, он зашагал в сторону гостиницы.

— Да, меня нет! — его догнал хриплый от одышки голос.

— Раз вы бежите за мной, значит, вы есть! — иронически бросил Мун, все же остановился, позволяя старому актеру нагнать себя.

— Нет в фильме! Не гожусь я больше на комические амплуа. Стенли Хьюз сказал, что, глядя на моего Фальстафа, людям захочется не смеяться, а плакать. Пришлось вызвать итальянца. Я не виню Стенли, даже палач может позволить себе великодушие, только не режиссер кинофильма, — мутно-голубые глаза его заслезились.

— Ну ничего, Билль, не сокрушайтесь, в другой раз больше повезет, — пробормотал Мун, частично из

жалости, частично чтобы поскорее отделаться. — В новом фильме Куколки или...

— Обязательно! — старый актер приосанился. — Тем более что я отнюдь не остался внакладе. Благодаря этому случаю я понял, что мое настоящее амплуа — остродраматические роли. Вот, если бы вы согласились написать для меня детективную драму, скажем, отец в отчаянии убивает дочь, а потом кончает с собой... — он умоляюще посмотрел на Муна.

— Поговорим в другой раз, я спешу, — отмахнулся Мун.

— Знаете, у меня эта идея возникла, когда вы проезжали мимо. — То ли Билль Ритчи не слышал, то ли необходимость поговорить хоть с кем-нибудь была сильнее приличий. — И заодно я хотел объяснить вам недоразумение с Фальстафом. Я уже вчера собирался, но сначала Куколка помешала, а потом было как-то неловко... Но не думайте, я знаю свое место. Даже ничуть не обиделся, когда вы не остановились...

— Когда?

— Только что, возле почты. Я помахал вам, но, увы, ваше внимание всецело принадлежало сидевшей рядом с вами прекрасной даме. Настоящая мексиканская красotka! Каждый раз, когда вижу ее, вспоминаю Долорес дель Рио... Однажды я должен был сниматься вместе с ней, но, к сожалению...

— С кем? С Розитой Байрд?

— Да нет же, с великой Долорес! Помните фильм «Мексиканские ночи»? Там такой великолепный кадр! Единственное одеяние — длинные черные волосы.

— Какое отношение это имеет к Розите Байрд? Она ведь серебряная блондинка, или, может быть, я дальтоник?

— В прошлый раз она была жгучей брюнеткой. Точно такие же волосы, как в том знаменитом кадре! Белое платье и белые туфельки. Совершенно другой человек. Есть такие женщины, у которых с цветом волос и стилем одежды совершенно меняется внешность. В военной форме она теряет всю свою яркую киногенность.

— Вы ее видели с черными волосами? Когда?

— Недели две тому назад. Вышла из гостиницы и быстро перебежала через площадь. Вероятно, не хоте-

ла, чтобы ее заметили. Это было как раз в ту ночь, когда Куколка послала меня за доктором Энкарно... Простите, я совершенно забыл, что вы спешите. До скорой встречи!

Полученная ненароком информация чрезвычайно заинтересовала Муна. Однако, помятуя отправленное Крауненом письмо, он не стал задерживать старого актера. Входя в гостиницу, Мун оглянулся. Бывший король смеха стоял, привалившись всем телом к белой церковной стене. Видно, не легко ему было даже на таком маленьком расстоянии — от почты до отеля — выдерживать быстрый темп Муна.

Дона Бенитеса Мун застал на втором этаже прохаживающимся по коридору. То ли он выбрал объектом подслушивания комнату генерала Дэблдея, то ли номер Рамироса. Заметив детектива, он проворно заглянул в мраморную урну; словно проверяя пыль, провел пальцем по стене, но отнюдь не поколебал этими действиями подозрений Муна.

— Ну, какие новости слышали, дон Бенитес? — с подтекстом осведомился Мун.

— Что вы, что вы, сеньор Мун! Просто смотрел, хорошо ли убрала горничная... Между прочим, сеньор Дэблдей весьма интересуется вами, — спустившись в пустой холл, портье стал значительно общительнее.

— Откуда вам это известно?

— Водитель «джипа» как раз докладывает ему о вашей поездке.

— Опять подслушивали?

— Только одним ухом... — дон Бенитес подмигнул. — Нам, маленьким людям, никто ведь ничего не рассказывает, волей-неволей приходится заняться самообслуживанием.

— Ладно, меня это не касается. Разумеется, пока вы не станете прохаживаться мимо моей двери. В таком случае вы меня вынудите пройти таким же манером по вашей физиономии. А теперь, дон Бенитес, попытайтесь доказать, что у вас не только отличный слух, но и неплохая память.

— На слух я действительно не жалею, — портье как-то грустно улыбнулся. — Что касается памяти, то в наше время куда счастливее тот, кто умеет забывать, а не помнить... У меня было двое сыновей. А по-

том была гражданская война, и, когда она кончилась, у меня больше не было сыновей...

— На какой стороне они сражались?

— На правой стороне, сеньор Мун, — с достоинством сказал дон Бенитес и с поклоном добавил: — Чем могу служить?

— Деятнадцатого прибыло письмо для миссис Шривер или Гвендолин, для кого из них, точно не знаю. Кто его взял и у кого оно может быть?

— Деятнадцатого? Сразу после катастрофы? Вы от меня требуете слишком многого. Весь отель был полон военных, таскали вещи сеньора Дэблдея, сеньора Мэлбрича, других высших офицеров, долбили стену, чтобы провести в номер генерала прямой провод с Вашингтоном. А мне приходилось объяснять туристам, что нет никаких оснований для беспокойства. У меня и так голова шла кругом, а тут к тому же эта печальная история. Когда хоронят, не до писем.

— Но вы ведь тогда еще не знали, что Шриверы умрут?

— Я? Кто говорит о Шриверах? Летчики ведь погибли, не так ли?

— Ну, ну... Хочется вам верить, что вы их имели в виду. А насчет письма — не руководствуетесь ли вы своей мудростью, что иногда выгоднее забывать, чем помнить?

— О выгоде, сеньор Мун, по-моему, не говорилось ни слова. Наоборот, я часто помню то, что выгоднее забыть.

БАРКАС ДОНА КАМИЛО

Метеотабло показывало двадцать градусов. На желтом песке то там, то сям пестрели купальные костюмы, огромные надувные шары. Даже притяжение такого магнита, как Куколка, не смогло пока превратить панотаросский пляж в обычное для приморских курортов столпотворение загорающих, потеющих, изнывающих от жары и скученности тел.

Мун без труда нашел ветхий баркас дона Камило. Он был пришвартован в порядочном отдалении от берега, якорем служила изъеденная ржавчиной железная бочка, возле которой колыхался опавший купол огромной мертвой медузы. Каждая очередная волна легонько подбрасывала баркас, привязанный к бочке трос натягивался и снова расслаблялся. Мун не заметил на нем никаких признаков жизни, но вывешенные для просушки длинные морские сапоги говорили о том, что хозяин дома. Мун разделся, набросал поверх одежды песок и вошел в воду. Берег в этом месте почти сразу же круто обрывался. Мун плыл почти бесшумно, тем плавным брассом, который применял еще в школьные годы, чтобы пугать купающихся в уединенном месте девочек. Ему уже удалось ухватиться за борт, когда в дверях низенькой каюты появилось угрюмое лицо.

Рыбак сначала захлопнул дверь и только после этого спихнул Муна в воду, сопровождая эти действия потоком испанских слов.

— Я не ожидал, что вы так гостеприимны. — Вынырнув на поверхность, Мун несколько секунд отплывался.

— Ничего не слышу! Я глухой! — крикнул Камило на скверном английском языке. — Убирайтесь!

— Пожалуйста! Если вам это больше по вкусу, поговорим в полицейском комиссариате.

— Ладно, — видимо, Камило слышал только тогда, когда считал это необходимым. — Плывите к берегу и ждите меня там.

— По-моему, можно поговорить и в вашей каюте.

— Нет! — резко бросил Камило и после паузы добавил: — Там у меня сети... Воняет рыбой.

Мун не стал настаивать. Уплывая, он обратил внимание на банку, которой рыбак зачерпнул воду из бачка. Этикетку украшали те самые аппетитные ломтики колбасы «Экстра», о которых так восторженно рассказывал Педро. Рыбак выпил, зачерпнул еще и еще, потом надел свои резиновые сапоги, перепрыгнул с баркаса на бочку и по только ему одному известному броду зашагал неуклюже к берегу.

— Извините, сеньор, — он заговорил с неожиданной учтивостью, — когда у меня похмелье, я готов выпить целое Средиземное море... Что вас интересует?

— Вы были проводником у Шриверов?

— Да! Сеньор Крауен выдумал, будто у острова водится гигантский кальмар. Поэтому они и наняли меня. Романтика, чудовище с пятиметровыми щупальцами! Сеньора в этом отношении была еще большим ребенком, чем мальчик. Оно и понятно. Если человеку не надо заботиться о хлебе насущном, он может себе позволить рыскать по пещерам в поисках клада или нырять с аквалангом в разные дыры.

— Ну как, с вашей помощью они нашли то, что искали?

— Нет, как-то нашли следы подземного хода, вот и все. Раньше между берегом и островом Блаженного уединения, очевидно, существовало подземное сообщение. После этого они целую неделю пропадали. Только в самый последний день пришли опять. Просили, чтобы

я их отвез на... — не договорив, Камило внезапно замолчал.

— На море? — догадался Мун.

— Нет... В Коста-Азуру. Это небольшой портовый городок между Панотаросом и Ротой. Утром отвез, а в полдень привез обратно.

— Зачем они туда ездили?

— Не знаю, мне они не говорили.

— Значит, этот Краунен утверждал, будто видел гигантского кальмара?

— Да, да! — рыбак закивал. — Он часто ездил на остров Блаженного уединения, даже оставался там ночевать. Притворялся, будто изучает каких-то крабов.

— Притворялся?

— Я однажды в его отсутствие заглянул в ведро. Крабы, которых он выловил, уже сдохли лет сто назад. Так вот, туристы испугались кальмара, никто больше не стал туда ездить. А сеньора и мальчик, наоборот, прямо влюбились в остров.

— Гвендолин тоже ездила с ними?

— Боже упаси! Страшно боялась воды. Как-то ребенком тонула... С тех пор даже на пароход не соглашалась сесть.

— Но я видел снимок, она каталась в каком-то глассере.

— Это глассер сеньора Девилье, того самого, кому принадлежит гостиница. Если хотите знать, снимок сделан в двух шагах от берега. И то сеньорита потребовала, чтобы я для страховки стоял рядом.

— Моряки обычно не очень-то хорошо плавают.

— Откуда вы знаете, что я бывший моряк?

— По татуировке. А кем вы плавали?

— Не ваше дело, — огрызнулся Камило.

— А все-таки?

— Коком! Корабельным поваром! — сердито бросил Камило и без приглашения принялся рассказывать: — Сеньор Девилье был в нее по уши влюблен, а она его терпеть не могла. Перед отъездом он поклялся, что все равно добьется своего, даже если для этого придется похитить.

— Похитить? Очень интересно! — пробормотал Мун. — А он способен на это?

— Почему же нет? — рыбак пожал плечами. — Богатый человек... Что только богачи не придумают, чтобы поразвлечься!

— Скажите, что вы думаете о смерти Шриверов?

— А что вы имеете в виду? — рыбак исподлобья взглянул на Муна.

— Ничего особенного... Как они себя чувствовали, когда вы отвезли их в Коста-Азуру?

— Куда? Ах да, в Коста-Азуру! Туда — ничего, а на обратной дороге жаловались на тошноту.

— Они брали с собой колбасные консервы?

— Это был их обычный паек. Знаю, к чему вы клоните. Доктор Энкарно почему-то решил, что они отравились.

— Разве это не так?

— Когда я заехал за ними, у них оставалось еще несколько банок, одну они отдали мне. Если доктор Энкарно прав, то почему я до сих пор не лежу на кладбище? У меня была точно такая же возможность отравиться.

— Педро говорит, будто вы видели, как к Краунену приезжали на катере какие-то американцы.

— Да, примерно недели две тому назад. Я возвращался домой с улова, вижу, к острову Блаженного уединения причалил большой военный катер. Американские моряки. Тогда их к нам еще не понагрязнуло как саранчи, ни одного в Панотаросе отроду не видели. Поэтому я сразу и заприметил их. А когда я швартовал свой баркас у берега, рядом причалила шлюпка с катера. Матросы остались на веслах, а трое сошли на пляж. Краунен, еще один американец в штатском да какая-то девушка.

— Она была в военной форме?

— В штатском. Как на бал нарядилась, такое красивое белое платье.

— Брюнетка?

— Точно не скажу. Было уже темно.

— Помните, вчера в полицейском комиссариате присутствовала переводчица генерала Дэблдея? Не она ли приезжала на катере?

— Нет. У этой волосы цвета лунной воды, а у той были... — рыбак пытался вспомнить. — Да, пожалуй, темные...

— Темные! Значит, она! — пробормотал Мун. — Попробуйте представить себе переводчицу не с серебряными, а с длинными черными волосами.

— Точно она! — рыбак звонко шлепнул себя по ляжке. — Как это я сам не догадался!

Уже распрощавшись, Мун, сам не зная почему, спросил:

— А что вы думаете по поводу слухов о русской подводной лодке?

— Детские сказки! — Камило со злостью сплюнул.

— Не совсем. Американцы перехватили шифрованную передачу.

Рыбак метнул в Муна взгляд, от которого у того прошли по спине мурашки. Потом круто повернулся и, не разбирая брода, по грудь в воде, пошел к своему баркасу. Мун оделся и, ежеминутно оглядываясь, побрел прочь. На постепенно удаляющемся баркасе стоял рыбак и все черпал и черпал консервной банкой из бачка. Судя по жажде, похмелье у него было колоссальное. Но Мун мог поклясться, что тот трезв, как мертвая медуза.

ТЕЛЕГРАММА ШРИВЕРА

Погруженный в раздумье, Мун с низко опущенной головой шагал по пляжу, пока не наткнулся на колючую проволоку. Возможно, он даже не осознал бы, что проходит мимо военного лагеря, если бы не автобус без окон и опознавательных знаков, привлечший его внимание во время визита в медчасть. Закрытый наглухо, молочно-белый автобус вызвал цепь ассоциаций: от белого цвета к белым медицинским халатам, от халатов к врачам, от врачей почему-то к ученым, от них — к показавшемуся знакомым высокому художавому человеку, который мылся тогда под душем.

Мун закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти его внешность. Черты лица расплывались, зато запомнилась присущая медикам тщательность, с которой тот мыл ногти. И в то же время он проделывал эту процедуру не со свойственной хирургам сосредоточенностью, а скорее с тем отсутствующим видом, который романисты обычно приписывают ученым. Ученый? Единственное место, где Муну пришлось сталкиваться с учеными, была квартира его друга и соседа профессора Холмена. Чувствуя, что от истины отделяет только тонкая стенка, Мун решительно повернул к воротам лагеря, но тут натолкнулся на столь же решитель-

ное сопротивление со стороны часового и вызванного им дежурного офицера. Предъявление удостоверения не оказало никакого воздействия: в лагерь приказано впускать только штатских, могущих предъявить талон на душ. Мун попросил вызвать майора Мэлбрича или начальника медчасти, но оба, если верить офицеру, с самого утра отправились в Черную пещеру. Приходилось волей-неволей отложить этот вопрос на после.

Мун направился в полицейский комиссариат. Он уже заходил туда перед беседой с доном Камило. Тогда ему сказали, что полковник Бароха-и-Пинос находится в Малаге, но должен скоро вернуться.

На этот раз Муну повезло больше: начальник полиции вызван к генералу Дэблдею, но попросил сеньора Муна подождать, если тот явится. Это пространное объяснение между посетителем и дежурным полицейским происходило при помощи знаков и разговорника, на титульном листе которого стояло: «Для военнослужащих американской армии».

Мун присел на скамейку и от нечего делать принялся разглядывать обсиженный мухами портрет Франко. По какой-то непонятной причине им заинтересовался также полицейский. Схватив со стола книгу, на обложке которой стояла фамилия соотечественника Муна, он на цыпочках приблизился к портрету. Раздался хлопок — и на пол упало с полдюжины трупов. В отсутствие полковника полицейский предпочитал знакомить с великой американской литературой мух. Мун не слышал, как вошел начальник полиции, — он увидел это по мгновенно изменившемуся поведению полицейского. Прикрыв сапогом результаты своей последней литературной лекции, тот сначала притворился, будто углубился в чтение, и только после этого с мнимо отсутствующим видом отдал честь.

— Видели, как я их выдрессировал? — подмигнув Муну, полковник любезным жестом пригласил его в кабину.

— У меня для вас кое-что есть, — начал начальник полиции, но Мун прервал его.

— У меня тоже. — Мун рассказал про письмо, умолчав роль Куколки в этой истории.

— Краунен? Тот, что проживал у маркиза Кастельмаре? — начальник полиции нахмурился.

— Вы его знаете?

— Не лично, но катастрофа... вернее, потеря американцами секретных устройств, естественно, требовала от меня пристального внимания ко всем иностранцам.

— Что же вы установили?

— Его американский паспорт и въездная виза в полном порядке. Поскольку мистер Краунен после воздушной катастрофы не появлялся в Панотаросе, я потерял к нему всякий служебный интерес — в отличие от теперешнего постояльца маркиза...

— Мы сейчас говорим о Краумене, — прервал его Мун. Он вовсе не намеревался делиться с полицией всеми сведениями о Хью Брауне, которыми располагал.

— Как вам угодно. Не понимаю, почему вы придаете этому письму такую важность, тем более что даже не знаете толком, кому из Шриверов оно было адресовано. Может быть, он приглашал мисс Гвендолин на любовное свидание?

— Краунен связан с преступным синдикатом Рода Гаэтано. Это имя, надеюсь, не нуждается в комментариях.

— Ну что вы! Международная знаменитость, тем более у нас. Мы, испанцы, романтический народ. Окружаем ореолом любого соотечественника, если он хоть чем-нибудь, пусть даже разбоем, прославил испанское имя! — патетически воскликнул полковник, потом добавил иным, то ли насмешливым, то ли чересчур равнодушным тоном: — А доказательства?

— Чего? — не сразу понял Мун.

— Этой связи.

Мун, чувствуя себя в немного смешном положении (появление Куколки в Пуэнте Алчерезилло 18 марта он по-прежнему решил умалчивать), рассказал про групповой снимок знаменитых гостей купального сезона в Санта-Монике и, не дождавшись реплики полковника, перешел в наступление:

— Я, в свою очередь, удивляюсь, отчего вы не придаете письму Краунена ровно никакого значения. Возможно, вы читали его, когда после смерти Шриверов знакомились с их бумагами. — Мун испытующе посмотрел на полковника.

— Нет, — тот спокойно выдержал его взгляд. — Вам, должно быть, известно, с бумагами знакомятся только, когда возникает подозрение в убийстве или самоубийстве. А я и тогда и сейчас вполне полагаюсь на компетенцию доктора Энкарно. Все письма в непрочитанном виде отправлены вместе с другими вещами мистеру Шриверу.

— Вы сами занимались этим?

— Да. Полицейским доверять нельзя — увидит какую-нибудь вещичку и возьмет. Так сказать, на память.

— Не заметили ли вы хотя бы конверт со штемпелем «Пуэнте Алчерезилло»?

— Конвертов там вообще не было, а все письма от мистера Шривера.

— Вы только что утверждали, что не читали их, — поймал его Мун.

— Все шесть были на фирменном бланке мистера Шривера, — с улыбкой отпарировал полковник. — Чтобы заметить это, не обязательно знакомиться с содержанием.

— А может быть, их было все-таки семь? — в шутовском тоне спросил Мун. Он притворился, будто смотрит в окно, мимо которого проходил саперный взвод, а сам настороженно наблюдал за полковником.

— Вы мне не доверяете?! — тот вскочил с такой внезапностью, что Мун на всякий случай отодвинулся подальше. Где-то он читал, что разъяренный бык ничто по сравнению с оскорбленным испанцем. Но начальник полиции, круто повернувшись, направился к сейфу. Вернулся он с папкой и уже более спокойно сказал: — Имейте в виду, вы всего-навсего частный детектив. Я мог бы вообще не разговаривать с вами, но генерал Дэблдей просил оказывать вам всяческое содействие. Так что не будем говорить о пустяках. Вот опись вещей, а вот перевод. Убедитесь сами.

Мун мельком заглянул в реестр: «6 писем, 107 цветных пленок, 213 фотографий».

— Убедились? — полковник деловито спрятал актовую папку обратно в сейф.

— Увы! — Мун кивнул, оставив про себя контраргумент — шесть зарегистрированных писем еще не доказывали, что их действительно было столько.

— Тогда поговорим откровенно. Я слышал о вас много хорошего, поэтому мне нелегко сказать нечто такое, что могло бы показаться вам обидным. По моему глубокому убеждению, вы находитесь на ложном пути. Краунен, так же как и Куколка, могли совершенно случайно попасть в этот снимок. Фоторепортер для пущей впечатлительности просто собрал всех, кто находился поблизости.

— Допустим, — неохотно согласился Мун. Он не слишком верил в такое объяснение, но совершенно зачеркивать его тоже не следовало.

— В нашей профессии нельзя быть предвзятым. Вы все ищете доказательства насильственной смерти Шриверов, тогда как химический анализ не оставляет никаких сомнений в пусть трагическом, но заурядном несчастном случае. На вашем месте я бы обратил все внимание на мисс Гвендолин. В Малаге мне сегодня вручили полученную из Мадрида телефонограмму... Кто там? — раздраженно крикнул он, заметив, что дверь тихо приоткрылась.

— Это я, — в кабинет робко вступил дон Бенитес.

— Нельзя! Я занят! — рявкнул полковник. — Почему этот осел впустил вас?

— Извините, сеньор полковник, но там нет никакого осла.

— Вот и работай в таких условиях! — полковник сердито пожаловался Муну: — Уборная во дворе, под помещение для арестованных отведен бывший сарай. Ну ладно, докладывайте, — он повернулся к дону Бенитесу. — Только побыстрее! Что у вас там произошло? Кража? Драка? Изнасилование?

— Что вы, господин начальник, у нас приличная гостиница! Я, собственно говоря, к сеньору Муну... — он поклонился: — Сеньор Мун, для вас пришла телеграмма. И заодно я вспомнил, что письмо, которым вы интересовались, принесли после смерти Шриверов.

— Откуда вы узнали, что я здесь? — удивился Мун.

— Панотарос — маленькое местечко, — отделавшись этим неопределенным ответом, дон Бенитес с глубоким поклоном попятился к двери.

— Вы ищете загадки вовсе не там, где следует, мистер Мун, — немного свысока сказал полковник. —

Кто-то из местных проходил мимо, заглянул в окно, ну и побежал к дону Бенитесу поделиться новостями.

Мун не возражал. Лично он с каждым днем все сильнее пропитывался убеждением, что портье отеля — самый осведомленный человек в Панэтаросе. Все еще продолжая думать о как бы согнутом в вечном полупоклоне смиренном служащем гостиницы, которого начальник полиции считал глупцом худшего пошиба — честным глупцом, Мун рассеянно вскрыл телеграмму.

Она была от Шривера.

«Извините был в тяжелом состоянии секретарь только сейчас доложил о вашем запросе распоряжение о кремации не давал спасите Гвендолин кроме нее никого не осталось на свете».

ГВЕНДОЛИН В МАДРИДЕ!

В кабинете воцарилось тяжелое молчание. Первым прервал его Мун:

— Ну, что теперь скажете? — Следовало бы торжествовать, но ничего, кроме тягостного чувства, что теперь он по горло увяз в Панотаросе, Мун не испытывал.

— Я сокрушен, — полковник Бароха-и-Пинос скорбно закрыл лицо рукой. — Приношу вам мои извинения. Вы оказались куда прозорливее меня. Двадцать лет службы — и такая непростительная ошибка. Хотя и объяснимая — меня ввело в заблуждение наличие ботулина в остатках колбасы.

— В любой банке с пролежавшими некоторое время остатками колбасы начинается органический распад. Если взять, как в данном случае, из мусорного контейнера несколько банок, по крайней мере в одной обнаружится ботулин — естественный продукт гниения, — угрюмо пробормотал Мун. Если честно сознаться, эта школьная истина вспомнилась только сейчас, когда телеграмма о кремации перестала оказывать свое гипнотическое воздействие.

— Да, да, — тяжело вздыхая, полковник Бароха-и-Пинос вынул из выдвижного ящика какую-то бума-

гу. — Сейчас я понимаю это не хуже вашего... Бедный доктор Энкарно! Ему, как врачу, будет, пожалуй, еще тяжелее осознать свой недосмотр.

— На вашем месте я бы обратился в Мадрид с просьбой объявить его розыск.

— Не могу же я арестовывать человека только за то, что он поставил ошибочный диагноз, а потом уехал куда-то по своим делам... — полковник пожал плечами. — В конце концов прошло всего несколько дней. Хочу надеяться, что он сам вернется.

— А если не вернется?

— Тогда и розыск мало что даст. Сколько искали мисс Гвендолин!

— Человеку труднее спрятаться самому, чем спрятать труп, — усмехнулся Мун.

— Если я вас правильно понял, вы намекаете на то, что мисс Гвендолин убита?

— Не исключено.

— В таком случае я должен вас разочаровать, — полковник придвинул Муну листок, который уже давно держал в руке, и снисходительно закончил: — Она жива!

— Жива?! — Мун стукнул кулаком по столу. — Что же вы раньше не сказали?

— Я дважды начинал, но вы меня дважды перебивали. Эта телефонограмма получена из главного полицейского управления в Мадриде. Должен покаяться — сначала я придал ей так мало значения, что даже не потрудился пришить ее к делу и изготовить для вас перевод. Но после телеграммы мистера Шривера моя теория, что мисс Гвендолин сбежала с любовником, выглядит просто смешной. Ее видели в Мадриде!

— Кто видел?

— Некий Роберто Лима. Вообще-то он уголовник, но работает на нас в качестве осведомителя и до сих пор всегда снабжал достоверной информацией. Он заявил, будто несколько вечеров подряд, причем в одно и то же время — между одиннадцатью и двенадцатью видел особу, соответствующую сообщенным ему приметам, в кабаке «У семи разбойников». Это на площади Пуэрто-де-Сол, заведение посещает весьма сомнительная публика.

— Кто-нибудь проверял?

— Мадридской полиции не до этого. Там теперь крупные беспорядки. Началось со студенческой демонстрации, кончится бог знает чем. Я бы сам поехал, не будь у меня руки связаны этой проклятой воздушной катастрофой.

— Вы не знаете, когда следующий рейс из Малаги в Мадрид? — Мун решительно встал. Он умел проигрывать. К тому же разве это проигрыш, если гипотеза маркиза Кастельмаре и самому не раз приходила на ум, упрямо споря с уликами, которые указывали на синдикат Рода Гаэтано. Как бы то ни было, разыскать Гвендолин — значит оказаться на полпути к истине.

— Точно не помню, кажется, вечером. Если найдете ее, сразу же телеграфируйте.

Подходя к гостинице, Мун увидел приземлившийся возле гаража вертолет, напоминавший большую прозрачную стрекозу. Пилот в желтом комбинезоне и летном шлеме, сидевший под откинутым плексигласовым колпаком, с полузаинтересованным, полускусающим видом разглядывал сквозь защитные очки шествующих на пляж женщин.

— Сержант Милс! — позвал Мун, входя в вестибюль. Стоявшее возле входной двери кресло не отозвалось. Только теперь он вспомнил, что не видел на обычном месте «джип», успевший вписаться в пейзаж центральной площади так же неотъемлемо, как его водитель — в обстановку холла. Очевидно, генерал Дэблдей почему-то решил, что Мун впредь вполне обойдется собственными ногами. Размышлять о причине этой немилости было некогда.

— Расписание самолетов! — бросил он дону Бенитесу.

— Пожалуйста! — портье, оторвавшись от скромной трапезы, протянул голубой переплет с пестрыми проспектами испанской, американской и французской авиалиний. — Сеньор Дэблдей просил вас зайти, как только вы появитесь.

— Нет времени! — пробурчал Мун, просматривая расписание. Один самолет, с пересадкой в Севилье, вылетал из Малаги в шестнадцать пять; другой, бес-

пересадочный, — в двадцать сорок. — Когда следующий автобус? Закажите билет!

— Через два часа. — Дон Бенитес поклонился. — Но сеньор генерал сказал, что это весьма срочно.

У генерала Мун застал Розиту Байрд. На коленях она держала сафьяновый чемоданчик малинового цвета, перетянутый черным ремнем с золотой пряжкой.

— Уезжаете? — небрежно спросил Мун, лихорадочно соображая, под каким предлогом задержать ее.

— Да! С вами! — Розита встала и по-военному вытянулась.

— Я узнал от полковника, что вы собираетесь в Мадрид, — генерал Дэблдей засмеялся. — Вот и пригостил вам сюрприз. Мой личный вертолет доставит вас на нашу воздушную базу, оттуда вы на реактивном истребителе за час долетите до Мадрида. А в лице лейтенанта Байрд вы будете иметь одновременно переводчицу и очаровательное женское общество...

— А я-то думал, что у вас новости насчет передатчика, — растерянно пробормотал Мун, даже не издававший поблагодарить.

— Можете идти, лейтенант, — распорядился генерал. — Подождите мистера Муна в холле.

Розита взяла чемоданчик и, отдав честь, молча вышла. Мун поймал себя на том, что провожает ее отнюдь не равнодушными глазами. Должно быть, его взгляд выражал не столько профессиональный интерес к противнику, сколько восхищение ее смуглым, загадочно красивым лицом и затянутой в белый китель гибкой фигурой. Во всяком случае, генерал Дэблдей не преминул улыбнуться.

— Как вижу, вы не совсем равнодушны к Розите, — улыбнулся генерал. — Кажется, это взаимно. Мисс Байрд едет с вами по собственному желанию. Говорит, будто хочет посмотреть на Мадрид, но в действительности скорее из-за вас. Что же касается передатчика, то благодарение господу, что вас не слышал мой помешанный на секретности адъютант. Как раз сегодня утром мы опять поймали передачу. Я уже послал ее в Пентагон нашим дешифраторам. Но это, к сожалению, единственная удача. Секретные устройства не найдены, майор Мэлбрич в поисках осколков

прочесывает дно подземного озера в Черной пещере. Увы, пока без всяких результатов.

— Насколько понимаю, они там никому не причиняют вреда.

— Есть предположение, что озеро имеет подземный сток в море. Ядовитый антикоррозийный состав отлично растворяется в воде, так что со временем будет угрожать здоровью купальщиков. Как видите, неприятностей по горло. Зато вам здорово повезло! Поздравляю!

— Поздравлять рановато. Еще неизвестно, не является ли информация ошибочной.

— Заочно вы этого не проверите. Надо лететь в Мадрид. И чем скорее, тем лучше. Кстати, на содействие мадридской полиции не слишком рассчитывайте. Я заготовил вам письмо нашему послу с просьбой выделить нескольких секретных агентов.

— Прямо не знаю, как вас благодарить, — пробормотал Мун. Именно в этот момент на него снизошло озарение. Любезность генерала заставляла задуматься: с такой же преувеличенной любезностью предлагают доставить домой на собственной машине гостя, от которого хотят избавиться.

В ту же секунду Мун как будто вспомнил похожего на ученого худощавого человека, который мылся под душем в военном лагере. Пожимая протянутую генералом руку, он добавил:

— Но я все же полечу на пассажирском. Ваши военные самолеты в последнее время что-то слишком часто бьются. А хочется еще узнать до смерти, почему Гвендолин скрывается именно в Мадриде.

Когда Мун уходил от генерала, план действий уже был готов. Приготовив дорожный несессер, он спустился в холл.

— Вот заказанный вами билет на автобус, сеньор Мун. Я уже приписал его к вашему счету, — приветствовал его дон Бенитес. — Но думаю, что он вам больше не понадобится, — портье подмигнул, указывая глазами на стоявшее рядом с входными дверями кресло. От него, подобно привидению, отделился Милс и произнес своим обычным бесстрастным голосом:

— Я в вашем распоряжении. Когда выезжаем в Малагу?

— Через два часа.

— Вы в Малагу? — раздался за спиной Муна голос Рамироса. — Живописный город! Я просто влюблен в него. Как раз собирался туда.

— Могу вас захватить, — предложил Мун. — Скажите, где живет Билль Ритчи?

— Я провожу вас, — Рамирос услужливо забежал вперед. — А насчет Малаги не беспокойтесь, как-нибудь доеду сам.

Выходя из гостиницы, Мун почувствовал на своей спине чей-то взгляд. Он быстро обернулся, как раз вовремя, чтобы увидеть в зеркале раскосые глаза Розиты. В них было странное выражение.

Бывший король смеха выбрал для своей резиденции укрытую холмами ложбину. Порыжевшая от солнца, залатанная в нескольких местах палатка имела жалкий вид. Перед входом стоял примус, рядом — кастрюли и сковородка. На протянутом между апельсиновыми деревьями проводе сушились шорты и безрукавка.

Билль Ритчи спал. Одеяло верблюжьей шерсти с клеймом толедской гостиницы поднималось и опускалось в такт неровному дыханию. Левая рука беспокойно скользила по ящику из-под сигарет, служившему вместо тумбочки. На нем тускло поблескивал желтый пузырек с таблетками и что-то бело-розовое — опущенная в стакан с водой вставная челюсть. В палатке было сумрачно. Мун закрепил старую простыню, заменявшую дверь. Резкий снот лучей осветил кое-как прикрепленные к брезенту поблекшие, измятые фотографии. Они изображали Билля Ритчи в расцвете славы. Совсем еще молодой, он комично свисал из окна на высоте тридцатого этажа, барахтался в воде, падал в котел с кремом для тортов. Мун перевел взгляд на лицо спящего. Откровенно старческое, с провалившимися щеками, оно выражало глухую безнадежность.

Разбуженный Муном, Ритчи застеснялся, как молодящаяся дама, застигнутая врасплох во время сложной косметической процедуры.

— Мистер Мун? Так неожиданно... Отвернитесь, пожалуйста... Теперь можно.

Мун обернулся. Вставная челюсть была уже на

месте. Лицо, преображенное нелегким усилием воли, как обычно, светилось притворной бодростью.

— У меня есть предложение, — начал Мун без всяких предисловий.

— Насчет детективного сценария? Это было бы великолепно! У меня прекрасная идея! — Билль Ритчи помолодел лет на двадцать.

— Вот и отлично. Обдумаете ее во время полета в Мадрид.

— Я? — Билль Ритчи опешил.

— Да. Есть сведения, что там находится Гвендолин Шривер. Меня она, возможно, знает по снимкам в газетах, мое появление может ее вспугнуть. Кроме того, вы владеете испанским, а я нет.

— Это так неожиданно! — пролепетал Ритчи. — А когда надо лететь?

— Немедленно.

— Немедленно? — Билль Ритчи натянул одеяло повыше, он совсем растерялся. — Это невозможно... Я занемог... Сердце... Температура...

Вспомнив вывешенное для просушки обмундирование, Мун с трудом подавил улыбку.

— Лекарство мы вам купим в магазине готовой одежды. И никому ни слова! Между прочим, вы утверждали, будто две недели назад узнали в брюнетке в белом платье Розиту Байрд. Расскажите поподробнее об этой встрече, Билль. — Мун дружески похлопал его по сгорбленной спине.

— Поподробнее? О чем? А, об этом вечере... — не расслышал актер. — Всегда рад вам помочь! — он приосанился, даже попытался улыбнуться. — Куколка сказала, что будет очень рада видеть меня. Было очень мило, мы много пили, потом она послала меня за выпивкой, заодно я должен был привести Краунена, ну, того журналиста, что жил у маркиза до сына пуговичного короля.

— А где был в тот вечер Рамирос?

— Куколка сказала, что он уехал в Малагу... Так вот, слушайте дальше. Я ей пытался объяснить, что не моя вина, если Краунена интересуется не она, а мисс Гвендолин Шривер. Потом пришел падре Антонио, до сих пор он никогда так поздно не приходил, они стали о чем-то шушукаться. Я обиделся, но уйти не

решался — боялся, что этот проклятый иезуит построит ее против меня. Куколке внезапно стало плохо, мне пришлось идти за доктором Энкарно. Доктора я не нашел, потом оказалось, что он у Матосиньосов. Знаете, крестьяне, что перед Шриверами отравились колбасными консервами. Они были уже при смерти, перед тем как прийти в гостиницу этот проклятый поп причастил их и отпустил грехи. Я вернулся к Куколке, но она меня не впустила, сказала, что уже спит.

Мун терпеливо слушал. Какое-то подсознательное, может быть, обманчивое чувство подсказывало, что за этим банальным происшествием что-то кроется.

— Вы уверены, что Куколка была одна?

— Когда я подошел к дверям, мне показалось, что она разговаривает с падре Антонио. Но она спяну просто болтала сама с собой.

— Почему вы так думаете?

— Дон Бенитес сказал, что поп уже давно ушел.

— А часто Куколка напивается до такого состояния, что приходится вызывать врача?

— Нет, вынослива, как верблюд, — Билль Ритчи мотнул головой. — Это первый случай.

— Значит, отправляясь домой, вы увидели Розиту Байрд выходящей из отеля.

— Раньше! Она вышла, когда я побежал за доктором Энкарно.

— Когда вы пошли звать доктора, вам не повстречался кто-нибудь из проживающих в гостинице? В коридоре или, может быть, в холле? Постарайтесь припомнить.

— Холл был совершенно пуст, это я точно знаю. В такое позднее время все уже спят. Негр падре Антонио не в счет. Он стоял у гостиницы, одни зубы белели в темноте, как у скелета, я здорово перепугался... Подходящая парочка — святоша в черной сутане и черный язычник. Не удивлюсь, если окажется, что это они отправили мисс Гвендолин на тот свет. — Билль Ритчи походил в этот момент на дряхлого льва, в бессильной злобе показывающего посетителям зоологического сада свои давным-давно уже искрошившиеся клыки.

Когда Мун с несессером в руке вышел на улицу, Милс уже сидел за баранкой. Рядом с ним восседал

Билль Ритчи в новом костюме, на заднем сиденье — Розита Байрд. Мун уже собрался было оставить ее в Панотаросе, но передумал.

К «джипу» подбежал запыхавшийся полковник Бароха-и-Пинос.

— Пришел пожелать вам счастливого пути. И главное, чуть не забыл вам напомнить. В Мадриде непременно зайдите в бар Чикоте, вам его покажет любой встречный. Там часто бывал мистер Хемингуэй. У хозяина изумительный музей старых вин. В погребе тоже редкостные сорта... У нас есть поговорка: «Испания лучше всего познается через вина, быков и женщин».

Он пытался еще что-то сказать, но Милс дал газу, и через секунду гостиница скрылась из виду.

Центр остался позади. Из-за поворота вынырнул пологий склон горы, усеянный солдатами. Только сейчас Мун по-настоящему заметил, что за эти двое суток Панотарос приобрел разительное сходство с прифронтовым городком. Улица была запружена солдатами. Одна смена направлялась на отдых в лагерь, другая с лопатами, кирками и какими-то непонятными инструментами в брезентовых футлярах спешила на работу.

Неподалеку от кабачка дона Хернандо Мун увидел чернокожего слугу падре Антонио. Его обступили подвыпившие военные моряки. Судя по хохоту и отдельным вскрикам, они избрали его мишенью для своих острот. Кто-то поднес к его бровям горящую зажигалку, другой, размахивая у самого носа кортиком, предлагал обрить. На черном, словно высеченном из цельного камня, лице не дрогнул ни один мускул. Величественный, молчаливый, негр медленно шел сквозь гогочущий строй, словно кругом были не люди, а пустота. Моряки увидели в этот момент Розиту. Негр был сразу же забыт. Моряки обступили машину.

— Глядите, наша Роза!.. Брось-ка этого старого павиана и присоединяйся к нам!.. Роза, приходи ко мне сегодня ночью, испанки мне уже надоели!

Комплименты были грубыми, но в них проскальзывала нотка настоящего восхищения. И Розита Байрд, судя по улыбке, ничуть не обижалась.

Зато Милс без всякого предупреждения так рванул машину, что чуть не сбил с ног порядком пьяного матроса.

— Вы могли бы его задавить, — сказал Мун, прислушиваясь к отдаляющимся крикам.

— Ну и что? — бесстрастно ответил Милс. Продолжая держать баранку левой рукой, он правой вынул сигарету и невозмутимо закурил.

Во владениях маркиза кипела лихорадочная деятельность. На месте кустарника, где маркиз нашел осколки, зияла огромная яма. Перед Черной пещерой лежало сваленное в кучу снаряжение. Тянувшийся от замка электрический кабель исчезал в черном провале, охраняемом двумя автоматчиками. Из него вынырнули одетые в разноцветные комбинезоны солдаты и, нагрузив на себя какую-то аппаратуру, снова исчезли.

— Алло, мистер Мун! — один из них задержался у входа.

Только по голосу Мун узнал майора Мэлбрича. В гимнастерке с засученными по локоть рукавами и высоких резиновых сапогах, в пропотевшей пилотке, из-под которой выглядывали сбившиеся в клубья черные волосы, он не походил на самого себя.

— Ищите? — спросил Мун с иронией.

— Как видите! Не каждому ведь выпадает такое счастье, как вам. За сутки в хорошем мадридском отеле, с музыкой и девочками, я бы сейчас, пожалуй, отдал все клады мира.

— Кстати, о кладах. В течение многих веков тысячи людей, начиная от внуков графа Санчо и кончая Шриверами, искали в Черной пещере баснословное богатство, а вы точно с таким же рвением, но только при помощи современной техники ищите, а может быть, уже нашли другое сокровище...

— Какое сокровище? — процедил сквозь зубы майор.

— Сокровище двадцатого века! Осколки бомбы. Вы бы сами догадались, о чем я говорю, если бы не мыслили в совсем иной категории.

— В какой же я мыслю, по-вашему?

— В категории строгой секретности, — усмехнулся Мун. — А я, к вашему сведению, в философской.

— Не советую. Философ Сократ кончил тем, что ему вместо стакана доброго виски подали кубок с ядом... Счастливого пути! — майор Мэлбрич словно растворился в черном провале пещеры.

Розита осталась в машине. Биллю Ритчи хотелось во что бы то ни стало покрасоваться перед маркизом в своем новом костюме, а Милс, объявив, что у него перегрелся карбюратор, пошел в замок за водой. Несмотря на изрядный шум, поднятый скрипящими в ржавых петлях дубовыми дверями и многократно повторенным гулким эхом шагов, никто не спустился, чтобы встретить их. Сопровождаемый старым актером, Мун поднялся на второй этаж.

Из темной ниши виднелась окованная железом резная дверь со ржавым засовом и большим висячим замком, почти такая же массивная, как входная. За ней находилась нежилая часть замка. Комнаты маркиза и Хью Брауна находились в противоположном конце коридора. Пройдя туда и недослушав запоздалое предупреждение Билля Ритчи, Мун толкнул дверь и очутился словно на складе медового мыла. Хью Браун, окутанный приторным облаком сигаретного дыма, возлежал на старинной кровати и казался погруженным в созерцание своих вырезанных из киножурналов оригинальных обоев. От четырех курчавых негритят, украшавших изголовье, остался только один, да и то с отбитым носом. Не повернув головы, Хью Браун приветственно помахал рукой:

— Заходите, мистер Мун, не стесняйтесь. Правда, общество преступников вам куда интересней, но, чтобы сделать вам приятное, я тоже могу кого-нибудь убить.

— О нет, нет! — отмахнулся Мун. — Не хочу вам мешать любоваться в одиночестве таким удивительным пейзажем. Что Килиманджаро по сравнению с бюстом Куколки?!

— В таком случае убирайтесь! — пробурчал Хью Браун.

— К черту?

— К маркизу, это одно и то же. Между прочим, у него гости.

Так оно и было. На стук маркиз чуть приоткрыл дверь и сразу же вышел.

— Вы дружите с доном Камило? — спросил Мун, успевший разглядеть гостей маркиза. Одним из них был рыбак, другим — дон Брито.

— Печальное недоразумение! Для меня, последнего отпрыска одного из стариннейших родов Испании, это совершенно неподходящее общество. Дон Камило принес свежего осьминога. Сейчас, когда американцы так щедро возместили мне моральный и психический ущерб, я могу себе наконец позволить такой деликатес.

— А дон Брито?

— Остался без крова, как добрый христианин я его приютил. Причем, имейте в виду, совершенно бесплатно, если не считать работу по хозяйству... Тысяча извинений! — маркиз внезапно засуетился. — Это просто позор — принимать таких уважаемых гостей в коридоре! Пройдемте в библиотеку.

Маркиз гостеприимно распахнул обитую жестью дверь и тут только обратил внимание на Ритчи:

— Чудеса! Это вы или мне только мерещится?

— Я! — с театральной скромностью заявил актер. — Неужели я изменился?

— Я говорю не о содержании, а о вашем новом элегантном переплете. Неужели вам удалось заключить контракт на роль?

— Да, в инсцени... — Мун как будто невзначай толкнул актера. — То есть в сценарии мистера Муна, — поправился Ритчи. — Я буду играть роль... э... детектива. Вы не верите?

— Почему же? Если в романе «Ловите убийцу!» преступника обезвреживает парализованная бабушка, то в сценарии сеньора Муна эта роль, естественно, отведена вам.

— Маркиз, вы хамите! — Ритчи сделал грозное лицо соответственно новому костюму.

— Ничуть. Если вы поймаете Гвендолин, то я вам завещаю свой несуществующий клад.

В эту минуту дверь открылась. Это был Хью Браун. Из верхнего кармашка роскошной пижамы торчал прозрачный голубой лоскут пеньюара, заменявший носовой платок. Не поздоровавшись с маркизом, он молча подошел к полке и принялся рыться в книгах.

— Вы напрасно трудитесь, — заметил маркиз. — Детектив под названием «Прозрачная тайна Эвелин Роджер» еще не написан.

— Меня интересует нечто совсем иное, — пробурчал Браун.

— Что именно? — осведомился Мун.

— Не ваше дело!

Мун посмотрел на часы, надо было поторапливаться.

— Маркиз, я еду в Мадрид, — объявил он.

— Почему вы сообщаете об этом именно мне? — маркиз испытующе посмотрел на Муна.

— До отхода самолета остается несколько часов. Я хотел бы употребить их на осмотр Малаги. Вы не подскажете, какие достопримечательности следует осмотреть в первую очередь? Я полностью доверяю вашему аристократическому вкусу.

— Ах так! — маркиз изменил тон. — Начните с собора Христовой Победы. Он воздвигнут на месте, где после изгнания мавров расположился король Фердинанд со своей свитой. В ее числе был мой предок граф Хуан Кастельмаре. — Маркиз говорил долго. Если верить его рассказу, вся история Малаги была связана с его прямыми или косвенными родственниками.

— Вполне достаточно, — прервал его Мун. — Значит, вы говорите, старинную мавританскую крепость Джебел лучше всего осматривать в сумерках? Я так и сделаю.

Мун незаметно оглянулся. Хью Браун перелистывал какую-то книгу, но по напряженным лицевым мускулам было видно, что он прислушивается.

ВСТРЕЧА НА КРЕПОСТНОМ ВАЛУ

Вырвавшись на шоссе, Милс развил предельную скорость. Взметнулась к ярко-синему небу и осталась позади зубчатая башня замка, и вот уже за поворотом показался перевал. Та же установленная на цоколе римской колонны рация с терявшимся в кустах проводом, та же исполосованная шинами и колесами буровато-красная глина, которую Мун заприметил уже в прошлый раз, тот же американский сержант, что проверял тогда его паспорт. А может быть, другой, но разительно похожий. Проверка заняла минимальное время. Замедлив ход, Милс помахал пропуском, сержант откозырял и исчез, еще некоторое время «джип» мягко скользил по красной глине, потом она кончилась.

Дорога была монотонной. Сквозь белесое облако пыли возникали повторяющиеся с назойливым однообразием каменные ограды, оливковые и апельсиновые рощи, небольшие участки возделанной земли, на которых трудились крестьяне. Иногда казалось, что они едут вдоль сельскохозяйственного музея, в котором самым древним экспонатом являлся бык, понуро волочивший деревянную соху, а самым современным — старенький, почерневший от копоты трактор с боль-

шими колесами, лениво тарактевший по бурой, словно окаменевшей, земле. Это была бедная страна. Когда мимо мелькали распятия, чудилось, что лицо деревянного Христа выражает не абстрактную скорбь о роде человеческом, а боль за испанский народ, распятый на кресте повседневных лишений и несбывшихся надежд.

Совсем другое впечатление производила Малага. Машины с английскими, американскими, немецкими, швейцарскими номерными знаками плотным кольцом осаждали каждое историческое здание. Разноязычные надписи магазинов и ресторанов наглядно показывали, что здесь на каждых двух коренных жителей приходится по одному туристу. Второе, что сразу бросалось в глаза, — это почтение, оказываемое некоему маркизу Лариосу, о котором Мун только знал, что он родственник маркиза Кастельмаре по материнской линии. Тут был бульвар маркиза Лариоса, кафе, носившее его имя, в центральном парке красовался его бюст.

До сумерек оставалось немного. Надо было поспешить. Следовало отделаться от Милса.

— Поезжайте на аэродром, — приказал Мун. — Достаньте во что бы то ни стало два билета на следующий рейс Малага — Мадрид.

— На вас и лейтенанта? — почему-то спросил капрал.

— Разумеется.

Ритчи удивленно взглянул на него.

— А как же... — начал было он, но, сообразив, вовремя осекся.

Осмотр достопримечательностей Мун начал с банка Педро Хименеса. Получив у окошка довольно крупную сумму, половину которой незаметно вручил Биллю Ритчи, он попросил клерка проводить его к владельцу банка.

— Вы чем-то недовольны? — клерк растерялся.

— Тем, что задаете ненужные вопросы! — отрезал Мун.

Кабинет Педро Хименеса напоминал выставку старинного оружия. Щиты, копья, алебарды. За покрытым искуснейшей резьбой огромным столом возвышалось похожее на трон кресло, увенчанное деревянными скульптурами двенадцати апостолов. Оно было пусто. Зато в другом, на фоне красной кожаной обивки, выде-

лялась черная сутана. Падре Антонио! По тому, как он сидел, можно было думать, что он у себя дома.

— Приятная встреча! — Священник захлопнул грессбук и вкрадчивым голосом пригласил: — Садитесь! Владелец сейчас придет.

— Здравствуйте, падре. — Розита, стоявшая у дверей, шагнула вперед.

— Нет, нет! — падре Антонио поднял руку. — Пойдите подышать свежим воздухом, я переведу не хуже вас.

— Как угодно! — Розита вышла.

— Почему вы ее услали?

— Слишком красивая, — задумчиво сказал священник. — Не советую доверять красивым женщинам.

— А вам?

— Мне можно. Пока наши интересы не столкнутся. — Казалось, из седых косматых бровей на Муна с угрозой нацелились два дула. — Эвелин Роджер должна выйти замуж за Рамироса Вилья.

— Вернее, за папу римского, — усмехнулся Мун. — Поскольку я не собираюсь сватать ее за патриарха константинопольского, не вижу никаких причин говорить со мной таким тоном.

— Она сильно изменилась, и виноват в этом Хью Браун! — падре Антонио в упор взглянул на своего собеседника.

— А я при чем? — пожав плечами, Мун быстро перевел разговор на более нейтральную тему. — Не понимаю, почему вы так стараетесь спасти именно ее душу, а не любую другую?

— Нет дела более удобного богу, чем вернуть в лоно истинной церкви великого грешника, — немного высокопарно объяснил священник.

— Что ж, возьмитесь за меня! — предложил Мун. — По части грехов я тоже представляю собой некоторую ценность.

— Из вас в лучшем случае получился бы верующий богохульник, — падре Антонио неожиданно рассмехался. — Можете меня не опасаться. Таких, как вы, я оставляю в покое. Вы ведь видели моего негра. Как был, так и остался язычником. У него есть божок, слепленный из хлебной мякины. Сначала помолится, а потом съест.

— Довольно удобная религия. Но от хлебного божка до католического бога не такое уж большое расстояние.

— Во всяком случае, недостаточно большое, чтобы помешать стать католиком. Но как язычник он меня больше устраивает. Мой негр знает только наречие банту, я единственный человек, который его понимает, поэтому он мне так предан. А прежде чем обратиться в католическую веру, необходимо научить латыни.

— Негр, выражающий свою преданность на языке литургий, — это довольно оригинально, — связал Мун.

— Но вы забываете, что на той же латыни он мог бы меня предать, а это не слишком оригинально, — жестко ответил падре Антонио.

Мун невольно съежился.

— Между прочим, кто такой святой Хулиан? — спросил он, вспомнив полученную от донна Бенитеса лубочную открытку. Спросил просто так, чтобы хоть чем-то разрядить гнетущую атмосферу. Он чувствовал себя чуть ли не преступником, представшим перед всевидящим оком святой инквизиции.

— У нас столько святых, сколько абонентов в телефонном справочнике... Между нами говоря, святые не моя специальность. Бог нуждается не в святых угодниках, а в солдатах, в людях, которые стойко переносят страдания и мужественно умирают.

— И если надо, так же мужественно убивают? — с вызовом спросил Мун.

— Если надо — да! Но живой союзник ценнее мертвого врага. — Падре Антонио сменил угрозу на мирное предложение. — Не советую вам слишком доверять генералу Дэблдею.

— Это совет в счет будущего союза?

— Расценивайте как угодно. Я бы рассказал вам больше, если вы, в свою очередь, скажете мне, кто такой Хью Браун.

— А ваше мнение?

— Я навел справки. Он не сын пуговичного короля, у того Брауна вообще нет сыновей. Остальное рассчитываю услышать от вас. Вы знаете, кто такой Хью Браун.

— Возможно. Но если бы все делились своими тайнами, на свете стало бы скучно жить. Я, например, не спрашиваю вас, почему клерк панотаросского отделения после моего визита звонил именно вам.

— О, это все очень просто, как явление Христа народу. Клерк знал, что я еду в Малагу, и просил меня передать насчет чека. А к банку я имею самое непосредственное отношение. Он принадлежит нашему ордену «Дело господне». Вы удивлены? В наш век вульгарного материализма трудно бороться за духовные ценности, если не опираешься на материальные, — священник с улыбкой показал на грессбук. — Мы первые поняли эту истину и этим гордимся. Разве мы имели бы в правительстве пять членов нашего братства, если бы за нами не стояла реальная сила?

— Поздравляю! — Мун не смог удержаться от иронии. — Судя по моему знакомству с Испанией, ваши святые министры, очевидно, считают: чем более тощий кошелек у мирян, тем крепче их вера в провидение божье.

В кабинет вошел низенький господин с конторскими книгами под мышкой. Увидев Муна, он поморщился и что-то властно сказал по-испански, очевидно предлагая подождать за дверью, пока не закончит разговора с падре Антонио. Священник бросил ему какую-то испанскую фразу. Недовольная гримаса на лице Педро Хименеса сразу же уступила место почтительной улыбке. Мун изложил цель своего визита. Банкир закивал:

— Да, да, — падре Антонио почти синхронно переводил каждое его слово. — Я отдал чек, предъявленный к уплате сеньоритой Гвендолин, на экспертизу и как раз сегодня получил заключение. Подпись сеньоры Шривер, к моему крайнему прискорбию, подделана.

— Вы заявили в полицию?

— Боже упаси! Мистер Шривер слишком выгодный клиент. Это его семейное дело, в которое я принципиально не вмешиваюсь.

Мун, довольно посвистывая, вышел на улицу. Билль Ритчи стоял перед витриной и любовался своим отражением, в отличие от Розиты Байрд, рассматривавшей одетые в ослепительные платья манекены.

А в «джипе» с вечной сигаретой в зубах и обычным безучастным видом сидел Милс.

— Достали билеты? — осведомился Мун.

— Нет. Свободных мест не было, но я пошел к начальнику аэропорта и все уладил.

— Ого! Вы прогрессируете! Длина фразы свидетельствует о вашем рвении куда больше самого билета.

— Куда везти? На аэродром? — Милс, видимо, не считал, что реагировать на комплименты входит в его служебные обязанности.

Мун быстро оценил ситуацию. Сперва надо отделаться от Розиты Байрд. Что касается Милса, то до отлета что-нибудь да придет в голову.

— Что ж, — он взглянул на часы, — пожалуй, пора... Мисс Розита, я передумал. Со мной пойдет мистер Ритчи. В отличие от вас он знает Гвёядолин Шривер в лицо. А в данном случае это важнее, чем безукоризненный перевод и соответствующая внешность. В ваших услугах сегодня я больше не нуждаюсь. Посидите в каком-нибудь кафе, Милс заедет за вами.

Против ожидания Розита сразу же согласилась.

— Сержант, заезжайте за мной в кафе «У маркиза Лариоса». Желаю вам обоим счастливого полета.

Мун подождал, пока белый китель исчез за углом. Влезая в «джип», он увидел белую спортивную машину «мазератти», мчавшуюся на большой скорости в том же направлении. Она сразу же затерялась в уличном потоке.

В аэропорту Мун пригласил своих спутников в ресторан и оставался там до самой последней минуты. На каждое напоминание Милса, что пора уже идти, Мун с несговорчивостью охмелевшего человека отвечал, что еще одну рюмочку они успеют пропустить. И только когда громкоговоритель уже в третий раз поименно пригласил запоздавших пассажиров занять места, он швырнул официанту банкнот и, таща за собой еле поспевавшего за ним Ритчи, проскочил конгроль.

Подбежав к самолету, сунул вконец растерянному актеру билет и подтолкнул к трапу. Сам он при этом напряженно наблюдал за барьером, где остался Милс. Различить его среди других провожающих было не-

возможно — лица, расплываясь, смутно белели в темноте. Поэтому Мун надеялся, что Милс, в свою очередь, не видит его. В ту минуту, когда доставивший багаж автофургон тронулся, Мун, улучив момент, никем не замеченный, прыгнул в него и, таким образом, выехал с аэродрома.

Залитая огнями вечерняя Малага была полна звуков. Из распахнутого окна доносилось треньканье мандолины, в другом звучал магнитофон, где-то рядом был включенный на полную мощь приемник. Мандолина не сдавалась. Дойдя до паперти собора Христовой Победы, чья темная громада возвышалась над головой, Мун все еще слышал грустную мелодию.

— Ах, как романтично! — вздохнул в темноте чей-то голос с американским акцентом.

— Пошли, Ширли, мы опоздаем на ужин, — раздраженно отозвался другой.

Руководствуясь описаниями маркиза, Мун свернул налево, потом направо, миновал развалины мавританского дворца и вышел к крепости Джебел. Поднялся по каменным ступеням и нырнул под сумрачный свод. На него пахнуло вековой сыростью и промозглым холодом. Несмотря на довольно поздний час, здесь было много туристов. Они стояли на широком крепостном валу и как зачарованные смотрели на море. Вид был действительно изумительный. Темная гавань с разноцветными портовыми и корабельными огнями, за ней грозное черное море, а у самого горизонта бледно-фиолетовый отсвет давно закатившегося солнца.

Мун обошел вокруг крепостного вала. На противоположной стороне смотреть было нечего, кроме самого города, да и он отсюда не был слишком привлекательным. Внизу развалины мавританского дворца еле выделялись из темноты. Поскольку туристы вечером никогда не посещали эту сторону, администрация музея не сочла нужным позаботиться об освещении. Было так темно, что Мун почти сбил с ног обнявшуюся парочку, словно слившуюся с крепостной стеной. Прошел еще несколько шагов и остановился. В амбразуре виднелся черный силуэт, еле выделявшийся на более светлом фоне черного неба. Подойдя поближе, Мун

зажег спичку. Из темноты вынырнула рука и потушила ее.

— Значит, пришли? — Мун с облегчением прислонился к стене. — Я не был убежден, что вы поймете... Слава богу, наконец удастся поговорить как следует.

Даже сейчас, будучи почти в полной уверенности, что за ним не следят, он невольно приглушал голос.

— За вами ведется наблюдение, — так же тихо ответил его собеседник.

— Знаю. — Мун кивнул. — Еще хорошо, что я заранее ожидал нечто подобное. Благодаря моей предусмотрительности хоть вы имеете некоторую свободу действия. Только боюсь, что она вместо дела использована вами для ознакомления с прелестями Куколки.

— Ничего подобного, шеф.

— Бросьте, Дейли. Уж кому знать ваш характер, как не мне.

— Можете меня называть по-прежнему Хью Браун. Ничего не имею против, — пошутил исполнитель роли сына пуговичного короля.

•

ТАЙНА ГЕНЕРАЛА ДЭБЛДЕЯ

Заграничный паспорт на имя Хью Брауна, торгового представителя Джошуа Шривера, был готов задолго до того, как миллионер впервые встретился с детективами. Готова была также испанская виза — Браун должен был выехать на днях для переговоров об открытии большого универсального магазина в Мадриде. Заметив сходство своего торгового представителя с Дейли, Шривер предложил ему воспользоваться готовым паспортом, так как получение настоящего задержало бы отъезд на неопределенное время.

Предполагалось, что Мун и Дейли сумеют встретиться почаше, однако получилось так, что кто-то постоянно сопровождал Муна. Даже вчера ночью при встрече в замке не удалось поделить добытыми каждым в отдельности результатами расследования — из-за опасения, что маркиз Кафельмаре подслушивает за дверью.

— Выкладывайте, Дейли, — предложил Мун. Приворяясь праздными туристами, они прохаживались по затемненной стороне крепостного вала, время от времени поворачиваясь в сторону моря, где угасал отсвет давно закатившегося солнца. Постепенно превращаясь из фиолетового в сиреневый, из широкой

световой полосы в узкий обруч, он умирал, заглатываемый ночной темнотой.

— Нет уж, вы первый, шеф. Не будем нарушать распределение труда в нашей фирме. Как вам известно, я всего лишь функциональный придаток к вашему гениальному мозгу.

Из гавани доносились гудки входящих пароходов. Кричали чайки. Привычные к подачкам туристов, они без опаски садились на заросшую мхом крепостную стену и требовательно махали крыльями.

Мун торопливо подытожил свои наблюдения и выводы.

— Да у вас целый ворох новостей! Сразу даже не переваришь, — признался Дейли. — Но я тоже могу кое-чем похвастаться. Мысль прикинуться поклонником Куколки возникла у меня, когда я после вашего отъезда наткнулся на снимок в журнале «Пэсифик ревью».

— Вы узнали что-нибудь о Краунене? — перебил его Мун.

— Естественно, узнал. Но сперва о Куколке. До переезда в Голливуд она проживала в Бруклине, где состояла членом молодежной банды. Давняя знакомая Рода Гаэтано, в Санта-Монике встречалась с ним трижды, даже выезжала в его компании на рыбную ловлю. Этими сведениями меня снабдил ваш приятель Дональд Кинг. Кроме того, Куколка была постоянной посетительницей ресторана «Кукарача».

— Где и познакомилась со своим Рамиросом. Сам знаю. Покороче, Дейли! У нас мало времени. Сержант Милс, должно быть, уже рыщет по всей Малаге, разыскивая меня.

— А по-моему, спокойно докладывает своему начальству, что вы улетели в Мадрид.

— Никогда не недооценивайте своих противников, Дейли! Я почти убежден, что он связался через диспетчера аэропорта с самолетом.

— Даже если так, об этом ресторане все же придется рассказать.

— Если там исполняется стриптиз, то ваш нездоровый интерес понятен.

— Кое-что получше стриптиза. Прокурор Матисон, расследовавший убийство одного из посетителей ре-

сторана, пришел к заключению, что заведение служило Роду Гаэтано для сбыта наркотиков. Управляющим одно время был Краунен. Но что самое интересное, под именем Гонзалеса Краунен фигурировал в так называемом «Барселонском деле», в котором мы встречаемся также с полковником Бароха-и-Пиносом.

— Его связь с Родом Гаэтано доказана? — спросил Мун.

— Нет. Выяснилось только, что Краунен — Гонзалес и его помощники проживали в Барселоне по фальшивым заграничным паспортам. Некоторые сотрудники полиции были смещены. Подполковника Бароха-и-Пиноса, ведавшего отделом по надзору за иностранцами, перевели за халатность в Малагу.

— А самое дело?

— Вот оно, только извините за протокольный стиль... В 1960 году международная полиция узнала, что в Барселоне находится база Рода Гаэтано для принятия контрабандных наркотиков из Гонконга и дальнейшей отправки в Америку и Европу. Туда было послано несколько детективов Интерпола во главе с Луи Ориньоном. Под видом скупщика героина Ориньону удалось познакомиться с руководителем базы Гонзалесом. Предупрежденный кем-то, тот при вторичной встрече стрелял в детектива и тяжело ранил, после чего исчез. Кроме случайного свидетеля перестрелки, Ориньон был единственным, знавшим Гонзалеса в лицо. Его показания привели бы к аресту не только людей Гаэтано, но и сотрудничавших с ним чинов испанской полиции. Однако дать показания он не успел. Некий доктор Валистер впрыснул Ориньону под видом болеутоляющего средства смертельную дозу опиума. Действовал он, очевидно, по указанию Гонзалеса, так как после первого же допроса скрылся. Предполагали, что он уехал в Америку. Как бы то ни было, Роду Гаэтано пришлось ликвидировать свою барселонскую базу. Выявить лиц, сотрудничавших с ним, не удалось.

— Что же получается? — Мун задумался. — Допустим, и Краунен, и Куколка, и Рамирос, и Розита работают на Рода Гаэтано. В таком случае они прибыли в Панотарос с определенным заданием. С каким? Чтобы ликвидировать Шриверов? Почему же они так

долго медлили? Почему избрали для убийства самый неподходящий момент — день после катастрофы?

— С Куколкой все далеко не так ясно, — отозвался Дейли. — Алкоголь, может быть, даже наркотики, неразборчивость в любовных связях — скорее клапан для отчаянного крика души, чем ее истинная суть. Мне кажется, она глубоко несчастный, искалеченный Голливудом человек. Такой вряд ли способен на хладнокровное участие в преступлении. Она сама чем-то запугана. По-моему, ее кто-то шантажирует, возможно Рамирос.

— Вот это действительно новость! Не ошибаетесь, Дейли?

— Между ними очень сложные отношения. С одной стороны, она его ревнует...

— А с другой? — насторожился Мун.

— Не верю, что она действительно хочет выйти за него замуж. Иначе падре Антонио не пришлось бы держать ее под неусыпным надзором.

— Тут вы правы. Можно даже подумать — под постоянным давлением.

— А насчет ревности Куколка мне сама призналась, — продолжал Дейли. — Однажды ей показалось, будто в его комнате разговаривают двое — мужчина и женщина. И между тем незадолго перед этим Рамирос брал ее машину для поездки в Малагу. В последнее время он частенько ездил туда — по крайней мере, пытался уверить в этом Куколку.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Мун.

— Дон Бенитес заверил ее, что Рамирос не брал у него в тот день ключ от гаража.

— Любопытно, весьма любопытно... Если только она не придумала эту сказку, чтобы запутать нас, — Мун с сомнением покачал головой. Инстинктивное подозрение, что к истинным следам кто-то все время нарочно подбрасывает ложные следы, не покидало его ни на минуту.

— Уж в чем, а в женских уловках я достаточно разбираюсь, — самоуверенно заявил Дейли. — Готов отдать голову на отсечение, что Куколка говорила правду. Самое интересное еще впереди. Помните легенду, согласно которой Гвендолин забралась на балкон к Рамиросу?

— Легенду?

— Именно. Это была не Гвендолин, а Куколка. Она перелезла на соседний балкон, чтобы узнать наконец, кого Рамирос принимает тайком по ночам.

— Но Рамирос ведь был уверен, что это Гвендолин, — возразил Мун.

— Куколка надела черный парик, к тому же было темно.

— И все же принять свою будущую жену за чужую женщину? Невероятно!

— Вот видите! — тихо рассмеялся Дейли. — Вас подвело непростительное равнодушие к женским прелестьям. Если на то пошло, между ними существует довольно большое внешнее сходство. Потрудись вы пристальнее изучить фотоснимки Гвендолин и заодно видеть в Куколке не только машину для штамповки сексуальных боевиков, а живую женщину, вы бы сами заметили.

— И кого же Куколка обнаружила в постели неверного возлюбленного? — пробурчал Мун.

— Никого не обнаружила. Не успела. Услышав снаружи шаги, Рамирос сразу же потушил свет. А потом выскочил на балкон с пистолетом. Куколка еле успела перелезть к себе.

— Выскочил с пистолетом?

— Да. По словам Рамироса, он обзавелся им после того, как ее муж пригрозил пристрелить их обоих. Но поскольку даже младенцу ясно, что для Сиднея Мострела это было чисто рекламным трюком, никакое отношение к нему это оружие не имеет... Хотелось бы мне знать, кого Рамирос тайком принимает в своей комнате, — с некоторой завистью пробормотал Дейли.

— Розиту Байрд! Это тоже более или менее ясно... Зато и сама Куколка, и ее роль во всей истории, и особенно совместная поездка с Крауеном в Пуэнте Алчерезилло становятся сплошной загадкой, — Мун погружился в раздумье.

— Святая мадонна! — внезапно вскричал Дейли, подражая преувеличенно эмоциональной интонации маркиза Кастельмаре.

— Потихе, — укоризненно прошептал Мун.

— Надоело! — приглушенно проворчал Дейли. — Как будто недостаточно того, что в целях конспирации

мне, отъявленному врагу никотина, приходится курить эту слащавую дрянь и пускать восторженные слюни при виде Куколки, так вы еще требуете, чтобы я изъяснялся замогильным шепотом наподобие привидения! Нет уж! В следующий раз ищите себе другого секретного агента!

— Не до шуток, — отмахнулся Мун. — В связи с чем вы призвали святую мадонну?

— В связи с доктором Энкарно. Билль Ритчи упоминал в разговоре с вами, что доктору пришлось бежать в Америку. Какое-то темное дело с наркотиками, не так ли?

— Ритчи не совсем понял, доктор был тогда пьян. — Мун замолчал, потом кивнул. — Значит, и вы склоняетесь к предположению, что Энкарно и фигурировавший в «Барселонском деле» Валистер — одно и то же лицо? Слишком заманчивая идея, чтобы поддаться ее соблазну. Допустим на минуту, что это так. Напрашивается мысль, что доктор Энкарно по приказу Рода Гаэтано или сам отравил Шриверов, или, по крайней мере, убыстрил их кончину заведомо неправильным лечением. Слишком просто для истины. По-моему, мы с вами окончательно запутались.

— Я по природе оптимист, шеф, — не согласился Дейли. — Если бы только удалось выяснить, где Уна и Рол Шриверы в день своей смерти провели время с утра до возвращения в гостиницу! Вот в чем основная загвоздка!

— Как где? — удивился Мун. — Они ездили с рыбаком Камило в Коста-Азуру.

— Эту басню я тоже знаю. Я ведь разговаривал с доном Камило побольше вашего. Со мною он не был так скуп на слова, как с вами, поскольку принимал за безобидного бездельника, которому отцовские деньги заменяют мозги... Так вот, после беседы с ним я побывал в Коста-Азуре, даже нашел очевидцев. Девятнадцатого марта он действительно приезжал туда на своем баркасе, но...

— Но? — переспросил Мун, не дав своему помощнику власть насладиться красноречивой паузой.

— Но один! И только сам черт ведает, зачем ему понадобилось приплести к своей поездке Шриверов. Это еще не все. После этого я решил понаблюдать за

ним. Сегодня утром, когда дон Камило вышел на улов, я взобрался с телескопическим биноклем на замковую башню. И что же я увидел? Камило забросил сеть, а сам забрался в каюту. Проторчав в ней минут десять, он выбрал пустую сеть и отправился обратно к берегу.

— Еще одна головоломка! — рассердился Мун. — Похоже, весь Панотарос нашпигован тайнами.

— Эту мне, пожалуй, удалось разгадать. Камило вовсе не плавал на торговом флоте в качестве корабельного повара, как рассказывал вам, а в качестве...

— Радиста?! — угадал Мун, лишив этим своего помощника заслуженного триумфа. — Отлично рифмуется с перехваченными американцами шифрованными передачами. То-то он не пускал меня в каюту, у него там спрятана рация... Что ж, пофантазируем. Узнав из депеши Шривера, что я прибываю в Панотарос, Камило быстренько радирует в штаб-квартиру, а Род Гаэтано немедленно присылает фальшивый приказ о кремации трупов. Верно! Я только сейчас сообразил, что для прохождения телеграммы в Нью-Йорк и обратно необходимо порядочное время, а телефону, особенно в Испании, где у властей длинные уши, они вряд ли доверили бы столь щекотливую тему. К тому же невозможно получить международный разговор из Панотароса в столь короткий срок. А девятнадцатое марта было выбрано для убийства по той причине, что именно в этот день состоялся долгожданный перевод в Панотарос из Малаги полковника Барохи-и-Пиноса.

— Кроме рации, есть еще одна возможность, — возразил Дейли. — Генерал Дэблдей соединен с Вашингтоном прямым проводом. А рыбак Камило, по моему разумению, не имеет ничего общего с гангстерами.

— Я ведь сказал — пофантазируем. Для реальной гипотезы созданная мною картина чересчур прямолинейна и логична. — Мун больше говорил сам с собой. — Если принять ее на веру, получается, что пол-Панотароса, включая полковника, которому поручили официально засвидетельствовать несчастный случай, во главе с доном Камило состоит в банде Рода Гаэтано.

— Если он и состоит в банде, то в той же, что маркиз Кастельмаре, его побочный брат дон Брито и дон Бенитес, — усмехнулся Дейли.

— Еще одна банда? Этого еще не хватало! — в шутку возмутился Мун. — Судя по вашему легкомысленному тону, они по примеру предка маркиза Кастельмаре поставляют в гаремы панотарресских красавиц.

— Я выразился иносказательно. Все четверо запираются в комнате маркиза и слушают радио. Всегда одну и ту же волну. Вчера маркиз не успел перевести указатель станций. А сегодня мне удалось выяснить в Малаге, что на волне 16,2 работает подпольная антифранкистская станция «Пиренея».

— Вы полагаете, что зашифрованные сообщения дон-на Камило предназначены для этой станции? — недозверчиво спросил Мун.

— Скорее всего. Я как-то подслушивал за дверью. Передача «Пиреней» ведется на испанском языке, так что я понял только несколько слов. По-моему, речь шла... — Дейли внезапно осекся. — Подождите, я, кажется, понял, почему рыбаку понадобилось присочинить Шриверов к своей экспедиции в Коста-Азуру. Он сделал это, чтобы обезопасить себя от возможных подозрений. Или я осел, или дон Камило ездил туда за рацией.

— Одно не исключает другого, — сухо заметил Мун. — Что касается маркиза, то я не склонен так опрометчиво сбрасывать его со счетов.

— Напрасно. Его показавшаяся вам столь подозрительной таинственность всего-навсего предосторожная маскировка. Если он даже и вас ввел в заблуждение, то тем более — франкистскую полицию. Сначала я тоже было подумал, что маркиз приложил свою руку...

— К убийству?

— Нет, на такое он не способен, к похищению Гвендолин. Нежилая часть замка весьма подходящее место, чтобы спрятать в ней человека. К тому же...

— Вам удалось туда проникнуть? — нетерпеливо перебил Мун.

— Да. Запущенные хоромы, повсюду густая пыль.

— Значит, ничего?

— Я еще не кончил. В самую последнюю комнату вели следы. Кто-то неоднократно приходил туда — за чем, это мне пока не удалось выяснить. Во всяком случае, не Гвендолин. Отпечатки ног — мужские, куда больше, чем у маркиза.

— Это был Краунен! — Мун ничуть не сомневался в правильности своей догадки. — А вы уверены, что он проник туда тайком от маркиза?

— Как в себе самом! — Дейли для пущей убедительности даже повысил голос, но тут же опять перешел на шепот. — Я не успел рассказать вам, что мне удалось понять из передачи «Пиренеи». Речь, несомненно, шла о воздушной катастрофе и атомной угрозе. Кстати...

— Вот как? — Мун прислушался к каким-то своим мыслям. — Извините, я вас прервал.

— Я хотел вам рассказать о выловленном рыбаком командире бомбардировщика. Дон Камило на допросе заявил, будто счел летчика рехнувшимся.

— А в действительности?

— Тот хотя и был в состоянии шока, но в полном рассудке. Этот же полковник Хогерт под влиянием страха раскрыл рыбаку поразительные вещи. Если то, что он наговорил, соответствует правде, то мы, сами того не зная, находились на грани мировой катастрофы. Увидев вставшую на горизонте стену из пламени, Хогерт закричал, что сейчас все погибнут, а когда дон Камило усомнился в этом, бессвязно прохрипел, что началась война, что он получил соответствующий приказ во время стыковки с заправщиком, что его пилот, узнав об этом, сошел с ума... Рванул высотный руль и вклинился во второй самолет... Ужасно! Что вы на это скажете?

— Старк! Профессор Старк! — невпопад чуть не закричал Мун. Худощавый человек с морщинистыми щеками и отрешенным видом ученого, который мылся в душе, когда Мун посетил американский лагерь, был, несомненно, Старком. Догадка, мелькнувшая после последней беседы с генералом Дэблдеем, мгновенно превратилась в непоколебимую уверенность. И вместе с ней все стало на свои места.

И внезапное свечение на нагрудном значке майора Мэлбрича, когда тот приблизился к кустарнику, где

маркиз нашел осколки. И сам майор (его действительное звание, несомненно, выше), приданный генералу не в качестве исполнительного адъютанта, а для охраны секрета государственной важности. И несомненно, заказанная по прямому проводу мнимая телеграмма Шривера о кремации, которая должна была побудить Муна отказаться от расследования и тем самым предотвратить его случайное проникновение в секрет государственной важности. А когда Мун все же остался, к нему приставили сержанта Милса (вероятно, и он, как и его начальник из секретного отдела контрразведки Мэлбрич, имеет более высокое звание) с единственной целью не дать Муну приблизиться к секрету государственной важности.

Эти мысли давно зрели в подсознании. Всплыть на поверхность им мешала иступленная погоня за постоянно ускользавшими нитями в деле Шриверов. Сейчас они пронеслись в голове с такой скоростью, что Дейли еле успел переспросить:

— Что за Старк?

— Один знакомый. Я познакомился с ним у профессора Холмена.

Мун вспомнил набитую книгами квартирку Холмена на одиннадцатом этаже в том же доме, где жил он сам. Вспомнил чудаковатого хозяина в старом халате поверх костюма и его черного пуделя Карла. У Холмена собирались ученые. Мун не всегда понимал суть их споров, но было удивительно приятно забираться куда-нибудь в угол и прислушиваться к неторопливой беседе. Профессор Холмен был немецким эмигрантом, бежавшим в свое время от преследования гитлеровцев. Все его знакомые придерживались довольно прогрессивных взглядов. Внезапно на Муна нахлынула стчаянная тоска по дому. Так и захотелось бросить все к чертовой матери, чтобы завтра же очутиться подальше от страшных тайн Панотароса — в своей уютной квартире на Уотерфорд-стрит, где в окнах виднелись мирно скользящие по Гудзону пароходы. Но он тут же подавил в себе этот приступ ностальгии.

— Вот что, Дейли. Отправляйтесь немедленно на переговорный пункт.

— Мы еще не кончили, — удивился Дейли. — Я все думаю насчет Гвендолин. Если она причастна

к смерти брата и матери, то едва ли настолько легкомысленна, чтобы скрываться в Мадриде. По-моему, эту фальшивую утку вам подбросил полковник Бароха-и-Пинос, чтобы отвлечь ваше внимание от своих сообщников.

— Полковник только выполнил приказание майора Мэлбрича, — резко отрезал Мун. — Это еще одна неудавшаяся попытка удалить меня из Панотароса.

— Удалить? Боже, я все понял! — Дейли зажал себе рот, чтобы не закричать.

— Наконец! Теперь вам ясно, почему звонить должны вы? За вами никто не следит, все же даже вам придется соблюдать осторожность. Не исключено, что все международные разговоры подслушиваются. — Мун замолчал, потом с облегчением вздохнул. — Вот что я придумал. Вы позвоните своей жене и скажете ей, что встретили господина Старка, который попросил непременно передать привет своему другу Холмену. Холмен объяснит ей, кто такой Старк, и если она не дура, то в качестве известной ясновидящей Минервы Зингер сумеет использовать эту информацию.

— Надо сообщить в Стокгольм Свену, — взволнованно предложил Дейли. — Для него это будет сенсация высшего класса.

— Отличная мысль, — согласился Мун. Шведский журналист Свен Крагер, в свое время оказавший им значительную помощь в расследовании целой серии авиационных диверсий, при всем своем репортерском неистовстве был парнем, на которого можно положиться. — Скажите, что на волне 16,2 передают его любимые мелодии, Свен обязательно поймет. И все же я больше надеюсь на вашу жену...

— Почему? — спросил Дейли, уже повернувшись, чтобы уходить.

— Потому что наши Штаты достигли такого уровня умственного развития, когда гадалкам верят больше, чем газетчикам.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Присоединившись к группе туристов, Мун вместе с ней незаметно покинул крепость. На улице было намного теплее, чем среди отсыревших древних стен. Все же Муна знобило. Увидев неоновую надпись бара, он спустился в погребок и заказал полбутылки можжевелевой водки и ужин. Первую рюмку он опрокинул залпом. Алкоголь немножко согрел. Вторую пил уже без особой охоты, маленькими глотками, всецело погруженный в свои мысли. Из стоявшего на стойке транзистора неслась танцевальная музыка. Мун недовольно взглянул на бармена, тот тотчас же приглушил звук.

Синяя струйка дыма от сигары спиралью тянулась через пустой бар. Взгляд рассеянно скользнул по алюминиевым рекламам, украшавшим стены. Названия, ставшие международными: «Чинзано», «Гиннес», «Абраубир». На всем земном шаре люди под сенью этих надписей пили сейчас итальянский вермут, шотландское виски, мюнхенское пиво, весело болтали, радовались жизни и понятия не имели о трагедии, начавшейся несколько дней назад в маленьком испанском поселке Панотаресс. Тайна, которая раскрылась Муну, ничего общего не имела со смертью

Шриверов, но несмотря на это, она была куда страшнее.

— Извините, вы забыли заплатить, — оклик бармена застал его на лестнице, что вела наверх, к выходу.

Расплатившись, Мун так же бессознательно, как только что к дверям, подошел к транзистору и покрутил металлическую ручку. В бар ворвался смех парижской публики, хриплый голос американской певицы, русская народная мелодия, богослужение в мадридском кафедральном соборе.

— Хороший приемник? — спросил Мун.

— Превосходный! Всю жизнь мечтал о таком!

— Сколько вы за него заплатили?

— Почти даром получил. Тут у нас выступал Домингес. Вы, должно быть, слышали, самый знаменитый тореро Испании! Мне удалось по знакомству достать билет на корриду. Один сумасшедший турист предложил мне за него эту вот вещичку. У нас они стоят целое состояние.

— Даю в полтора раза больше!

— Зачем переплачивать, сеньор? Купите завтра в магазине.

— А мне он нужен сегодня ночью.

— Догадываюсь... Сегодня в полночь по нашему времени из Нью-Йорка транслируют бокс. Матч в тяжелом весе на первенство мира. На кого вы ставили — на Кассиуса Клея или на француза?

— Нет, дружок, речь идет о матче между Муном и Дэблдеем.

— Никогда не слышал о таких. Какой это вес, сеньор?

— Самый тяжелый!

Кафе «У маркиза Лариоса» находилось на самой оживленной торговой улице. Сплошные витрины заливали асфальт ослепительным блеском. Прохожие то и дело останавливались, чтобы полюбоваться импортными вещами. Судя по их лицам, желание стать обладателями выставленных напоказ дорогих товаров намного превосходило покупательскую способность. У кафе стояло несколько автомобилей и автобус туристской фирмы. Не было ни «джипа», ни Милса — возможно, он уже уехал с Розитой в Панотарос. Зато

Мун сразу приметил белую спортивную «мазератти» с американским номерным знаком. Это была машина Куколки. Мун вспомнил исчезнувшую за углом Розиту и промчавшийся следом за ней, похожий на белую торпеду автомобиль.

Кафе состояло из нескольких помещений. Оформление было нарочито старомодным. Мебель в стиле рококо, хрустальные люстры, картины в тяжелых золотых рамках, над каждым столиком — бронзовое бра с розовой электрической свечой. Мун окинул взглядом первый зал — Розиты нигде не видать. Во втором тоже. Мун уже собирался двинуться дальше, когда увидел недалеко от двери черную сутану. Лицо посетителя закрывала раскрытая газета, но лежащий на столике портсигар с таинственными крестиками вполне заменял визитную карточку.

Не считаясь с явным желанием падре Антонио оставаться инкогнито, Мун уже было шагнул к нему, но остановился, обнаружив наконец Розиту. Уединившись в полутемной нише, что в самой глубине последнего, третьего зала, она оживленно разговаривала с сидевшим спиной к Муну женщиной.

— Добрый вечер! — окликнул ее Мун.

Переводчица повернула голову. В ту же минуту ее кавалер вскочил с такой поспешностью, что опрокинул стул. На секунду перед глазами мелькнуло лицо Рамироса. Притворившись, что не узнал его, Мун уселся за столик и как ни в чем не бывало налил себе вино, оставшееся на самом доньшке бутылки.

— Вы... Вы не улетели? — Розита оторопела.

— Как видите. — Мун повернул голову. На кресле, где только что сидел падре Антонио, лежала брошенная второпях газета.

— Простите. — Розита быстро встала. — Мне надо в дамскую комнату.

— Успеете. Сначала выясним один вопрос. — Мун сделал паузу.

Розита склонила голову и принялась судорожно рыться в сумке.

— Меня интересует, почему этот нахал все время пристаёт к вам, несмотря на то, что вы не скрываете своей антипатии?

— Спросите его. — Розита вытащила пудреницу и принялась лихорадочно обрабатывать щеки.

— Странно... Судя по выпитой бутылке, вы не очень спешили избавиться от его общества.

— Он подошел за минуту до вас.

— А второй бокал?

— Тут сидела одна дама.

— Тогда извините, человеку свойственно ошибаться. Официант! — подозвал Мун. — Лейтенант желает платить.

— Две чашки кофе, маленький коньяк, — официант заглянул в блокнот. — А ваш кавалер заказывал три бутылки вина... Итого, с вас... Сейчас подсчитаю.

— Вы ошиблись, это была дама. — Мун иронически взглянул на Розиту.

— Возможно, — небрежно бросил официант. — Сейчас молодежь так одевается, что мужчину трудно отличить от женщины... Но позвольте, — он вдруг насупился. — Я ведь видел, как она выходила из мужского туалета!

Насладиться эффектом своей едкой шутки Мун не успел. К столику подошел хорошо одетый седой человек.

— Вы меня не узнаете? — обратился он к Муну. — В таком случае напомним. Купите билетик у слепого продавца лотерейных билетов! — прогнусавил незнакомец.

— Теперь узнаю. Что вы тут делаете?

Розита переводила мучительно медленно, казалось, после разговора с Муном она сразу забыла оба языка одновременно.

— Праздную. Для меня самый большой праздник быть зрячим. В Пуэнте Алчерезилло это повредило бы моей профессиональной репутации.

— И пожалуй, такой пиджак вы тоже не осмелились бы надеть. — Мун в уме прикинул цену нового с иголки костюма.

— Это мой выходной, — смутился старик и быстро перескочил на другую тему. — Я подошел, собственно говоря, из-за блондинки. Когда она после вашего отъезда проходила мимо, специально заговорил

с ней. Лицо то же самое, да я с самого начала был в этом уверен. Но она себя очень странно вела.

— Как это понимать?

— Притворилась, будто не узнает меня. В тот первый раз я продал ей лотерейный билет со счастливым номером 000111, вот и пожелал выигрыша, а она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— Скажите, а что, собственно говоря, хотел от вас в тот день полицейский офицер? — неожиданно спросил Мун. Он сам толком не знал, что побудило задать этот вопрос, разве только подозрительно хороший костюм, отнюдь не соответствовавший мизерной выручке от продажи лотерейных билетов.

— Вы ошибаетесь, — старик нервно передернулся.

— Хозяйка кабачка видела, как вы разговаривали с ним.

— С полковником? Ах да, сейчас вспоминаю. Я пытался уговорить его купить билет, вот и все. Я старый слепой человек, не стану вас обманывать... Простите, это вырвалось у меня по профессиональной привычке, — старик еле сознавал, что говорит. — Если не верите мне, спросите его самого. Он сейчас главный начальник в Панотаросе.

Продавец лотерейных билетов был явно напуган. Подозвав официанта, он поспешно расплатился и, даже не удосужившись дождаться сдачи, заторопился уходить.

Когда Мун с Розитой вышли из кафе, улица была почти пустынной. Машина Куколки и туристский автобус уехали. Но перед самой дверью кафе стоял «джип» с выключенным мотором. Милс спал с сигаретой во рту. Мун разбудил его. Сержант отшвырнул сигарету и принялся заводить мотор.

Мун проводил задумчивым взглядом ударившийся о мостовую окурков, из которого при падении посыпались искры.

— Вы долго спали? — спросил он с усмешкой.

— Порядочно. Когда я подъезжал, вы как раз входили в кафе.

«Значит, вы фокусник. Ни одному простому смертному еще не удавалось спать так, чтобы сигарета продолжала гореть», — мысленно отметил Мун. Вслух он осведомился:

- А что вы делали до этого?
- Ничего...
- Вы совсем не удивлены, что видите меня?
- Не мое дело... Поехали?

Ночь была полна неизъяснимых ароматов. В про свете туч светились отдельные неяркие звезды. Крестьянские поля и домишки вдоль дороги, оставлявшие днем столь убогое впечатление, теперь словно преобразились. Посеребренные светом фар, они проносились мимо и снова исчезали как сказочные видения.

Милс казался ушедшим с головой в вождение машины. Все же Муна не покидала тревога. Удалось ли водителю перехитрить его, выследить до крепости Джебел, стать невидимым свидетелем встречи на крепостном валу? Это было бы чертовски обидно.

Мун обернулся, чтобы взглянуть на Розиту. Неподвижная фигура сливалась с темнотой. Видны были только широко открытые глаза. Треугольник Розита — Рамирос — падре Антонио становился все более загадочным. Или, наоборот, понятным? Он слишком устал, чтобы сейчас раздумывать над этим. Мимо мелькнуло белое здание церкви со статуями святых в темных нишах. Сразу же после этого Мун крепко уснул.

Проснулся он, когда машина подъезжала к Панотаросу. За скалами мелькнула зубчатая башня замка. Окрестность осветилась яркими лучами прожекторов. Двое часовых расхаживали вдоль проволочной ограды, за которой виднелись синие бочки. Их ядовитая окраска отливала в этом освещении мертвенной синевой.

Панотарос спал. Далеко в море раскачивались огни двух-трех рыбацких баркасов. Из подворотен на еле освещенную мостовую изредка падала двойная тень запоздалой парочки. По небу плыла искаженная тучами тоненькая луна, с ней соперничала видная издали световая надпись над гостиницей «Отель «Голливуд». Неоновая буква «о» судорожно мигала — разладился какой-то контакт. Не спал лишь восточный склон горы. Усеянный множеством движущихся фонарей, он походил на встревоженный муравейник. С полтысячи солдат и сейчас продолжали лихорадочный поиск. Мун усмехнулся. Никогда еще он не пред-

ставлял себе, что бомбу могут искать, как иголку в стоге сена.

В холле гостиницы Мун задержался на секунду, чтобы взглянуть на свое отражение в зеркальной стене. Почти все лампы были потушены. В полумраке пальмы и колонны напоминали джунгли, из-за пальмовой ветви на него глядело чужое изможденное лицо — его собственное.

Вместо того чтобы подняться к себе в комнату и забраться в постель, Мун тяжело опустился в кресло.

В зеркале появилась сутуловатая фигура дона Бенитеса.

— Добрый вечер, сеньор! — дон Бенитес, встав со стула, на котором дремал, шагнул из темноты в полосу света. — Вернее, доброй ночи!

— Рамирос давно вернулся?

— Час тому назад. У него опять была стычка с сеньорой Роджер. Оба так разбушевались, что у меня еще и сейчас болит голова... Никак не могу уснуть.

— Вы вообще-то когда-нибудь спите в кровати?

— Иногда сплю, — дон Бенитес улыбнулся. — Меня в таких случаях подменяет за конторкой жена. Но разве это настоящий отдых? Все время ворочаюсь, думаю, не случилось ли что-нибудь в отеле.

— Вам приходилось когда-нибудь видеть в гостинице Розиту Байрд? Я имею в виду — до воздушной катастрофы.

— Ни разу, — слишком быстро ответил портье.

— А негр падре Антонио часто приходит сюда?

— Частенько. Обычно стоит на улице, а раза два или три поднимался вверх... Скажите, что за человек Милс? — впервые за все время дон Бенитес сам задал вопрос.

— А что такое?

— Я пытался поболтать с ним, а он молчит. Должно быть, у него служба такая. В связи с этим мне вспомнилось одно изречение: «Остерегайтесь молчаливых, они опаснее болтунов!» — Дон Бенитес подмигнул.

— Спасибо за совет, — с улыбкой поблагодарил Мун. Видно, Дейли не ошибался насчет портье и его товарищей. — Когда следующий розыгрыш национальной лотереи?

— В это воскресенье. Для кого розыгрыш, а для меня всегда выигрыш.

— Вы тоже участвуете?

— Нет, но я получаю комиссионные. Туристам лень самим проверять список.

— Эвелин Роджер давала вам билеты на проверку?

— Что вы! Она трезвая женщина, несмотря на эксцентричную внешность. И деньги ей не очень нужны.

— Но мне рассказывали...

— Знаю, знаю... Между нами говоря, — дон Бенитес понизил голос, — за номер она уже не платила недели две. Но такая, как она, может жить в кредит хоть целый год. Самая лучшая реклама для отеля. А лотерея — для бедняков. Единственная возможность попасть в рай. И неплохая забава для скучающих бездельников, которым все равно, что ставить миллион на рулетку в Биарице или за неимением оной покупать в Панотаросе стопесетовый билет.

На покрытой ковром мраморной лестнице раздались тихие шаги, перешедшие в стаккато, как только Куколка вступила на мраморный пол холла. Лицо ее казалось бледнее обычного, может быть, из-за скудного освещения.

— Получите! — она небрежно бросила пачку новеньких банкнотов. — Долг и за месяц вперед! — Не обращая внимания на согнувшегося в низком поклоне портье, повернулась к Муну: — Мистер Мун, не пригласите ли вы меня к себе? Мне надо проконсультироваться с вами насчет одного эпизода в моем будущем фильме.

Куколка уселась в багрово-красное кресло, Мун уже заметил, что оно притягивает всех, как магнит. Ее лицо, почти лишенное грима, менее загоревшее, чем шея и плечи, казалось бесконечно усталым. При наличии воображения нетрудно было представить себе, как оно, постепенно старея, становится похожим на безнадежные черты Билля Ритчи. «Ее слава — призрак, — подумал Мун. — И сама она призрак, такой же, как мнимое великолепие отеля «Голливуд», из которого завтра убегут все до одного, убегут, как крысы с тонущего корабля».

— Так о каком же эпизоде вы хотели проконсультироваться? — спросил он наконец, прерывая не в меру затянувшееся молчание.

— Об эпизоде, где детектив собирается арестовать кинозвезду по обвинению в убийстве, — Куколка выдала из себя смешок. — Я была бы вам даже благодарна, если бы нуждалась в рекламе. А так... — она зябко повела плечами. — Оставьте меня в покое со своими подозрениями, у меня хватает собственных забот.

— Вы сами признались, что ненавидели Гвендолин.

— Еще сейчас ненавижу.

— За что?

— За то, что ей не приходится зарабатывать деньги, выставя себя напоказ. За то, что она никогда не знала ни бедности, ни унижений. За то, что она похожа на меня, хотя ей красота досталась в колыбели вместе с отцовскими деньгами, а мне трудиться над ней каждый день заново... — Чувствовалось, что Куколка не в состоянии остановиться, даже если бы захотела.

— Она действительно похожа на вас?

— Конечно. Только вы, мужчины, не замечаете этого. Нового цвета волос или нового платья вам достаточно, чтобы не узнать собственную жену... Гвендолин могла бы заменить меня в любой роли.

— Вот как!

— Но, честно говоря, я с удовольствием выцарапала бы ей глаза! Эти невинные голубые глаза! Хотя бы за то, что она однажды заявила: я, видите ли, недостаточно распутна для того, чтобы стать католической святой. Посоветовала падре Антонио в целях повышения моей квалификации устроить мне турне по мужским монастырям. Он так посмотрел на нее, даже мне стало не по себе.

— Когда это было? — Мун насторожился.

— Совсем недавно... Ах, бросьте свои вымыслы! Если бы это было поводом для убийства, вокруг меня валялись бы одни трупы. Никто и не думал покушаться на ее жизнь. Эта маленькая потаскуха, будьте уверены, просто прячется в чьей-нибудь спальне. Вот и все, что я хотела вам сказать. Спокойной ночи!

Куколка ушла, а смертельно уставший Мун все еще не ложился. Он ждал выпуска последних новостей. Нью-Йорк транслировал музыку. Никогда еще сумасшедшие ритмы современных танцев не казались Муну столь бессмысленными и гротескными; все же он продолжал слушать со стоическим упорством. Будет или не будет? Наконец разухабистый крик певицы сменился голосом диктора. Мир, как всегда, был полон событий. Мун пропустил их мимо ушей. Но вот, подобно трубному гласу, прозвучало слово, которого он с таким нетерпением дожидался, — Панотарос!

«Безвестный испанский поселок Панотарос, о котором мир недавно узнал впервые в связи с пребыванием знаменитой киноактрисы Эвелин Роджер и воздушной катастрофой, снова претендует на то, чтобы войти в историю. Час тому назад в редакцию «Нью-Йорк таймс» позвонила знаменитая ясновидящая мисс Минерва Зингер. Она сообщила, что во время телепатического сеанса ей было объявлено, что населению Панотароса грозит большая опасность, связанная с радиацией. Как передает наш стокгольмский корреспондент, почти одновременно вышел специальный выпуск газеты «Дагбладет» с репортажем Свена Крагера «Радиоактивная смерть под небом Испании». Шведский журналист утверждает, будто на американском бомбардировщике, несколько дней назад столкнувшемся над Панотаросом с заправщиком, находились водородные бомбы, одна из которых при падении раскололась. Представитель Пентагона категорически опроверг это сообщение».

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Мун проснулся сравнительно поздно. За стеклом зеленело море, по зеленому линолеуму плясали веселые солнечные блики. Он принял холодный душ и выпил из самонагревающейся бутылки черного кофе. Есть не хотелось. Мун закурил сигару, но табак показался необыкновенно горьким и противным. Бросив ее после первых же затяжек в пепельницу, он включил транзистор. Нью-Йорк повторил лишь свое вчерашнее скупое сообщение, остальные американские станции распространялись о чем угодно, только не о Панотаросе.

Не расставаясь с транзистором, Мун вышел на балкон. Заслонив глаза ладонью, окинул взглядом нестерпимо искрящуюся солнечными кристаллами водную гладь.

Бочка, служившая дону Камило причалом, одиноко покачивалась. Сам баркас не был нигде виден — должно быть, рыбак вышел подальше в море. Чуть правее покачивались американские военные суда. Маленькие проворные катера сновали между кораблями и берегом. На узкой кромке подводной лодки четверо одетых в плавки матросов резались в карты. Громкоговорители извергали оглушительную музыку.

Картина мирной жизни, обманчивая идиллия, райский уголок для состоятельных туристов, которые радовались теплой воде, солнцу, безоблачному небу и ничего еще не знали.

По морю, делая крутые виражи, неслась моторная лодка, за ней — Куколка на водных лыжах. Рамирос, усевшись под веерной пальмой, с неплохо разыгранным восхищением следил за ее прыжками. Они тоже еще ничего не знали.

Панотарос казался точно таким, как всегда. И мир пока что не уделял ему ровно никакого внимания. Напрасно Мун вертел ручку настройки — одни танцевальные мелодии, рекламные тексты, оптимистические прогнозы погоды.

Немного погодя Муну удалось поймать английскую передачу из Марселя. Французская радиостанция, ссылаясь на сообщение шведского журналиста, посвящала событиям в Панотаросе довольно много места. Как удалось выяснить, потерпевший аварию бомбардировщик вовсе не был учебным, а одним из нескольких десятков самолетов, совершающих круглосуточный атомный патруль вдоль границ социалистических стран. Поднявшись со своей базы в Форт-Смите с четырьмя водородными бомбами на борту, бомбардировщик Б-25 с номером 13-37 перелетел Тихий океан, Азию и Европу. Над Панотаросом он брал горючее для обратного пути через Атлантический океан. Корреспондент французского радио успел взять интервью у известного атомного физика, профессора Багарэ-Каширена. Профессор популярно объяснил, что, если одна из бомб действительно раскололась, людям, близко соприкасавшимся с осколками, грозит опасность радиоактивного заражения в результате утечки урановых и плутониевых частиц, а также облучения жесткими гамма-лучами. Он напоминал, что это уже десятый случай, когда американцы теряют атомные бомбы. До сих пор не происходило взрыва лишь потому, что срабатывали предохранители. Однако случай с утерянной на территории Соединенных Штатов бомбой, когда пять из шести предохранителей отказали, доказывает, что риск катастрофы достаточно велик...

Прислушиваясь к наполнявшим гостиницу мирным

звукам, Мун представлял себе, как эта радиовесть, подобно брошенному в воду камню, распространяясь кругами по радиусу, постепенно дойдет до ее обитателей.

Из комнат доносилась веселая музыка, плеск воды, шаги, приглушенные голоса. ОТЕЛЬ «ГОЛЛИВУД», эта пятиэтажная вавилонская башня в миниатюре, соединял под своей крышей множество самых различных увлечений, верований, интересов. Разделенные тонкими стенами люди были, в сущности, бесконечно чужды друг другу. Чтобы действительно объединить их, вавилонская башня должна была рухнуть, как это могло случиться в ту ночь, когда с неба пролился огненный дождь. Но этого не случилось. Все остальное — смерть Шриверов, исчезновение Гвендолин, множество больших и мелких тайн, населявших гостиницу, — для них не существовало.

Мун медлил выключить транзистор, и был за это вознагражден. После обзора международных событий следовала сводка последних новостей. И тут он услышал нечто такое, что заставило вскочить с кресла:

«В Роте испанской полицией арестована группа американских военных моряков, занимавшихся ввозом наркотиков из Сингапура. Есть основания предполагать, что они действовали в тесной взаимосвязи с американским синдикатом преступников...»

Рота! Военно-морская база, где служит Розита! По правде говоря, Мун ожидал нечто подобное. Из трех отдельных звеньев Розита — Рамирос — Краунен теперь складывалась железная неразрываемая цепочка. Но насколько это открытие приближало к разгадке смерти Шриверов?

В холле ощущалась явная перемена. Туристов было совсем немного. Они сидели группами, озабоченно поглядывая на четверых мужчин. Один из новичков угощал товарищей содержимым плоской фляжки. Другой, удобно развалившись в кресле, что-то черкал в блокноте. До Муна донеслась оживленная болтовня на французском и испанском.

— Журналисты! — перехватив его взгляд, зашептал дон Бенитес. — Налетели как коршуны! Вы уже слышали? Говорят, будто осколки не химически отравленные...

— А радиоактивные? — закончил Мун.

— Тише! — зашипел портье, но так громко, словно скорее желал обратного. — Не дай бог, услышат туристы! В отеле не останется ни одного человека! Хозяин мне за это оторвет голову. Между прочим, подпольная станция «Пиренея» передавала уже несколько дней назад про водородные бомбы, — шепот дона Бенитеса стал еще более громким и зловещим. — Доброе утро, сеньора Стайнхантер! Как спали? Надеюсь, хорошо? — дон Бенитес поклонился пожилой американке.

— Счет! — она дрожащими пальцами вынула чековую книжку. — Вечером я уезжаю. Закажите мне билет на автобус.

— Уезжать, когда такая погода? — дон Бенитес развел руками. — Неужели вам у нас не нравится? И затем, сеньора, здесь столько ваших соотечественников! Ради одного этого стоит остаться.

— Но эти ужасные слухи! По радио сообщили, будто наши летчики потеряли атомную бомбу. Как будто не могли найти для этого более подходящего места!

— Да разве в наше время можно верить тому, что сообщают радио и газеты? — возмутился дон Бенитес. — Они врут даже тогда, когда молчат о каком-нибудь происшествии.

— Хорошо, я подумаю. А пока наведите справку, выдадут ли мне страховку за испорченный отдых, если придется уехать из-за этой истории.

— Обязательно! — дон Бенитес проводил американку поклоном и тем же громким шепотом снова заговорил с Муном: — Да, еще одна новость! Только что из Америки прибыл какой-то профессор, самый крупный специалист по лучевой болезни.

— Что? По лучевой болезни? — миссис Стайнхантер рывком обернулась. — Я уезжаю! Немедленно! Докажите мне машину! — ее истерический голос разнесся по всему холлу.

Дона Бенитеса тотчас обступили остальные туристы. Портье пытался их успокоить, но в таких неопределенных выражениях, что нагнал еще больше страха. Пообещав заказать билеты в автобус и прислать гор-

ничных для упаковки чемоданов, дон Бенитес повернулся к Муну:

— Вот видите! А что будет дальше? Я просто в отчаянии. Если так будет продолжаться, сеньору Девилье придется закрыть отель.

— Что-то не вижу своего помощника Педро, — вспомнил Мун.

— Он болен.

— Что с ним? — встревожился Мун.

— Думаю, что просто переел. Какой парадокс. сеньор Мун, — человеку становится плохо оттого, что он впервые в жизни наелся досыта! Вы случайно не знаете, кто-нибудь из ученых подсчитал, сколько килограммов хлеба можно купить вместо одной водородной бомбы?

Разговор прервало появление майора Мэлбрича, пригласившего журналистов к генералу. Мун присоединился — было любопытно, как представитель американской контрразведки будет выкручиваться из пахнувшей международным скандалом ситуации. Майор окинул его хмурым взглядом, но в присутствии газетчиков не осмелился остановить.

Генеральский номер показался Муну просторнее, чем в прошлый раз. Возможно, оттого, что окна раскрыты настежь, балконная и соединительная двери широко распахнуты. Повсюду стояли вазы с розами — пунцовыми, чайными, молочно-белыми. К их густому аромату примешивался запах дорогого одеколona. Все производило прямо-таки праздничное впечатление — всё, кроме забившегося в самый дальний угол человека в штатском, высокого, худощавого, с узким интеллигентным лицом, пересеченным глубокими морщинами. Мельком взглянув на Муна, он снова отвернулся.

Журналисты, шумно ввалившись в комнату, бесцеремонно расселись вокруг стола, на котором стояли четыре микрофона и заботливо приготовленные хозяином сигареты и сигары. Только один из них, француз с гасконской бородкой, предпочел собственную трубку.

— Извините за вторжение, генерал! — Мун подождал, пока тот пожал руку гостям. — Как вижу,

я попал на пресс-конференцию. Может быть, мне лучше уйти?

— Прошу! — генерал Дэблдей радушным жестом указал на кресло. — К тому же это просто небольшая дружеская беседа. Пресс-конференции обычно созываются, чтобы разоблачать или, наоборот, скрывать. Сегодня же я и мои сотрудники познакомят вас с одними только фактами... Разрешите представить: самая очаровательная девушка американской армии, лейтенант Розита Байрд, наш переводчик и по совместительству хозяйка этого импровизированного приема!

В соединительных дверях появилась Розита с подносом в руках. За вспотевшим стеклом фужеров, бокалов и рюмок переливалась разноцветная влага, искрился лед, сама она в накрахмаленном белом кителе, плотно облегающей бедра короткой юбке и туфлях на высоких шпильках походила на обольстительную стюардессу с рекламного плаката. Генерал дал журналистам время полюбоваться ею, потом продолжал:

— Французский переводчик — сержант Санэрмон, между прочим, происходит из старинного французского рода, переселившегося при Людовике Пятнадцатом в Нью-Орлеан.

Журналист с гасконской бородкой объявил с ужасным галльским акцентом, что и сам прекрасно говорит по-английски, второй француз тоже отказался от перевода.

— Тем лучше... Сержант Санэрмон, вы свободны... Сок, господа, апельсиновый, грейпфрутовый, ананасный? Или чего-нибудь покрепче? Рекомендую «Манхэттенский проект», майор Мэлбрич — мастер по его изготовлению...

Журналисты взяли бокалы. Француз с гасконской бородкой предпочел собственную фляжку, объявив, что до обеда не пьет ничего, кроме аперитива. Его коллега снял с плеча репортерский магнитофон.

— Не утруждайтесь, — генерал остановил его. — В соседней комнате четыре магнитофона с прекрасным стереозвуком. После беседы каждый из вас получит готовую запись. Итак, начнем! Вас, должно быть, интересует, почему мы пригласили представителей прессы с некоторым опозданием?

— Простите, мы сами явились, никто нас не приглашал, — заявил один из испанцев.

— Но вы все же здесь, и это лучшее доказательство, что я ничего не собираюсь от вас утаивать, кроме возраста мисс Розиты. Это единственный государственный секрет, который я не вправе раскрыть.

Журналисты встретили шутку одобрительным смехом, к которому присоединился сам генерал. Только француз с гасконской бородкой ядовито заметил:

— Почему же вы дурачили мир химически отравленными осколками?

— Справедливое замечание, — генерал кивнул. — Попытаюсь вам объяснить. У нас, контрразведчиков, есть поговорка: «Единственный враг, против которого нет защиты, — это паника». Кроме того, бомбардировщик потерял важные секретные устройства, поэтому, с точки зрения военной тайны, привлекать внимание к Панотаросу было бы просто непростительно.

— Они уже найдены? — спросил второй испанец.

— Нет. Не стану от вас скрывать, — именно по этой причине мы вначале опровергли сообщение шведского журналиста Свена Крагера. Оно бы осталось ничем не подтвержденной газетной сенсацией, не будь заявления известной предсказательницы Минервы Зингер. Как ни прискорбно, но мои сограждане больше верят астрологам, чем правительственным сообщениям. Это заявление вызвало целую бурю телефонных звонков, и президент, для которого общественное мнение выше соображений секретности, распорядился...

В дверь постучали. Майор Мэлбрич отпер. Увидев падре Антонио и сопровождавшего его местного священника, вопросительно взглянул на генерала.

— Впускайте, пускайте! Милости прошу...

— Местные жители встревожены, — падре Антонио шагнул в комнату. — Они попросили нас, своих духовных пастырей, узнать всю правду, как бы жестока она ни была.

— Во-первых, падре, разрешите поблагодарить за изумительные розы из вашего сада, — генерал крепко пожал ему руку и пояснил журналистам. — Сегодня мой день рождения. И самый лучший подарок для меня то, что могу заявить вам: для тревоги нет боль-

ше никаких оснований. Майор Мэлбрич расскажет вам о достигнутых результатах.

В отличие от генерала майор не стремился к популярности. Его речь была лаконична, как донесение, и чем-то напоминала безукоризненно прямой пробор.

— После нескольких дней, потраченных на предварительную разведку, нам удалось определить район разброса. Основная масса расколовшейся бомбы, к счастью, пробила свод Черной пещеры и упала на дно подземного озера, откуда мы при помощи магнитных улавливателей и детекторов радиоактивности извлекли уже почти все осколки. Остальные же, упавшие в окрестностях пещеры, были найдены уже раньше. Работы в Черной пещере будут закончены сегодня вечером.

— А какие работы ведутся на склоне горы? — спросил второй француз.

— Ищем секретные устройства, — коротко сказал майор.

— А сейчас у меня для вас приготовлена маленькая сенсация, — генерал встал. — Несколько лет тому назад журналистов занимало исчезновение профессора Старка, одного из крупнейших специалистов в мире по лучевой болезни. Вы, должно быть, помните, он без всякой причины прекратил работу в исследовательском институте и внезапно уехал из Чикаго. Появились даже слухи, будто его похитили русские. Так вот, профессор Старк работает на нас! — генерал сделал паузу, которую заполнили удивленные возгласы и, насладившись эффектом, выстрелил заключительную ракету. — Профессор, встаньте и покажитесь прессе!

— Что? — рассеянно отозвался сидевший в углу худощавый человек. — Вы говорили обо мне?

Один из испанских журналистов схватился за фотоаппарат, но генерал с улыбкой остановил его:

— Смотреть и даже щупать — сколько угодно! А фотографировать воспрещается. Высокое начальство считает профессора секретным объектом. Как видите, ему в целях обеспечения военной тайны пришлось даже сбрить бороду.

Первым засмеялся француз с гасконской бород-

кой. Но и остальные по достоинству оценили тонкое подтрунивание генерала над шпиономанией.

— Так вот, — продолжал генерал, — профессор подтвердит вам, что благодаря заблаговременно принятым мерам предосторожности местным жителям ничего не грозит, кроме разве алкоголизма. Мне докладывали, что после выплаченной нами щедрой компенсации посещение злчных мест резко возросло. Что касается последствий радиоактивного заражения почвы, то Панотарос по-прежнему останется одним из самых здоровых мест на земном шаре.

— А как насчет моря? — спросил один из испанцев. — Ведь не исключено, что часть осколков упала в залив, а вода, насколько мне известно, увеличивает радиоактивность.

— Совершенно исключено! Но, считаясь с тем, что такие слухи могут возникнуть, завтра сюда придут члены испанского правительства. Сопровождать их будет наш посол. Мы решили устроить водный праздник, в программу которого входит также купание. Звезду этого праздника вы сейчас увидите!

Майор Мэлбрич уже стоял у двери. Как только генерал дал знак, она распахнулась, и в комнату ворвался поток ослепительных лучей. На Куколке было предельно короткое платье из скрепленных цепочкой металлических пластин. Многократно отраженный ими солнечный свет бил прямо в глаза. Мун невольно зажмурился.

— Пожалуйста! — генерал улыбнулся. — Эвелин Роджер, звезда Голливуда. Сейчас можете и глядеть и фотографировать!

Минут десять журналисты бомбардировали Куколку вопросами и усердно заполняли блокноты.

Генерал терпеливо ждал, пока журналисты удовлетворят свое любопытство.

— А теперь дадим мисс Эвелин небольшую передышку. Завтра перед водным праздником вы все приглашены на торжественный завтрак в замке маркиза Кастельмаре. Род маркиза — древнейший в Испании, равно как и его замок, построенный в восьмом веке. Там же вечером состоится банкет. Я надеюсь, что присутствие блистательной Эвелин Роджер и ваши корреспонденции помогут пресечь измышления и криво-

толки. Испания — дружественная нам страна, и нам будет очень обидно, если из-за этой злосчастной бомбы, которой опасаться больше нечего, Панотарос лишится туристов.

— Позвольте мне один вопрос, — хотя Мун и намеревался быть единственным молчаливым участником этого блистательного словесного фейерверка, но все же не выдержал. — Мне стало известно, что в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое марта рухнувший на Панотарос бомбардировщик получил приказ начать атомную атаку. Мир был на грани гибели.

— Генерал, разрешите мне, — майор Мэлбрич шагнул вперед. — Это ничем не подтвержденные слухи.

Генерал Дэблдей весь напрягся. Однако уже через секунду его лицо разгладила лукавая улыбка:

— Полно, майор! Вы пытались поддержать официальную версию, и это делает вам честь. Но если уже быть откровенным, то до конца. Да, произошла глупейшая, но, к счастью, своевременно исправленная ошибка. Наблюдатели нашей радарной базы в Гренландии приняли лунную рефракцию за массированный налет русских. Вы должны знать, какие там условия — нечто среднее между монастырем и тюремной одиночкой. Единственное развлечение — полярное сияние и белые медведи, так что немного тронуться не так уж трудно. Туда бы мисс Эвелин, она бы сразу вылечила их! Но разве нашему начальству объяснить такое, если оно даже черные чулки в сетку считает изобретением дьявола... Да, по атомной тревоге была поднята в воздух вся стратегическая авиация. Но ошибку немедленно обнаружили. Так что этот случай лишний раз подтверждает, что принятая нами система двойной и тройной проверки действует безотказно.

Муну в этот момент почему-то вспомнилось первое посещение цирка. Когда мать спросила, что ему больше всего понравилось, он без колебания ответил: «Дядя фокусник. То, что он склеит перерезанную пилой тетю, я знал заранее. Но за какое время он еще умудрился спрятать в ее шляпку большущий букет цветов?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**СВЕЯЩИЙСЯ
СКЕЛЕТ**

ПИСЬМО ГВЕНДОЛИН

В коридоре Муна нагнал профессор Старк.

— Я вас, кажется, уже где-то встречал, — сказал он, близоруко разглядывая Муну.

— Да, много лет назад у профессора Холмена.

— У Холмена? Как же, помню это блаженное время, когда можно было ходить в гости к друзьям, — профессор вздохнул.

— Я вас тоже не сразу узнал, вы сильно изменились за эти годы.

— Не удивительно! Был ученым, а стал засекреченным объектом, — профессор грустно засмеялся. — Зайдемте ко мне! Не хочется упускать случай поболтать о былых временах. Завтра меня могут опять упрятать в ящик с семью замками.

— В котором вас доставили в Панотарос пять дней тому назад и извлекли только сегодня, — улыбнулся Мун. — Вы должны быть благодарны Минерве Зингер. Не будь ее, вам пришлось бы скрываться в военном лагере. Сейчас вы хотя бы живете в гостинице.

— Я и тут под неусыпным наблюдением, — грустно вздохнул Старк. — У профессора Холмена я мог говорить все, что вздумается. А сейчас... — он выразительно развел руками.

— Извините! Сеньор Мун, вас просят к телефону, — по лестнице бежал дон Бенитес.

— Хорошо, иду.

— Только не забудьте, что я жду вас, — напомнил профессор Старк.

Мун немного удивился, когда дон Бенитес, вместо того чтобы поставить телефон на прилавок, втолкнул его в свой тесный закуток.

— Лучше, чтобы никто не слышал, — объяснил он еле уловимым голосом. — Это Билль Ритчи.

— Из Мадрида?

— Нет. У него для вас важная новость. Не называйте его по имени!

Мун взял телефонную трубку.

— Это вы, мистер Мун? — раздался взволнованный голос Ритчи.

— Да, я вас слушаю.

— Я в Малаге. Приезжайте сюда. Я не один.

— С вами приехала Гвендолин? — как Мун ни был уверен, что донесение Роберто Лимы предлог, чтобы выманить его из Панотароса, бессвязные слова старого актера можно было истолковать только таким образом.

— Нет, вас обманули. Я сидел весь вечер в этом кабаке. Ну, «У семи разбойников» на площади Пуэрте-де-Сол. Гвендолин не пришла. Как вы мне велели, я расспросил официантов, хозяина, даже посетителей. Такой и в помине не было. На всякий случай я еще раз зашел сегодня перед отлетом. Вижу — доктор. Совершенно пьян. Судя по тому, как он швырял деньги на стойку, доктор здорово разбогател.

— Какой доктор? — Муну даже показалось, что пьян скорее сам Билль Ритчи.

— Ну тот, который лечил меня бесплатно. Помните, я вам о нем рассказывал много хорошего.

— «Доктор Энкарно?» — чуть не вырвалось у Муна. Но он сдержался и лишь прошептал: — Он узнал вас?

Сердце лихорадочно билось. Слова Билля Ритчи при всей их намеренной уклончивости ни к кому иному, кроме доктора Энкарно, не могли относиться.

— Сначала не узнал, он был очень пьян. А потом...

— Что потом? Что потом? — судорожно повторял

Мун, а в голове звенела одна настойчивая мысль — надо лететь в Мадрид, разыскать там доктора Энкарно. Лететь! Немедленно!

Билль Ритчи все не отвечал. Наконец после целой вечности в трубке раздался чужой голос:

— Сеньор Мун? Будьте вечером на крепостном валу. Мы вас там найдем.

И тогда Мун скорее чутьем, чем разумом, понял, что ехать в Мадрид незачем.

Номер профессора выходил на площадь. На ней сооружали что-то наподобие триумфальной арки, стук топоров все время врывается в их беседу. Профессор тоже курил сигары, и Мун с удовольствием воспользовался его бразильскими «Супериор». Извлеченная из чемодана бутылка «Наполеона» способствовала установлению непринужденной атмосферы. Но как только Мун заговорил о радиоактивности, профессор с улыбкой сослался на военную тайну.

— Единственное, что могу вам сказать, вместе со мной прибыла самая совершенная аппаратура, когда-либо использованная для обнаружения зараженных частиц. Такая же находилась на борту самолета «глобмастер», потерпевшего несколько дней тому назад аварию в горах.

Постепенно беседа приняла теоретический характер.

— Лучевая болезнь еще мало изучена, и против нее нет эффективных средств. Пересадка костного мозга, примененная французами для спасения югославских ученых, не всегда дает положительные результаты. Люди умирают и будут умирать до тех пор, пока не добьются абсолютного запрета любых испытаний ядерного оружия.

— А Панотарос? — Мун надеялся, что коньяк развяжет профессору язык.

— Прошу без провокаций, — профессор понимающе улыбнулся. — Видите ли, серьезной опасности в данном случае подвергался только тот, кто находился в непосредственной близости от расколовшейся бомбы, причем достаточный срок, чтобы гамма-лучи оказали свое воздействие.

— Вы что-нибудь понимаете в отравлениях? — внезапно спросил Мун.

— Не больше любого врача. Во время войны мне пришлось работать на госпитальном судне, там каждому в первую очередь приходилось быть хирургом. После капитуляции к нам доставили нескольких получивших серьезные лучевые ожоги японцев. Этому обстоятельству я и обязан своей теперешней специальностью.

Мун все же решился рассказать про смерть Шриверов и свои предположения. Перечисление симптомов заставило профессора нахмуриться.

— Видите ли, эти недомогания присущи множеству болезней, начиная от некоторых желудочных заболеваний до лучевой включительно. Но, учитывая, что перед этим двое местных жителей также отравились колбасными консервами, я на месте доктора Энкарно скорее всего поставил бы тот же диагноз.

— Вы забываете, что исчезла дочь Шривера. Так что дело не в консервах.

— Одно не противоречит другому, — профессор покачал головой. — Яд, известный под названием ботулин, является продуктом естественного органического распада. Но его научились создавать синтетическим путем. Например, уже несколько лет ботулин находится на вооружении нашей армии. Его можно шприцем впрыснуть в банку, прокол будет почти незаметным.

Их прервал громкий стук в дверь.

— Войдите, — пригласил профессор.

— Тысяча извинений!.. — в дверях показалась голова. — Я — маркиз Кастельмаре! Сеньор Мун, не могли бы выйти на минутку?

В коридоре Мун столкнулся с доном Бенитесом и доном Брито. Тяжело дыша, они тащили скатанный ковер. Потеряв равновесие, портье выронил картину, которую ухитрился зажать под мышкой. Маркиз подхватил ее и, чуть не стукнув Муна по голове, пробормотал:

— Девять тысяч извинений! В вашей комнате висит какой-то бородатый тип. Он вполне сойдет за моего деда по материнской линии герцога Вильяэрмосу.

— Может быть, вы объясните...

— Завтра приезжает жених моей дочери, сопровождает министра. Надо привести замок в приличный

вид. Чего только не сделаешь ради счастья дочери! Да, совсем забыл. Приглашаю вас на банкет. Не удивляйтесь, генерал Дэблдей выдал мне пособие... Великим инквизиторам есть чему поучиться у него! Так вы одолжите мне для фамильной галереи этого типа?

— Если вас не смущает, что он крутит шарманку, пожалуйста.

— Это как раз удачно! Герцог обожал музыку! — и, вихрем ворвавшись в комнату, маркиз забрался на стол и рванул картину к себе. На месте, где до этого торчал гвоздь, образовалась огромная дыра. Маркиз спрыгнул со стола и заметался по комнате.

— Вы не возражаете, если я прихвачу эту вазу? А это зеркало? Какая аристократическая пепельница!

— Она с видом отеля «Голливуд», — предупредил Мун.

— Ничего, сойдет, под окурками все равно не будет видно. Дон Брито, тащите это красное кресло, оно по цвету как раз подходит к гобеленам из Малагского художественного музея!

Сам маркиз проворно схватил другое кресло. Пытался взвалить себе на спину, но со стоном опустил на пол.

Дон Брито, еле подавив крик, бросился к нему на помощь, но маркиз отстранил его нетерпеливым жестом:

— Чепуха! Сеньор Мун еще подумает бог весть что! Тащите мебель в машину и ждите меня! — обождав, пока его добровольные помощники вышли, маркиз повернулся к Муну: — Не обращайтесь! Просто голова что-то кружится в последнее время. Немного отдышусь, и все пройдет.

— Вам следовало бы обратиться к врачу, — посоветовал Мун.

— Что же, так и сделаю, — маркиз через силу выдавил из себя улыбку. — Дождусь доктора Энкарно и пойду к нему с исповедью.

— Доктора Энкарно? — тревожно переспросил Мун, вспоминая телефонный разговор с Биллем Ритчи.

— А как же! У меня предчувствие, что он скоро вернется, — маркиз многозначительно посмотрел на своего собеседника. — Кстати, о пропавшем письме. Думаю, что и оно скоро найдется.

— Еще одно предчувствие?

— На этот раз скорее результат логического размышления. Хотя я и не такое светило, как знаменитый Мун и его не менее знаменитый помощник Дейли... Между прочим, несмотря на ваши отчаянные призывы, он что-то долго не едет. И самое удивительное, вас это совершенно не огорчает.

— Лишь потому, что вы со своей пронизательностью полностью заменяете его, — Мун предпочел отделаться шуткой. — Как же с письмом?

— Я говорил с доном Бенитесом и сынишкой начальника почты. Они, естественно, мало что помнят — воздушная катастрофа и смерть Шриверов не самое подходящее лекарство для укрепления памяти. Но, имея в виду именно эту нервную атмосферу, можно предположить, что девятнадцатого марта, когда Хуанито принес письмо, портье машинально расписался за него и отложил в сторону, поскольку миссис Шривер отсутствовала. А на следующий день, узнав о ее смерти, так же машинально написал «Адресат выбыл» и отослал обратно.

Мун порывисто вскочил.

— По вашему лицу видно, что вы собираетесь бежать на почту, — остановил его маркиз. — Хотя и не разделяете моего убеждения, что письмо предназначалось для матери, а не для дочери. Не будем гадать. Начальник почты по моей просьбе отправился в Пуэнте Алчерезилло и с минуты на минуту должен вернуться. А теперь помогите мне добраться до машины...

В гостинице следы охватившей Панотарос паники становились все заметнее. Грохотали двери, взад и вперед сновали горничные. Суетились нагруженные сумками, фотоаппаратами и плащами постояльцы. Лестницей всецело завладели оборванцы, встретившие Муна в день приезда. Согнувшись под тяжестью чемоданов, они спускались вниз, складывали поклажу в холле и с веселыми криками снова бежали наверх. Для них поспешное бегство туристов означало возможность заработать хоть несколько грошей. Мун, к своей радости, заметил среди них Педро. Судя по огромному, взваленному на спину чемодану, его недомогание прошло.

— Зайди ко мне! — окликнул его Мун.

— Хорошо, только отнесу багаж этой сеньоры.

Мун проводил тяжело опиравшегося на его плечо маркиза к нагруженному мебелью, картинами и коврами армейскому «студебеккеру» и заботливо усадил рядом с водителем. Когда он вернулся, Педро, пританцовывая от нетерпения, уже поджидал его в холле.

— Какое-нибудь поручение? — спросил он с надеждой в голосе.

— Посмотрим! — Мун улыбнулся. — Но если откровенно ответишь на несколько вопросов, то я, так и быть, готов доверить тебе одну секретную миссию. Пойдем ко мне!

Педро расцвел. Но уже первый вопрос был встречен упрямым молчанием.

— Не знаю, — выдавил он из себя.

— Не знаешь, что было в свертке, который Рол Шривер принес в день своего рождения? — С тех пор как было установлено, что Шриверы в день своей смерти не сопровождали дона Камило в Коста-Азуру, таинственный сверток не давал Муну покоя. — Ты тогда ведь пришел вместе с ним. Лучше скажи, что не хочешь отвечать.

— Не могу, — честно признался Педро. — Маркиз меня тоже расспрашивал, он мой лучший друг, но я и ему ничего не сказал.

— Почему?

— Рол просил никому не рассказывать про веревку, — по-детски проговорился Педро.

— Значит, это была веревка?.. Ничего, ничего, не расстраивайся! Я ведь это уже давно знал, — соврал Мун. — Только хотел проверить, умеешь ли ты молчать. А он тебе говорил, зачем она ему понадобилась?

— Нет. Только сказал, что должна быть очень длинной и прочной. Мы достали у одного рыбака капроновую, он собирался вязать из нее сеть. Ролу пришлось заплатить столько, что можно целый год есть до отвала, зато она была чуть не с километр длиной. Возможно, Рол собирался исследовать какую-нибудь большую пещеру.

— А много ли больших пещер в Панотаросе?

— Из известных нам только две — Черная в поместье Кагельмаре и та, что на острове Блаженного уединения, — Негритянская. В ней когда-то укрыва-

— Не больше любого врача. Во время войны мне пришлось работать на госпитальном судне, там каждому в первую очередь приходилось быть хирургом. После капитуляции к нам доставили нескольких получивших серьезные лучевые ожоги японцев. Этому обстоятельству я и обязан своей теперешней специальностью.

Мун все же решился рассказать про смерть Шриверов и свои предположения. Перечисление симптомов заставило профессора нахмуриться.

— Видите ли, эти недомогания присущи множеству болезней, начиная от некоторых желудочных заболеваний до лучевой включительно. Но, учитывая, что перед этим двое местных жителей также отравились колбасными консервами, я на месте доктора Энкарно скорее всего поставил бы тот же диагноз.

— Вы забываете, что исчезла дочь Шривера. Так что дело не в консервах.

— Одно не противоречит другому, — профессор покачал головой. — Яд, известный под названием ботулин, является продуктом естественного органического распада. Но его научились создавать синтетическим путем. Например, уже несколько лет ботулин находится на вооружении нашей армии. Его можно шприцем впрыснуть в банку, прокол будет почти незаметным.

Их прервал громкий стук в дверь.

— Войдите, — пригласил профессор.

— Тысяча извинений!.. — в дверях показалась голова. — Я — маркиз Кастельмаре! Сеньор Мун, не могли бы выйти на минутку?

В коридоре Мун столкнулся с доном Бенитесом и доном Брито. Тяжело дыша, они тащили скатанный ковер. Потеряв равновесие, портье выронил картину, которую ухитрился зажать под мышкой. Маркиз подхватил ее и, чуть не стукнув Муна по голове, пробормотал:

— Девять тысяч извинений! В вашей комнате висит какой-то бородатый тип. Он вполне сойдет за моего деда по материнской линии герцога Вильяэрмосу.

— Может быть, вы объясните...

— Завтра приезжает жених моей дочери, сопровождает министра. Надо привести замок в приличный

вид. Чего только не сделаешь ради счастья дочери! Да, совсем забыл. Приглашаю вас на банкет. Не удивляйтесь, генерал Дэблдей выдал мне пособие... Великим инквизиторам есть чему поучиться у него! Так вы одолжите мне для фамильной галереи этого типа?

— Если вас не смущает, что он крутит шарманку, пожалуйста.

— Это как раз удачно! Герцог обожал музыку! — и, вихрем ворвавшись в комнату, маркиз забрался на стол и рванул картину к себе. На месте, где до этого торчал гвоздь, образовалась огромная дыра. Маркиз спрыгнул со стола и заметался по комнате.

— Вы не возражаете, если я прихвачу эту вазу? А это зеркало? Какая аристократическая пепельница!

— Она с видом отеля «Голливуд», — предупредил Мун.

— Ничего, сойдет, под окурками все равно не будет видно. Дон Брито, тащите это красное кресло, оно по цвету как раз подходит к гобеленам из Малагского художественного музея!

Сам маркиз проворно схватил другое кресло. Пытался взвалить себе на спину, но со стоном опустил на пол.

Дон Брито, еле подавив крик, бросился к нему на помощь, но маркиз отстранил его нетерпеливым жестом:

— Чепуха! Сеньор Мун еще подумает бог весть что! Тащите мебель в машину и ждите меня! — обождав, пока его добровольные помощники вышли, маркиз повернулся к Муну: — Не обращайтесь! Просто голова что-то кружится в последнее время. Немного отдышусь, и все пройдет.

— Вам следовало бы обратиться к врачу, — посоветовал Мун.

— Что же, так и сделаю, — маркиз через силу выдавил из себя улыбку. — Дождусь доктора Энкарно и пойду к нему с исповедью.

— Доктора Энкарно? — тревожно переспросил Мун, вспоминая телефонный разговор с Биллем Ритчи.

— А как же! У меня предчувствие, что он скоро вернется, — маркиз многозначительно посмотрел на своего собеседника. — Кстати, о пропавшем письме. Думаю, что и оно скоро найдется.

— Еще одно предчувствие?

— На этот раз скорее результат логического размышления. Хотя я и не такое светило, как знаменитый Мун и его не менее знаменитый помощник Дейли... Между прочим, несмотря на ваши отчаянные призывы, он что-то долго не едет. И самое удивительное, вас это совершенно не огорчает.

— Лишь потому, что вы со своей пронизательностью полностью заменяете его, — Мун предпочел отделаться шуткой. — Как же с письмом?

— Я говорил с доном Бенитесом и сынишкой начальника почты. Они, естественно, мало что помнят — воздушная катастрофа и смерть Шриверов не самое подходящее лекарство для укрепления памяти. Но, имея в виду именно эту нервную атмосферу, можно предположить, что девятнадцатого марта, когда Хуанито принес письмо, портье машинально расписался за него и отложил в сторону, поскольку миссис Шривер отсутствовала. А на следующий день, узнав о ее смерти, так же машинально написал «Адресат выбыл» и отослал обратно.

Мун порывисто вскочил.

— По вашему лицу видно, что вы собираетесь бежать на почту, — остановил его маркиз. — Хотя и не разделяете моего убеждения, что письмо предназначалось для матери, а не для дочери. Не будем гадать. Начальник почты по моей просьбе отправился в Пуэнте Алчерезилло и с минуты на минуту должен вернуться. А теперь помогите мне добраться до машины...

В гостинице следы охватившей Панотарос паники становились все заметнее. Грохотали двери, взад и вперед сновали горничные. Суетились нагруженные сумками, фотоаппаратами и плащами постояльцы. Лестницей всецело завладели оборванцы, встретившие Муна в день приезда. Согнувшись под тяжестью чемоданов, они спускались вниз, складывали поклажу в холле и с веселыми криками снова бежали наверх. Для них поспешное бегство туристов означало возможность заработать хоть несколько грошей. Мун, к своей радости, заметил среди них Педро. Судя по огромному, взваленному на спину чемодану, его недомогание прошло.

— Зайди ко мне! — окликнул его Мун.

— Хорошо, только отнесу багаж этой сеньоры.

Мун проводил тяжело опиравшегося на его плечо маркиза к нагруженному мебелью, картинами и коврами армейскому «студебеккеру» и заботливо усадил рядом с водителем. Когда он вернулся, Педро, пританцовывая от нетерпения, уже поджидал его в холле.

— Какое-нибудь поручение? — спросил он с надеждой в голосе.

— Посмотрим! — Мун улыбнулся. — Но если откровенно ответишь на несколько вопросов, то я, так и быть, готов доверить тебе одну секретную миссию. Пойдем ко мне!

Педро расцвел. Но уже первый вопрос был встречен упрямым молчанием.

— Не знаю, — выдавил он из себя.

— Не знаешь, что было в свертке, который Рол Шривер принес в день своего рождения? — С тех пор как было установлено, что Шриверы в день своей смерти не сопровождали дона Камило в Коста-Азуру, таинственный сверток не давал Муну покоя. — Ты тогда ведь пришел вместе с ним. Лучше скажи, что не хочешь отвечать.

— Не могу, — честно признался Педро. — Маркиз меня тоже расспрашивал, он мой лучший друг, но я и ему ничего не сказал.

— Почему?

— Рол просил никому не рассказывать про веревку, — по-детски проговорился Педро.

— Значит, это была веревка?.. Ничего, ничего, не расстраивайся! Я ведь это уже давно знал, — соврал Мун. — Только хотел проверить, умеешь ли ты молчать. А он тебе говорил, зачем она ему понадобилась?

— Нет. Только сказал, что должна быть очень длинной и прочной. Мы достали у одного рыбака капроновую, он собирался вязать из нее сеть. Ролу пришлось заплатить столько, что можно целый год есть до отвала, зато она была чуть не с километр длиной. Возможно, Рол собирался исследовать какую-нибудь большую пещеру.

— А много ли больших пещер в Панотаросе?

— Из известных нам только две — Черная в поместье Кагельмаре и та, что на острове Блаженного уединения, — Негритянская. В ней когда-то укрыва-

лись невольники, оттого и пошло название. Корабль работорговцев во время шторма выбросило на остров, многие негры утонули, остальные подняли бунт. На них потом устроили облаву, но выловить удалось не всех. Некоторые каким-то таинственным образом перебрались на берег.

— Почему таинственным? Просто переплыли.

— Говорят, что они не умели плавать. Да это и не каждому под силу.

— У тебя отличные сведения! — рассмеялся Мун. — А теперь скажи, если тебе, допустим, надо было бы скрываться от полиции, какое место ты бы выбрал? Может быть, Негритянскую пещеру?

— Я не такой дурак. Ведь о ней знают все. А вот в горах есть множество пещер, которые редко кому известны, да и добраться туда трудно.

— Так... Ты знаком с доном Камило?

— Да. Он дружил с моим дедом. Их в свое время и арестовали вместе.

— За что?

— Во время гражданской войны у нас тут сбили русский самолет. Летчик спасся на парашюте, его подобрали мой дед и дон Камило, а отец маркиза спрятал в нежилой части замка. Потом кто-то донес на них. Старый маркиз умер в тюрьме, дон Камило продержали очень долго, до последней амнистии.

— А твоего деда?

— Застрелили, когда пытался бежать. Но я отомщу за него, как только вырасту. Не верите? Я вам кое-что покажу, если обещаете не выдавать меня.

— Обещаю.

— Тогда смотрите! — Педро торжественно растегнул свой ветхий красный жилет. На хилой детской груди были вытатуированы два слова: «Но пасаран!» Боевой клич республиканской армии продолжал жить под миллионотонной могильной плитой, которую франкисты напыщенно называли «двадцатью семью годами мира».

Как ни странно, именно эта татуировка рассеяла последние сомнения Муна. Педро сумеет держать язык за зубами, к тому же никому не придет в голову расспрашивать его.

— Педро, слушай меня внимательно. Я доверяю тебе очень серьезное задание. Настолько серьезное, что не поручил бы его никому, кроме тебя.

Мун перешел на шепот. Потайных микрофонов в номере, пожалуй, не было, все же излишняя предосторожность не могла помешать.

— Единственная дорога в Панотарос ведет через горный перевал, а там и днем и ночью дежурит полицейский патруль. А мне, возможно, понадобится провести одного человека так, чтобы о его присутствии в Панотаросе никто не подозревал. Можешь ли ты это сделать, Педро?

— Могу! Я исходил все горы, лучше меня их не знает ни один местный житель. Есть одна тропка вдоль Чертова ущелья. Когда-то она упиралась в скалы, но после последнего землетрясения там образовался проход. Я совсем недавно случайно наткнулся на него...

— Я так и думал, что ты единственный, кто сможет мне помочь. Ты сейчас поедешь со мной в Малагу. Я отправлюсь в полицию, а ты пойдешь с Хью Брауном. Он-то и скажет тебе, что надо делать...

Мун собирался объяснить мальчику, что Хью Браун вовсе не главный бандит, каким тот рисовался в романтической фантазии мальчугана, но это не понадобилось.

— Хорошо! Маркиз мне уже говорил, что я ошибался насчет сеньора Брауна... Значит, если понадобится, я тайком проведу этого человека, спрячу в какой-нибудь пещере и дам вам знать, — важно повторил Педро, так и надуваясь гордостью за возложенное на него секретное задание, потом вспомнил: — Вы говорили насчет дона Камило, но так и не закончили.

— Когда вернешься, поговори с ним, только он не должен знать, что я просил тебя об этом. Попытайся выведать у него, куда он отвез Шриверов девятнадцатого марта.

Мун спустился вниз, чтобы заказать через Бенитеса какую-нибудь машину. Портье, обливаясь потом, выписывал счета, ему помогала жена — тщедушная женщина с грустными карими глазами.

— Машину? — дон Бенитес вытер ладонью застилавший глаза пот. — Вы безнадежный оптимист!

Смотрите, что происходит! Пришлось заказывать дополнительный автобус, все места в нем давно распроданы.

— Что же делать? — пробормотал Мун, моля бога о самом прозаичном чуде, ставшем уже обыденной рутиной, — вопросе сержанта Милса «Куда прикажете ехать?». Сейчас, когда тайна генерала Дэблдея перестала быть тайной и отпала надобность следить за Муном, на это больше нечего надеяться.

Но Милс оказался на месте. Мун просто не разглядел его за фигурами суесящихся в холле отъезжающих. Милсу пришлось встать из своего кресла и самому подойти к Муну.

— Куда? — спросил он на этот раз, очевидно, считая излишними даже два последних слова своей коронной фразы.

— В Малагу! Этот мальчик едет с нами, — он указал на Педро.

— Надеюсь подработать там немного, — серьезно объяснил Педро, незаметно подмигнув при этом Муну. Смотри, мол, какой я конспиратор! — А то из Панотароса все разъезжаются, приезжают одни министры, а на них не разживешься.

Сержант Милс с неизменной сигаретой во рту направился было к машине, но Мун остановил его:

— Не сейчас. Я жду одного человека.

Словно эта фраза служила условным паролем, входная дверь с треском распахнулась. На пороге стоял начальник почты. Муну он показался чем-то похожим на архангела Гавриила — с той разницей, что вместо пылающего меча начальник почты держал в руке конверт.

— Письмо! Вот оно! Лежало в Пуэнте Алчерезилло! На почте! Уже несколько дней. Не будь маркиза, оно пролежало бы там до судного дня! — радостно выстреливал начальник почты, уже мысленно ощущая в кармане стопесетовый банкнот.

Мун вырвал из его руки конверт. Письмо было адресовано миссис Шривер. На обратной стороне — Пуэнте Алчерезилло, малоразборчивое название улицы и совсем уже неразборчивая фамилия. Наискось стояло «Адресат умер». Все это он успел установить, пока судорожно разрывал плотную бумагу.

Из конверта выпал бледно-сиреневый листок, покрытый неровными каракулями. Почерк был неоформившийся, беспорядочный, но Муну все же удалось разобрать сумбурные каракули.

«Меня похитили бандиты, кажется, из щайки Гаэтано. Обращаются со мной сносно. Но если до воскресенья в указанное место не будет положен миллион песет, меня убьют. Мама, умоляю тебя: если в малагском банке нет столько денег, пусть папа немедленно вышлет. Что касается нашей ссоры, то я глубоко сожалею. Спаси меня! Гвендолин».

Обратная сторона страницы была оклеена вырезанными из газеты буквами разной величины. Анонимный автор подробно описывал пещеру в окрестностях Панотароса, где после наступления темноты следует спрятать выкуп, и предупреждал, что любая попытка известить полицию или лично выследить человека, который придет за деньгами, кончится смертью Гвендолин.

— Какой сегодня день? — отрывисто спросил Мун. Лавина событий и сведений, навалившаяся на него по прибытии в Панотарос, стерла грань между днями. Иногда казалось, что он живет здесь уже давным-давно, иногда — что прилетел только вчера.

— Суббота!

— Суббота? Слава богу, тогда еще не все потеряно!

Сунув начальнику почты на ходу несколько асигнаций, Мун опрометью кинулся к дону Бенитесу:

— Гостевую книгу! Скорее!

Не обращая внимания на портье и Педро, с любопытством заглядывавших через его плечо, Мун сравнил сиреневый листок с записью в книге. Те же самые завитушки у буквы «м», то же легкомысленное, словно пританцовывающее «а». И все же это могла быть ловкая подделка. Мун так спешил, что даже забыл объяснить дону Бенитесу, зачем берет с собой гостевую книгу. Сунув ее под мышку, он бросился к дверям, чуть ли не проскочив мимо невозмутимо вставшего с кресла Милса.

— В Малагу! Педро, живее! — крикнул Мун. —

Нет, сначала заезжайте в замок! Этот мальчик едет с нами.

Пока «джип», обгоняя машины с уезжающими туристами, несся на предельной скорости к замку, Мун, отрешившись от содержания письма, осмысливал зашифрованные в памяти технические детали. Конверт, по-видимому, надписан той же рукой, что и письмо. Что касается вырезанных печатных букв, то такого шрифта и бумаги нет ни у английских, ни у американских массовых изданий. Значит, взяты они из какой-нибудь сравнительно мало распространенной газеты или журнала, а может быть, даже книги. Этот выработанный за долгие годы способ анализа, важный, когда необходимо установить личность анонимного отправителя, в данном случае был абсолютно ни к чему. Письмо отправил Краунен. Единственное, что остается выяснить, подлинное ли оно или фальшивка. Окончательный вывод можно будет сделать лишь после графологической экспертизы в малагской полиции.

ТАЙНИК

За несколько часов Панотарос совершенно преобразился. Вчера он был похож на прифронтовой город, сейчас — на город, из которого эвакуируется население, а войска покидают окопы.

Мостовые сотрясал гул подкованных ботинок. Солдаты и моряки возвращались в лагерь. Создавалось впечатление, будто генерал Дэблдей говорил корреспондентам правду. Но Мун был убежден, что поиски прекращены только в связи с приездом высоких гостей, в честь которых Панотарос уже расцветился флагами. Эта торжественность никак не соответствовала тому, что происходило в действительности. У украшенного испанским флагом и приветственным лозунгом дома, где помещалось отделение банка Хименеса, выстроилась длинная очередь. Иностранцы забирали свои вклады. Мимо «джипа» прогромыхал битком набитый туристами автобус с целой горой чемоданов на крыше. А над опустевшим восточным склоном висели вертолеты, похожие на низко скользящих над морем чаек, высматривающих по всплеску добычу. Мун не сомневался, что они оснащены аппаратурой для обнаружения радиоактивности. Генерал Дэблдей умел заговаривать зубы. Одному ему да еще

майору Мэлбричу известно, куда упали куски развалившейся бомбы — в Черную пещеру или любое другое место в радиусе десяти миль. К тому же еще неизвестно, сколько в действительности раскололось бомб. Довольно подозрительно было то обстоятельство, что генерал не отменил свое распоряжение насчет машины. Или это была на сей раз действительно чистая любезность?

Перед замком стоял армейский «студебеккер», доверху заваленный мебелью. Выгрузкой распоряжался дон Брито. Двое американских солдат, чертыхаясь, несли по продырявленному висячему мосту кресла, другие втаскивали по лестнице огромный старинный буфет. К счастью, Милс остался в машине по собственной воле, — в отличие от Педро, который подчинился весьма неохотно.

Мун сперва зашел к маркизу. Обстановка комнаты не изменилась с прошлого раза — черное, изъеденное червями распытие, шкаф с облупленными инкрустациями, спартанская кушетка с ветхим одеялом, старомодный приемник и, как бы в насмешку, вырезанный из журнала портрет Муна в старинной позолоченной раме. Дверь бесшумно отворилась, на пороге стоял Дейли.

— Опять ошиблись комнатами? — он подмигнул. — Меня можете не стесняться, мистер Мун! — громко заявил он. — Впрочем, я, кажется, напрасно заподозрил вас в чем-то предосудительном. Вы, как вижу, просто любуетесь собственным портретом. Какой внушительный подбородок! А это глубокомысленно-бессмысленное выражение глаз должно привести в трепет любого преступника! — Дейли в расчете на чужие уши все еще играл роль развязного сына пуговичного короля.

Они вышли на лестничную площадку. Убедившись, что никто не подслушивает, Мун дал краткую сводку последних событий.

— Вы поедете со мной, — сказал он в заключение. — Поскольку транспортные средства стали дефицитом, это не вызовет у сержанта особых подозрений. Вечером встретитесь на крепостном валу с Биллем Ритчи. С вами пойдет Педро. Если Ритчи действительно приведет человека, о котором мы только что го-

ворили, объясните ему, почему он нужен в Панотаросе. Если мои предположения верны, то он согласится. Остальное предоставьте Педро. А вы переночуйте в Малаге. Утром возьмите напрокат машину и привезите Ритчи, — с лихорадочной быстротой приказывал Мун. — Где маркиз? Надо поблагодарить его за письмо!

Маркиза Мун застал в большом зале. На каменном полу лежали скатанные гобелены. На стене, рядом с портретом покойной бабушки, уже висели какие-то картины.

— Вы ко мне? — маркиз с молотком в руке слез со стула. — Подождите! Не двигайтесь! — Маркиз сделал вид, будто рассматривает Муна сквозь лупу. — Так, мне все уже ясно! Ключ к делу Шриверов у вас в кармане. Только, ради святой мадонны, ни слова! Вам известно, что древнегреческий тиран Дионисий выстроил акустический грот, чтобы подслушивать своих гостей?

— А потом его убили... Знаю! — сухо заметил Мун. — Майор Мэлбрич уже просвещал меня насчет греческой истории, так что можете не повторяться.

— Убийство и майор тут совершенно ни при чем. Я только собирался вас предупредить, что один мой предок был не менее любопытен, чем Дионисий. В этом зале есть место, откуда прекрасно слышно любое слово, даже если оно произнесено шепотом. Так что пройдем на всякий случай в библиотеку.

В библиотеке Мун показал маркизу письмо.

— Я хотел вас поблагодарить. Это почерк Гвендолин?

— Похоже. Но, сеньор Мун, неужели вы попадетесь на крючок?

— Вы думаете, что письмо подделано?

— Ни в коем случае. Именно этого поворота событий я и ожидал. Но я не верю, что жизни сеньориты Гвендолин угрожает опасность... Знаете что, я напишу свою гипотезу, вложу в конверт и заклею. Дадим на сохранение дону Бенитесу, он придет сегодня вечером.

Маркиз подошел к столу, чтобы поискать бумагу. Мун проводил его рассеянным взглядом. Почему-то его внимание привлекли сложенные в аккуратную

стопку детективные альманахи Эллера Квина. Пока маркиз писал, он незаметно перелистал один из них. Так и есть, память не подвела его. Тот самый шрифт! И, как это нередко бывает, за одним открытием последовало другое. Под столом лежал вправленный в темное серебро мужской гребень, мгновенно вызвавший в памяти до отвращения прямой пробор майора Мэлбрича. Еще совсем недавно, на пресс-конференции, Мун видел его в тонких пальцах майора.

— Майор Мэлбрич, должно быть, частенько заходит к вам поболтать? — спросил Мун.

Маркиз дописал до конца фразу и только после этого ответил:

— Кто? Ах, майор? Никогда! Он слишком занят поисками в Черной пещере.

— А это что? — Мун поднял расческу.

— Доказательство, что нет правил без исключений. Сегодня майор вернул мне книгу «Пещеры Южной Испании» и заодно изъявил желание ознакомиться с завещанием графа Санчо. Подозреваю, что он ищет в Черной пещере вовсе не осколки, а мои несуществующие фамильные драгоценности.

— Что я слышу, мистер Кастельмаре? — В библиотеку вошел Дейли. — Если вы подразумеваете под фамильными драгоценностями своих крыс, то должен вас огорчить: сегодня кот сожрал три крупных бриллианта. — Схватив лежавшее на столе письмо Гвендолин, он притворился, будто читает его впервые. — Что я вижу! Беззащитная красавица в лапах бандитов! Мистер Мун, вы не скажете, куда ее упрятали? Если поблизости, то я с удовольствием помог бы ей скоротать время.

— Bravo! Вы играете свою роль не хуже меня, — маркиз рассмеялся. — Не пора ли опустить занавес и стать каждому тем, чем он есть на самом деле, сеньор Дейли? Не удивляйтесь, я уже вчера понял, кто вы такой. После того как, просмотрев вырезки, заметил, что не хватает одной-единственной — той, на которой вы сфотографированы рядом с сеньором Муном. Напрасно вы это сделали: снимок настолько расплывчатый, что по нему я вас не узнал бы. А теперь давайте говорить начистоту. Вы, как мне кажется, также раскусили мою тайну, которая не имеет ни-

чего общего с моим жильцом Крауненом. Я, конечно, не знал, кто он такой. Но поскольку он не был ни океанологом, ни журналистом, за которых себя поочередно выдавал, то для меня, детектива-любителя, представлял известный интерес. Кажется, я разгадал его — разгадал, идя по вашим стопам.

— По моим? — промямлил Дейли, все еще не пришедший в себя от удивления.

— Ну да! Заметив, что вы проявили интерес к нежилой части замка, которой никто не пользовался со времен моего деда, я сделал то же самое, причем с большим успехом. Идемте!

Маркиз нарочито медленно отпирал замок и довольно долго возился с засовом. Наконец тяжелая дубовая дверь раскрылась. Почти бесшумно, а не со старческим скрипом, свойственным давно находившимся в бездействии петлям. Перед Муном была лишенная мебели восьмиугольная комната с затянутыми паутиной окнами и густым слоем пыли на изборозженном трещинами каменном полу. Наискосок до следующих дверей вели четкие отпечатки мужских ног. Их было очень много, но опытный глаз Муна сразу определил, что сквозь комнату проходило не полдюжины, а только трое. Первый — неоднократно, второй, старавшийся ступить в следы своего предшественника, — один-единственный раз, причем недавно.

— Сеньор Дейли, я ваш должник по гроб. Преступник в моем замке! Это превосходит мои самые смелые мечты! То-то садовник утверждал, будто по ночам здесь бродит призрак! Следы поменьше и посвежее — ваши, а большие, с выемками — Краунена. Он носит туфли с рифленой подошвой, — комментировал маркиз, торопливо открывая одну дверь за другой. Следы внезапно обрывались в мрачной полутемной комнате с альковом, над которым висел истлевший балдахин. И оттого, что отпечатки ног упирались в глухую стену, без окон и дверей, создавалось впечатление, что таинственный гость маркиза прошел сквозь нее, как бесплотный дух.

— Здесь вы, сеньор Дейли, остановились в полном недоумении. Я пошел дальше. — Маркиз поколдовал над стеной, она неожиданно раскрылась, обнажив глубую нишу.

— Это тайник, в котором я в свое время обнаружил завещание графа Санчо. Я как-то рассказал о нем Краунену, тогда я еще не знал, с кем имею дело. Вот поглядите, в каких целях он им воспользовался. Помните, дон Камило видел у него в ведре давным-давно высохших крабов? — И маркиз с торжествующим видом вытащил из щели застрявший в ней кусок скорлупы, покрытый налетом белого порошка. — Попробуйте на вкус.

— Героин! — лизнув порошок, вскрикнул Мун. Ошибиться было невозможно: вкус этого наркотика нельзя спутать ни с чем иным.

— А теперь послушайте мою гипотезу, которая не требует доказательств, — маркиз закрыл тайник. — Краунен принимал груз на острове Блаженного уединения и, чтобы отпугнуть туристов, придумал чудовищного кальмара. Пустые крабы служили контейнером, а тайник — складом. Время от времени Краунен ствозил их в Малагу, где у него, несомненно, были помощники.

Маркиз не знал о «Барселонском деле». Но для Мун все стало на свои места. Прояснилась вся перевалочная цепочка, на одном конце которой находились арестованные в Роте американские военные моряки (их-то катер видел рыбак Камило), на другом — полковник Бароха-и-Пинос, продолжавший в Малаге начатое в Барселоне сотрудничество с синдикатом Рода Гаэтано. Розита была связной между Ротой и Панотаросом, но, чтобы не вызвать подозрения, связь с Крауненом поддерживалась через Рамироса. А Куколка? Несмотря на совместную поездку с Крауненом в Пуэнте Алчерезилло, Мун не был склонен считать ее причастной к контрабанде наркотиков. В общем, все было настолько ясно, что можно было поздравить себя с победой. С победой? Скорее с поражением. Если люди заняты столь важной для них преступной операцией, то убийство Шриверов было бы с их стороны непростительной ошибкой: ведь оно могло привлечь к ним внимание. Оставалось одно объяснение: Уна и Рол Шриверы во время их экскурсий на остров Блаженного уединения случайно наткнулись на следы деятельности Краунена. В таком случае преступникам волей-неволей пришлось их ликвидировать.

— Сеньор Мун, вы присматривались с достойной вас проницательностью к моим детективным альманахам Эллери, — маркиз уже говорил о другом. — Я тоже заметил, что шрифт вырезанных букв в письме совпадает со шрифтом альманаха. Тем более что один журнал пропал — как раз после исчезновения Крауна. Так что вы, надеюсь, сейчас понимаете, что я тут ни при чем. А насчет флакона с миндальной эссенцией, которую Гвендолин выкрала из шкафчика, — это чистейшая правда.

— Я вам верю, — сказал Мун. — И приношу свои извинения.

— За то, что считали меня бандитом? Нечего извиняться, это льстит моему самолюбию. А теперь... — маркиз перешел на шепот. — Мне стало известно — не спрашивайте откуда, — что вы ожидаете гостя, которого другим не следует видеть до поры до времени. Скажете Педро, чтобы он привел его ко мне.

— К вам? — не сразу понял Дейли.

— Разумеется, если вы мне доверяете. По-моему, эта нежилая часть замка — идеальное убежище для таинственных гостей.

ЗАСАДА В ГОРАХ

На обратном пути из Малаги Мун заехал в полицейский комиссариат. На то были две причины — посмотреть, как начальник полиции прореагирует на письмо Гвендолин, и, главное, еще раз настоятельно потребовать копию уже запрошенного из Мадрида «Барселонского дела».

Полковник Бароха-и-Пинос инструктировал своих подчиненных. поприветствовав Муна, он извинился:

— Занят по горло! В связи с завтрашним приходом членов правительства. Так что, если не очень спешно...

Мун вместо ответа показал письмо Гвендолин.

— Пройдемте в кабинет... — у полковника сразу же нашлось время. — Вы уверены, что это не фальшивка?

— Я только что из Малаги. Судебный графолог подтвердил подлинность. Полное совпадение характерных особенностей в письме, гостевой записи и даже в подделанной Гвендолин подписи матери на чеке. От характера никуда не денешься, как сказал графолог.

— Поздравляю! — полковник торжественно встал и протянул Муну руку.

— Поздравлять как будто не с чем, — Мун пожал плечами.

— Я удивился, когда узнал, что вы не полетели в Мадрид. Но вы оказались проницательнее меня. Сейчас я задним числом тоже понимаю, что донесение Роберто Лимы основано на недоразумении. Похищение Гвендолин неразрывно связано с Панотаросом. То-то вы, направляясь в Мадрид, сначала заехали к маркизу.

— Нельзя ли немного пояснее, полковник?

— Вы меня экзаменуете? Пожалуйста! Маркиз — нищий, клад своих предков ему не удалось найти... Итак, с мечтой о сказочных богатствах приходится распрощаться. Но существует реальная Гвендолин Шривер. Маркиз, несомненно, знал, что она дочь одного из богатейших людей Америки...

— Вы полагаете, что он похитил Гвендолин?

— Разве человек, даже не имеющий средств, чтобы сшить себе приличный костюм, станет тратить такие деньги на огромную детективную библиотеку, если не надеется извлечь из нее выгоду? Поройтесь как следует в его преступной коллекции — вы обязательно найдете книгу, где все это описано: и продиктованное жертвой письмо, и вырезанные из газеты буквы, и пещера, где следует оставить выкуп.

— В вашем изложении эта гипотеза звучит прямо-таки как шедевр Агаты Кристи. Но поскольку вы топчитесь и я тоже, отложим ее подробное обсуждение на завтра. Я пришел, чтобы попросить у вас полдюжины полицейских.

— Для обыска! Рад, что вы наконец раскрыли свои карты. К сожалению, придется немного повременить. Завтра приезжает будущий зять маркиза, секретарь министра информации и пропаганды, человек с большим влиянием в правительственных кругах. Могут быть неприятности, а после опалы брата мое положение и так довольно шаткое.

— А я-то думал, оно пошатнулось после «Барселонского дела», — усмехнулся Мун.

— Вас неправильно информировали, — начальник полиции повысил голос, но тотчас же успокоился. — Кстати, вы затребовали из нашего главного управления копию этого дела. Зачем?

— Потому что оно имеет непосредственное отношение к тому, что произошло в Панотаросе. Меня чрезвычайно интересуют Гонзалес и доктор Валистер.

— Вы сказали — Гонзалес? — полковник вздрогнул. — Подождите, я начинаю вспоминать. Это ведь было при мне... — полковник задумался, потом с удивлением посмотрел на Муна: — Раз вы интересуетесь этим делом, ваша гипотеза как-то связана с наркотиками? Но это ведь абсурд.

— Не с наркотиками, а с Родом Гаэтано.

— Слишком неожиданно для меня, чтобы сразу переварить. Но мне думается, вы на ошибочном пути. Значит, полицейские вам нужны вовсе не для ареста маркиза?

— Нет. Попытаюсь устроить засаду. Завтра, как раз в последний день.

— Но это ведь абсурд! Кто бы ни похитил мисс Гвендолин, сейчас они уже давно знают, что миссис Шривер мертва, значит на выкуп им нечего надеяться. Боюсь, что мисс Гвендолин больше нет в живых.

— Посмотрим. Вы дадите мне полицейских? — Мун заранее рассчитывал на отказ. Его просьба была скорее ловушкой.

— К сожалению, — полковник развел руками. — Высокие гости! Если бы в другое время...

— Ну что ж, не буду настаивать, — Мун встал. — Тогда, по крайней мере, позвоните в Малагу, пусть вышлют консервную банку, в которой обнаружили бутулин. Всего доброго! Завтра у вас трудный день, не буду вас больше задерживать.

— О да! Обеспечить безопасность таких высоких гостей — ответственное дело. Я уже затребовал эскадрон мобильной гвардии. Но мы не кончили насчет банки... Не могу понять, для чего она вам понадобилась. Разве что в качестве сувенира, — полковник попытался пощутить.

— В качестве наглядного пособия, доказывающего, что при помощи еле заметного прокола можно получить весьма достоверную версию отравления недоброкачественными продуктами.

Вернувшись в гостиницу, Мун прошел сквозь пустой холл прямо к закутку дона Бенитеса.

— Поднимитесь ко мне, — попросил он.

— Некогда. Надо приготовить отель к завтрашнему приезду гостей, — от усталости портье еле мог говорить. — Одних корреспондентов ожидается несколько десятков... Слыхали, что творится? Сейчас уже все радиостанции передают... Просто раскалываюсь на части, не хуже этой водородной бомбы... А ночью надо еще быть у маркиза, придать замку праздничный вид. Завтра на банкете я буду играть роль мажордома. Подумать только, не будь этой паники, я бы дожил до самой смерти, так и не увидев ни одного живого министра! — никогда еще смиренно-восторженная физиономия портье не выражала столь убийственной иронии.

— Я вас жду, — решительно сказал Мун, добавив шепотом: — Принесите бечевку, ваше пальто и форменную фуражку.

— Хорошо, сейчас освобожусь.

Коридор представлял собой классическую картину погрома. Большая мраморная урна и мраморный пол возле нее были завалены пустыми картонками и бутылками, консервными банками, разорванными целлофановыми пакетами, кипами иностранных газет. Порывшись в свалке, Мун унес с собой несколько журналов и большой лист оберточной бумаги.

Разрезанные на ровные куски журналы заменили миллион песет. Мун обложил их настоящими ассигнациями, а упаковку нарочно прорвал в двух местах. Иллюзия была настолько удачной, что ввела в заблуждение даже дона Бенитеса.

— Неужели вы действительно намерены заплатить им выкуп? Миллион песет — подумать только! — дон Бенитес вздохнул. — Чтобы заработать такую уйму денег, мне пришлось бы работать швейцаром во всех отелях мира одновременно. В наше время самая выгодная профессия — быть жуликом. Может быть, и мне переквалифицироваться на старости лет?

— По-моему, квалификация у вас и так достаточно высокая, — улыбнулся Мун. — Можете не притворяться, я вас не выдам. Как вы полагаете, придет ли кто-нибудь за выкупом?

— Едва ли... А с другой стороны, если преступник все это время не имел связи с внешним миром? — вслух размышлял портье. — Скажем, я задумал похитить вас, а сообщников у меня нет. Я выбираю убежище, откуда в бинокль можно наблюдать за местом, где надлежит оставить деньги...

— Из вас получился бы отличный бандит, дон Бенитес. Жаль, что вы избрали иное поприще. Ну, а дальше?

— Высовываться оттуда я не стану, даже ночью: если меня случайно увидит знакомый, пиши пропало. Разумеется, я слушаю радио — ведь если ваши друзья известят полицию, это обязательно должно просочиться в эфир. Но поскольку о смерти Шривероз радио хранит полное молчание...

— Значит, вы допускаете, что похититель мог и не знать о ней? — Мун проверял на доне Бенитесе собственные мысли. То, что Краунен действовал в одиночку, никак не вязалось с его принадлежностью к банде Рода Газтано. Но отвергать эту возможность было бы глупо: до сих пор Панотарос преподносил один сюрприз за другим.

— Я не детектив. Мое дело впустить и выпустить гостей, — дон Бенитес скромно пожал плечами, но тут же не удержался от иронии: — На вашем месте я бы лучше надел американскую форму для встречи с бандитами, это сейчас самая подходящая маскировка.

— Только не для моей цели! — не реагируя на шутку, Мун продолжал размышлять: — Кто бы отнес выкуп, будь миссис Шривер жива?

— Она сама.

— А если бы боялась? Ведь письмо могло быть ловушкой, чтобы заманить и ее, не так ли?

— Послала бы кого-нибудь.

— Кого?

— Скорее всего меня. Мне и деньги могут доверить, а если убьют, тоже не страшно: одним маленьким человеком меньше на свете.

— Вот я и буду доном Бенитесом.

Мун быстро надел пальто, поднял воротник, нахлобучил фуражку, втянул голову в плечи и характерной походкой всегда готового к поклону портье прошелся по комнате. А когда он остановился у двери и сделал

вид, что прислушивается, даже дон Бенитес не удержался от смеха.

— Здорово у вас получается, сеньор Мун!

Закутавшись в одолженное у портье теплое пальто, Мун неподвижно лежал в зарослях. Темнота была почти полной. Впереди с трудом проглядывался вход в пещеру. Мун переложил пистолет из онемевшей правой руки в левую, немного повернулся, чтобы свисавшая ветка не задевала лица, и снова превратился в застывшее изваяние.

До сих пор все складывалось как нельзя удачно. Мун вышел в потемках. Сутулая, хорошо знакомая Панотаросу фигура ничем не напоминала Муна. Пробираясь окраиной, он при выходе из поселка столкнулся с местным жителем. Приняв его за дона Бенитеса, тот что-то сказал по-испански. Мун жестом показал, что спешит. Эта встреча лишний раз доказала, что в темноте избранная Муном маска может обмануть кого угодно.

По крутым головоломным тропкам Мун добрался до горного плато, где находилась указанная в письме пещера. Раздвоенный вход, имевший вид коренного зуба, был замечен уже издали. Ни на секунду не забывая, чью роль играет, Мун, боязливо оглядываясь, пересек открытое пространство. Положил пакет в условленное место и побежал назад, стараясь при этом производить как можно больше шума и оставаться на виду. Одновременно следовало помнить, что страдающий ревматизмом, отяжелевший от неподвижного образа жизни дон Бенитес передвигается совсем иначе, чем он сам. Это было самое трудное. Одно дело изображать кого-то при ярком свете ramпы, другое — в темноте, в пустынном месте, где тебя никто как будто не видит. Удалившись примерно на двести шагов, где начиналась лесистая местность, Мун припал к земле и, прячась за кустами, осторожно пополз обратно.

А теперь он вот уже более часа лежал в засаде. Где-то в темном небе гудел вертолет. Просьбу помочь генерал Дэблдей против всякого ожидания принял как нечто естественное. Разговор обошелся без всяких упоминаний о несостоявшейся поездке в Мадрид. Генерал сразу же согласился не только выделить верто-

лет, экипаж которого должен был участвовать в предстоящей операции, но и обещал не сообщать о засаде начальнику полиции. Последнюю просьбу Мун мотивировал тем, что хочет преподнести полковнику Бароха-и-Пиносу сюрприз. Единственным досадным было то обстоятельство, что экипаж вертолета возглавляет майор Мэлбрич.

Лежать, притаившись как мышь, чувствуя под коленками острые камешки, а на лбу колючую ветку, было нелегко. Мысли все время возвращались к неудобствам и никак не желали концентрироваться на том, о чем следовало думать. Какие события скрывались за письмом Гвендолин? Синдикат Гаэтано не занимался похищениями с целью выкупа. Рэкет, организованное вымогательство, давал куда более крупные, притом постоянные, доходы. Скорее всего дело обстояло так: пребывание Краунена в Панотаросе не было связано со Шриверами. Узнав впоследствии, кто они такие, Краунен решил пренебречь интересами хозяина и позаботиться о собственной выгоде. Он несколько раз встречался с Гвендолин, угрожал ей, требовал денег. Чтобы откупиться, Гвендолин подделала чек. Сумма показалась Краунену слишком ничтожной, поэтому он похитил девушку... Утешившись этим единственным правдоподобным объяснением, Мун прекрасно сознавал, что истина, возможно, бесконечно далека от любого вразумительного вывода.

Прошло еще минут пятнадцать или двадцать. Нервы натянуты до предела, а о том, чтобы закурить, нечего и думать. Кругом полная тишина. Малейшее движение было бы слышно на сотни футов. Мун пытался представить себе, из какого пункта ведется наблюдение, — в том не слишком достоверном случае, если похитители все еще надеются на выкуп. Низко над головой пролетел вертолет, жужжание удалилось, снова наступила тишина. Издали, из замка, чьи очертания смутно угадывались на горизонте, доносились приглушенные расстоянием звуки. Жаль, что Дейли в Малаге. Из башни замка в бинокль наверняка видны и плато, и вход в пещеру, и, может быть, даже притаившийся в засаде человек.

Мун нервно зевнул. Перспектива играть роль статуи в течение половины ночи ничуть не устраивала

его. Он уже решил про себя оставаться не более часа, когда послышался треск кустарника. Мун невольно вздрогнул. После тишины казалось, что ветки шуршат под самым ухом. Потом послышались шаги, легкие, быстрые. Прежде чем на прогалине перед пещерой появилась почти слившаяся с темнотой человеческая фигура, Мун уже знал, что это женщина. Осторожным движением он поднял к глазам инфракрасный бинокль. Темнота сразу же растворилась. В окуляре четко обозначилось отверстие пещеры. Мун сдвинул бинокль немного в сторону и чуть не выронил от изумления. Куколка! Что-то в ее облике казалось необычным. У нее была другая прическа, но все-таки это была она. Мун с трудом подавил порыв вскочить на ноги. Нет, пусть сначала войдет в пещеру. Тем временем он незаметно подкрадется и отрежет путь к отступлению.

Но из задуманного плана ничего не получилось. Из-за скал вынырнул вертолет. Свет прожектора залил плато. Куколка вскрикнула и бросилась бежать. Вертолет исчез в том же направлении, что она. Мун выстрелил несколько раз в воздух и уже потом сообразил, что обусловленный сигнал явно запоздал. Он бросился наперерез, но уже после первой минуты понял, что погоня бессмысленна. Шансы свалиться в пропасть или свернуть себе во тьме шею куда реальнее. Ежеминутно спотыкаясь и чертыхаясь, Мун с трудом выбрался на дорогу и увидел прямо перед собой освещенные окна.

За поворотом высился замок, уже издали напоминавший современную электрическую сказку. После темноты Муну показалось, что он никогда не видел ничего подобного, кроме разве залитого рекламными зарницами Бродвея или праздничной иллюминации в честь Дня независимости. Гигантские столбы, в которых кружили мириады серебряных искр, создавали впечатление белых колонн, подпирающих огромные своды Черной пещеры. Один из столбов задрожал, судорожно заметался и, выбросив последнюю вспышку, погас. Видимо, перегорел кабель установленного в парке армейского прожектора. Остальные продолжали бить в небо ослепительными снопами.

Муну почему-то вспомнилась полюбившаяся с дет-

ства сказка о капризном джинне, выстроившем за одну ночь сказочный дворец. Потом он из-за какого-то пустяка рассердился на счастливого обладателя волшебной бутылки и за одну секунду дворца не стало.

Генерал Дэблдей в роли джинна был настоящим виртуозом. Поместье освещали праздничные разноцветные лампы, так и приглашая пуститься в пляс. Недоставало только оркестра. Там, где маркиз нашел осколки, огромный сияющий провал скрывала идеально круглая ограда, сплошь оклеенная портретами Франко и плакатами «27 лет мира». А на заднем плане замок, словно желая за одну ночь вознаградить себя за долгие годы нищеты и темноты, извергал из каждого окна целые фонтаны света.

На цепном мосту, где под толстой ковровой дорожкой еле угадывались дыры, Мун остановился, чтобы воздать должное этой блестящей репетиции завтрашнего торжественного банкета. Уж от чего, а от возможности сломать ноги высокие гости были гарантированы.

Дон Бенитес тоже репетировал — предстоящую завтра роль мажордома замка. Одетый в фракную пару с чужого плеча, он в дверях зала с достоинством остановил Муна:

— Ваше место шестьдесят семь, сеньор Мун. Между его превосходительством американским послом и главным политическим комментатором мадридского радио... Ну как, пришли за выкупом?

— Я предпочел бы комментатора «Пиренеи», — усмехнулся Мун. — А в данную минуту какое-нибудь средство сообщения, чтобы добраться поскорее до отеля... С засадой ничего не получилось, — соврал он.

— Жаль! Сейчас должен прибыть последний грузовик с мебелью, отобранной самим генералом, — своим обычным, уже не мажордомским тоном сказал дон Бенитес. — На нем и поедете, сеньор Мун. А пока поговорите с маркизом. Что-то он мне совсем не нравится. По-моему, очень болен.

В зале не горело электричество, но разрезанная на части ослепительными лезвиями прожекторов темнота и внутри помещения больше смахивала на театральную условность. Световые блики падали на фривольные пасторальные сцены привезенных из Малагского

художественного музея гобеленов. Они были развешаны между колоннами, чтобы оградить отведенный для высоких гостей роскошно обставленный центр зала от убогой пустоты боковых галерей. Маркиз одиноко сидел за огромным столом. Он выглядел как усталый циркач, с тоской думающий перед представлением, каким фокусом получше развлечь публику.

— Ах, это вы, сеньор Мун? Надеюсь, жених моей дочери останется доволен, — объявил он со своей обычной полушутливой интонацией. Только прозвучала она сейчас как-то натянуто, словно огромная усталость мешала играть маркизу привычную роль. — Что касается вашего гостя, то он еще не прибыл, — добавил он после долгой паузы. — Не беспокойтесь, к приему все готово. Завтрашний торжественный спектакль как нельзя более кстати, никому и в голову не придет искать его у меня... Так что не забудьте явиться завтра на банкет, сеньор Мун! Если только он состоится, — маркиз церемонным жестом отпустил Муна. — А я, с вашего разрешения, прилягу. Что-то отвратительно себя чувствую. Не беспокойтесь, вашего гостя встретит дон Бенитес. Для этого, собственно говоря, я и пригласил его сегодня.

Когда Мун вышел из замка, присланный генералом грузовик как раз затормозил у подъемного моста. Еле дождавшись, пока солдаты выгрузят его содержимое, Мун доехал на нем до самой гостиницы.

— Эвелин Роджер уже вернулась? — торопливо спросил он, отдавая жене дона Бенитеса пальто и фуражку мужа.

— Вернулась? Нет! — она бросила взгляд на доску с ключами и поправилась: — Сеньора Роджер, по-моему, дома. Во всяком случае, с тех пор как я здесь, она никуда не выходила.

Забыв про усталость, Мун взбежал по лестнице. Он так спешил, что чуть не опрокинул урну с мусором, оставленным уехавшими постояльцами. Консервные банки с лязгом покатались по голому мраморному полу. Ковровую дорожку увезли в замок — по ширине она как раз подходила для подъемного моста.

Из комнаты Куколки доносились возбужденные голоса. Даже не потрудившись постучать, Мун рванул дверь и изумленно остановился на пороге. Номер

был уставлен чемоданами. Куколка стояла у стенного шкафа и яростно швыряла в один из них свои вещи. Она была в таком раже, что даже не заметила Муна. Но генерал Дэблдей, Рамирос и падре Антонио недоуменно уставились на него.

— Прежде чем войти к даме, надо постучаться! — Рамирос сказал это с плохо скрываемой неприязнью. — И вообще, вам тут делать нечего!

— Умерьте свой мексиканский темперамент, — проворчал генерал. — Может быть, мистеру Муну удастся укротить нашу взбесившуюся примадонну? — Он повернулся к Муну: — Она собирается уезжать! Вы понимаете, какой это будет скандал? На ней держится весь завтрашний праздник! Эвелин Роджер — это знамя, а когда знамя спущено, никто не верит в победу.

— К черту! — Куколка на минуту прервала свое занятие. — Вы меня обманули! Я не намереваюсь из-за вашей политики стать уродом!

— Образумьтесь! — падре Антонио, словно благословляя, поднял обе руки. — Вы ведь любите Рамироса... Генерал уже позаботился о его карьере. Если вы останетесь завтра на праздник, это никак не повлияет на вашу поездку в Рим. Самолет отходит только вечером.

Вместо ответа Куколка швырнула в него золотую сандалию, которую собиралась уложить в чемодан, но, промахнувшись, попала в Рамироса.

— Вот видите! — простонал тот. — Это продолжается уже два часа. Она совсем сошла с ума! Я ухожу, делайте с ней что хотите!

— Будьте мужчиной, — падре Антонио перехватил Рамироса у дверей. — Бог не допустит, чтобы она уехала.

— Идите к черту со своим богом и заодно с папой римским! Вы мне все противны! Если бог существует, он не допустил бы такой пакости, как водородная бомба.

— Эвелин, будьте благоразумны! Послезавтра приезжает съемочная группа. Вашим партнером будет Рамирос, вы ведь всегда мечтали об этом. В основу сценария положена воздушная катастрофа. Вот телеграмма режиссера! Вы будете играть себя — знамени-

тую Эвелин Роджер! Подумайте, какая это реклама! — генерал помахал депешей, как козырным тузом.

— Неужели? — с иронией спросила Куколка. — А кого будет играть Рамирос?

— Он будет сниматься в роли американского летчика, спасшегося на парашюте. Вы находите его раненого, ухаживаете за ним, он в вас влюбляется...

— А потом папа римский обручает нас? — Куколка с истерическим смехом схватила телеграмму и разорвала на клочки. — Пусть Рамирос снимается с кем угодно, только не со мной! Пусть снимается в этом проклятом Панотаросе, если хочет стать лысым! — Куколка захлопнула чемодан. — А я не хочу! — Она принялась за содержимое выдвинутых ящиков. Перевязанные ленточками письма поклонников веером полетели в раскрытый саквояж. — Каждый идиот знает, что от радиоактивности в первую очередь выпадают волосы. Может быть, прикажете парик носить? — ее крик все больше переходил в истерику. — Хватит с меня того, что у меня нет ни одного настоящего зуба! Разве это я улыбаюсь с экрана миллионам? Это улыбается искусство дантиста!

— Сеньора Роджер, не богохульствуйте, — вмешался падре Антонио. — Господь одарил вас такими великолепными волосами!

— Вам они нравятся? — Куколка хрипло расмеялась. — Можете взять себе на память! — Она сделала молниеносное движение, от головы отделилась густая копна волос и упала священнику под ноги. Мужчины ошеломленно глядели на то, что осталось. Куколка, похожая на взъерошенного подростка, плакала. — Я уезжаю! Уезжаю! Оставайтесь, если хотите. Сбрасывайте свои бомбы, снимайте свой надувательский фильм! Мне наплевать на вас! Я хочу жить! Жить!

ГДЕ ДНЕВНИК РОЛА ШРИВЕРА?

Мун вышел в коридор. Необычная тишина подобно стоячей воде затопила покинутую гостиницу. Лишь за несколькими дверями слышался дробный стук пишущих машинок. Ни шагов, ни смеха, ни плеска воды, ни голосов, ни храпа. Радио сделало свое дело. Можно было не верить Свену Крагеру, но когда сигнал тревоги был подхвачен другими, дрогнули даже самые толстокожие. На этом фоне завтрашнее представление было крайне необходимо, чтобы приглушить возмущенный голос мирового общественного мнения. Мун удивлялся, как он еще способен думать о таких вещах, когда последние три часа задали столько загадок. Пора бы майору Мэлбричу явиться к генералу с докладом. Интересно, что он расскажет.

Мун отпер дверь и, погруженный в мысли, снова запер, поймав себя на том, что сунул ключ вместо замка в карман. Потом направился к красному креслу и, дойдя до места, где оно всегда стояло, вспомнил, что его перевезли в замок. Он на ощупь нашел голубое и, погрузившись в мягкий поролон, ушел в свои мысли, как ныряльщик уходит под воду.

Он только что покинул Куколку, по-человечески потрясенный последним актом ее гастролей в Панота-

росе. Кончилось еще одно ее похождение, сделавшее ее любимой героиней бульварной прессы. Что оставалось от ее волшебного сияния голливудской звезды после того, как ее великолепные зубы оказывались искусной подделкой, а под пышной копной волос обнаруживался коротко стриженный, беспомощный детский ежик? Заслуживающий сочувствия непутевый человек, еще одна жертва безжалостной голливудской душесдробилки. Мун невольно отдал должное Дейли, которому кажущееся внешнее легкомыслие не воспрепятствовало разглядеть в Куколке глубоко несчастную, в сущности, женщину.

Но, по мере того как остывал эмоциональный накал сопережитой только что тягостной сцены, в Муне брал верх детектив. Если предположить, что у пещеры он действительно видел Куколку, как это один и тот же человек способен хладнокровно приходить за заработанными преступлением деньгами, а сорок минут спустя заливаться слезами? По словам Рамироса, не опровергнутым ни генералом, ни священником, скандал длился уже свыше двух часов. Жена дона Бенитеса даже уверяла, что с тех пор, как она заменила на дежурстве мужа, Куколка вообще не выходила из своего номера. Чисто теоретически возможно допустить, что их утверждения не соответствуют истине. Но каким образом Куколке вообще удалось добраться до отеля раньше Муна? Проехать на машине до места, где он сидел в засаде, просто невозможно. К тому же он услышал бы шум мотора даже и в том случае, если автомобиль дожидался бы Куколку на дороге за замком. Единственной реальной возможностью быстро перебросить человека в Панотарос был вертолет... Хм... Вертолет, на котором находился майор Мэлбрич, погнался за Куколкой. Что было дальше, никому не известно. Но «вертолетная гипотеза», за которую с удовольствием ухватился бы автор, работающий на издательство «Ящик Пандоры», Мун тоже не устраивала. Он просто не мог себе представить человека, способного так хладнокровно являться за заработанными мерзким преступлением деньгами, а спустя короткое время предаваться отчаянью, в искренности которого Мун ничуть не сомневался.

А если это не была Куколка, то кто же? Призрак? Двойник? В противоестественные явления Мун не верил. На скорую руку вызванная из Голливуда дублерша? Несерьезно, как в дешевом фильме. Его раздумья прервал тихий стук в дверь.

— Кто там?

— Это я, Дэблдей.

— Милости прошу. Угостить вас, к сожалению, ничем не могу. Ни великолепным «Манхэттенским проектом», ни рюмкой оригинального коктейля из химически отравленных осколков и секретных устройств, на дне которого вместо маслин плавают радиоактивные частицы. — Вспомнив, как генерал водил его за нос, Мун невольно дал волю своей желчи.

— Вы напрасно обиделись на меня, мистер Мун. Но сначала о деле. Майору Мэлбричу не удалось поймать эту женщину. С вертолета было трудно проследить за ней — мешали деревья и кусты. Майор приземлился, но она уже успела скрыться.

— Майор не сказал вам, что узнал ее?

— Откуда он мог узнать, если никогда раньше ее не видел? — удивился генерал. — Он говорит, что она была блондинкой, остальных подробностей с воздуха не удалось разглядеть.

— Печально, — пробормотал Мун.

— И это говорите вы! Я еще сейчас не могу прийти в себя от изумления. Кто, кроме вас, предвидел бы, что за выкупом явятся?

— Что же мне, по-вашему, прыгать от радости до потолка? Единственно конкретная нить в деле Шриверов и та оборвалась! Почему майор Мэлбрич не дождался моего сигнала?

— Слишком волновался.

— Хорошо, что он от волнения еще не уронил мне на голову атомную бомбу.

— Судя по вашему ехидному намеку, вы никак не можете мне простить. Но попытайтесь представить себя в моей шкуре! Меня прислали сюда, чтобы предотвратить огласку. А на моем пути, как назло, попадается единственный человек, который проникает сквозь тайны, как нож сквозь масло. Поскольку только дело Шриверов мешало вам разглядеть истину, мне пришлось прибегнуть к обманному маневру, чтобы

подогреть ваш интерес. Сейчас, когда расколовшаяся водородная бомба стала пройденным этапом, я могу со спокойной совестью исповедоваться.

— Не стоит, генерал. Ваша исповедь запоздала. Впрочем, я даже не питаю к вам неприязни из-за этого обмана.

Действительно, генерал Дэблдей вызывал в Муне даже некоторое восхищение — почти такое же, как в детские годы тот удивительный фокусник, что на виду у всех распиливал женщину, а потом с такой же легкостью воскрешал. Даже в том, что генерал пришел как будто с повинной, проявлялась недюжинная ловкость ума. Мастерски разыгранная подкупающая чистосердечность — вот блистательно отточенное оружие, которое генерал довольно рискованно, но почти всегда с успехом пускал в ход. Муну вспомнилась пресс-конференция. Вместо того чтобы отрицать атомную тревогу, чуть не приведшую к всемирной катастрофе, генерал Дэблдей сыграл в откровенность и этим добился результата, который в данную минуту был куда важнее, — заставил журналистов поверить всему, что говорилось о радиоактивной опасности в Панзтаросе.

— Ваши ложные ходы сильно осложнили предложенную вами шахматную партию, — продолжал Мун. — Мне, как профессионалу, это даже приятно. Особенно я вам благодарен за подозрительную таверну «У семи разбойников», в которой якобы видели Гвендолин Шривер. — Мун чуть не прикусил язык, злясь на себя за невольно вырвавшуюся фразу.

— Я еще и сейчас убежден, что это была неплохая выдумка, — генерал рассмеялся. — То, что вы раскусили ее, делает честь и вам... и мне.

— При чем тут вы?

— Потерпеть поражение от более умного противника — тоже честь. А теперь, когда шахматная партия окончена, разрешите заверить вас, что в моем лице вы имеете не только ценителя, но и друга.

— Если вы оцениваете как дружескую услугу средство передвижения, предоставленное в мое распоряжение как неизбежный придаток к сержанту Милсу, то покорно благодарю.

— О нет! Тем более что он, один из лучших людей нашей секретной службы, на этот раз не оправдал надежд. Но мы, пусть с запозданием, все же узнали, из какого источника Минерва Зингер почерпнула свое ясновидение насчет Панотароса.

— Допустим, я в этом виноват. — Мун пожал плечами.

— Я говорю не о вас, а о ложном ходе, которым вы, в свою очередь, осложнили задачу, — генерал сделал многозначительную паузу. — Арестовать или хотя бы выслать из Испании за проживание под фальшивым именем и с чужим паспортом было бы проще простого, а я вместо этого предоставляю мистери Дейли наслаждаться своим инкогнито. Разве это не доказательство моей дружбы?

— Поскольку вы, вероятно, успели выяснить, по чьему предложению он это делает, пришлите счет за дружескую услугу мистеру Шриверу!

— Не будьте так желчны, мистер Мун. Я ведь действительно готов оказать вам любую помощь, — сверкающие стекла генеральского пенсне так и излучали доброжелательность.

— Боюсь, что после провала завтрашнего праздника вам самому потребуется помощь, причем скорая помощь! — Мун пытался прикрыть иронией неприятное чувство частичного поражения. То, что генерал Дэблдей, в свою очередь, свел на нет его козырный туз, лишало Муна свободы маневрирования.

— Вы, к сожалению, не так далеки от истины. Если Куколка уедет, придется вызвать не «Скорую помощь», а траурный катафалк, — генерал усмехнулся. — У нас газетчикам верят куда меньше, чем гадалкам, а политикам и подавно. Без блистательного бюста Эвелин Роджер завтрашнее купанье превратится в холодный душ. Честно говоря, я пришел к вам именно из-за нее. Убедите ее остаться. Если она кого-нибудь послушает, то только вас.

— Нет.

— Я понимаю, мистер Мун, вам не нравятся наши методы. Но можно не одобрять термоядерное оружие и все же быть хоть немного патриотом. На карту поставлен международный престиж Америки! Неужели эти слова для вас ничего не значат?

— Генерал, простите, но я устал...

— Ну что ж, вы принуждаете вспомнить меня мою бывшую профессию. Заключим торговую сделку. Если Куколка уедет, вместе с ней придется уехать и ее поклоннику Хью Брауну.

— Если вы настаиваете, то я вынужден вспомнить свою теперешнюю профессию. У меня есть честный способ задержать Куколку в Панотаросе.

— Какой?

— Арестовать ее по обвинению в похищении Гвендолин Шривер. Я могу показать под присягой, что за выкупом приходила она. Это вас устраивает?

— Чушь! — генерал Дэблдей резко встал. Ничем иным он не прореагировал на по-своему сенсационное сообщение Муна. — Обойдусь и без вас! У меня еще осталось одно средство...

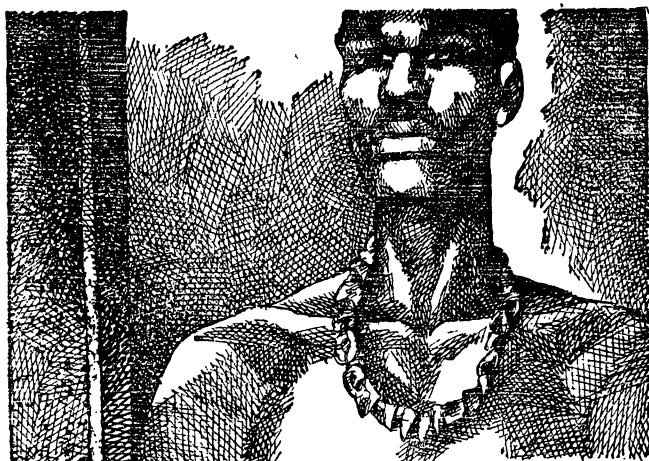
— Если это средство для выращивания волос, то снабдите им заодно жителей Панотароса. Когда они облысеют из-за вашей атомной стратегии, то им в отличие от Куколки даже не на что покупать парик, — мрачно пошутил Мун, заканчивая полуночную беседу.

Спать Муну не хотелось. Надо было многое обдумать, в особенности новую ситуацию, возникшую в связи с демаскировкой Дейли и угрозой генерала выслать его. Но мысли Муна против его желания упрямо возвращались к одному обстоятельству, уже давно глодавшему его изнутри. Поддавшись первому инстинктивному порыву, он, несмотря на явную бессмысленность своей затеи, устроил ловушку, которая почти захлопнулась. Не таким уж идиотом он оказался со своей засадой у пещеры. Но логика восставала против неоспоримого факта. Как-то не верилось, что Краунен, имевший в Панотаросе столько сообщников, не узнал о смерти Шриверов. Куда вероятнее предположить, что он, не рассчитывая больше получить выкуп от миссис Шривер, обратился непосредственно к Джошуа Шриверу — послал письмо или позвонил. Эта мысль пришла Муну уже в Малаге. Еще не выезжая к эксперту-графологу, он депешей-молнией послал Шриверу соответствующий запрос. Странно, что Шривер все еще не ответил — времени как будто

прошло порядочно. Может быть, опять находится в шоковом состоянии?

От Шривера лихорадочно работавшие мысли снова вернулись к Куколке. Все, казалось, было предельно ясно, не оставляя лазейки для сомнений. Но невозможно требовать трезвую рассудочность от свидетеля, который видит одного и того же человека одновременно пожирающим бифштекс и парящим подобно бесплотному ангелу в воздухе. Мун все опять и опять был вынужден твердить себе: не могла Куколка прийти за выкупом! Не могла! Ведь она-то давно знала, что миссис Шривер мертва. А что-то внутри Муна также настойчиво цептало: а кто же в таком случае принял ее обличье? Для чего? Может быть, это мираж, такая же ловушка, как телеграмма о кремации и донесение Роберто Лимы о мадридской встрече с Гвендолин?

Подсознательно Мун все время прислушивался к звукам в соседней комнате. Ничего не слышно. Должно быть, Куколка уже уехала. Имел ли он право выпускать ее из Панотароса? Все, что было загадочного, необъяснимого в деле Шриверов, словно в фокусе сконцентрировалось вокруг Куколки. Принимать в таких обстоятельствах правильное решение чрезвычайно трудно. И все же Мун не жалел о своем бездействии. Пусть уезжает!

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ № 000111

— Доброе утро, сеньор! — поклевывавший носом дон Бенитес, услышав шаги, немедленно открыл покрасневшие от бессонницы глаза. — Какая прекрасная погода, словно по заказу! Я уже боялся, что дождь испортит министрам настроение. Какая честь для меня принимать их вечером в замке! Маркиз уверен, что я блестяще справлюсь с временной должностью мажордома, — дон Бенитес, деликатно прикрыв рот ладонью, зевнул, потом продолжал с энтузиазмом: — Журналистов сколько прибыло, полгостиницы заняли. Сеньор Девилье будет доволен. Сейчас они на площади, ждут приезда высоких гостей. Сеньор Мун, у меня к вам почтительная просьба — ради бога, никому не рассказывайте...

— Что вы слушали «Пиренею»? — Мун с улыбкой указал на запрятанный под стойкой старенький приемник.

— Что вы! — дон Бенитес перекрестился. — Это я приготовился слушать Мадрид, в три часа будут передавать таблицу выигрышей. Я насчет своей жены Изабеллы. Не говорите никому, что она спала на дежурстве. Для людей нашей профессии это непростительный грех. Весь город может лежать в развалинах, а портье

должен быть на посту... Изабелла не привыкла к крепким напиткам. Узнав, что сеньора Роджер уезжает, она поднялась наверх, чтобы наклеить ярлыки, ну ей и предложили выпить за отъезд.

— Какие еще ярлыки?

— На чемоданы. Это самая лучшая реклама! Прочтет кто-нибудь надпись «Панотарос, отель «Голливуд» и тоже захочет приехать. Лазурное море, пальмы, самый здоровый климат... А не захочет, так по крайней мере вспомнит, что произошло в Панотаросе. В наше время люди стали слишком забывчивы.

— Так это Эвелин Роджер угощала вашу жену?

— Нет, сам генерал Дэблдей! Очень любезно с его стороны, не правда ли? — двусмысленно улыбнулся дон Бенитес.

— Слишком! — пробурчал Мун.

— Между прочим, генерал Дэблдей с самого утра торчит у сеньоры Роджер, — портье продолжал делиться новостями. — Может быть, влюбился?

— Разве Куколка не уехала? — Мун почувствовал лихорадочное возбуждение.

— Передумала, ну и слава богу! Такая приманка для туристов, без нее мы бы совсем пропали.

— Так, так... Осталась... — Мун задумался. — Кто-нибудь приходил к ней, кроме генерала?

— Хью Браун, но она его не пустила, журналистов тоже не приняла. Все утро не выходила из комнаты, только на минутку спустилась, чтобы оставить мне для проверки билет.

— Лотерейный билет?! Где он?

Портье порылся в потрепанном бумажнике. Под новенькими, хрустящими билетами лежала сложенная вчетверо измятая бумажка. Мун развернул ее и так и замер. Это был билет, купленный Куколкой в Пуэнте Алчерезилло у старого продавца в тот самый день, когда Краунен отправил миссис Шривер письмо с требованием выкупа. Билет со счастливым номером 000111!

Мун побежал наверх. Первым его побуждением было ворваться — если надо, хотя бы силой — к Куколке. Здравомыслием, он отказался от этого намерения. Ссориться с генералом Дэблдеем не входило в его

интересы — едва ли стоило давать генералу лишний повод для высылки Дейли.

Приоткрыв дверь своей комнаты, Мун подтащил массивное голубое кресло. Какие надежды он возлагал на этот пост тайного соглядатая, ему самому было не совсем ясно. Но кое-что ему все же удалось подсмотреть. Спустя десять минут по коридору прошел падре Антонио. Выглядел он чрезвычайно довольным — то, что Куколка не уехала, означало для него большую победу. За ним шествовал его огромный слуга — негр с таким же огромным букетом белоснежных роз.

Мун задумался. Какую роль во всей этой истории играет этот вездесущий иезуит? Кто на самом деле стоит за его спиной? Быть может, хитрый брат ордена «Дело господне» является...

Мысль Муна осталась незаконченной. Только сейчас он осознал, что священник вот уже порядочное время стучится в дверь Куколки.

— Впустите! Это я, падре Антонио! Я принес вам билеты! — в его голосе слышалась явная нотка библейского гнева.

Несколько секунд его просьбы оставались гласом вопиющего в пустыне. Наконец дверь приоткрылась, в щель просунулась обнаженная женская рука, но лишь для того, чтобы взять билеты и розы. Тотчас она исчезла, следом за ней захлопнулась дверь. Что Куколка сказала при этом священнику, Мун, естественно, не слышал. Но, судя по злому жесту, с которым падре Антонио отослал своего слугу, ничего хорошего. Потом священник постучался к Рамиросу, но тут случилось нечто совсем непредвиденное — будущий муж Куколки его вообще не впустил. С минуту священник, словно погруженный в невеселое раздумье, топтался на месте, потом резко повернулся и зашагал в сторону, где находилась комната Муна. Догадавшись, что падре Антонио направляется нанести ему визит, Мун инстинктивно прикрыл свою дверь. С минуты на минуту он ждал Дейли и Педро, а разговор со священником, судя по всему, мог затянуться. Не дождавшись ответа на свой сердитый стук, падре Антонио удалился с отнюдь не приличествующим духовному пастырю громким испанским проклятием.

Вскоре после этого пришел Дейли.

— Все в порядке, шеф, — объявил он. — Пусть генерал Дэблдей и полковник Бароха-и-Пинос встречают высоких гостей, а мы заполучили другого, куда более ценного гостя!

— Значит, я правильно угадал! — от волнения Мун побледнел. — Такая удача! Мне даже не верилось! Что он знает о смерти Шриверов?

— Он уверен, что испорченные колбасные консервы не имели к ней никакого отношения, остальное он скажет вам сам.

— Он уже в замке? — спросил Мун.

— Не знаю. Недалеко от Пуэнте Алчерезилло мы расстались. Педро специально дожидался утра. Говорит, что пробираться по той горной тропинке в темноте не рискует — можно запросто свалиться в пропасть.

— А где Билль Ритчи? Хотя я и не напишу для него детективную мелодраму, о которой он просил, но по крайней мере постараюсь, чтобы Джошуа Шривер уделил ему часть обещанного нам гонорара, — весело сказал Мун, уже совладав со своим волнением.

— Я отвез его к маркизу. У бедняги после всех переживаний был тяжелый сердечный приступ. В замке по крайней мере кто-нибудь за ним присмотрит.

— Да, — вспомнил Мун. — Генерал Дэблдей знает, кто вы такой. Грозился выслать вас.

— Слава богу, мне уже опостылела моя роль напшигованного влюбленностью и деньгами болвана, — Дейли с облегчением вздохнул. — Что касается высылки, то ничего не выйдет. Я встретил в Малаге старого знакомого. Помните майора Асуньо?

— Как же! Он приезжал к нам, когда я еще был инспектором полиции, — отозвался Мун.

— Он теперь в чине полковника, прибыл из главного управления полиции в связи с арестом американских военных моряков в Роте. Он не антифашист, но явно недолгоблывает американских союзников генерала Франко, как, впрочем, большинство испанцев. К счастью, на нас обоих его антипатия не распространяется. Асуньо обещал нам полную поддержку.

— Прекрасно! — Мун закурил сигару. У нее был отличный вкус. — Вы говорили с ним насчет полковника Бароха-и-Пиноса?

— Говорил. У него независимо от меня возникли

насчет полковника подозрения. Дело в том, что один из арестованных моряков дал весьма пространные показания. Он упоминал какого-то высокого чина малагской полиции, работавшего на Рода Гаэтано. Имени он не знает, только слышал о нем от Краунена. Джон Краунен, как мы и думали, был главным действующим лицом.

— Моряк упоминал в своем показании Розиту, Рамироса и Куколку? — осведомился Мун.

— Ни словом. Или они были сильно законспирированы, или вы ошибаетесь на их счет.

— Странно! — Мун покачал головой. — Куколка вообще представляет собой настолько бессмысленную головоломку, что временами мне кажется, будто у меня галлюцинации, — и Мун подробно рассказал о последних событиях.

— Чем не фильм Хичкока? — Дейли хлопнул себя по коленям. — Вы меня просто поразили насмерть, шеф! Засада, погоня за таинственной блондинкой, в которой, кроме знаменитого детектива, принимает участие вертолет!

— Перестаньте, Дейли, — отмахнулся Мун. — Без шуток, что вы об этом думаете?

— У Куколки есть сестра-близнец. Как вам нравится эта идея, шеф?

— Вчера я подумал было о вызванной из Голливуда дублерше, но это такая же чушь, как ваш близнец.

— Возможно, что чушь. Но у меня ощущение, будто Куколку за ночь подменили. Кем же?

— Подменили? — ошалело промычал Мун.

— Сначала выслушайте меня. Времени я не терял даром. Когда дон Бенитес мне рассказал, что Куколка уже сидела на упакованных чемоданах, а потом ни с того ни с сего изменила свое решение, я отправился к ней, как говорится, «выяснить интимные отношения». Она меня не приняла.

— Знаю! Так вам и надо, нечего воображать себя непревзойденным мужчиной, — рассмеялся Мун.

— Сами только что сказали — не до шуток, — рассердился Дейли. — Вы ни за что не догадаетесь, под каким предлогом она отказалась меня впустить. Мол, одевается! Наши киноактрисы обычно ничуть не стесняются одеваться, вернее, раздеваться, при многочислен-

ной публике. А на Куколку внезапная стыдливость уже совершенно непохожа. Голос мне тоже показался чужим, словно она за ночь помолодела.

— Вы слышали его только через дверь, так что это не доказательство.

— А лотерейный билет? Не думайте, что я, оставаясь наедине с Куколкой, только и делал, что обмелял ее бюст. Пока она вчера ходила в автоматный зал за выпивкой, я проверил содержимое всех выдвижных ящичков. Билета не было и в помине.

— Значит, по-вашему, существуют две Куколки? Настоящую за ночь убили, а утром заменили второй? Блестящая идея для детективного сценария, в котором мечтает сниматься Ритчи.

— Что ж, генерал Дэблдей ради государственной пользы способен и на такое, — усмехнулся Дейли и после эффектной паузы выпалил: — Во всяком случае, Куколка ночью уезжала.

— Что вы говорите, уехала? — Мун вспомнил бокал вина, любезно предложенный генералом жене дона Бенитеса, вспомнил, что даже его более чем громкий ночной телефонный разговор со Шривером не прервал ее мирного храпа. Похоже, к генеральскому вину было подмешано снотворное.

— Вот именно! — подтвердил Дейли. — Мне пришла в голову гениальная идея осмотреть ее белую «мазератти». Тем более что с сегодняшнего дня я в качестве владельца взятого напрокат «агуара» тоже вхож в гараж отеля... Судя по внешнему виду, ее машиной не пользовались. Никаких следов грязи и дорожной пыли. Другой бы на этом успокоился. Но я все же залез под нее, памятуя великую истину, что фасад всегда тщательно скребут, а задворки частенько забывают.

— Что же нашли на задворках?

— Прилипшую к диферу красную глину! — торжествуя, объявил Дейли. — Причем совсем свежую!

— Ясно, — Мун присвистнул. — Вчера ночью был дождь, впервые за много дней. А глину такого цвета я видел только в одном месте...

— Но горном перевале! Вот именно! А через перевал ведет единственная дорога из Панотароса! Кстати, вы заметили, какой у автомобиля Куколки вместительный багажник? В нем спокойно уместился бы труп.

— Так, так... — Мун незаметно для себя пыхтел потухшей сигарой. — Может быть, Куколка уехала, а потом все же вернулась? — сказал он с сомнением. — Генерал говорил вчера ночью о каком-то последнем средстве задержать ее до встречи с правительственной делегацией.

— Вы действительно верите в это? — в упор спросил Дейли.

— Лишь пытаюсь как-то объяснить сплошную мистику. У меня иногда такое ощущение, будто Панотарос, и в частности эта гостиница, населены призраками. Призрак Эвелин Роджер приходит к пещере, она сама в это время пакует чемоданы, а потом срывает с себя призрачные длинные волосы. Призраки миссис Шривер и Рола едут с рыбаком Камило в Коста-Азуру, а они сами... Что они делали в первую половину рокового девятнадцатого марта? Вот где ключ к тайне их смерти! — Мун опять замолк, надолго. Откинувшись в кресле, он, казалось, дремал с полужакрытыми глазами и потухшей сигарой во рту. Спустя некоторое время он, словно нырнув в омут полурасшифрованных мыслей, вытащил оттуда не слишком связную фразу: — Надо узнать, в какой тюрьме находится парикмахер из Пуэнте Алчерезилло.

Пояснить ее он не успел: глухой звук, напоминающий ритм барабанов, сотрясал дверь. Высунувшись в коридор, Мун невольно отпрянул. На него надвинулось что-то огромное, черное. Перед ним стоял негр падре Антонио, синевато-черный на фоне белых мраморных стен. Негр молча протянул ему конверт и, не дожидаясь ответа, удалился бесшумной походкой идущего по следу охотника.

Мун повертел конверт в руках. Любопытно, что пишет падре Антонио? «Жду вас. Надо обменяться информацией. Это в ваших интересах!» В скупом тексте чувствовалась затаенная угроза. «Придется пойти», — решил про себя Мун.

Он уже собрался было запереть дверь, но вместо этого только прикрыл ее. По коридору бежал майор Мэлбрич.

— Генерал, скорее! — крикнул он, добежав до комнаты Куколки. — Только что звонили! Они уже переехали перевал.

Генерал Дэблдей тотчас вырос на пороге. Он был в парадном мундире, при всех регалиях и выглядел весьма внушительно. Однако Куколка, которую он, словно боясь потерять, крепко держал под руку, совершенно затмевала его. Не только ее знаменитые золотые сандалии, но и короткая туника в восточном стиле из ослепительной синтетики, тюрбан на высокой, схожей с башней, замысловатой прическе, сами волосы — всё извергало сплошное золотое сияние. Не отпуская ее прижатой к своей груди обнаженной руки, генерал постучался в комнату Рамироса. И оттуда вышла Розита Байрд! Вчетвером они торопливым шагом направились к лестнице.

Розита, не таясь, проводит время у Рамироса! Он сам остается дома, предоставляя генералу Дэблдею заменить его в роли неизменного кавалера Куколки! Тут было от чего разинуть рот. Удивленный донельзя, Мун даже не успел разглядеть как следует Куколку. Только заметил, что и на глаза, и на щеки, и на губы потрачено рекордное — даже для голливудского стандарта — количество всевозможной косметики.

— Вы видели ее новую прическу? — зашептал за его спиной Дейли.

— Ну и что? — слабо отреагировал еще не пришедший в себя Мун. — Весьма эффектная!

— Но чрезвычайно невыгодная для женщины, которая и так высоковата. Я изучал все снимки Куколки. Никогда она не носила такой прически. Кстати, башня с тюрбаном весьма подходящее средство сделать незаметной небольшую разницу в росте... Пойду погляжу на нее вблизи!

Как только Дейли ушел, с площади донеслись первые оглушительные такты приветственного марша. Играл большой сводный оркестр, резонанс был до того мощный, что звенели стекла. Ликующие звуки в результате несостоявшегося водородного взрыва — жизнь положительно обожает парадоксы! Мун пожал плечами и вышел на балкон. Музыка стала еще громче, где-то вдалеке послышался рокот приближающихся машин.

Со стороны пансиона «Прадо» подъехали четыре битком набитых автобуса и остановились, прикрытые зданием гостиницы от нескромных взглядов. Когда из

первого выпорхнула целая стая жгучих брюнеток с алыми розами в волосах, Мун подумал, что это обительницы пансиона. Но второй автобус уже тоже высаживал свой груз — такую же великолепную партию одетых под тореадоров молодых брюнетов. А когда наконец из третьего одна за другой степенно вышли пожилые крестьянки в национальном одеянии, а из четвертого автобуса — такие же живописные крестьяне, до Муна дошло, что это и есть испанский народ, предусмотрительно доставленный в Панотарос генералом Дэблдеем, чтобы осыпать высоких гостей цветами и овациями.

Мун усмехнулся, подумав, насколько удачно Куколка вписывалась в эту полутеатральную, полумаскарадную постановку. Он запер дверь и спустился в пустой холл. В открытых дверях торчал дон Бенитес и глазел на триумфальную арку.

В самом центре помоста стояла Куколка. В великолепном нейлоновом платье и золотых туфлях она походила на юную принцессу, а стоявший рядом генерал Дэблдей на умудренного опытом гофмаршала. Пестрые флаги, испанские и американские, колыхались под будто размазанным в декоративно-синий цвет небом. Куколка то и дело недовольно поправляла свою высокую прическу, которую задевал сползший с древка штандарт с золотой эмблемой фашистской фаланги на пронзительно-черном фоне.

Генерал, отвечавший с любезной улыбкой на приветствия представителей местной власти, заметил это первым. Несколько офицеров из его окружения бросились к древку. Но полковник Бароха-и-Пинос успел их предупредить. Ловко вскарабкавшись на плечи дюжего гражданского гвардейца, он попытался поднять флаг повыше.

Почти в ту же минуту на другом конце площади появилась головная машина. В ней восседал низенький тучный господин. Его втянутая в плечи голова и утонувшая в мягкой обивке спина резко контрастировали с стройными фигурами эскортирующих солдат американской военной полиции.

Почти одновременно с ними несколько сот человек выбежали на площадь со стороны моря. Делали они это довольно охотно. И прекрасные танцовщицы, и мужест-

венные тореадоры, даже приглашенные на роль пейзажников пожилые исполнители были рады поразмять затекшие после утомительной поездки ноги. Площадь взорвалась хором ликующих голосов.

Первая машина поравнялась с триумфальной аркой. Любезно отстранив полковника, генерал Дэблдей шагнул по затканному золотом ковру и обменялся с министром информации и пропаганды крепким рукопожатием. Застрекотали моторы киносъемочных и телевизионных камер, их заглушило щелканье фотоаппаратов, слившееся в почти непрерывный звук.

Как только вспышки фотоблицев погасли, к триумфальной арке подкатила черная генеральская машина с длиннющей серебряной антенной на капоте, радиооператорами в наушниках на переднем сиденье и четырьмя автоматчиками на самом заднем. Министр быстро пересел в нее, на то же сиденье уселись генерал — с правой, Куколка — с левой стороны. Потом к машине подошел полковник Бароха под руку с супругой американского посла и сам посол с Розитой Байрд. Они уселись на единственное оставшееся свободным сиденье. Машину тотчас окружили мотоциклисты. Поблескивая на солнце черным блестящим лаком и прозрачным бронированным колпаком, она сделала почетный круг по площади и скрылась, волоча за собой длинный шлейф эскорта.

Из поля зрения исчез последний автомобиль. Мун уже надеялся, что представление кончилось, но внезапно булыжник содрогнулся от цокота. Это затребованный полковником эскадрон мобильных гвардейцев вынесся на площадь. Прозвучала отрывистая команда, эскадрон мгновенно врос в землю, над толпой взвился треск троекратного салюта, у Муна замельтешило в глазах. А эскадрон уже рванулся с места и, покачиваясь в седлах, поскакал вдогонку генеральской машине.

Поднятая всадниками пыль еще не успела улечься, когда красавицы, матадоры, пожилые крестьяне и крестьянки — одним словом, весь испанский народ — схлынули с площади. За гостиницей послышался рокот заведенных моторов, потом по песку зашуршали шины. Первый акт представления кончился.

ТРУП В ЧЕРТОВОМ УЩЕЛЬЕ

Мун вернулся к себе. Дейли все не приходил, заняться было решительно нечем, кроме опостылевшего сизифова труда — распутывания клубка, который с каждой вытащенной нитью запутывался все больше. Поспать, что ли? Мун подумал, что в таком случае лучше выкупаться. Если уж высокие гости решались на такое, то почему бы ему не рискнуть? Правда, если существует хоть малейший намек на радиоактивное заражение воды, им в отличие от него обеспечена тщательная врачебная проверка и профилактическое лечение.

Однако купание, собственно говоря, было только поводом для встречи с рыбаком Камило. Возможно, на этот раз он будет разговорчивее. Баркас дона Камило был на месте, но владелец отсутствовал. Купаться расхотелось — море выглядело не бог весть как гостеприимно. Сильный ветер раскачивал баркас, вдали в такт разбушевавшимся волнам поднимались и опускались американские военные суда, расцвеченные в честь приезда высоких гостей праздничными флажками.

Налетевший порывами ветер пронес мимо Муна страницу брошенной кем-то наспех газеты. Крупный

заголовок «Пентагон сообщает, что предварительные переговоры с испанским генеральным штабом о размещении новых баз и новых американских поставках испанской армии закончились к взаимному удовлетворению» остался бы так и непрочитанным, не догадайся Мун по первым словам об остальном. Следом пролетел обрывок какого-то письма. Притормозив его ногой, Мун разобрал: «Наслаждаемся отдыхом. В Панотаросе прекрасная погода». Письмо заставило его вспомнить о дневнике Рола Шривера, которому его отец придавал такое значение. В предъявленной начальником полиции описи таковой не значился. Изъят? Пропал? Надо расспросить Педро и горничную, убиравшую 19 марта комнату Шриверов.

Внезапно Мун, к своему вящему изумлению, увидел целую стаю катеров и шлюпок, отделившуюся словно по команде от всех без исключения военных кораблей. Почти одновременно из-за пансиона «Право», в раскрытых настежь окнах которого не было видно ни одного зазывающего лица, выехал длинный автомобильный кортеж. Как же так? Гости ведь собирались вкушать в старинном родовом замке Капельмаре легкий дипломатический завтрак — как бы репетицию намеченного на вечер торжественного банкета. А между тем в их распоряжении было немного времени, достаточного лишь, чтобы проехать до замка и вернуться. Предоставив гостям рассаживаться в посланные за ними катера, Мун почти бегом вернулся в отель.

— Что случилось? — спросил он дона Бенитеса, не сомневаясь, что этот наиболее осведомленный в Панотаросе человек и на этот раз сумеет ответить.

— Маркизу внезапно стало плохо. Его пришлось срочно перевезти в американский военный лагерь.

— В лагерь? Зачем? — не сразу понял Мун.

— Там ведь хорошо оборудованный медпункт с врачами и всем необходимым.

— Что с маркизом?

— Не знаю, мне он не говорил, — портье неопределенно пожал плечами.

— Профессор Старк у себя? — осведомился Мун, только теперь вспомнив, что после вчерашней беседы

не разговаривал с ним. Не до него было — с такой быстротой и тяжестью навалились события.

— Зачем вам профессор?

— Хочу его попросить сходить в медпункт, узнать, что это за странная болезнь у маркиза.

— Профессора Старка срочно вызвали в военный лагерь. А завтрак срочно перенесен на американский эсминец, — дон Бенитес грустно улыбнулся. — Вот видите, вы не ошиблись, я действительно все знаю. Но на сей раз это не моя заслуга — просто узнал от Педро. Он только что из замка.

— Педро? Где он? — это известие превысило всё, даже мысль о недуге маркиза и его возможной связи с вызовом профессора.

— Вот! — дон Бенитес указал на широкую декоративную пальму. Подобрал под себя ноги, почти полностью уйдя в огромное голубое кресло, мальчик сладко спал. Холл был пуст. Все журналисты до единого находились при гостях. Разбуженный Муном Педро с трудом открыл глаза.

— Привел? — Мун потрянул его за плечи.

— Да. Все в порядке, — промямлил Педро, все еще борясь со сном.

— Ты не видел дневника Рола? Не знаешь, где он может быть?

— Дневник? Ах да, такая толстая тетрадь в зеленом кожаном переплете. Рол еще записывал в нее новые испанские слова, которым я его обучал... Нет, не знаю, — почти машинально отвечал Педро, потом, неожиданно вскочив на ноги, окончательно проснулся: — Сеньор Мун, случилось несчастье! Сеньорита Гвендолин убита!

— Что? Ты не бредишь?

— Нет, нет! Та тропинка, про которую я вам рассказывал, ведет вдоль Чертова ущелья. Когда мы шли мимо... я увидел... внизу... красный «кадиллак»... совершенно исковерканный... падал с огромной высоты... но я его хорошо знаю... это машина сеньориты Гвендолин... другой такой я ни у кого не видел.

— Это еще не значит, что сама Гвендолин мертва, — Мун цеплялся за последнюю надежду.

— В машине был труп. Рассмотреть его сверху невозможно. Но это она. Я в этом уверен... Убили

и сбросили в пропасть вместе с «кадиллаком». Хью Браун тоже думает так. Я его встретил по дороге. Он пошел в замок за биноклем.

Следующий час был, пожалуй, самым тяжелым за все время пребывания Муна в Панотаросе. Педро объяснил, что спуститься в ущелье невозможно, разве только опытному скалолазу с альпинистским снаряжением при наличии второго такого же для страховки. Тогда Мун вспомнил американские вертолеты. При их помощи удастся не только обследовать машину, но и поднять. Однако связаться с генералом Дэблдеем или майором Мэлбричем, пока они находились на эсминце, невозможно. Да и не имеет смысла. Даже ради трупы дочери своего делового друга Шривера генерал не прервет дипломатический завтрак, где хорошее пищеварение укрепляло малость пошатнувшийся престиж Америки.

Чтобы как-то облегчить себе томительное ожидание, Мун отправился к падре Антонио. К тому же намек на какую-то важную информацию на основе взаимного обмена нельзя так легкомысленно игнорировать. Откладывать визит было бы тоже неблагоразумно. Мун чувствовал: при стремительном развитии, которое принимали события, какое-нибудь полученное слишком поздно известие, возможно, сильно затруднило бы путь к своевременной отгадке многочисленных тайн Панотароса.

Падре Антонио жил в маленьком спартанском домике, примостившемся на склоне горы. Сразу же за ним начинался виноградник. Голые лозы, цепко обвивая каждый выступ, упорно карабкались наверх. За домиком, поблескивая на солнце сплошным стеклом, находилась небольшая оранжерея. Как только Мун переступил через порог, его окутала волна одуряющего аромата роз.

— Входите, — коротко бросил падре Антонио, продолжая срезать большими садовыми ножницами чуть распутившиеся бутоны. Одет он был в полинялый комбинезон цвета хаки. Мун не мог отделаться от странного ощущения, что перед ним солдат, разрезающий проволочные заграждения и не имеющий со знакомым священником ничего общего, кроме голоса.

— Ну вот, сейчас я в вашем распоряжении, — падре Антонио шагнул к Муну с букетом роз в руке и, ловко удалив ножницами шипы, протянул их Муну.

— Это мне? — Мун озадаченно посмотрел на букет.

— Друзьям я всегда дарю розы без шипов, — падре Антонио улыбнулся. Мун, вконец растерявшись, протянул руку.

— Но эти не для вас, — и падре Антонио бросил цветы на скамейку. — Эти для моего лучшего друга генерала Дэблдея. Он их галантно преподнесет Эвелин Роджер, когда та выйдет после торжественного купанья из воды.

— Немного розового цвета сейчас ему не повредит. Фоторепортеры и особенно телевизионщики будут в восторге. Но вы быстро сменили курс! Еще вчера вы советовали мне опасаться его, — иронически заметил Мун.

— Разве вам не известно, что вчера всегда отличается от сегодня? Генерал Дэблдей удержал Эвелин Роджер от поспешного отъезда и этим в отличие от вас стал моим союзником. В состоянии сплошной истерии, в котором она находилась вчера, Эвелин Роджер, как вы сами слышали, о своей женитьбе с Рамиросом и переходе в святую католическую веру и слышать не хотела.

— А сегодня? По-моему, она приняла вас не очень милостиво.

— Если она осталась, значит, ничто еще не потеряно. Все зависит от вас.

— От меня? — немного удивился Мун.

— Вернее, от вашего Хью Брауна или как он там в действительности называется.

— Вы мне обещали кое-какую информацию, — напомнил Мун.

— Пока вы получите только задаток. Она касается смерти Шриверов. А остальное, когда раскроете мне свои планы насчет Куколки. А розы — пожалуйста, выбирайте любые. С шипами или без — зависит только от вас. — Падре Антонио стряхнул с комбинезона розовый лепесток.

— Что ж, ваш тонкий намек принят к сведению. Я всегда считал, что откровенный разговор, даже меж-

ду врагами, — самая лучшая тактика. — Мун уселся на скамейку.

— Значит, вы сами признаете, что мы враги? Самое страшное, что я даже не понимаю почему, — падре Антонио посмотрел Муну прямо в глаза, словно приставил к виску пистолет. — Что вы хотите от нее? Что хочет от нее ваш Хью Браун? С тех пор как он появился, она переменилась. А сегодня у меня было чувство, что это совершенно другой человек. Я заходил к ней, чтобы принести билеты...

— Лотерейные? — усмехнулся Мун. — Главный выигрыш — католическая Куколка?

— Я верю только в то, что творю собственными руками, а лотерея — дело случая, — назидательно ответил священник, очевидно принявший реплику собеседника за обыкновенный каламбур. — Я принес билеты на самолет в Рим. Для нее и Рамироса. Там их должен принять папа и на аудиенции дать Рамиросу разрешение на развод, — торжественным тоном пояснил он.

— Развод! С кем? — Мун повел бровями.

— У него где-то в Калифорнии жена, с которой он уже давно не живет. Но в глазах святой церкви это не имеет никакого значения. Для того чтобы католик мог вторично жениться, ему необходимо одно из двух — или разрешение папы римского, или официальное свидетельство о смерти. Смерть — дело случайное, даже насильственная. Огнестрельное оружие может дать осечку, холодное — выпасть из руки.

— Поэтому вы, будучи мудрым человеком, предпочли дорогу в Рим? — Мун пытался сострить.

— Хотя бы так. Сегодня она подтвердила, что готова ехать, но по тому, как схватила билеты, я понял, что думает она совершенно противоположное. Она... как бы вам сказать... Я ее почти не узнал, до того она внутренне изменилась. Моя профессия — читать в людских душах, разбираться в них...

— Забираться — было бы более подходящее слово, — сказал Мун.

— Да! Забираться, выискивать тайники! — жестко сказал падре Антонио.

— В таком случае вы должны знать про мои цели больше, чем я сам.

— Хью Браун — ваше оружие. Правда, мне непонятно, как ему за короткий срок удалось получить такую власть над нею, — задумался священник и тут же сам ответил. — Скорее всего ему известна какая-то ее тайна, которой он ловко пользуется. Только не советую стоять на моем пути! — падре Антонио подкинул в воздух приготовленный для генерала букет и одним мастерским взмахом садового ножа отсек все тридцать бутонов. — Имейте в виду, до того, как стать духовным пастырем, я был лучшим фехтовальщиком Испании! — он поднял с земли лишенные стеблей бутоны, похожие на срубленные палачом детские головки, и с беззвучным смехом протянул Муну: — Добавьте сахару, получится отличное розовое варенье! — Мун невольно отшатнулся. — Так что лучше выкурить со мной символическую трубку мира. Темный табак или светлый? — священник достал из кармана свой портсигар. Извлеченный из комбинезона цвета хаки, черной вороненой стали, с мрачным крестом и инициалами ордена на одной, с зарубками на другой стороне, он напоминал Муну затвор винтовки, на которой снайперы отмечают число прямых попаданий. — Видите этот крестик? — падре Антонио притронулся пальцем к последней отметке. — Это душа Эвелин Роджер! Я дал торжественную клятву вложить ее в руки ордена «Дело господне»! — и после длинной паузы: — И молитесь богу, чтоб мне не пришлось по вашей вине выжечь серной кислотой эту почти обретенную душу!

— Поскольку я в бога не верю, кому прикажете молиться? Хлебному божку вашего негра? — Мун посмотрел на часы. — Мое время истекает. Ваши угрозы я уже выслушал, теперь давайте условия.

— Условие только одно — не стоять на моем пути. Ни в переносном, ни в прямом смысле. Сегодня вечером Эвелин Роджер должна улететь в Рим... Обещайте, что вы не будете препятствовать этому. Взамен получите обещанную информацию.

— Вчера я бы вам заявил решительное «нет».

— А сегодня? — падре Антонио настороженно ждал ответа Муну.

— Вы ведь сами сказали, что сегодня отличается от вчера. — Мун взял из раскрытого портсигара чер-

ный табачный лист и на этот раз уже без посторонней помощи скрутил себе сигару.

— Значит, обещаете? — падре Антонио правильно истолковал его жест.

— Как видите! — разговор со священником принес Муну большое облегчение. Если уж этот рентгенолог человеческих тайников заметил в сегодняшней Куколке разительные перемены, то едва ли Мун мог повлиять на решение этой особы.

— От имени святой церкви благодарю вас, — священник поднял руки для благословения.

— Боюсь, что меня не за что благодарить, — Мун усмехнулся. — Советую заранее написать ордену, что по не зависящим от вас техническим причинам ваш последний крестик оказался авансом, счет за который некому предъявить, кроме разве господ бога или дьявола. Насколько мне известно, это не будет первая ваша неудача. Со Шриверами тоже ничего не получилось.

— Со Шриверами? — падре Антонио нахмурил брови.

— Ну да. Мне рассказывали, что вы даже пытались проникнуть в военный лагерь, чтобы перед смертью приобщить их к вере истинной.

— Шриверов? Разве вы не знали, что они католики? Я хотел их причастить перед смертью, вот что я хотел! Но майор Мэлбрич сказал, что они уже умерли, — падре Антонио беззвучно рассмеялся.

— И это так смешно? — спросил Мун.

— Да, если учесть, что я пришел в одиннадцать вечера, а в свидетельстве о смерти время кончины обозначено половиной первого — вот та информация, которой я хотел с вами поделиться! — и падре щелкнул садовыми ножницами, давая понять, что больше не задерживает гостя.

— Дейли еще не приходил? — еще стоя в раскрытых дверях отеля, бросил Мун дону Бенитесу. Осознав свой сделанный из-за волнения промах, хотел было поправиться, но махнул рукой.

— Вы имеете в виду сеньора Брауна? — с тонкой улыбкой переспросил дон Бенитес. Потом шепотом до-

бавил: — Признаться, я сегодня подумал, что его настоящее имя Свен Крагер. Очень уж этот шведский журналист — не удивляйтесь, «Пиренея» еще ночью передавала его статью — осведомлен о панотаросских событиях.

— Я посоветовал ему слушать «Пиренею»! — в свою очередь, улыбнулся Мун.

— А, вот оно что! Видите, не всегда я все знаю.

— Вам маркиз сказал насчет Дейли?

— Нет, маркиз не из болтунов. Я сам догадался. Для сына пуговичного короля вы с ним разговаривали слишком долго.

— Догадались, как обычно случайно прохаживаясь по коридору? — Мун не удержался от насмешки.

— Что вы, сеньор Мун! Вас я ни разу не подслушивал, сразу понял, что вы наш друг... А что касается... — не договорив, дон Бенитес замолчал.

— Сеньор Мун, разрешите убрать вашу комнату? — погруженный в беседу Мун не заметил, как подошла горничная. — И извините, что не сделала этого раньше. Сегодня с раннего утра мне пришлось приготовить номера для новых гостей. — Она говорила по-испански, но дон Бенитес на ходу переводил каждую фразу. До Муна даже не сразу дошло значение ее слов. Наводить чистоту и порядок, когда где-то, возможно, валялись радиоактивные осколки еще одной бомбы, а в пропасти — изуродованный труп Гвендолин? Потом он механически кивнул:

— Делайте что хотите... Да, кстати, кто из горничных убирал комнату миссис Шривер и ее сына утром девятнадцатого марта?

— Она! — портье указал на смущенно теребившую передник девушку.

— Скажите, пожалуйста, вы не видели в то утро тетрадь в зеленом кожаном переплете? Рол вел в ней свой дневник.

— Нет! Вообще ни разу не видела, — при посредничестве дона Бенитеса ответила горничная. — Но я нашла... не знаю, интересуется ли это сеньора... Я нашла под кроватью осколки флакона... И в комнате очень сильно пахло миндальной эссенцией... Пришлось

раскрыть все окна и двери, чтобы хоть немного проветрить запах...

Мун намеревался еще что-то спросить, но не успел — в гостиницу вихрем ворвался покрытый потом, задыхавшийся от бега Дейли.

— Гвендолин? — одними губами спросил Мун.

— Вероятно, да! Лицо страшно изувечено, к тому же засыпано осколками ветрового стекла. Лежит вклиненная между передним сиденьем и искореженным капотом.

— А туфли? Туфли видны? — спросил Мун, боясь услышать, что туфли на трупе женские.

— Нет. Ноги неестественно согнуты, со страшной силой вдавлены под сиденье... Да, сейчас вспомнил... Кажется, на трупе брюки, но столько крови, что даже этого толком нельзя утверждать.

— Брюки? — отозвался дон Бенитес. — Это сеньорита Гвендолин. Платье она надевала в редчайших случаях. В тот день, когда она исчезла, на ней тоже были брюки.

Как раз в этот момент площадь перед гостиницей огласилась шумом автомобильных моторов. Не дожидаясь, пока черная супермашина генерала Дэблдея затормозит, Мун бросился к ней...

«Ягуар» на полной скорости промчался через Панотарос. Дорога шла в гору. Мимо мелькнул замок, мощный автомобиль с разбегу взял несколько крутых виражей. Поросшие кустарником дикие скалы заслонили Панотарос и море, потом мотор, словно протестуя, зафырчал, машина остановилась.

— Уже приехали? — возбужденно спросил Мун.

— Дальше придется идти пешком, — объяснил Дейли. — Тут и вездеход на гусеничном ходу едва проберется.

Несмотря на ветер, день обещал быть чертовски жарким. По крайней мере так казалось Муну. Пока они карабкались вверх, сорочка успела прилипнуть к телу. Пряно пахли какие-то травы, в небе кружил коршун. Он делал замысловатые зигзаги, но постоянно возвращался к одному и тому же месту. В просвете между скалами Мун увидел фигурки людей и навис-

шие над ними вертолеты. Еще несколько минут — и они были у цели. Не обращая внимания на собравшихся, Мун вскарабкался на тропинку, что вела вдоль Чертова ущелья, и, борясь с головокружением, заглянул в пропасть. На солнце ярким пожаром вспыхнула красная лакировка «кадиллака».

Первой реакцией Муна было удивление. Здесь не было ничего хоть отдаленно напоминающего дорогу. Одни только камни. Лишь сумасшедший или находящийся в смертельной опасности осмелился бы гнать машину по такому бездорожью.

После короткого совещания полковник Бароха-и-Пинос предложил не спускаться на вертолете в пропасть, а при помощи заранее заготовленных подъемных блоков и тросов сразу поднять машину. Времени в обрез, объяснил он, его служебный долг охранять гостей во время купанья. Таким образом в вертолете нашлось место лишь для занятых в подъемной операции американских саперов и самого полковника. Предоставив им закрепить тросы, он занялся фотографированием. Само по себе его рвение имело вескую причину. В Панотаросе не было полицейского фотографа. Дождаться, пока прибудет из Малаги, можно было только в том случае, если «кадиллак» не трогали бы с места.

Оставаться бездеятельным в такую минуту было для Муна пыткой. Скорее, чтобы совладать со своими нервами, чем из профессионального долга, Мун обследовал окрестность, как это делал перед ним Дейли. Почва была каменистой, с отдельными островками влажного мха и растоптанной сапогами полицейских и военных мокрой землей. Все же Муну показалось, что среди многих свежих следов он различает размытый дождем деформированный след более давнего происхождения. Отпечатки ног были до того неясны, что не представлялось возможности установить, принадлежат ли они человеку или зверю. Именно поэтому Дейли не счел нужным доложить о них. Начинались они в десяти шагах от пропасти, временами обрываясь, вели наверх, затем окончательно исчезали. Мун прикинул в уме возможное направление и, следуя ему, наткнулся на вход в пещеру. К счастью, у одного сапера был с собой фонарь. В пещере Муну

не удалось найти никаких признаков человеческого пребывания. Она кончалась узким коридором с настолько низким сводом, что по нему пришлось бы пробираться ползком. Прятать в нем труп бессмысленно — куда проще сбросить с обрыва вместе с машиной в пропасть, как это и случилось. Уцепившись за кусты, Мун заглянул в зияющую пропасть, окруженную со всех сторон отвесными скалами. По мере того как подвешенный к вертолету «кадиллак» медленно поднимался, взору открывалась страшная картина. Машина напоминала наполовину сплюснутую под огромным прессом жестянку.

Перед тем как вертолет опустил ее на землю, Мун, повинуясь внезапному импульсу, взобрался на самую высокую точку, чтобы еще раз обозреть окрестность. Дождь смыл следы протекторов, в этом он убедился раньше. Но сейчас, охватывая взглядом большое пространство, он заметил нечто, что ускользало от внимания пешехода. Кое-где кусты были примяты, по этим вмятинам можно было в известной мере воссоздать взятый машиной путь. Создавалось впечатление, что «кадиллак» направлялся прямо в пропасть. Значит, несчастный случай исключался.

И наконец, после мук неизвестности, которые еще долго-долго вспоминались Муну как одно из самых страшных переживаний в жизни, из взрезанного автогеном металлического гроба извлекли труп.

— Мужчина! — вскрикнул Дейли не своим голосом.

Несмотря на тяжелые увечья, сейчас, когда осколки ветрового стекла не мешали, можно было даже рассмотреть черты лица. В них было что-то удивительно знакомое.

— По-моему, это Крауен, — неуверенно прошептал Дейли. Мун быстро взглянул на полковника Бароха-и-Пиноса. Тот так же быстро отвел глаза, но Муну этого было достаточно. Ни он, ни Дейли не ошиблись — убитый был, несомненно, Крауеном — Гонзалесом.

— Ничего не трогать! — скомандовал Мун, хотя распоряжаться полагалось начальнику полиции. — Его надо на этом же вертолете доставить в Малагу! Труп в таком состоянии, что без вскрытия невозможно уста-

новить, был ли Краунен сначала убит, а потом сброшен вместе с машиной в ущелье, или его столкнули еще живым... — Мун повернулся к Дейли: — Вы полетите на этом же вертолете. Постарайтесь, чтобы вскрытие произвели без замедления.

— Какого черта?! — процедил сквозь зубы полковник Бароха-и-Пинос. — Если это необходимо, то послечу я...

— А высокие гости, чья охрана доверена вам, господин полковник? — отрезал Мун. — Что касается моего помощника Дейли, то он имеет не только полномочия мистера Шривера на расследование дела, но и соответствующее разрешение полковника Асуньо из Главного полицейского управления. Понятно?

Неизвестно, понял ли начальник полиции весь подтекст. Во всяком случае, пока вертолет с трупом Краунена не скрылся за горами, он хранил угрюмое молчание.

Гостиница показалась Муну после Чертова ущелья шумной до неприличия. Фотокорреспонденты забежали в свои номера сменить пленку. Остальные журналисты толпились в холле и автоматном зале. Куколка, по словам дона Бенитеса, только что поднялась к себе, чтобы переодеться в купальный костюм.

Мун занял свой обычный наблюдательный пункт на балконе. Первым подъехал телевизионный автобус. Осветители, протянув кабель, расставляли отражательные щиты; ведущий, переходя от надрывного крика к шепоту, проверил микрофоны; операторы, опасливо вглядываясь в потемневшее местами небо, выбирали ракурсы для съемки. Другой автобус выгрузил динамики, вслед за ними привезли музыкантов. В отличие от военного сводного оркестра, игравшего во время торжественной встречи, этот, не менее многочисленный, состоял из лучших капелл малагских ресторанов. Мун сразу узнал и саксофонистов, и ударников, исполнявших по заказу Дейли утреннюю серенаду. Еле выпрыгнув из автобусов, музыканты заиграли. Громкоговорители загудели, над пляжем прокатилась первая волна сладострастных синкопов.

Под эти звуки из-за гостиницы выбежали уже знакомые Муну юноши и девушки в ярчайших купальных костюмах. За ними степенно следовали пожи-

лые крестьяне и крестьянки, весьма довольные тем, что в этом водном празднике им отведена скромная роль сухопутных зрителей. Доставившие их четыре автобуса были на этот раз упрятаны подальше от пляжа.

Прозвучала команда. Отгораживая пляж от остального мира, вдоль гостиницы протянулась черно-желтая гирлянда оцепления, состоявшая из песочных мундиров американской военной полиции и черных — национальной гвардии. Журналисты, оживленно разговаривая, заняли свои места. Они старались не отходить слишком далеко от гостиницы, чтобы быть поближе к телефону. Плоская фляжка, предложенная французом с гасконской бородкой, пошла по кругу. Зябко поеживаясь каждый раз, когда солнце исчезало за тучами, они ждали начала представления. Кое-кто, посмотрев на часы, побежал согреться в автоматный зал.

Телевизионщики, подготовившись к передаче, жевали маслины, время от времени поочередно прикладываясь к большой плетеной бутылки.

Мун услышал на соседнем балконе голоса. Ведущий что-то закричал, автобус подъехал к самой гостинице. Вмонтированный в крышу стальной стержень с операторской люлькой быстро пошел вверх. Мимо Муна мелькнула прилипшая к камере голова в красном помятом берете. Он заглянул в прорезь тента. За черным фраком министра и пепельным мундиром генерала Дэблдея виднелся кусочек голой спины и золотые, красные, синие диагональные полосы купальника. Потом Мун увидел в руке министра микрофон, тот что-то сказал телезрителям, над головами стоявших на балконе высоких гостей поднялась загорелая женская рука с огромным букетом и приветственно замахала. Снизу поднялся прибой ликующих криков, автобус отъехал, операторы принялись панорамировать пляж с живописной толпой и море, давая высоким гостям время надеть купальники и спуститься вниз.

В ту минуту, когда те, встреченные новым взрывом ликования, сбросили халаты, солнце окончательно зашло за тучи. Фотографы, чертыхаясь, быстро сменили объективы, министр, придерживая Куколку

за талию, вприпрыжку побежал к воде, за ним остальные высокие гости.

Муну бросилась в глаза любопытная деталь: среди участников представления не было ни одного местного жителя.

Оркестр заиграл попури из опереточных мелодий; над стоящими близко от берега военными катерами рассыпались огненные веера фейерверка. И тут пошел дождь. Гости, торопливо окунувшись, бросились обратно в гостиницу. Одна только Куколка не спешила. Стоя по колено в воде, она продолжала позировать. Дождь участился. У министра, до сих пор терпеливо выжидавшего, пока киноактриса соизволит приступить к главному пункту программы, лопнуло терпение. Он схватил ее за руку и потащил в воду. Внезапно набежавшая тяжелая волна захлестнула их обоих. До Муна донесся отчаянный крик, Куколка исчезла под водой. Сбежавшиеся корреспонденты заслонили место происшествия от Муна. Когда они расступились, он увидел генерала Дэблдея, бредущего к берегу с Куколкой на руках. Она билась в истерике, по лицу стекали черные ручейки туши. Журналисты и кинооператоры, пятясь задом, снимали на ходу генерала и его ношу.

Ведущий закричал и бросился к монитору выключать рубильник. Стрекот телевизионных камер умолк — несчастный случай не укладывался в передачу, должествующую демонстрировать царившее в Панотаросе благополучие. Но для иностранных репортеров происшествие со знаменитой киноактрисой было настоящей конфетой. Одни устремились к телефону, другие бросились к генералу, все еще не выпускавшему из рук бившуюся в судорогах Куколку. Людской клубок скрылся за углом гостиницы, через минуту коридор наполнился топотом ног и возбужденными голосами. Дверь соседней комнаты захлопнулась, в нее забарабанили кулаки. Потом Мун услышал нечто похожее на свалку — это американские автоматчики оттесняли не в меру любопытных журналистов к лестнице.

Возня в коридоре на несколько минут отвлекла внимание Муна от пляжа. Когда он снова посмотрел вниз, берег был почти пуст. Телевизионный автобус уехал, тореадоры, танцовщицы и пожилые крестьяне исчезли со сцены, словно проглоченные люком.

Только музыканты продолжали играть под струями проливного дождя, смешные и трагические, как оркестр океанского лайнера, уходящий в пучину под звуки государственного гимна. Но вот и они, пряча на ходу саксофоны и гитары, вскочили в свои автобусы. В громкоговорителях загудел постепенно стихающий рокот моторов, потом в них не было ничего, кроме тяжелого шума моря и надрывного хлеста дождевой воды.

И тогда на берег вышел настоящий народ Испании. Их было очень много, куда больше, чем жителей в Панотаросе. Мун увидел теперь незнакомые суровые лица. Крестьяне и рыбаки окрестных селений вместе с панотаросцами шагали по превратившемуся в грязную лужу пляжу. Впереди шел священник, которого Мун видел вместе с падре Антонио у генерала. Люди шли молча, шли упрямо сквозь ливень и, только дойдя до самой кромки, которую захлестывали свинцовые волны, остановились. Они стояли лицом друг к другу — бушующее Средиземное море и молчаливый народ Испании, понимая друг друга без слов в этот день скорби и гнева.

По балкону забарабанили косые струи, от которых не спасали ни навес, ни тент. Грубая шерсть пиджака мгновенно впитала тяжелые капли. За несколько минут Мун промок насквозь и все-таки не двинулся с места. Перед его глазами вставала фотография: Гвендолин Шривер вместе с матерью и братом в глассере хозяина гостиницы Девилье. Мун вспомнил рассказ рыбака Камило о почти шизофренической водобоязни Гвендолин. Не зная Мун, что Куколка является превосходной пловчихой, ее истерику можно было бы объяснить только подобным образом. А что, если...

Кто-то стучал в его дверь. Это оказался майор Мэлбрич. На этот раз от присущей ему хмурости не осталось ни следа.

— Мистер Мун, генерал Дэблдей просит вас спуститься в холл, — объявил он с самой любезной улыбкой. — Сейчас генерал сделает представителям прессы чрезвычайно важное сообщение, которое касается также и вас.

Мун скинул мокрый пиджак и, надев сухую сорочку, через несколько минут присоединился к собрав-

шимся внизу журналистам. Холл казался каким-то непривычным. Мун замедлил шаг, пытаясь понять, откуда у него чувство отчужденности. Дело было вовсе не в том, что полуобнаженных пляжниц сменили корреспонденты со своими магнитофонами, фотоаппаратами, портативными машинками и прочим арсеналом современного журналиста. Не в том, что после облака парижских духов здесь сейчас стоял едкий дым трубок, сигарет и сигар. И даже не в том, что вместо неторопливости, свойственной проводящим свой отпуск людям, в самом воздухе ощущался зуд лихорадочного ожидания. Не хватало существенной детали, к которой Мун успел привыкнуть за эти дни. Само кресло рядом со входной дверью стояло на месте, но вместо сержанта Милса в нем сейчас сидел бородатый юнец хемингуэевского типа и яростно дубасил по клавишам пристроенной на коленях машинки.

Б стеклянную дверь стучал дождь, она была словно задернута пенным занавесом, сквозь который проглядывало темное небо. Такие же полусумерки царили в холле — горело только несколько люстр.

Заметив среди журналистов полковника Бароха-и-Пиноса, Мун направился к нему, но поговорить с ним так и не успел. На лестнице появился генерал Дэблдей, успевший сменить промокший парадный мундир на сухой. Остановившись на пятой снизу ступеньке, он обратился к корреспондентам как бы с некоторого пьедестала — не слишком высокого (дабы подчеркнуть свою демократичность), но все же достаточного, чтобы эффектно возвышаться над жаждущей сенсаций толпой. Мун лишний раз отметил его непревзойденное искусство дымовых завес. Едва ли хоть один из собравшихся здесь опытных волков западной прессы, зная, что рискует пропустить сенсационное сообщение, а с ним и свое положение в редакции, отважился бы покинуть холл ради заливаемого проливным дождем пляжа, где происходила молчаливая демонстрация протеста.

— Леди и джентльмены! — начал генерал, но лишь для нарочитой паузы, долженствующей накалить ожидание до предела. — Банкет в замке маркиза Кастельмаре отменяется, тем более что Эвелин Роджер не сможет украсить его своим блистательным присутствием.

Сна нуждается в полном покое. Случай во время купанья, который встревожил всех нас, был вызван сердечным приступом. Это у нее, конечно, не в первый раз — сами понимаете, как нелегко быть в наше время знаменем Америки, особенно такой хрупкой женщине...

— По-моему, она скорее полная, — громко шепнула за спиной Муна американская журналистка.

— Только выглядит! — по акценту и голосу Мун узнал француза с гастонской бородкой. — В действительности худя, как щепка.

Кто-то из окружающих хихикнул. Обманутая на дежда услышать обещанное чрезвычайно важное сообщение грозила выродиться в ядовитый юмористический обстрел.

— А я-то думал, что вам, генерал, хватит ума придумать гигантского кальмара, который пытался утащить Куколку на дно морское! — заметил сидевший рядом с Муном англичанин.

— Правильно! — поддержал его со смехом итальянец. — Хозяин местного кабачка рассказывал мне, что в Панотаросе ходили слухи о таком чудовище.

— Сразу видно, что мой мудрый коллега черпает свою основную информацию в питейных заведениях, — отозвался француз с бородкой — на этот раз под всеобщий хохот.

Генерал, дружески посмеиваясь, с чутьем истинного дипломата дал сперва утихнуть ироническим аплодисментам, лишь потом поднял руку жестом чародея:

— Я приготовил для вас нечто получше гигантского кальмара! Банкет в замке, как и завтрак, не состоится и по другой причине. Было бы крайне нетактично пировать, когда хозяин замка маркиз Кастельмаре болен. Предваряю ваше любопытство — у него нервное расстройство.

— Позвольте спросить, а не вызвано ли оно тем, что жених дочери маркиза, сопровождавший его превосходительство министра пропаганды и информации, расторг помолвку? — не без ехидства спросил испанский корреспондент.

— Из-за того, что рухнули надежды превратить захудалый замок в доходный отель. Эту информацию, к сведению моего мудрейшего коллеги, я также по-

черпнул в местном кабачке! — с вызовом сказал итальянец.

На этот раз генерал мгновенно пресек грозившую хлынуть заново юмористическую волну:

— Причина другая — убийство жены и сына мультимиллионера Джошуа Шривера и похищение его дочери с целью получения выкупа в миллион песет!.. Сидеть на местах! — прикрикнул генерал на журналистов, вскочивших в едином порыве добежать скорее до телефона. — Да, вы первые в мире узнаете об этом! Это компенсация за несуществующие жертвы радиоактивности, в расчете на которые вы примчались в Панотарос! Еще раз приказываю — сидеть! Если вы не слепы, то должны видеть моих автоматчиков, которые охраняют телефон и выходные двери. Зная характер корреспондентской братии, не могу допустить, чтобы вы, не дослушав сообщение до конца, поспешили бы оглушить читателей аршинным заголовком «Маркиз убивает семью миллионера!». Ничего подобного! До нервного расстройства маркиза довела активная помощь, которую он, будучи чрезвычайно талантливым детективом-любителем, оказал следствию. Предоставляю слово уже известному всем начальнику панотаросской полиции полковнику Бароха-и-Пиносу!

Никогда еще полковник не выглядел столь массивным и внушительным. С достоинством выдержав вспышки блицев, он заявил:

— Следствие по делу Шриверов закончено. Вот тут у меня вещественные доказательства. — Вынув из черного портфеля толстую, объемом в телефонный справочник, папку и консервную банку с хорошо знакомой Муну этикеткой — золотыми буквами «Экстра» поверх аппетитных розовых ломтиков колбасы, он не спеша продемонстрировал их для всеобщего обозрения.

Мун живо представил себе эти наглядные атрибуты уголовной драмы, поданные крупным форматом на первых полосах экстренных выпусков, когда обнаружил, что фотоаппараты и кинокамеры нацелены уже на него самого. Очевидно, он пропустил мимо ушей несколько фраз начальника полиции.

— ...вручить их для ознакомления мистеру Муну, светилу мировой криминалистики, который успешным раскрытием панотаросской трагедии прибавил к длин-

ному списку своих нелегких детективных побед еще одну — самую блистательную. Все лавры в расследовании дела Шриверов принадлежат всецело ему. К моему прискорбию, должен признать, что испанская полиция на этот раз оказалась бессильна решить эту сложнейшую загадку. Скорее наоборот! Я вынужден откровенно заявить, что полиция в моем лице придерживалась совершенно ложной версии отравления недоброкачественными консервами, на которую меня толкнули заведомо неправильный диагноз доктора Энкарно и подписанное им свидетельство о смерти. А вот красноречивое объяснение этой фальшивки. — Полковник протянул Муну тяжелую папку: — Копия так называемого «Барселонского дела», которую вы затребовали со свойственной вам интуицией. Разрешите вас поздравить! Ваша, могу без преувеличения сказать, гениальная гипотеза принята в качестве официальной версии! Краунен действительно оказался тем самым Гонзалесом, который в свое время руководил в Барселоне перевалочной базой наркотиков. Нет никакого сомнения, что убийство миссис Уны Шривер и ее сына Рола Шривера организовано им же по указанию Рода Гаэтано. Не менее ясно, кто и каким образом отравил их, — полковник высоко поднял консервную банку, — Вот банка, которую я по просьбе мистера Муна затребовал из Малаги. Пользуясь этим случаем, я выражаю свое восхищение его воистину необыкновенной проницательностью! Как он и предполагал, Шриверы отравлены синтетическим ядом ботулином, о чем свидетельствует прокол в банке.

Вспыхнули блицы фотографов. Банку, начальника полиции и Муна сфотографировали в разных ракурсах, только после этого полковнику дали возможность продолжать:

— Фактическим убийцей является местный врач, доктор Энкарно. На это указывают многие обстоятельства. Первое: только медику известно, что существует такой синтетический яд. Второе: будучи врачом, доктор Энкарно был уверен, что поставленный им диагноз, а именно отравление мясными консервами, не вызовет никаких подозрений. Наконец, третье, самое важное доказательство... Его настоящее имя Валистер, под которым он фигурирует в том же «Барсе-

лонском деле» по обвинению в преднамеренном отравлении опиумом тяжело раненного Крауненом детектива Интерпола Луи Ориньона...

— Спасибо, полковник. А теперь самое важное — судьба Гвендолин Шривер. Она жива! — выкрикнул генерал Дэблдей, не давая журналистам возможности штурмовать своими вопросами Муна, а самому Муну возможности высказаться. — Да, она жива! К счастью, Краунен и доктор Энкарно, вопреки указанию Рода Гаэтано, не убили ее, а предпочли заработать на этом деле свой личный куш. Сообща они похитили Гвендолин Шривер, спрятав в одной из окрестных пещер, где она лежит и сейчас, связанная, беспомощная, лишенная пищи и воды. Почему без пищи и воды? Потому что между доктором Энкарно и Крауненом произошла ссора из-за будущей добычи в миллион песет, в результате которой доктор, вероятно, убил Краунена и, чтобы скрыть следы, вместе с машиной Гвендолин сбросил в пропасть. Сам доктор после этого убийства был вынужден бежать, бросив Гвендолин Шривер на произвол судьбы. Все находящиеся в моем распоряжении военные части обыскивают сейчас окрестности Панотароса. Я надеюсь получить известие о Гвендолин Шривер с минуты на минуту. Вот почему нельзя занимать телефон. Нет ни малейшего сомнения, что Гвендолин Шривер жива. Но поскольку так же ясно, что ее физическое и психическое состояние весьма тяжелое, ее сразу же после обнаружения доставят на вертолете в Малагу — как вы знаете, в Панотаросе нет госпиталя. К тому же полковник Асуньо, в руках которого находится официальное следствие по деятельности синдиката Рода Гаэтано в Испании, естественно, пожелает допросить ее по возможности скорее. Что касается бежавшего в Мадрид доктора Энкарно, то полковник Бароха-и-Пинос уже напал на его след — вчера его опознали в Малаге. Поэтому не исключается, что вы увидите там не только жертву — Гвендолин Шривер, но и преступника, разумеется, в наручниках и за решеткой... А теперь внимание! На укладку вещей вам дается пять минут. Не беспокойтесь, никто не останется! Вас доставят в Малагу на армейских самолетах — всех до единого. Некоторые из испанских корреспондентов приехали на своих

машинах. Они уже в пути — на грузовых вертолетах. Получите в целости и сохранности в гараже отеля «Мирамар», где всем вам заказаны комнаты за счет американской армии... — взрыв смеха, аплодисменты. — И наконец, поскольку я в юности сам был журналистом и понимаю, как дорого время, — все кабины Малагского центрального переговорного пункта забронированы для вас с момента приземления вертолетов. Наш дядюшка Сэм достаточно богат, чтобы позволить себе такой маленький подарок шестой мировой державе!

— Ура дядюшке Сэму! — гаркнул кто-то. Но никто почти не поддержал его. Прямо-таки заваленные неслыханным обилием первоклассных сенсаций и сверхклассного сервиса корреспонденты тем не менее боялись потерять драгоценное время на изъявление благодарности. Опрометью они кинулись складывать свои пожитки: а вдруг какому-нибудь неудачнику все-таки не достанется место в вертолете?

Оставшись один в мгновенно опустевшем холле, Мун даже прищелкнул языком от невольного восхищения. Генерал Дэблдей в амплуа иллюзиониста был воистину велик. Вытащив из рукава дело Шприверов, он не только заставил журналистов полностью забыть про радиацию, но и тем же взмахом мгновенно катапультировал их из Панотароса. А если он это сделал, на то, очевидно, были одному ему известные веские причины. И тут в голове Муна впервые мелькнула догадка — может быть, операция по расчистке Черной пещеры служит только для отвода глаз, а где-то, воплощая собой смертельную опасность, еще валяются осколки второй бомбы?

ЧАСТНЫЕ СЕНСАЦИИ МИСТЕРА МУНА

— Если Куколка захочет выехать из отеля, задержите ее под любым предлогом и бегите за мной! — Мун, выйдя наконец из глубокого раздумья, первым делом заручился поддержкой дона Бенитеса в предстоящей операции. Еще время не пришло — надо было обождать, пока снимут с поста вооруженного автоматом сержанта, поставленного у дверей Куколки для охраны ее покоя от газетчиков. — Задержите в любом случае, даже если ее будет эскортировать целый армейский взвод во главе с самим генералом! — добавил он, соображая на ходу, что и такая возможность не исключается. — И если появится профессор Старк, попросите его зайти ко мне. Насчет маркиза ничего не слышно?

Дон Бенитес грустно покачал головой. Возможно, он знал больше, чем показывал, возможно, и нет.

Вернувшись в свою комнату, Мун перелистал «Барселонское дело». Одной или двух страниц не хватало. Это явствовало из заключения следователя, где тот ссылался на показания свидетеля перестрелки, во время которой Гонзалес — Краунен тяжело ранил детектива Интерпола Луи Ориньона. Теоретически не исключалось, что нехватаящие страницы не были под-

шиты по небрежности барселонского чиновника, но, прочитав имя свидетеля, Мун начисто отверг эту возможность. Свидетеля звали Себастьян Новатуро — так же, как пуэнтеалчерезиллского парикмахера. Только сейчас Мун вспомнил одну деталь из разговора с хозяйкой тамошнего кабачка: до переезда в Пуэнте Алчерезилло Новатуро работал куафером в барселонском театре «Одеон».

Мун на мгновение прислушался к натужному жужжанию вертолетов, взлетевших прямо с площади в направлении Малаги. Потом принялся за осмотр консервной банки, врученной ему под расписку начальником полиции. Прокол был сделан искусно — снаружи его и вовсе нельзя было обнаружить. Прежде чем ввести шприц с ботулином, преступники удалили этикетку, а потом снова наклеили. Отверстие на внутренней стороне было настолько незаметно для невооруженного глаза, что Муну удалось найти его лишь при тщательном осмотре. Он осторожно снял этикетку, срезал половину банки, чтобы она не затемняла света, и осмотрел дырочку через лупу. Многократно увеличенный прокол блеснул желтизной на фоне покрытого матовым налетом металла. Потом Мун, проколов жезл в другом месте, сравнил оба отверстия. Они выглядели одинаково, в обоих отсутствовали следы коррозии. После этого он внимательно осмотрел клей на этикетке, даже помочил его слюной. Результат этого эксперимента был ошеломляющим! Как само отверстие, так и сравнительно свежий клей доказывали, что сделан прокол не восемнадцатого или девятнадцатого марта, а совсем недавно. Этот сюрприз принес Муну глубокое удовлетворение. Предложенная полковником «официальная версия» была официальной, и только.

Через несколько минут прибежал Дейли.

— Мы ошиблись! Краунена не убили! — выпалил он единым духом. — Вскрытие доказало, что он умер естественной смертью. Он был еще жив, когда «кадиллак» падал в пропасть. И никто его не сталкивал. В его скрюченных пальцах нашли вырванный вместе с гнездом ключ для зажигания, а на подошве мельчайшие частицы синтетического каучука, которым в «кадиллаке» этой модели покрывают тормозную пе-

даль. Он перед смертью надавливал ее со страшной силой. Сейчас к месту катастрофы вылетел автомобильный эксперт малагской полиции, но картина и так ясна. Краунен подъехал к ущелью на малой скорости с намерением затормозить и выскочить в последнюю секунду. Автомобиль собственным ходом скатился бы в пропасть. Но отказал неисправный тормоз. Краунен не успел спастись. В падении автомобиль перекувырнулся несколько раз, круговращательная сила вдавила его наполовину под сиденье, при этом ему, вероятно, раскроило череп. Возможно, окончательно умер он только при страшном ударе машины о дно ущелья. Но это частности. Важно основное — ни полковник Бароха-и-Пинос, ни Рамирос, ни Розита не виноваты в его гибели... Еще одна новость — установлено, что Краунен несколько раз приезжал в Малагу. Там же, где мы — на крепостном валу, — он встречался с человеком в штатском, чьи приметы подходят к полковнику Бароха-и-Пиносу. Но что самое интересное — в последний раз он приезжал в сопровождении молодой дамы. Оба ночевали в отеле «Мирамар». Пока делали вскрытие, я успел заглянуть в регистрационную книгу гостиницы. Это была Гвендолин!

В другое время Мун с профессиональным остервенением набросился бы на эти новые факты, чтобы проанализировать их, связать воедино в более-менее приемлемую гипотезу. Сейчас он даже слегка обидел своего помощника, выслушав его с явным невниманием.

— После, Дейли! Мне надо немедленно попасть в комнату Куколки.

— Куколки? Вы уверены, что это Куколка?

— Не перебивайте! Сама она никого не впустит. Перила балконов после ливня до того скользкие, что запросто можно поскользнуться при прыжке и увеличить количество имеющихся в наличии трупов еще одним. А я еще нужен истории, хотя бы для раскрытия истинной причины смерти Шриверов.

— Шеф, если позволите, я в целях сохранения вашей драгоценной жизни возьму этот акробатический прыжок на себя, — с ухмылкой предложил Дейли.

— Для вас есть другое дело. Поезжайте немедленно в Пуэнте Алчерезилло и не возвращайтесь без продавца лотерейных билетов. Выжимайте из своего «ягуара» все, что можно, — боюсь, что получасовая задержка может оказаться решающей. Полковник напал на след нашего гостя.

— Плохо дело. Да, совсем забыл! — вспомнил Дейли. — По дороге я встретил Билля Ритчи. Он выходил из полицейского комиссариата.

— Для чего?

— Сказал, что вызывали по поводу продления испанской визы. Станный у него был голос.

— Этого я и боялся, — помрачневший Мун возбужденно схватил Дейли за плечо. — Нам нужен продавец лотерейных билетов. Запугайте его! Обещайте горы золота! Делайте что хотите!

— Понятно. Привезу живым или мертвым!

— Он мне нужен живым. Везите прямо в замок, запирайте в нежилой части замка, пока я не явлюсь сам. А теперь самое главное — вы случайно не помните, с какой стороны находится задвижка в двойном апартаменте Куколки и Рамироса?

— Со стороны Рамироса. Точно! Куколка мне еще говорила, что он специально выбрал эту комнату — чувствовал себя с задвижкой в большей безопасности якобы от возможных покушений ее мужа Сиднея Мострела.

— Спасибо! Бегите! — Мун чуть не вытолкнул своего помощника, а сам, даже позабыв запереть дверь, быстрым шагом направился к комнате Рамироса.

— Открывайте! Поживее!

— Кто там? — раздался за дверью испуганный голос мексиканца.

— Это я — Мун!

— Я раздет. Не могу вас впустить, — судя по голосу, Рамирос явно врал.

— А мне наплевать, в кальсонах ли вы или без! Откройте добром, или я взломаю дверь.

— Открой, Рамирос, теперь это уже не имеет значения, — женский голос показался Муну знакомым.

Однако, когда дверь как бы нехотя медленно приоткрылась, он увидел перед собой совершенно чужую

молодую женщину. Одета в дорожный плащ темно-красной расцветки, с накинутым на голову капюшоном, она лишь своей смуглой красотой напоминала ту, что — теперь Мун мог в этом сознаться — все эти дни преследовала его во сне.

— Куколка права, — пробормотал он. — Никогда не думал, что одежда так меняет женщину. Вы сейчас еще красивее, чем в военной форме. Уезжаете? — спросил он, заметив упакованные чемоданы.

— Да, мы с мужем уезжаем, — Розита упрямо вскинула голову. — Оставь, Рамирос, пусть мистер Мун знает, что это наша единственная тайна. И еще пусть знает, что ты все равно не женился бы на Эвелин Роджер.

— Одна мысль о женитьбе на Куколке была для меня хуже зубной боли. — Рамирос передернулся. — Разве это женщина? Напивается вдребезги, а сама трезва, как холодильник, — он привлек к себе Розиту жестом человека, который может наконец в открытую сбнять любимую женщину. Только сейчас до Муна дошло — лишь теперь мексиканец был самим собой. До этого он играл роль — роль элегантного молодца, живущего на деньги богатой женщины, понимающего всю унижительность и искусственность своего положения, скрывающего истинные чувства за театральными жестами и напыщенными фразами.

— Роман с Куколкой был вашей идеей, Розита? — Мун уже наполовину догадался по взгляду Рамироса — без сомнения, он во всем подчинялся ей, более энергичной, умной и инициативной.

— У нас не было другого выхода. — Рамирос, как бы защищая жену от упреков, крепче прижал ее к себе.

— Моя! — Розита, освободившись от его объятий, резким жестом стряхнула с головы капюшон и растегнула плащ. Казалось, она сейчас задохнется, если не даст волю давно искавшим выхода горьким словам. — Это я во всем виновата! Одна я! Когда меня перевели в Роту и нам пришлось расстаться, мне показалось, что это лучший выход. Лучше делить Рамироса с Куколкой, чем не видеться с ним совсем или увидеть его трупом! — в тусклом свете дождливых сумерек ее серебряные волосы выглядели седы-

ми. — Дайте, я лучше расскажу вам все по порядку, — с похожим на рыдание вздохом она присела на чемодан. — Когда мы женились, жизнь казалась нам сотканной из лучей. Рамирос как раз нашел хорошую работу — в ресторане «Кукарача». Туда приходили многие знаменитости, в том числе Эвелин Роджер. Она была не прочь завязать с ним роман, нас обоих это сначала только забавляло. А потом Рамирос узнал, что ресторан принадлежит гангстерам, что в пудреницах, которые раздаются в виде рекламных сувениров постоянным клиентам, — кокаин, или героин, или гашиш, или какая-нибудь другая пакость. Управляющий вызвал его и предложил одно из двух — рабстать на них или пулю... Вот чего Рамирос боялся даже здесь, в Панотаросе, вот почему купил оружие, когда незадолго до вашего приезда узнал Краумена. Мы от страха чуть с ума не сошли!

— Я и понятия не имел, что Краумен в Панотаросе, пока не встретил его однажды вместе с Гвендолин. Я видел его до того в ресторане, он часто записывался с управляющим в кабинете, догадаться, что он за птица, было нетрудно. — Рамирос был еще сейчас весь во власти пережитого страха.

— Рамиросу надо было уехать куда-нибудь дальше, где его не смогли бы разыскать люди Рода Гаэтано. У него была бредовая идея наняться батраком на плантации в Бразилии, но для таких, как мы, жизнь возможна только на асфальтированных дорогах цивилизации. Квартира в рассрочку, холодильник в рассрочку, новое платье в кредит — комфортабельное рабство, от которого освобождает только смерть... Когда Рамирос потерял из-за банды Гаэтано работу, я сразу же поступила в армию, надо было на что-то жить. А затем меня перевели в Испанию. И тогда Рамирос по моему предложению уговорил Эвелин Роджер бежать в Панотарос. Это тоже было рабством, но на мой заработок мы бы не прожили вдвоем. И для меня как-никак облегчение. Пока Рамирос оставался там, я каждую ночь его видела во сне мертвым. Нам пришлось скрывать нашу связь, особенно после того, как падре Антонио задумал сделать Эвелин католичкой и для этого поженить с Рамиросом... Мы решили, если не будет иного выхода, в последнюю

минуту раскрыть свою тайну или бежать. А сейчас, после всего, что произошло в Панотаросе, я ни часа больше не хочу оставаться в этом проклятом мундире. Я уже подала прошение об увольнении. Поедем во Францию, там работает много иностранцев. И полиция не так продажна, как в Испании.

— Да, печальная история, — сочувственно промолвил Мун. — Как сказано в библии, не мне первым бросить в вас камень. Значит, это Розита навещала вас, когда вы «путешествовали в Малагу»?

— Я! — Розита кивнула. — И в ту ночь, когда Гвендолин Шривер залезла на балкон, и...

— Я тогда перепугался до смерти, — вспомнил Рамирос. — Я уверен, что она была заодно с Крауэном, видели бы вы их вместе, подумали бы то же самое.

— В тот раз вас напугала Куколка! — Мун невольно улыбнулся.

— Куколка? — Рамирос растерянно взглянул на Розиту. — Никогда не поверю, что она способна ревновать. Мне казалось, кино вытравило из нее все человеческие чувства.

— А я больше всего удивлена тем, что она молчала, — добавила Розита. — Ведь Эвелин определенно должна была чувствовать во мне соперницу.

— Для нее женитьба была такой же зубной болью, — сказал Мун. — Она, в свою очередь, попала в сети к падре Антонио... Слишком часто мы все делаем не то, что хотим, а к чему нас принуждают люди или жизнь...

Розита в ответ улыбнулась обычной, казавшейся Муну прежде сдержанной улыбкой.

— Желаю вам счастья, — сказал от души Мун, впервые понимая, что и улыбка может выражать страдание. — Оставьте мне ключ. Мне надо уладить одно дельце.

Розита с чемоданом в руке пошла к двери. Освещенная скудным мерцанием проступавшего сквозь тучи словно заплаканного солнца, со смуглым лицом, обрамленным капюшоном цвета багряного заката, она на фоне современной гостиничной обстановки более чем когда-либо походила на фреску Диего Риверы — древняя роспись ацтекских храмов, перене-

сенная на безжалостный железобетон двадцатого века. Следом из комнаты вышел Рамирос, несмотря на тяжелые чемоданы, впервые с поднятой головой.

Мун тихо тронул подставку для вазы — металлическую иллюзию одиночества, заменявшую в отеле «Голливуд» прозаическую задвижку. Одиночество было таким же иллюзорным. Живущих в разных комнатах людей связывали невидимые нити — в этом страшном мире, к которому принадлежал и сам Мун, в мире, где самый идеальный комфорт для избранных соседствует с самыми совершенными урановыми бомбами, их соединяла одна судьба. И какую бы дорогу ни избрал каждый для себя, в тот час, когда — не дай бог! — огненный дождь прольется не на маленький Панотарос, а на земной шар, все современной цивилизации дороги сойдутся в секундной вспышке, после которой останется только огромная тень.

Сдвинуть задвижку и тем самым открыть дверь в комнату Куколки Мун не успел. Помешал дон Бенитес, пришедший с известием, что профессор Старк вернулся.

Мун отправился к профессору.

— Хорошо, что зашли, — обрадовался тот. — На душе так противно, что даже напиться не хочется.

— Что с маркизом? — спросил Мун и, не дождав-шись ответа, первым высказал свою собственную догадку: — Радиоактивность?

— Да! К счастью, он получил небольшое облучение. И все равно это мерзко! Когда я после войны избрал для себя эту специальность, у меня еще не было о ней полного представления. Вдумайтесь — испокон веков существует тысяча болезней, но только одна искусственно создана самим человеком — лучевая!

— Как же это случилось? Маркиз ведь утверждал, что не притрагивался к осколкам.

— Притрагивался, и как еще. Он ведь специально принес их...

— Из Черной пещеры?

— Нет, с земли своего побочного брата Брито. Не верю, что он пошел на такой риск ради нищенской компенсации. Правда, он едва ли подозревал, что осколки радиоактивны. — Профессор пожал плечами.

— Еще как подозревал! — пробормотал Мун и тут же добавил: — Значит, бомба в Черной пещере существовала только в воображении майора Мэлбрича?

— Раз вы дошли до этого собственным умом, то, пожалуй, не погрешу против секретности, если расскажу... Сегодня рано утром я сам провел контрольное исследование подземного озера на радиоактивность. Вода сохраняет ее в течение длительного времени, еще долго после того, как выловлены все источники радиации. И что же оказалось? Свод Черной пещеры пробил контейнер с боеприпасами для бортовой пушки, осколки которых майор Мэлбрич по неопытности принял за...

Профессор продолжал говорить, но у Муна в ушах звучал другой голос, говоривший совсем другие слова. «Сократу вместо доброго стакана виски подали кубок с ядом» — эту фразу майор Мэлбрич обронил, стоя перед Черной пещерой. Мун не придавал ей тогда особого значения, но сейчас вспомнил, что она являлась ответом на его ироническую параллель между фамильным кладом Кастельмаре и разыскиваемыми майором атомными сокровищами.

— Из-за майора Мэлбрича мы только понапрасну потеряли время, — сердито закончил профессор.

— Напрасно? Вы хотите сказать, что есть еще одна расколовшаяся бомба, кроме той, что рассыпалась по восточному склону и частично угодила на землю, принадлежащую побочному брату маркиза до-ну Брито?

— Я оговорился, — профессор Старк виновато скользнул взглядом по стене, словно ожидал, что из нее вот-вот высунутся уши.

— Проговорились, вот что вы сделали, профессор! Оставьте строгую секретность людям, которые выколачивают из нее власть. Вам это совершенно не к лицу... А теперь, пожалуйста, поторопитесь. Мне нужен счетчик Гейгера и защитный костюм.

— Вы знаете где?.. — профессор, боясь поставить точки над «и», проглотил конец фразы.

— Во имя нашей дружбы с профессором Холмем не расспрашивайте! В отличие от вас, чьи открытия подлежат параграфу о разглашении военной тайны, мои принадлежат только мне. Ясно?

Профессор Старк, немного поколебавшись, распахнул стеной шкаф.

Рядом с костюмами, сорочками и плащом в нем висело наполненное воздухом брезентовое подобие человека, еще более страшное из-за обиденного соседства. Вместо носа и рта — респиратор для дыхания, вместо глаз — плексигласовое окошко, за которым зияла пустота.

Мун, не испросив разрешения, выкинул из профессорского чемодана содержимое, швырнул в него антирадиационный костюм, сунул похожий на толстую авторучку счетчик в карман и, не попрощавшись с хозяином, вышел.

Ведущая в комнату Куколки соединительная дверь бесшумно распахнулась.

— Кто там?.. Майор Мэлбрич?.. Почему вы держите меня взаперти? Почему вы не разрешаете мне уехать? — из темноты послышался глухой голос. — Неужели я должна продолжать эту комедию в Малаге... Я больше не хочу! Не хочу! Мне страшно.

На кровати еле проглядывалась женская фигура. Рядом стояли уже упакованные чемоданы.

— Меня зовут Мун!.. Я приехал сюда по поручению Джошуа Шривера. Можете зажечь свет.

— Не надо, — попросила она.

— У меня было намерение арестовать вас. Между прочим, я не прочь сделать это еще теперь. В тюрьме вы запели бы другую песенку.

Его прервал настойчивый стук в дверь, сопровождаемый властным голосом падре Антонио:

— Откройте, Эвелин! Побыстрее! Пора ехать! Самолет Малага — Рим отходит через два часа.

— По техническим причинам дверь с этой стороны не открывается, — отозвался Мун вместо забившейся под одеяло хозяйки комнаты. — Потрудитесь пройти через номер Рамироса и соединительную дверь.

— Что это за штучки? — священник появился на пороге подобно богу-мстителю Старого завета. — Так вы держите наш уговор, Мун? Клянусь, вам когда-нибудь придется держать за это ответ! — процедил он сквозь зубы.

— Надеюсь, что только на том свете. Между прочим, вашу Куколку я не держу. Забирайте ее хоть к папе римскому, хоть к черту. Думаю, что она сама предпочтет последнего.

— Мисс Эвелин, вставайте! — падре Антонио решил не терять времени на словесный диспут с Мун. — Рамирос, очевидно, уже снес свои вещи в машину. Давайте я возьму ваши чемоданы, а вы тем временем одевайтесь. Где ваш плащ? Давайте же! Не думайте, что его святейшество ради ваших капризов перенесет аудиенцию на другой день!

Священник шагнул к постели, но Мун схватил его за руку.

— Не торопитесь! Наш уговор был — информация за информацию. Поскольку я перед вами в долгу, то спешу расквитаться. Рамирос со своей женой только что уехал. Куколка уехала прошлой ночью. А эта вот молодая дама в ваших душеспасительных услугах не нуждается. Она уже давным-давно католичка, как все Шриверы. Так что вам остается лишь одно — обращаться в веру истинную своего негра. Правда, сомневаюсь, захочет ли он этого, как-никак от его съедобного божка куда больше пользы, чем от вашего абсолютно несъедобного святейшества.

— Это какой-то бред! Что он говорит? Эвелин, вы слышите? — прохрипел падре Антонио.

— Хотя вашему союзнику генералу Дэблдею и удалось кратковременно превратить Гвендолин Шривер в Эвелин, обратного чуда вы даже с помощью божьей не добьетесь! — Мун быстро зажег стоявший возле кровати яркий торшер. — А ну-ка, мисс Гвендолин, представьтесь лично его преподобию!

— Да, я — Гвендолин, и катитесь вы все... к...

Падре Антонио в ужасе перекрестился и, шатаясь, как-то бочком, странно изогнувшись, словно от страшного удара в солнечное сплетение, вышел из комнаты Куколки.

— А теперь можем опять поговорить по душам, — Мун закрыл за ним соединительную дверь. — И советую не употреблять крепкие словечки. Я за мирную беседу. Знаете ли вы, что за шантаж вам грозили бы пять лет заключения? Да, вам, сообщнице гангстера Джона Краунена!

— Разве это преступление, что я влюбилась в него? — голос Гвендолин задрожал. — Мама была против. Тогда я стащила у маркиза флакон с миндальной эссенцией. Я сказала, что это синильная кислота и, если мама не разрешит мне уехать с ним, я кончу самоубийством. Она выбила флакон из моих рук...

— И после этого меня в течение четырех дней преследовал этот проклятый запах и мысль, что вы отравили своих родных, — Мун нервно закурил.

— Отравили? Что эта за шутки? Генерал Дэблдей сказал мне, что они уехали. Я сразу догадалась, когда с деньгами вместо мамы пришел кто-то другой.

— А вы знаете, что на совести вашего Джонни могло быть убийство вашей матери и брата? Он бы сделал это, не моргнув глазом. Но ему хотелось стать самостоятельным. Для начала хватило бы миллиона песет, а потом он заставил бы вас выйти замуж, чтобы пожизненно вытягивать деньги из вашего отца... А вы прельстились романтикой, которой не было и в помине. Играть в бандитов, тайком закупать продукты для пещерной жизни, красться в темноте за выкупом — это вам, должно быть, казалось пределом счастья. Когда вы решили столкнуть свою машину в пропасть, чтобы придать больше правдоподобности версии насильственного похищения, вам не приходило в голову, что эта инсценировка из дешевого детектива может напугать вашу мать до смерти? Вы хоть на минуту подумали о том, что она будет переживать, когда получит письмо, где вы сообщаете, что в случае неуплаты будете убиты? Нет, вы думали, какой это отличный трюк, когда перекрашивали волосы в Пуэнте Алчерезилло, чтобы вас никто не узнал! Когда вы из Гвендолин Шривер превратились в Эвелин Роджер, вам плевать было на то, что на нее могут пасть ложные подозрения! Кто придумал этот трюк — вы или Кид?

— Никто! Я сама не подозревала, что так похожа на Куколку. Я ведь ее терпеть не могла. А когда в парикмахерской посмотрела в зеркало, мне даже хотелось плюнуть себе в рожу.

— И все-таки вы не устояли, когда генерал Дэблдей предложил вам сыграть временно ее роль? А ну-ка, зажгите свет! У вас не хватает смелости?

Мун повернул выключатель. Сейчас, когда Гвендолин Шривер уже не играла роль экстравагантной кинозвезды, она, даже если бы хотела, не сумела бы обмануть его.

— Я не виновата... — начала она сбивчиво рассказывать. — Когда я приходила за деньгами, за мной погнался вертолет. Там был майор...

— Майор Мэлбрич? — спросил Мун.

— Да, так его зовут. Он сказал, что если я не соглашусь, то меня арестуют... Ночью меня доставили сюда, в гостиницу. Потом из Малаги вернулась машина Куколки. В ней были специалисты по гриму и платью, много платьев. Генерал инструктировал меня всю ночь, а утром я уже как Эвелин Роджер вышла из отеля для участия в празднике.

— Все понятно, — проворчал Мун. — Понятно со всех точек зрения. На ваше счастье, или скорее несчастье, вы и Эвелин Роджер представляете собой тот отштампованный стандарт американской красоты, по которой массовый потребитель соизмеряет свои мечты. Разница была только в цвете волос да кое-каких несущественных мелочах. Этим и воспользовался генерал Дэблдей для своего грандиозного, никем не замеченного очковтирательства. Да и вам самой это показалось забавным.

— Неправда! Меня шантажировал генерал Дэблдей. И особенно этот мерзкий майор. Он запугивал меня, пока не превратил в куклу, на которую можно надеть любую тряпку. Чем они лучше Джонни? Он, по крайней мере, занимался честным грабежом, рискуя при этом собственной шкурой.

— Они поступали точно так же, как вы по отношению к своим родным. Так что не вам возмущаться основным законом нашего с вами мира — ради выгоды стоит продать и отца родного. К тому же роль куклы, на которую надевают золотые тряпки голливудского идола, вам отнюдь не претила. Для вас это была отличная возможность доказать Куколке, что вы ничуть не хуже ее.

— Да! — Гвендолин вскочила с кровати. — Если уж на то пошло, да! Я сама мечтала сниматься в кино! Отец запретил — для его дочери это, мол, неподходящее занятие. А быть наследницей богатого чело-

века, и только — подходящее? Это самая бессмысленная и отвратительная профессия на свете. К тому же отец меня постоянно ограничивал в деньгах. Даже в лотерею приходилось играть... — Гвендолин неожиданно расплакалась. — Когда человек так несчастен, как я, ему не помогут никакие будущие миллионы, — стряхнув с оставшихся от маскарада наклеенных нейлоновых ресниц круглые, почти детские слезинки, она робко спросила: — Вы не расскажете отцу? Он в состоянии лишить меня наследства.

— Про ваше романтическое приключение, которому место в уголовной хронике? Рассказал бы, существуя хоть малейшая надежда, что после этого мистер Шривер даст вам работу продавщицы или уборщицы в одном из своих многочисленных магазинов. Но в лучшем случае он приставит к вам трех гувернанток и двух телохранителей. Уж лучше собственноручно надавать вам пощечин.

— Я уже и так достаточно наказана. Это было так страшно, когда волна потянула меня на дно... Я ведь совершенно не умею плавать.

— Именно это обстоятельство окончательно подтвердило мои подозрения, что это вы, а не Эвелин Роджер...

— Значит, не Джонни предал меня? — не очень логично спросила Гвендолин.

— Вы про Джона Краунена?

— Ну да. Когда он не вернулся, я подумала было, что его арестовали. Все время боялась, как бы он не проговорился.

— И, несмотря на это, продолжали свою пещерно-гангстерскую эпопею? — Мун даже немного удивился. — Ну и характер у вас! Видать, одна лишь профессия богатой наследницы помешала вам избрать другую.

— По крайней мере, более честную, — Гвендолин упрямо тряхнула головой. Уже наполовину покосившаяся башня-прическа окончательно рухнула, рассыпавшись по плечам целым потоком длинных, краше-ных, но, в отличие от Куколки, собственных волос. — Вам что-нибудь известно о Джонни? Скажите мне правду! — умоляющим голосом прошептала Гвендолин. Эти резкие переходы от строптивой вспыльчиво-

сти к вымаливающему подарок ребенку были для нее типичны.

— Скажу, но сперва ответьте мне на один вопрос. Где дневник Рола?

— Понятия не имею.

— Вы когда-нибудь читали его записи?

— Раз или два, после этого Рол стал его прятать.

— Надо ли это понимать так, что он доверял дневнику секреты, в которые не хотел вас посвящать?

— Да, он записывал решительно все происшествия и мысли.

— Любопытно. Дневник исчез. Среди присланных вашему отцу вещей Рола его не оказалось.

— Если кто-то и взял, то только не я... Что с Джонни?

— Погиб. При исполнении столь хитроумно задуманного вами трюка со сброшенным в ущелье «кадиллаком», который должен был придать больше веса выдумке, будто вам угрожают смертью. В последний момент не сработал тормоз. Машина увлекла его с собой в пропасть.

— О Джонни! Джонни! — Гвендолин разразилась глухими рыданиями. — Это сам бог наказал меня!

— Напрасно вы его так оплакиваете. После получения миллиона песет вы бы услышали от него вместо клятв в вечной любви требование куда более крупной суммы. Он бы, в свою очередь, шантажировал вас пожизненно. А безмерно богатый Джошуа Шривер с радостью платил бы снова и снова, лишь бы скрыть преступные похождения своей дочери, которые могли весьма существенно повредить его деловой репутации.

— Вы не знаете Джонни. Он не такой! — Гвендолин успокоилась с такой же быстротой, как минуту назад ударилась в слезы.

— Не такой? Ваш Джонни один из самых опытных негодяев Рода Гаэтано.

— Рода Гаэтано! О! Этого я не знала, — Гвендолин беспомощно всхлипнула. — Мне он только говорил, что занимается нелегальной торговлей наркотиками...

— Да, того самого Гаэтано, что даже в столь любезном вам мире преступников прославился своим умением превращать трупы в деньги. Так что, если

вас по-прежнему привлекает эта романтика, счастливого пути!

Он уже дошел до соединительной двери, когда Гвендолин его окликнула:

— Мистер Мун! Не уходите, пожалуйста! Мне страшно! Как в ту минуту, когда волна чуть не утопила меня... Может быть, для меня действительно единственное лекарство — работать продавщицей?

— Ваш отец не допустит, — Мун пожал плечами.

— Он даже воспротивился, когда мой старший брат захотел стать гражданским летчиком. Пришлось Тому поступать в стратегическую авиацию — это, мол, почетное занятие. Том летал на бомбардировщике. Погиб в воздушной катастрофе... В смерти моего брата виноват отец... — как бы про себя произнесла Гвендолин. — Горькая фраза для пятнадцатилетнего юнца. Я прочла ее в дневнике Рола, после этого он и припрятал его от меня. Кстати, сейчас вспомнила! Я как-то подметила, что он засовывает тетрадь в сиденье кресла.

— Кресла? Какого?

— Его любимого, темно-красного... Подождите, только сейчас до меня дошло. Вы ведь как будто сказали, что отцу прислали вещи Рола. Разве он не уехал вместе с мамой? Что же вы молчите? С ними что-нибудь случилось?

Ответить Мун не успел. Он считал слишком большой жестокостью обрушить этот последний удар на и так потерявшую под собой последнюю опору девушку, но сейчас ничего другого не оставалось.

— Они... — начал он, но замолчал, услышав звук вставленного в замочную скважину ключа.

— Это пришел за мной майор Мэлбрич. — В шепоте Гвендолин чувствовалась ненависть. — Он забрал ключ, чтобы я не удрала.

Мун быстро потушил свет и спрятался за штору.

— Мисс Гвендолин! — тихо позвал майор Мэлбрич. — Пора лететь в Малагу. Журналисты уже ждут вас. Мы приготовили вам отдельную палату в американской больнице. Сделайте вид, что вы слишком слабы, чтобы отвечать на вопросы, ответы я беру на себя... И зарубите себе на носу: если вы проболтаетесь, мы ознакомим представителей прессы с ва-

шей уголовной деятельностью. Так что в ваших же интересах молчать.

Мун, выступив из-за занавески, быстро зажег торшер.

— Ну уж мне вы ничем не заткнете рот. Может быть, вы, мастер секретов, откроете наконец истину, которую утаили, чтобы заставить мисс Гвендолин сыграть свою роль? Скажите же ей, что ее мать и брат отправились в вашем присутствии вовсе не домой, а на тот свет. И заодно расскажите, почему вы уверяли падре Антонио, что они уже скончались, когда оба были еще живы? Не потому ли, что во время предсмертного причащения таинств он мог узнать от Шриверов тайну их гибели?

Майор Мэлбрич, то ли потрясенный самым фактом внезапного появления Муна, то ли этим шквалом каверзных вопросов, словно потерял дар речи. За него говорило лишь лицо, вмиг сменившее свою окраску кирпичного загара на темно-багровую. Молчала и Гвендолин. Она вся тряслась, в ее еще не просохших от слез глазах появилось полубезумное выражение.

— И не связана ли эта тайна с настойчивостью, с которой вы стремились исключить из района поисков остров Блаженного уединения? — этот последний вопрос Муна выскочил у него как-то подсознательно, под влиянием туманной интуиции.

Майор сделал резкое движение, его кирпичное лицо стало почти черным. Но это длилось лишь мгновение. Выброшенная рывком рука спокойно поправила пояс, майор медленно поднял ее и пригладил пробор.

— Вы шутник, мистер Мун, — сказал он с усмешкой. — А это еще опаснее, чем быть философом.

И только теперь Гвендолин, бросившись плашмя на кровать, разразилась истошным криком.

— Вызовите врача! — сказал Мун. — А намечавшуюся пресс-конференцию в Малаге придется отложить. До того, как вы найдете другую дублершу — на сей раз на роль Гвендолин Шривер.

СВИДЕТЕЛИ

Коридор отеля напоминал склад мебели. Все, что было перевезено в замок для достойного оформления дипломатического завтрака и торжественного банкета в честь освобождения Панотароса от радиоактивной опасности, вернулось сюда. Дон Бенитес, тяжело дыша, впихивал в бывшую комнату Гвендолин внушительный диван.

— Где вещи, которые брал маркиз из моего номера? — на ходу бросил Мун.

— Уже поставили обратно. Извините, что вторгся к вам без разрешения, сеньор Мун.

Мун кинулся в свою комнату. Все было на месте. Картина с бородатым шарманщиком, которому суждено было замещать в течение суток герцога Вильяэрмосу, аккуратно висела на стене. Ваза стояла на столе, пепельница на тумбочке, кресло, как всегда, возле окна. Но оно было вовсе не красным, а небесно-голубым.

— Сколько в гостинице таких кресел? — выбежав в коридор, спросил Мун. В своем возбуждении он забыл сказать про цвет.

— Штук двести, — не понял его портье.

— Темно-красных!

— Одно-единственное. На вашем миссис Шривер прожгла сигаретой обивку, вот и пришлось сменить на скорую руку другим.

Мун окинул взглядом коридор. Кресла громоздились друг на друга. Но ни одно красное пятно не вторгалось диссонансом в сплошную голубую рапсодию.

— Ваше красное кресло, сеньор Мун, по-моему, осталось в замке, — к счастью, вспомнил дон Бенитес.

Когда Мун добрался до замка, было уже темно. Ворота зияли, как темный провал. Погруженный в темноту парк шелестел сухой прошлогодней листвой. Давно потухли лампы у входа в Черную пещеру. Кто-то сорвал пестрые плакаты с наспех сколоченного забора. Ничем не украшенный, во всей неприглядной наготе, он высился над ямой, где маркиз нашел осколки и вместе с ними лучевую болезнь. Темный силуэт замка виднелся на фоне ночного неба. Светились только окна библиотеки. Мун перешел висячий мост. Его встретила гулкая тишина. Подчиняясь мгновенному побуждению, он прежде всего зашел в комнату Дейли. Красного кресла здесь не было. Неужели он не найдет дневник? Неужели кто-нибудь добрался до него и уничтожил, чтобы записи Рола не выдали тайну смерти Шриверов? Билля Ритчи Мун нашел в освещенной библиотеке. Тот сидел на диване, служившем маркизу постелью, повернувшись к окну, в котором горели редкие огни Панотароса. Он казался погруженным в свои горестные мысли. Но, только подойдя ближе, Мун понял, что старый актер спит. Даже во сне его не оставляло выражение беспрестанной заботы за завтрашний день, не суливший ему ничего, кроме бесплодных воспоминаний о былом экранном величии. Разбуженный шагами, он поднял на Муна испуганные глаза:

— Кто это?.. Ах это вы, мистер Мун? Какое счастье, что вы пришли! Мне приснился такой сон, что после этого радуешься первому живому человеку...

— Я тоже видел сон, — хмуро сказал Мун. — Будто вас допрашивал начальник полиции.

— Это правда, — Билль совсем сник. — Полковник спрашивал меня про встречу с доктором. Грозил аннулировать въездную визу. А ведь это мой един-

ственный шанс выжить. Доллар равняется здесь шестидесяти песетам. Стенли Хьюз подписал со мной тогда второпях контракт, а когда понял, что я уже не тот, выплатил небольшую отступную сумму.

— И вы сказали...

— Нет, все равно не сказал. Но тогда он при мне принялся бить Педро, знаете, этого бедного мальчонку, у которого ни дома, ни родителей, Педро тоже молчал... Тогда полковник сказал, что если один из нас не заговорит, он изобьет мальчика до смерти... И тогда я не выдержал... Не бойтесь, мистер Мун!.. Когда вы послали меня в Мадрид вместо себя, я так вжился в роль детектива, что даже на допросе соблюдал конспирацию. Я почти ничего не раскрыл полковнику. Сказал, что в Малаге расстался с доктором, а где он теперь, не знаю.

Никогда еще старый актер не был так беспомощно жалок, как в этот момент, когда он с видимой гордостью пытался убедить Муна, что вполне справился с доверенной ему значительной ролью, которая в действительности обрекала его на ампула простого статиста.

— Ладно, Билль. Ваша наивная конспиративность едва ли обманет полковника, но то, что вы заговорили ради Педро, снимает с вас вину. — Мун дружески похлопал его по плечу. — Вы не видели стоявшее в моей комнате красное кресло? Дон Бенитес предполагает, что оно осталось в замке.

Больше всего Муну хотелось немедленно предпринять что-нибудь для освобождения Педро. Но битва решалась здесь, в замке. Если полковнику не хватит ума, чтобы самостоятельно найти правильную дорогу, то ему придет на помощь изворотливый аналитический талант генерала Дэблдея. До прихода полиции надо во что бы то ни стало найти дневник Рола.

— Красное кресло? — с удивлением переспросил Билль Ритчи.

— Да, темно-красное.

— Но сюда привезли только серые кресла, я это прекрасно помню. Одно темно-серое осталось тут. В нем сидел маркиз перед тем, как его увезли.

Они пришли в зал, совершенно пустой зал. В нем не было больше ни гостей, ни гобеленов, ни мебели, за

исключением огромного стола и двух полусбломанных деревянных сидений. И среди этой безнадежной нищеты и страшной пустоты стояло набитое мягким поролном, облицованное дорогой темно-красной материей, комфортабельное гостиничное кресло.

— Подождите! — Мун начинал что-то понимать. — Билль, посмотрите на кресло. Оно черное?

— Конечно! Темно-серое, почти черное.

— Теперь я понимаю, почему вы, в противоположность маркизу, утверждали, будто у Краунена вовсе не карие, а серые глаза. По вашей вине я чуть не принял маркиза за его сообщника... Вам никто не говорил, что вы дальтоник? Дальтоник со специфической инверсией цвета.

— Неужели? То-то мне в последнее время все кажется серым или черным, — зашептал старый актер упавшим голосом, но тут же приободрился: — Только не думайте, зрение у меня великолепное.

Мун уже не слушал его. Он засунул руку под обивку, нащупал что-то твердое, через секунду переплетенная зеленой кожей тетрадь уже покоилась в его кармане.

А еще через секунду снизу докатились похожие на пушечные выстрелы, звуки. Это по старинным каменным плитам замка прогрехотали кованые сапоги гражданских гвардейцев.

Мун, покинув Билля Ритчи в полном недоумении, выбежал им навстречу.

— В чем дело? — спросил он, намереваясь ничего не значащим разговором выиграть как можно больше времени.

— У меня есть ордер на обыск. А в случае, если мы найдем в этой нежилой части замка скрывающееся от правосудия лицо, также ордер на его арест. Вы ничего не имеете против? — полковник Бароха-и-Пинос спросил это с вежливой ухмылкой, одновременно профессиональным взглядом осматривая кованую железную дверь, заржавевший засов и тяжелый навесной замок. — Ага, так я и думал, — он пустил луч фонаря в замочное отверстие. — Недавно пользовались. Попользуемся и мы. — Полковник вынул из кармана связку отмычек. Уже третья подошла к сравнительно примитивному замку. Хорошо смазанная дверь распах-

нулась без скрипа. — Ясно, здесь кто-то живет, — удовлетворенно констатировал полковник. — Пахнет сигаретами, — шагнув через порог, он принялся. — Где тут выключатель?

Они увидели мрачное, лишенное мебели помещение. Одна-единственная тусклая, покрытая паутиной лампочка. Но ее мерцания было достаточно, чтобы разглядеть на полу многочисленные следы.

— Где вы, Мун? — раздался в эту минуту голос Дейли.

— Здесь! — отозвался Мун. — Вы один?

— Нет!

— Проводите нашего гостя сюда. Уверен, что вам, господин полковник, беседа с ним доставит огромное удовольствие. А еще больше — вашим подчиненным. Светую вам отослать их.

Полковник, уже собиравшийся открыть следующую дверь анфилады нежилых комнат, резко обернулся. И тут увидел сперва Дейли, потом продавца лотерейных билетов из Пуэнте Алчерезилло. Глаза Бароха-и-Пиноса забегали по комнате, словно в поисках лазейки. Но, осознав, что такая не найдется, начальник полиции срывающимся голосом отослал гражданских гвардейцев.

— Что ж, приступим к беседе. А поскольку мне не хочется лишиться из-за незнания испанского языка удовольствия, которое получите вы, придется попросить переводчика.

Мун постучал во вторую дверь. Она сразу же распахнулась, открыв взгляду прибранную комнату с раскладушкой, стульями и столом, на котором рядом с горкой уже прочитанных лежала распахнутая книга. Оттуда к ним вышел еще один человек. У вошедшего были нервные движения и очень усталый голос. Черты оставшегося вне полосы света лица трудно было разглядеть. Полковник, словно пряча какие-то мысли, тоже инстинктивно отступил в темноту. Теперь прямо под лампочкой, полностью освещенный ее скудным светом, стоял лишь продавец лотерейных билетов. Электрические лучи преломлялись в его черных очках.

— Взгляните на полковника, — предложил ему Мун. — Это тот самый полицейский офицер, который

приезжал восемнадцатого марта в Пуэнте Алчере-зилло?

— Да.

— Чего он хотел от вас?.. Не бойтесь, с этого часа полковник Бароха-и-Пинос не будет больше начальником ни в Панотаросе, ни в ином месте. Говорите, он предлагал вам деньги? За что?

— Да, господин полковник дал мне деньги. За это я должен был сообщить полиции, что парикмахер Себастьян Новатуро регулярно слушает передачи подпольной радиостанции «Пиренея»...

— И вы сделали это?

— Господин полковник пригрозил в противном случае арестовать меня самого за продажу билетов без полицейского разрешения.

— Он лжет! — начальник полиции стукнул себя кулаком в грудь. — Клянусь всеми святыми. Разве вы не видите, что он слепой? Как он мог меня узнать?

— Именно на это вы рассчитывали, полковник, на то, что слепой не сумеет вас опознать, — усмехнулся Дейли. — Но слепцом в конце концов оказались вы сами.

— Я слепой только когда продаю лотерейные билеты, — продавец, усмехаясь, снял черные очки. — В остальное время у меня прекрасное зрение. Например, вы, господин полковник, сейчас побежали в сторону двери!

Дейли на полсекунды упредил начальника полиции. Увидев направленный на него револьвер, полковник остановился.

— Спасибо. — Мун выпроводил продавца билетов. — Идите и не тревожьтесь. Полковник в собственных интересах никому не расскажет об этой содержательной беседе. — Потом, закрыв за ним двери, позвонил Дейли: — Спрячьте свою указку в карман. Господин полковник достаточно воспитан, чтобы выслушать меня до конца... Итак, предыстория вашего визита в Пуэнте Алчерезилло. Парикмахер Себастьян Новатуро — единственный свидетель барселонской перестрелки, во время которой Краунен — Гонзалес ранил одного из детективов Интерпола. Узнав приехавшего в Пуэнте Алчерезилло Краунена, парикмахер немед-

ленно позвонил в малагскую полицию. Напомню, что это было восемнадцатого марта, за день до вашего перевода в Панотарос, полковник. На том конце случайно оказались вы. Вы тогда еще не подозревали, что оказанная вашему старому другу по Барселоне услуга бесцельна — Краунен к тому времени был уже мертв... А теперь очередь за нашим вторым свидетелем.

Человек с усталым лицом и нервными движениями, выполнявший до сих пор функции переводчика, шагнул в круг света. Полковник невольно отступил на несколько шагов.

— Между прочим, у полковника в кармане ордер на арест. Что же вы не предъявляете его, полковник? Не узнаете? Может быть, познакомить вас?

— Мы с полковником знакомы уже много лет. Я доктор Энкарно, местный врач, — голос был глухим от волнения.

— Назовите свое настоящее имя, — попросил Дейли.

— Энрико Валистер.

— Вы работали ординатором в барселонской больнице Святого Исцеления, куда был доставлен тяжело раненный детектив Интерпола Луи Ориньон?

— Да. Надежд на спасение не было никаких... Боли были невыносимые, из человеколюбия я впрыснул ему сильную дозу опиума... Меня обвинили в преднамеренном убийстве: в нашей католической стране считается, что врач не имеет права облегчить предсмертные муки больного... — Доктор Валистер так переживал эту несправедливость, что только через минуту смог продолжать: — Мне удалось бежать в Америку, оттуда я вернулся через несколько лет с чужим паспортом. Я поселился в маленьком Панотаросе, где надеялся остаться неузнанным, по той же причине ни разу не выезжал даже в Малагу.

— Расскажите о заболевании Шриверов.

— Сначала я был убежден, что они отравились колбасой. Потом некоторые симптомы поколебали мою уверенность. Я обратился к генералу Дэблдею с просьбой перевести их в американскую военную медчасть, где были куда более опытные врачи. Вечером меня вызвали в полицейский комиссариат. Полковник Ба-

роха-и-Пинос узнал меня. Он пригрозил выдать меня суду, если я не подпишу свидетельство о смерти с первоначальным диагнозом...

— Он дал вам деньги? — спросил Мун.

— Да, крупную сумму, — доктор Валистер дрожащей рукой вытер мокрое от пота лицо. — За это я обещался уехать из Панотароса. Когда Билль Ритчи рассказал мне в Мадриде, что тут происходит, я, несмотря на грозившее мне возобновление старого судебного дела, счел своим долгом вернуться.

— Кто-нибудь присутствовал при этом разговоре? — уже примерно зная ответ, спросил Мун.

— Адъютант генерала — майор Мэлбрич.

Продолжение разговора состоялось в библиотеке. Муну и Дейли пришлось довести совершенно обессиленного полковника до дивана. Грузно откинувшись, он захрипел:

— Из вас вышел бы отличный тореро, мистер Мун! — потом, обедев потухшим взглядом собранные на многочисленных стеллажах произведения детективной литературы, мрачно покачал головой: — Вот и расплата за непростительнейший промах!

— Какой из ваших многочисленных промахов вы имеете в виду? — сухо осведомился Мун.

— Самый главный то, что вас вообще впустили в Панотарос. Надо было инсценировать несчастный случай, как предлагал майор Мэлбрич. Но генерал Дэблдей слишком влюблен в свой талант ловкача, чтобы отказаться от лишней возможности продемонстрировать свое искусство. Много оно ему помогло!.. Во всяком случае моего ареста он не допустит. Слишком много мне известно о его проклятых трюках.

— Вот и напишите откровенно, какие приказы получали от генерала относительно дымовой завесы в деле Шриверов, какие ложные доказательства фабриковали по распоряжению майора Мэлбрича...

— Хорошо! — полковник сказал это даже с некоторым оттенком злорадства. — А дальше?

— Во-первых, вы немедленно освободите Педро! Во-вторых, направьте в малагскую полицию распоряжение выпустить из тюрьмы парикмахера Себастьяна Новатуро, объяснив, что он арестован на основании ложного обвинения. В-третьих, вы в подробном заяв-

лении расскажете, как совместно с майором Мэлбричем шантажировали Энкарно. Кроме вас, кто-нибудь знает, что он в действительности доктор Валистер?

— Только майор и генерал.

— Ну, после такого заявления они сочтут более разумным не знать этого... Разумеется, все эти документы на официальном бланке, с печатью полицейского комиссариата. Чтобы вы ничего не спутали, Дейли проводит вас... в качестве ангела хранителя.

— Согласен. А потом? — спина полковника постепенно отрывалась от служившего опорой подоконника. — Вы не будете препятствовать моему отъезду?

— Препятствовать? — Мун пожал плечами. — Пусть вами занимается правосудие! В конце концов я приехал в Панотарос только из-за дела Шриверов, а поскольку вы к их смерти не имеете прямого отношения...

— Вы великодушный человек! — встав с дивана, полковник с облегчением вытер рукавом проступившие на мясистом лице и тучной шее росинки пота. — Я всегда говорил, что американцы — великая нация. Один мистер Хемингуэй чего стоит! Какой гуманизм!

— Да, кстати о Хемингуэе, — вспомнил Мун. — Вы мне рекомендовали обязательно посетить в Мадриде его любимый бар Чикоте. Так вот, он не только пил там испанские вина, но и писал фронтовые корреспонденции, где таких, как вы, называл грязным нарывом на теле героической Испании.

— Будь вы в моей власти... За такое оскорбление... — полковник чуть не задохнулся от ярости. — Ну тогда я вам скажу, что действительно думаю об американцах!.. Вы нация бессовестных торгашей! — полковник с трудом отдышался. — Вот теперь мы квиты!

Бывший начальник панотаросской полиции с молчаливой ненавистью плюнул, вытер обшлагом рот и неуверенной тяжелой поступью только что нокаутированного человека двинулся к двери. А следом шагал Дейли. Казалось, конвоир ведет пойманного с поличным преступника.

СВЕТАЩИЙСЯ СКЕЛЕТ

Рол Шривер использовал свой дневник не только для личных записей, но и в качестве учебной тетради для уроков испанского языка, который изучал под руководством Педро. Вперемежку с испанскими словами и фразами шли ежедневные наблюдения и мысли, типичные для пятнадцатилетнего мальчика. Судя по ним, привольная жизнь в Панотаросе, особенно в первый период, пока сюда не наехали туристы, нравилась Ролу куда больше, чем пребывание в Нью-Йорке. Единственным светлым пятном того времени Ролу, как ни странно, представлялась предпринятая Родом Гаэтано неудавшаяся попытка похищения. Зато последующая неделя до отъезда в Панотарос, когда дюжина детективов сопровождала его в школу, на прогулки, даже во время спортивных игр, именовалась Ролом не иначе как тюрьмой.

Большую часть дневника занимали перипетии поисков клада в Черной пещере. Они чем-то напоминали записи средневекового алхимика; пытающегося превратить свинец в золото, с той разницей, что для Рола сами поиски были куда интереснее ожидаемого результата.

Мун торопливо перелистывал страницы. Чтобы прогнать усталость, естественную после чрезмерного напряжения последних часов, Мун закурил сигару. Внезапно он весь напрягся. Наконец-то важная запись! «Сегодня мы с мамой ныряли недалеко от острова Блаженного уединения. Нашли полуразрушенный подземный ход. Это доказывает, что Черная пещера когда-то сообщалась с островом». Через неделю Рол записал следующее: «Сегодня я, кажется, понял, в чем дело. Педро объяснил мне на уроке, что по-испански одно и то же слово «негро» означает одновременно «черный» и «негритянский». Вот почему все ошибались. Надо достать большую веревку». «Педро молодец, — гласила следующая запись, — раздобыл очень дешево крепкую капроновую веревку у какого-то рыбака. Длина примерно восемьсот ярдов. Мама думает, что вполне хватит». И вот Мун прочел последнюю, датированную девятнадцатым марта страницу. Она содержала только несколько фраз: «Сегодня видели светящийся скелет. Ура! Через несколько часов пришлось вернуться. Мама почувствовала себя плохо и вызвала врача. Меня тоже тошнит — должно быть, съел слишком много миндального торта. Не дай бог, если доктор найдет у меня температуру и уложит в кровать! Сейчас, когда мы так близко от цели, это было бы чертовски обидно...» — на этом дневник кончился.

В ту секунду, когда Мун дочитал последнее слово, в нем как бы сработал выключатель. Исчезла реальная обстановка, ее место заняла комната Куколки. Перед ним с отчетливой ясностью предстал майор Мэлбрич, его реакция на вопрос Муна, почему он так настойчиво старался исключить остров Блаженного уединения из района поисков. Тогда майор с почерневшим лицом резко потянулся рукой к поясу... Сейчас Мун точно вспомнил это движение. Прежде чем поправить ремень, пальцы майора скользнули к кобуре. Против его воли, бессознательно, отвечая самой властной в этот миг потребности — убить!

Муна охватили разом два совершенно противоположных чувства. Нервное возбуждение, вызванное боязнью опоздать. И ледяное спокойствие, какое возникает в самые решительные минуты.

Пляж был еще влажен после дождя, кое-где блестящие высыхающие лужи. По морю перекачивалась легкая зыбь. Вдали, на горизонте, безлюдной темной точкой высился остров Блаженного уединения.

На этот раз баркас раскачивался в нескольких шагах от берега. Завидев бегущего к нему Муна, Камило подошел почти вплотную. Мун кинул рыбаку чемодан и, не тратя времени на раздевание, бросился в воду. Промокший до нитки, ухватился за протянутую руку и всем телом шлепнулся на подрагивающий в такт мотору настил. Баркас, словно отпущенный невидимым тросом, стрельнул, развернулся носом вперед и, оставляя за собой клокочущую пену, понесся прочь от быстро удаляющегося берега.

Спустя минуту Мун посмотрел в сторону плоской песчаной полосы, но увидел в сгущающейся темноте только верхушки слившихся с пляжем пальм.

— Быстрее! — крикнул он, измеряя взглядом расстояние до острова.

На этот раз рыбак не оказался глухим. Мотор взревел, суденышко, подставляя тупой нос под встающую веером, разрезанную пополам волну, рванулось вперед под учащенный стук двигателя.

— Вы высаживались на остров вместе со Шриверами? — Муну пришлось кричать.

— Когда? Я плохо слышу!

— Девятнадцатого марта!

— Откуда вы знаете, что я в этот день повез Шриверов на остров?

— Неважно. Мне все известно, даже по какой причине вы заверяли всех, будто ездили с ними в Коста-Азуру. Из-за вашей сказки мне четыре дня пришлось проблуждать в темноте... Меня можете не бояться... Про вашу рацию я никому не скажу. Маркиз и дон Бенитес в отличие от вас знали, что могут мне доверять... Так что высаживались сами в тот день или нет?

— Только подвез Шриверов, — после небольшой паузы охотно ответил рыбак. Очевидно, поразмыслил, что притворяться глухим больше не к чему. Ведь приказ дожидаться Муна и выполнять все его распоряжения получен от дона Бенитеса. — А к полудню опять заехал за ними. На обратной дороге их уже тошнило, особенно сеньору Шривер... Вы думаете, это свя-

зано с островом?! На самом острове я уже давненько не бывал, с того самого дня, когда видел в ведерке Краунена дохлых крабов...

Остров Блаженного уединения вырос внезапно — скалистым уступом, над которым громоздились скалы повыше.

— Где вход в Негритянскую пещеру? — крикнул Мун, выпрыгивая на берег.

— На той стороне. Увидите за кустарником черную горловину с высеченным в камне крестом. — Камило кинул ему чемодан, одновременно отталкиваясь багром. — Через полчаса заеду за вами.

— Если не вернусь, сообщите немедленно профессору Старку! — закричал Мун вслед стремительно удаляющемуся пенному вихрю, за которым едва угадывалась лодка.

Цепляясь за кусты, Мун вскарабкался на утес. Весь остров был как на ладони. Землетрясения, о которых рассказывал маркиз, угадывались единственно по хаотическому рельефу местности. Но за это время густая буйная растительность успела заполнить все трещины, закупорить плотной зеленой пробкой малейшую расщелину. Лишь в одном месте виднелся вздыбленный известняк, подброшенный кверху, как при падении снаряда. Почему-то эти пепельно-белые куски породы вперемежку с дерном и поваленным остролистником, сползшие в полузасыпанную воронку, ассоциировались со свежим проколом в банке. С воздуха, особенно с порядочной высоты, они должны были казаться таким же случайным результатом игры стихийных сил, как и весь остальной остров.

С трудом разыскав еле видный в вечернем свете крест, Мун заполз за кустарник и очутился перед совершенно темным, постепенно расширяющимся отверстием. Полминуты промедлил перед входом, словно вбирая в себя про запас воздух, потом нырнул в затхлую темноту.

Зажег фонарь, пристроил его на камне и при этом призрачном освещении напаялил на себя непривычные доспеки. Проверя респиратор, сделал несколько глубоких вдохов и почувствовал, что задыхается. Задыхается от плотной пещерной тьмы, пробитой лишь в одном месте узким лучом фонаря. Мун зацепил авто-

ручку-индикатор за пояс и, взяв в негнувшиеся руки пистолет и фонарь, двинулся вперед — страшный зверь термоядерного века, от которого бежали бы в паническом испуге страшилища палеозоя. Желтоватый кружок концентрированного света блуждал по каменным, кое-где поросшим буроватым лишайником стенам. Мун понятия не имел, как и куда идти. У него была одна смутная надежда — на веревку, которую Педро помог приобрести Ролу. Если Шриверы, уходя, не смотрели ее, она должна вывести его к цели. Если же нет, придется отступить — слишком много тут боковых ходов, которые в одинаковой мере могли оказаться и тупиками, и бездонными капканами.

Пройдя около пятидесяти шагов, он с чувством облегчения увидел вбитый в скальную породу крюк и прикрепленную к нему тонкую нить из капрона. Он зажал ее под мышкой — обе руки были заняты — и, следуя за ее извилинами, углубился в узкий коридор. Своды были низкие, от этого дышать, казалось, еще труднее, чем в действительности. Шаги отдавались в этих словно сжимающих каменных тисках свинцовой дробью. Путеводная нить исчезла за поворотом. Мун остановился, чтобы перевести дыхание, и услышал какой-то отдаленный невнятный шум, то ли бормотание, то ли стук падающих со свода капель, то ли приглушенные расстоянием шаги. Он пошел дальше, свернул за угол и оказался в большой пещере, перегороженной на отдельные секции известняковыми образованиями. И тут он впервые отчетливо услышал глухие шаги. Мун мгновенно потушил фонарь и спрятался за выступ. Нащупав спиной какое-то углубление, вжался в него всем телом и замер, стараясь не дышать.

Шаги тоже затихли.

Мун, рискнув снова включить фонарь, шагнул вперед. Маленький желтый кружок заскользил по шероховатой скалистой стене. Сейчас сыщик уже не был уверен, что кто-то настороженно наблюдает за ним из другого конца пещеры. Возможно, то, что он слышит, только эхо его собственных шагов или drobный стук падавших со свода капель. Путеводная нить сделала поворот, Мун свернул вместе с ней. Здесь стаккато просочившейся сквозь камень воды стало еще громче. И одновременно к нему присоединился другой громкий

звук. Счетчик Гейгера, уже некоторое время издававший тревожное жужжание, защелкал быстро, отрывисто, как будто предупреждая: дальше ни шагу! Мун поднял голову. Впереди была полная темнота, и где-то там, но с такой пронзительной реальностью, словно до него рукой подать, светился скелет со страшным оскаленным черепом и пустыми глазницами.

То, что было дальше, помнилось Муну как в бреду. Он непроизвольно сделал несколько шагов по направлению к скелету, увидел за следующим поворотом желтый круг фонаря, более мощного, чем его собственный, и черную тень, огромную, бесформенную, не уместившуюся на многофутовой стене, заползшую своей уродливой вершиной на свод пещеры. Он с трудом осознал, откуда взялась эта тень. Под мерцающим скелетом зиял глубокий колодец, через него была переброшена доска, а на ней спиной к Муну балансировал человек в антирадиационном костюме. На шее острожно пробиравшегося по доске человека висел армейский автомат.

До сих пор шум воды заглушал продвижение Муна. Правда, его мог выдать карманный фонарь. Полупарализованный увиденным, находясь в каком-то полубезытии, Мун не потушил его, не взвел предохранитель пистолета, не спрятался за выступ. Просто шел как лунатик вперед. Его спас попавшийся на пути сталагмит. Споткнувшись о него, Мун потерял равновесие и с глухим шумом упал. В тот же миг шагавший через доску человек обернулся и выпустил в сторону Муна автоматную очередь. Срезанный пулями известняк с треском посыпался на Муна, зашуршал по плексигласовому оконцу, на короткое мгновение лишив кругозора. Когда Мун снова обрел зрение, он увидел затянутую в брезент бесформенную руку, отчаянно цеплявшуюся за перекладину. Потом рука разжалась, и с цепенящим кровью воплем, становившимся все глуше по мере того, как он падал, человек полетел в шахту. Крик еще только замер в глубине колодца, а Мун уже понял, что произошло. При быстром повороте корпуса на сто восемьдесят градусов стрелявший не успел принять устойчивое положение на доске — отдача автомата рванула его вниз.

Еще меньше Мун помнил, как он выбрался из пе-

щеры. Вечерняя темь показалась ему после пещерного мрака чуть не солнечным сиянием.

Увидев бросившегося к нему из баркаса дона Камило, он крикнул через респиратор:

— Ради бога, не подходите! Это смерть! Известите генерала Дэблдея! Пусть пришлет саперов с полной антирадиационной защитой и веревочными лестницами. Надо поднять из колодца труп! — Только после этого Мун вспомнил: — Нет! Есть дело поважнее! Сначала включите свою рацию! Немедленно!.. Даже в том случае, если вас могут засечь... Ради этого стоит рисковать... Надо спешить... Это известие всколыхнет весь мир!.. Сейчас уже никто не сумеет замолчать Панотарос, даже те, кто хотел бы... Радируйте следующее...

А потом Мун наконец ознакомился со стоявшим в укромном уголке военного лагеря без опознавательных знаков и окон, окрашенным в невинный цвет молочка автобусом, который недаром уже при первой встрече внушил ему подсознательный страх. Внутри автобус был обит двойным слоем свинца, за простенком пульсировала антирадиационная жидкость, и, пока ее бившие из сотен отверстий молочные струи смывали с защитного костюма все следы радиоактивной пыли и жестких гамма-лучей, Мун видел перед своими слепыми от белого тумана глазами то светящийся скелет, то огромную черную тень.

Потом в тот же автобус впихнули поднятого из колодца мертвеца. Его антирадиационный костюм совершенно не пострадал при падении. Только плексигласовое окошко на шлеме покрылось мельчайшими трещинами, не позволявшими разглядеть скрытое за ними лицо.

А затем настала почти такая же напряженная минута, как утром, когда автогены освободили Краунена от державшего его в металлических тисках искореженного кузова. Только на этот раз Мун знал, кого увидит. По мере того как специальные саперные ножницы разрезали толстую неподатливую ткань, взгляду открылось окровавленное, исковерканное лицо и продавленная черепная коробка. Но даже смерть не смогла искривить скрепленный бриолином безукоризненно прямой пробор майора Мэлбрича.

КРАХ ГЕНЕРАЛА ДЭБЛДЕЯ

— Итак, восемнадцатого марта Рол Шривер случайно догадался, что граф Санчо Кастиельмаре спрятал свой клад вовсе не в Черной, а в Негритянской пещере. Утром девятнадцатого марта он с матерью отправился туда. Заметьте, генерал, сразу после воздушной катастрофы! Вместо того чтобы задуматься, что было бы с ними, упали бомбардировщик, а вместе с ним и сто пятьдесят тысяч литров пылающего бензина на отель «Голливуд», они бежали от ужасов действительности в романтику кладоискательства. Увидев упомянутый в завещании огненный скелет, они возликовали — сокровище где-то рядом. Но затем им стало плохо, пришлось срочно возвращаться. Шриверам и в голову не приходило, что вместо сокровищ они нашли в пещере свою смерть. Выложенный из кварца указательный знак давным-давно бездействовал — с тех пор, как землетрясение засыпало щели, сквозь которые проникали вызывавшие свечение разреженные солнечные лучи. Атомная бомба, даже если не взрывается, а только пробивает свод и рассыпается тихо и мирно, как идилический одуванчик, посылает жесткие гамма-лучи. Под их воздействием скелет после многих веков снова ожил.

Точно так же замерцал покрытый кварцевой пылью нагрудный знак майора Мэлбрича, когда он приблизился к осколкам, якобы найденным маркизом недалеко от Черной пещеры. Такой же индикатор радиоактивности красуется у вас, генерал, на груди — невинный квадрат с надписью «Бригадный генерал Дэблдей». То, что вы продолжали его носить, означало, что в Панотаросе все еще бродит невидимая смерть. Вы надували мир, а майор Мэлбрич, в свою очередь, надул вас. Он отлично знал, что маркиз принес осколки с другого места — с восточного склона, куда упала первая расколовшаяся бомба. Проводимые им поиски в Черной пещере имели одну только цель — отвлечь внимание от Негритянской пещеры. Шриверы, понимая, что им все равно умирать от радиации, сообщили ему о своей находке. Вот почему он не допустил к ним падре Антонио — боялся, что и тот выведаёт от них тайну светящегося скелета. В иных обстоятельствах он скорее всего не торопился бы. Вернулся бы за кладом попозже под видом туриста, проводящего в Панотаросе праздный отпуск. Возможно, вторая бомба так и осталась бы лежать, распространяя вокруг себя лучи смерти. Но одна моя фраза заставила его предположить, что я почти раскрыл его личный секрет. Поэтому майор Мэлбрич был вынужден, пренебрегая осмотрительностью, действовать без промедления... Вот и все, генерал! Надеюсь, моя история показалась вам достаточно интересной.

Оба они сидели в комфортабельном номере генерала Дэблдея. Между ними на поблескивающей зеркальной поверхности стояли стаканы с виски, в которых заманчиво мерцали льдинки. Казалось, это мирная беседа, а вовсе не разбор шахматной партии, где вместо фигур — ядерные бомбы и трупы.

— Даже не верится! — генерал с трудом вырвался из похожего на каталептическое состояние оцепенения. — Полковник... ладно, будем его по-прежнему называть майором Мэлбричем... Один из самых испытанных людей нашей секретной службы... Ему доверяли даже больше, чем мне... И он... обманул... провёл, как последнего остолопа... И кого? Меня! Меня! — генерал залпом выпил свой стакан и тут же налил себе новую порцию.

Мун покачал головой.

— Он соблюдал те же правила игры, что и вы. Вы точно с таким же цинизмом обманывали не только жителей Панотароса, которые лишь благодаря исключительно счастливому случаю не стали жертвой вашего бесчеловечного маскарада, не только весь мир, но и мистера Шривера, с которым вас связывают личные отношения.

— Не думайте, что я делал это с легким сердцем. — В голосе генерала было так много человеческого, что могло даже показаться — стекла его пенсне подернуты изнутри влажным туманом. — Вы должны знать, что Джошуа Шривер — один из моих ближайших друзей. Своим постом в «Эмерикен электроникс», своим влиянием и даже генеральскими погонами я обязан ему.

— Так это вы в порядке дружеской услуги скрывали от него истину, нагромождая для этого целую гору обмана, грязи и подлости? Под угрозой тюрьмы заставляли дочь своего друга принимать участие в постыдном, отвратительном карнавале?

— Бывают случаи, когда интересы государства берут верх над дружескими чувствами, — генерал изрек это как символ веры.

— Это вы блистательно доказали. Америка должна вам поставить пожизненный памятник с надписью «Великому иллюзионисту». Но вы старались в основном для себя самого, для своей карьеры! Вы прекрасно сознавали, что страшная смерть Шриверов не уместится в двух-трех набранных петитом строчках, которыми отделались бы, окажись жертвой облучения маленький безвестный человек. А тут мировая пресса и прежде всего, сама Америка затрубили бы: «Светящийся скелет приносит гибель семье миллионера Шривера!», «Обаятельная жена короля универсальных магазинов умирает от лучевой болезни!», «Радиоактивная драма в Панотаросе!» Этого вы боялись, генерал! Трудно придумать худшую рекламу для дела, которому вы служите, и, главное, для вас лично, которому доверена высочайшая в нашей стране миссия — скрывать истину!

— Все это примерно так, мистер Мун, — на лице генерала сквозь мертвенную бледность проступил румянец. Дэблдей постепенно сгибался под ударами, но

когда уже почти совсем вдавливалось в землю, какая-то упругая пружина возвращала его в первоначальное положение. — Но вы не совсем справедливы. Видите во мне только бездушный механизм для охраны секретов и производства лжи... То, что я вам говорил о дружеской услуге, истинная правда. Фирма «Эмерикен электроникс», которую я возглавлял до перехода в контрразведку, принадлежит Джошуа Шриверу! А это предприятие, к вашему сведению, производит точное электронное оборудование для бомбардировщиков Б-52, а также детали урановых бомб! Так что реклама, которую вы так красочно описали, повредила бы ему куда больше, чем мне.

— И все-таки не думаю, что Джошуа Шривер обрадуется, когда я расскажу ему, какими кощунственными способами вы проявляли свою заботу о его интересах.

— Посмотрим! — генерал Дэблдей улыбнулся. — Я знаю своего друга лучше вас. Джошуа Шривер жесткий человек, он понимает, что в таком деле, как наше, неизбежны роковые случайности. К тому же у вас не будет возможности поговорить с ним раньше меня. Сейчас, когда уже нет смысла скрывать, мой прямой долг самому подготовить его к трагическому известию. Я сделаю это так, что он простит мне мои грехи. Но самое главное, я намного опережу вас. Вот за это и выпьем, дорогой мистер Мун! — генерал поднял свой стакан.

— Пользуясь вашим прямым проводом? — усмехнулся Мун. — Тем самым, по которому вы заказали фальшивую телеграмму о кремации!

— Хотя бы так. Главное, что Джошуа поймет и простит. Даже если мне из-за майора Мэлбрича, вернее, из-за второй рассекреченной бомбы, придется расстаться с генеральскими погонами и высоким постом...

— Считайте, что с него вы уже ушли!

— ...то я при помощи Джошуа Шривера пересеяду обратно в кресло президента «Эмерикен электроникс», — не дал себя прервать генерал.

— Боюсь, что ваш старый друг Шривер на этот раз скорее предложит ваше старое президентское кресло дону Бенитесу, чем вам. Он уже все знает.

— Это наглая ложь! — генерал вскочил. — Чудес не бывает! С той минуты, как этот рыбак передал мне вашу просьбу прислать на остров саперов, всякая связь Панотароса с внешним миром прервана!

— И все же это правда. У меня в отличие от вас нет прямого провода с Вашингтоном. Но я воспользовался рацией, передачи которой вы готовы были приписать охотящейся за вашими секретными устройствами иностранной державе. В действительности она снабжала информацией о панотаросских событиях радиостанцию антифашистов «Пиренею», которую в Стокгольме по моему совету круглые сутки прослушивает Свен Крагер. Так что можете себе представить, что сейчас происходит в мире. Вы, должно быть, давненько не слушали радио. Если не возражаете, восполним этот пробел!

Мун включил транзистор:

«Сегодня на улицы испанских городов вышли тысячи людей. Известие о лучевой болезни маркиза Альфонсо Кастельмаре, прямого потомка герцога Вильяэрмосы, вызвало волну всеобщего возмущения. В Мадриде, на центральной площади Пуэрто-дел-Сол, состоялась демонстрация протеста, в которой приняли участие многие известные деятели искусства и представители церкви...»

— Вы полагали, что маркиз рисковал жизнью ради вашей нищенской компенсации, — Мун даже с некоторым сочувствием посмотрел на побледневшего генерала. — Нет, он знал, что делал, когда переносил осколки. Знал, что в отличие от нас, испытывающих уважение к деньгам, и только к деньгам, для многих испанцев представитель самого старинного рода Испании нечто большее, чем только отживший символ. Он нарочно вызвал огонь на себя! Дай бог побольше таких донкихотов! — Мун хотел еще что-то сказать, но не успел. Его заставил умолкнуть голос радиодиктора:

«Сразу же после получения сенсационного известия о радиоактивной трагедии в семье мультимиллионера Шривера корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Вильтону удалось проследить последний путь Уны Шривер и Рола Шривера до секретного специального госпиталя военного ведомства, затерянного в песках

Невадской пустыни. Как только стало известно об их смерти, президент послал Джошуа Шриверу телеграмму со словами искреннего соболезнования. Мистер Шривер мужественно переносит тяжелую утрату...»

— Ну, вот видите, что я вам сказал? — генерал потянулся за стаканом. — Железо, а не человек! Так что просто придется сменить костюм... Позавчера штатский, вчера генерал, сегодня опять штатский... Мой принцип: когда новый костюм приходит в негодность, я надеваю прежний... Вот в чем секрет моего оптимизма! А впрочем, разница небольшая: «Эмерикен электроникс» поставляет контрразведке электронные мозги, а контрразведка предприятию Шривера — президентов. Теперь можно, пожалуй, спокойно выключить. — Он привстал, чтобы дотянуться до клавиш приемника, но Мун вовремя схватил его за руку. И тогда они услышали вместо ровного баритона с безупречной дикцией по-настоящему взволнованный человеческий голос:

«Не отходите от приемников! Минуту назад нам передали по телефону новое трагическое известие! Десять минут назад в особняк Джошуа Шривера, что на Пятом авеню, доставили урны, которые согласно сопроводительному письму содержали прах его родных, якобы умерших в Панотаросе в результате отравления недоброкачественными колбасными консервами «Экстра». Джошуа Шривер велел внести их в свой кабинет на пятом этаже, после чего отослал слуг. Первым услышала выстрел горничная мисс Энн Бакстер. Когда она вбежала в комнату, Джошуа Шривер уже лежал мертвый рядом с урнами. Все его огромное состояние переходит сейчас к его единственной наследнице Гвендолин Шривер, о судьбе которой по-прежнему ничего не известно...»

Генерал Дэблдей со стаканом в руке рухнул в кресло. Стакан на полпути ударился о зеркальную поверхность столика и рассыпался на сверкающие стеклышки. Минут пять генерал сидел неподвижно, не замечая упавших ему на колени осколков. Потом стряхнул их бешеным движением и подскочил к белому телефону, соединявшему отель «Голливуд» напрямую с кабинетом начальника американской контрразведки.

— Если разговор секретный, то могу выйти, — с усмешкой предложил Мун.

Генерал Дэблдей не реагировал. Он снял трубку, назвал свою фамилию и чин, попросил соединить, долго ждал, еще дольше слушал, почти не прерывая собеседника. Наконец, с треском бросив трубку, повернулся к Муну.

— Ну, мистер Мун, шахматная партия закончена! Ровно через две минуты из Вашингтона вылетает самолет, на борту которого находится мой преемник!.. Вот теперь, и только теперь, можно сказать, что вы действительно выиграли! Между прочим, — он хитро прищурился, — вы ведь тоже допустили одну фактическую ошибку.

— Какую?

— В то время как вы расследовали смерть Шриверов, они были еще живы. От радиации умирают сразу только в зоне взрыва. А так это длительная процедура. По старой дружбе сообщу вам еще одну секретную информацию. Рол умер позавчера, а миссис Шривер только вчера утром. Недаром говорят, что женщины живучи, как кошки! — и генерал Дэблдей разразился истерическим хохотом.

В эту минуту он казался Муну величайшим в мире фокусником, распилившим на своем веку бесчисленное количество людей, которых он иногда опять склеивал, а чаще всего — нет. И вот сейчас, когда он по ошибке распилил самого себя без малейшей надежды заново склеить, этот великий мастер иллюзии последним судорожным движением еще вытаскивает из пустого рукава дюжину бенгальских огней, чтоб зажечь их перед изумленными взорами уже похоронивших его зрителей.

ЭПИЛОГ

Маркиз лежал на белой, как первый снег, больничной койке, окруженный никелированным блеском бесчисленных медицинских аппаратов, среди которых Муну был знаком лишь один — для переливания крови. То, что можно было беседовать через плексигласовую прозрачную стену при помощи переговорного устройства, было маленьким чудом. Оно объяснялось тем, что маркиз Кастьельмаре объявил, что лучше подойдет в родном Панотаросе, чем даст себя перевести в тот самый идеально оборудованный, идеально засекреченный госпиталь, где скончались Шриверы. Но главную роль здесь играли заботы и врачебное искусство профессора Старка.

— Умереть не умру, — маркиз говорил глухо. — Остальное неважно. К жителям Хиросимы прибавится один испанец. Таким образом, я кладу начало интернациональному братству облученных, продолжающих жить, чтобы люди помнили о погибших... Профессор говорил что-то насчет клада...

— Да! Вот он! — Мун показал маркизу небольшую шкатулку из великолепной дамаскской стали. — Разумеется, ваше фамильное сокровище прошло дезактивацию, так что вручаю его вам без опасений. — Мун

раскрыл ящичек. В нем, аккуратно разложенные по ячейкам, находились весьма странные предметы. К каждому было приложено краткое объяснение на старокастильском языке. — Текст мне уже перевели, так что могу вас ознакомить с инвентарем драгоценностей, которым, по убеждению графа Санчо, завидовал бы даже король Кастилии... Вот это коренной зуб святого Симеона Столпника... Это чудодейственный волос святой Амагельды... Это главная жемчужина — кусок власяницы Иисуса Христа... Читать дальше? — Мун рассмеялся, впервые за долгое время от души. Затем добавил: — Если подумать, что ради этого потеряли жизнь Шриверы, ради этого майор Мэлбрич был готов на любое преступление! Какой трагикомический парадокс!

— Не смейтесь, дорогой Мун, это еще и сейчас целое богатство. Брат нашего падре Антонио по ордену «Дело господне» его преподобие министр финансов скупает такие реликвии за умопомрачительные деньги. Рассказывают, что у него богатейшая коллекция костей святого Иеронима — на целого динозавра хватило бы. Так что можете меня поздравить — я теперь богач. Могу себе позволить бросить свой замок и снять в Мадриде приличную меблированную комнату. Может быть, даже подыщу целых две — для себя и дочери. Вдвоем все же жигь дешевле... Обязательно навещайте, когда опять приедете в Испанию... Хотя можете не спешить... Дайте нам время сначала избавиться от его превосходительства генералиссимуса Франко.

Когда Мун уходил из медпункта, в ворота лагеря въехала сверкающая черным лаком огромная машина с серебристой антенной и радиооператорами на переднем сиденье. Ее охраняли солдаты американской военной полиции. Автомобиль ничем не отличался от машины генерала Дэблдея, но номерной знак был другой, а сидевший в ней генерал носил вместо интеллигентного пенсне черные дымчатые очки. Сейчас, когда, по мнению Пентагона, уже нечего было скрывать, грубый энергичный вояка был полезнее изощренного дипломата-иллюзиониста.

А час спустя на пустынной центральной площади остановился голубой автобус Малага — Панотарос. Он приехал совершенно пустой, но зато брал в обратный

рейс целых пять пассажиров: Муна и Дейли; дон Бенитеса с женой, переселявшихся к дочери в Мадрид; Педро, которого они собирались усыновить.

— Где она живет? — спросил дон Бенитеса провожавший их Билль Ритчи.

— В Мадриде.

— О, в самой столице! — отозвался водитель автобуса. — Вам повезло, дон Бенитес! Что до меня, то я там ни разу в жизни не бывал.

— В столичной чаболас, — усмехнулся дон Бенитес, потом, как бы вспомнив свои бывшие обязанности, объяснил американцам: — По-нашему ваши американские бидонвили называются «чаболас». Звучит, по крайней мере, романтично, не правда ли? И соседство у моей дочки романтичное — трущоба, где она живет, находится совсем рядышком с Большой ареной. Но это все-таки лучше, чем оставаться в Панотаросе. Тем более что отель закрыт. — Дон Бенитес грустно поклонился наглухо заколоченным стеклянным дверям гостиницы «Голливуд».

— Вам тоже следовало бы уехать, сеньор Ритчи, — участливо сказал Педро, потирая не без затаенной гордости уже наполовину зажившие кровоподтеки и синяки. — При вашем больном сердце вам нельзя здесь оставаться. Почему бы вам не возвратиться к себе домой, в Штаты?

— Куда я там денусь? Тут, по крайней мере, один доллар равняется шестидесяти песетам, — старый актер прошептал себе в утешение спасительную фразу, за которой он все это время прятался от всех невзгод. — И, кроме того... — он помедлил, грустно подыскивал в уме еще какое-нибудь оптимистическое оправдание тому, что остается, но в конце концов сдался: — Кроме того, все равно скоро помирать! А в Панотаросе... — внезапно в слезящихся глазах появилась детская вера в чудо, а в голосе — бодрая интонация: — Слушайте, мне пришла идея. Может быть, я в Панотаросе еще сыграю свою коронную роль! Современный фильм ужасов! С привидениями! Никаких расходов на декорации — о таком съемочном павильоне, как замок Кастельмаре, можно только мечтать!.. Кто-нибудь из голливудских продюсеров обязательно клонет! А если нет, предложу Бергману! С сегодняшнего дня начну ре-

петировать... Смотрите! — Билль Ритчи сдернул с себя сшитый из мешковины плащ, на котором красовалась надпись «Имущество армии Соединенных Штатов». Завернулся в него и принялся декламировать. Эхо разносило глухой голос во все концы площади, возвращая его обратно в виде затухающего шепота.

— Я призрак графа Санчо Кастельмаре! Умирая на далекой и горькой чужбине, я завещал перенести свой прах в Панотарос, поближе к спасенным от диких африканских полчищ священным реликвиям. Десять веков я покоился с миром в земле своих отцов и дедов, пока не явились вы и не потревожили мой вечный сон зловещим щелканьем счетчиков Гейгера...

Голубой автобус уже отъехал, а Билль Ритчи — комическая маска трагического актера — все еще читал обезлюдевшему поселку свой монолог Призрака.

Потом его заслонила плотная завеса пламени и дыма. За восточным склоном вставали черные клубы, желтые языки остервенело вылизывали голубое небо Панотароса. Это по приказанию преемника генерала Дэблдея жгли дома, на крышах которых были обнаружены радиоактивные осадки.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ 3

Часть вторая

СВЕТАЩИЙСЯ СКЕЛЕТ 245

Имерманис Анатолий Адольфович

ПРИЗРАКИ ОТЕЛЯ «ГОЛЛИВУД». Приключенческий
роман. М., «Молодая гвардия», 1971.
368 с., с илл.

122

Редактор *А. Строев*

Оформление художников *А. Колли и И. Чуракова*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Г. Прохорова*

Корректоры *Г. Василева, Н. Павлова*

Сдано в набор 24/III 1971 г. Подписано к печати
22/VII 1971 г. А01247. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2.
Печ. л. 11,5 (усл. 19,32). Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 100 000 экз.
Цена 72 коп. Т. П. 1971 г., № 208. Заказ 603.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ. «Молодая гвар-
дия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

72 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ